
Чарлз
Диккенс

ЧАРЛЬЗ ДИККЕНС

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ТРИДЦАТИ ТОМАХ

Под общей редакцией

А. А. АНИКСТА, В. В. ИВАШЕВОЙ,

ЕВГЕНИЯ ЛАННА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1958

ЧАРЛЬЗ ДИККЕНС

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ПЯТЫЙ

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ НИКОЛАСА НИКЛЬБИ

Роман
(Главы I—XXXI)

Перевод с английского
А. В. КРИВЦОВОЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1958

CHARLES DICKENS

THE LIFE AND ADVENTURES OF NICHOLAS NICKLEBY

Ch. I—XXXI

1838—1839

Иллюстрации

«ФИЗА» (Х. Н. БРАУНА)

Четвертое, пересмотренное издание перевода

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Эта повесть была начата через несколько месяцев после выхода отдельным изданием «Записок Пиквикского клуба». Тогда было очень много дешевых йоркширских школ. Теперь их очень мало.

Частные школы долгое время являлись знаменательным примером того, сколь чудовищно пренебрегают в Англии воспитанием и как небрежно относится к воспитанию государство,— к выращиванию добрых или плохих граждан, несчастных или счастливых людей. Любой человек, доказавший свою непригодность к какой-либо другой профессии, имел право без экзамена и без проверки знаний открыть школу в любом месте, тогда как к врачу предъявлялись требования пройти необходимую подготовку, чтобы оказывать помощь ребенку при появлении на свет или способствовать уходу его из этого мира; подобные требования предъявлялись к аптекарю, к адвокату, к мяснику, булочнику, свечному мастеру — к представителям всех профессий и ремесел, за исключением школьных учителей, а школьные учителя, как правило, были болванами и мошенниками, которые, натурально, должны были множиться и процветать при таких об-

стоятельствах, причем йоркширские учителя занимали самую низшую и самую гнилую перекладину лестницы. Люди, промышлявшие скупостью, равнодушием или тупостью родителей и беспомощностью детей, люди невежественные, корыстные, жестокие, которым вряд ли хоть один рассудительный человек поручил бы уход за лошадью или собакой,— эти люди послужили достойным краеугольным камнем сооружения, которое при всей существующей нелепице и великолепном высокомерном laissez-aller [1] вряд ли имело себе подобное в мире.

Нам приходится слышать о судебных исках, предъявляемых к какому-нибудь несведущему врачу, который искалечил сломанную руку или ногу, когда пытался вылечить ее. Но что можно сказать о сотнях тысяч душ, навеки искалеченных бездарными пройдохами, которые притязали на их воспитание?

Я упоминаю о породе йоркширских учителей в прошедшем времени. Они еще не окончательно исчезли, но с каждым днем их становится все меньше и меньше. Небу известно, что нам предстоит немало поработать в области воспитания, но за последние годы были достигнуты большие успехи и предоставлены средства для усовершенствования в этой области.

Сейчас я не могу припомнить, каким образом дошли до меня слухи об йоркширских школах в ту пору, когда я был довольно болезненным ребенком, проводил время в уединенных уголках близ Рочестерского за́мка и голова у меня была забита Партриджем, Стрэпом, Томом Пайпсом * и Санчо Пансой. Но я помню, что именно в то время составилось первое мое представление о них и что оно было как-то связано с гноящимся нарывом, с которым вернулся домой какой-то мальчик, потому что его

---

[1] Равнодушии *(франц.)*.

йоркширский наставник, философ и друг вскрыл нарыв перочинным ножом, запачканным чернилами. Как бы ни создалось это представление, оно не покидало меня никогда. Я иногда интересовался йоркширскими школами, впоследствии много раз получал о них новые сведения и, наконец, приобретя читателей, решил написать о них.

С этим намерением, прежде чем начать эту книгу, я поехал в Йоркшир, в очень суровую зимнюю пору, которая довольно точно здесь описана. Так как я хотел повидать двух-трех школьных учителей, а меня предупредили, что они, по скромности своей, могут испугаться визита автора «Записок Пиквикского клуба», я посоветовался с одним приятелем *, у которого были знакомые в Йоркшире, и с его помощью пошел на обман с благою целью. Он дал мне несколько рекомендательных писем, но не на мое имя, а на имя одного из моих дорожных спутников. В них упоминалось о некоем несуществующем мальчике, оставшемся у матери-вдовы, которая не знает, что с ним делать. Бедная леди, воззвав к запоздалому состраданию родни, решила послать его в йоркширскую школу. Я — друг бедной леди, путешествую в этих краях, и если адресат может сообщить мне сведения о какой-либо школе в окрестностях, пишущий эти строки будет ему весьма признателен...

Я побывал в различных местах этой части страны, где по сведениям, мною полученным, было множество школ, но ни разу мне не представлялся случай передать письмо, пока я не приехал в один город, которого я не назову. Того, кому оно было адресовано, не оказалось дома, но вечером, в снегопад, он пришел в гостиницу, где я остановился. Мы пообедали, и долгих уговоров не потребовалось, чтобы он сел в теплый уголок у камина и отведал вина, стоявшего на столе.

Боюсь, что его уже нет в живых. Помню, это был веселый, румяный, широколицый человек; помню, что мы с ним быстро сошлись и беседовали о всевозможных предметах, но только не о школе — этой темы он старательно избегал. «Есть здесь поблизости большая школа?» — спросил я его, возвращаясь к письму. «Да,— сказал он,— школа есть довольно большая».— «И хорошая?» — осведомился я. «Ну, как сказать! — ответил он.— Не хуже всякой другой. Как на чей вкус». И стал смотреть на огонь, обводить глазами комнату и потихоньку насвистывать. Когда я вернулся к теме, которую мы обсуждали раньше, он сразу оживился, но сколько я ни пытался, мне так и не удалось поговорить о школе: даже если он перед этим хохотал, я замечал, что лицо у него мгновенно вытягивалось и ему становилось не по себе. После того как мы очень мило провели часа два вместе, он вдруг схватился за шляпу, перегнулся через стол и, глядя мне прямо в лицо, тихо сказал: «Послушайте, мистер, мы с вами хорошо побеседовали, и теперь я вам скажу, что у меня на уме. Пусть эта вдова не отдает своего мальчика нашим школьным учителям, пока еще есть в Лондоне лошадь, за которой нужно присмотреть, и канава, где можно лечь и выспаться. Я не хочу злословить о моих соседях и говорю вам по секрету. Но будь я проклят, если мне удастся заснуть, не предупредив через вас эту вдову, чтобы она не отдавала мальчика таким негодяям, пока есть в Лондоне лошадь, за которой нужно присмотреть, и канава, где можно выспаться!» Повторив эти слова с большой энергией и с такой торжественностью, что его веселая физиономия показалась вдвое шире, чем раньше, он пожал мне руку и удалился. Больше я его не видел, но иногда мне кажется, что в лице Джона Брауди я дал его туманный образ.

Что касается этих школьных учителей, я хотел бы

привести несколько слов из первого предисловия * к этой книге:

«Автора весьма позабавил и доставил ему удовлетворение тот факт, что не один йоркширский школьный учитель притязает быть прототипом мистера Сквирса, о чем уведомили автора его друзья в провинции и всевозможные нелепые заметки в провинциальных газетах. У автора есть основания полагать, что один достойный джентльмен советовался с людьми, сведущими в юриспруденции, имеется ли у него основание возбудить дело о клевете. Другой джентльмен подумывал предпринять поездку в Лондон с единственной целью поймать клеветника и нанести ему оскорбление действием. Третий прекрасно помнит, что в январе прошлого года к нему явились с визитом два джентльмена, из коих один завязал с ним разговор, в то время как другой писал его портрет; и хотя у мистера Сквирса только один глаз, а у него два и появившийся в печати набросок не имеет ни малейшего сходства с ним (кто бы он там ни был), тем не менее сей джентльмен и все его друзья и соседи сразу признали, что это он,— столь велико сходство между ним и персонажем этого романа.

Хотя автор отнюдь не может оставаться нечувствительным к великой хвале, таким путем до него дошедшей, однако он осмеливается намекнуть, что причина распрей такова: мистер Сквирс является представителем своего сословия, а не отдельным индивидом. Там, где плутни, невежество, животная алчность являются основным свойством маленькой группы людей и один из них изображен с этими характерными чертами, все его ближние признают, что кое-что свойственно им самим, и у каждого мелькнет опасение, не с него ли писан портрет.

Цель автора — привлечь внимание общества к системе воспитания — была бы отнюдь не достигнута, если

бы он не заявил сейчас энергически, что мистер Сквирс и его школа являются лишь слабым отражением существующего порядка, умышленно смягченного в книге и затушеванного, чтобы он не показался невероятным. Имеются отчеты о судебных процессах, в которых истцы требовали возмещения убытков как жалкого вознаграждения за длительные пытки и калечение детей, отданных в руки школьному учителю в здешних местах,— отчеты, содержащие подробное описание гнусного обращения, жестокостей и болезней, которое ни один романист не посмел бы измыслить. И, с тех пор как автор приступил к «Приключениям Николаса Никльби», он получил от людей, стоящих вне подозрения и заслуживающих полного доверия, сведения о жестоком обращении с заброшенными или отвергнутыми детьми, в котором повинны были школы и которое превосходило все изложенное на этих страницах».

Вот все, что я хотел сказать по этому вопросу. Но в случае необходимости я решил перепечатать из старых газет кое-какие данные судебных протоколов.

Еще одна цитата из первого протокола сообщает о факте, который может заинтересовать моих читателей:

«Если обратиться к теме более приятной, то надлежит сказать, что два героя этой книги списаны с натуры. Не мешает отметить, что так называемое общество, весьма доверчиво относящееся ко всему, что претендует называться действительностью, чрезвычайно недоверчиво относится к тому, что именуется вымыслом; и хотя в повседневной жизни общество признает за одним человеком отсутствие всяких пороков, а за другими — отсутствие всяких добродетелей, оно редко допускает появление в романе человека с резко выраженными качествами, хорошими или плохими, остающегося притом правдоподобным. Но читатели, интересующиеся этой повестью, рады

будут узнать, что братья Чирибл в самом деле живут на свете и их милосердие, их чистосердечие, их благородная натура и безграничное доброжелательство не являются плодом фантазии автора, но повседневно (и большей частью втайне) содействуют тому, чтобы люди совершали благородные и великодушные поступки в этом городе, гордостью и украшением которого служат братья».

Если бы я попытался подвести итог тысячам писем от всевозможных людей, живущих во всевозможных широтах,— а письма посыпались на меня после этого злополучного сообщения,— я бы погряз в арифметических вычислениях, из которых нелегко было бы выбраться. Достаточно будет сказать, что ходатайства о займах, пособиях и теплых местечках, которые предлагалось мне передать прототипам братьев Чирибл (с ними я за всю свою жизнь не обменялся ни единым словом), истощили бы запас должностей, находящихся в распоряжении всех лорд-канцлеров со времени восшествия на престол Брауншвейгского дома и разорили бы Английский банк.

Братьев нет теперь в живых.

Только по одному пункту хотелось бы мне кое-что добавить. Если Николас не всегда бывает безупречен или симпатичен, то он и не всегда должен казаться таковым. Это молодой человек, наделенный бурным темпераментом и весьма неопытный или даже вовсе не опытный, и я не вижу оснований, почему этого героя нужно возносить превыше человеческой природы.

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ НИКОЛАСА НИКЛЬБИ

ГЛАВА I

служит введением ко всем остальным

Жил некогда в уединенном уголке графства Девоншир некий мистер Годфри Никльби, достойный джентльмен, который довольно поздно задумал вступить в брак и, не будучи достаточно молод или богат, чтобы домогаться руки богатой леди, женился исключительно по любви на предмете давнишней своей привязанности, а эта особа вышла за него замуж по той же причине. Точно так же двое людей, которые не могут позволить себе играть в карты на деньги, садятся иной раз за мирную партию ради удовольствия.

Иные ворчуны, подтрунивающие над супружеской жизнью, быть может, заметят, что славную чету следовало бы сравнить с двумя боксерами, которые, когда дело идет плохо и никто их не подзадоривает, рыцарственно принимаются за работу ради одного удовольствия подраться, и в одном отношении это сравнение действительно применимо, ибо, подобно тому как отважная пара с Файвс-Корт * со шляпой обходит зрителей и полагается на их щедрость в расчете получить средства, необходимые для хорошей пирушки, так точно по истечении медового месяца мистер Годфри Никльби и его партнерша озабоченно выглянули в мир, надеясь в значительной степени на счастливый случай для увеличения своих средств

к существованию. Доходы мистера Никльби в пору его женитьбы колебались между шестьюдесятью и восемьюдесятью фунтами per annum[1].

Небу известно, что на свете вполне достаточно людей, и даже в Лондоне (где проживал в те дни мистер Никльби) лишь немногие жалуются на малочисленность населения. Трудно поверить, как долго может человек высматривать и не находить в этой толпе лицо какого-нибудь друга, но тем не менее это правда. Мистер Никльби смотрел и высматривал, пока глаза у него не заболели, как и сердце, но ни один друг не явился; когда же, устав от поисков, обратил он взор на свой домашний очаг, очень мало нашел он там облегчения для утомленных глаз. Художник, слишком долго созерцавший яркую краску, дает отдых своим глазам, переводя их на более темные и тусклые тона; но все, что попадало в поле зрения мистера Никльби, отличалось столь черной и мрачной окраской, что в силу контраста ему доставило бы неописуемое успокоение видеть совсем иные цвета.

Наконец, через пять лет, когда миссис Никльби подарила своему супругу двух сыновей и этот обремененный заботами джентльмен, подавленный необходимостью как-либо обеспечить семью, всерьез обдумывал небольшую коммерческую спекуляцию, заключавшуюся в том, чтобы застраховать в следующий квартальный день * свою жизнь, а затем случайно свалиться с верхушки Монумента *, получено было однажды утром по почте письмо с черной каймой, извещавшее о том, что его дядя, мистер Ральф Никльби, скончался и оставил ему все свое маленькое состояние — пять тысяч фунтов стерлингов.

Поскольку усопший не обращал при жизни ни малейшего внимания на племянника, а только прислал старшему его сыну (названному при крещении Ральфом, из соображений, вызванных отчаянием) серебряную ложку в сафьяновом футляре, которая — ибо ею мало было что̀ есть — могла показаться как бы насмешкой над тем, что он родился без этой полезной серебряной вещицы во рту *, мистер Годфри Никльби сначала едва мог поверить

---

[1] В год *(лат.)*.

полученному известию. Однако при расследовании оно оказалось вполне точным. Симпатичный старый джентльмен намеревался, по-видимому, оставить все имущество Королевскому человеколюбивому обществу и даже составил завещание в таком духе, но за несколько месяцев до его смерти это учреждение имело несчастье спасти жизнь бедному родственнику Ральфа Никльби, которому он выдавал еженедельное пособие в три шиллинга шесть пенсов, и потому в припадке вполне естественного раздражения он отменил дар, сделав приписку к завещанию, и оставил все состояние мистеру Годфри Никльби; особо он упомянул о своем негодовании не только против общества, спасшего жизнь его бедному родственнику, но и против своего бедного родственника, позволившего себе быть спасенным.

Часть этих денег мистер Годфри Никльби истратил на покупку маленькой фермы близ Даулиша в Девоншире, куда и удалился с женой и двумя детьми, чтобы жить на самые высокие проценты, какие мог получить с оставшегося капитала, и на скромные доходы, какие мог извлечь из своей земли. Он так преуспел вместе с женой, что, умирая,— лет через пятнадцать после этих событий и лет через пять после смерти жены,— он оставил старшему сыну, Ральфу, три тысячи фунтов наличными, а младшему сыну, Николасу, одну тысячу и ферму, которая была самым маленьким поместьем, какое только можно себе представить.

Эти два брата воспитывались вместе в школе в Эксетере и, приезжая обычно раз в неделю домой, часто слышали из уст матери длинное повествование о страданиях их отца в дни бедности и о влиятельности их покойного родственника в дни его процветания. Рассказы эти произвели весьма несходное впечатление на двух братьев. В то время как младший, отличавшийся нравом робким и скромным, почерпнул из них один лишь совет сторониться большого света и не изменять мирным привычкам сельской жизни, Ральф, старший, извлек из часто повторяемой повести два великих нравоучения: что богатство является единственным истинным источником счастья и власти и что законно и справедливо домогаться обладания им всеми способами, за исключением преступных. «И если

деньги моего дяди никакого добра не принесли при его жизни,— рассуждал сам с собой Ральф,— зато великое добро принесли они после его смерти, раз их получил теперь мой отец и копит их для меня, что является весьма похвальным. В сущности, они принесли добро также и старому джентльмену, ибо он имел удовольствие думать о них всю жизнь и вдобавок стать предметом зависти и почитания всей родни». И Ральф неизменно заканчивал эти мысленные монологи выводом, что нет ничего равного деньгам.

Не довольствуясь теорией и не давая своим способностям прозябать без дела даже в таком юном возрасте, от чисто абстрактных размышлений этот многообещающий юнец перешел еще в школе к карьере ростовщика в ограниченном масштабе, пустив в оборот под хорошие проценты маленький капитал из грифелей и мраморных шариков * и постепенно развертывая свои операции, пока они не распространились на медную монету сего государства, которую он отдавал в рост с немалой для себя выгодой. Своих должников он не утруждал абстрактными вычислениями и ссылками на расчетные таблицы: его правило простых процентов, заключавшееся целиком в одной золотой сентенции: «Два пенса за каждое полпенни», чрезвычайно упрощало расчеты, усваивалось и запоминалось легче, чем любое из арифметических правил, и потому может быть рекомендовано вниманию капиталистов, как крупных, так и мелких, в особенности же вниманию биржевых маклеров и дисконтеров. Впрочем, нужно воздать должное этим джентльменам: и по сей день многие из них частенько применяют его с поразительным успехом.

Подобным же образом избежал юный Ральф Никльби всех тех мелких и запутанных подсчетов добавочных дней, какие каждый, кто занимался начислением простых процентов, находил неизменно весьма затруднительными,— избежал, установив единое общее правило: вся сумма целиком — основной капитал и проценты — должна быть уплачена в день выдачи карманных денег, иными словами — в субботу; и будет ли заем сделан в понедельник или в пятницу, процентное начисление остается одним и тем же в обоих случаях. Обнаруживая

великую рассудительность, он доказывал, что скорее следовало бы начислить больше за один, чем за пять, ибо в первом случае имеются веские основания заключить о крайне затруднительном положении должника, иначе он не стал бы занимать на столь невыгодных условиях. Этот факт примечателен потому, что он иллюстрирует тайную связь и симпатию, каковая всегда налицо между великими умами. Хотя мистер Ральф Никльби не ведал об этом в ту пору, но джентльмены вышеупомянутой категории руководствуются именно этим принципом при всех своих сделках.

Исходя из сказанного об этом юном джентльмене, а также из понятного восхищения, каким читатель незамедлительно к нему преисполнится, можно вывести заключение, что ему предстоит стать героем повествования, к которому мы сейчас приступаем. Чтобы раз навсегда с этим покончить, мы спешим вывести читателей из заблуждения и перейти к началу повествования.

После смерти отца Ральф Никльби, которого незадолго до того устроили на службу в торговую фирму в Лондоне, со страстью предался прежней погоне за деньгами, быстро увлекшей и поглотившей его до такой степени, что он на много лет совсем забыл о брате; если по временам воспоминание о былом товарище детских игр и прорывалось сквозь туман, в котором он жил,— ибо золото создает вокруг человека дымку, разрушающую все прежние его привязанности и убаюкивающую его чувства сильнее, чем угар,— воспоминание это влекло за собой опасение, что, будь они близки, брат попытался бы занять у него денег. И мистер Ральф Никльби пожимал плечами и говорил, что пусть лучше будет так, как оно есть.

Что касается до Николаса, то он жил холостяком на доход с унаследованного поместья, пока ему не надоело жить одному, а тогда он женился на дочери соседа-джентльмена, получив приданое в тысячу фунтов. Эта добрая леди родила ему двух детей, сына и дочь, и когда сыну было лет девятнадцать, а дочери, если мы не ошибаемся, четырнадцать — до нового парламентского закона точные сведения о возрасте молодых леди не сохра-

нялись ни в каких официальных списках сей страны,— мистер Никльби стал подумывать о способах пополнить свой капитал, жестоко пострадавший от увеличения семейства и расходов на воспитание.

— Спекулируй,— сказала миссис Никльби.

— Спе-ку-ли-ровать, моя дорогая? — сказал мистер Никльби как бы в сомнении.

— А почему бы нет? — спросила миссис Никльби.

— Потому, дорогая моя, что, если мы потеряем капитал,— ответил мистер Никльби, который имел обыкновение говорить медленно и раздумчиво,— если мы его потеряем, нам не на что будет жить, дорогая моя.

— Вздор! — сказала миссис Никльби.

— Я в этом не совсем уверен, моя дорогая,— сказал мистер Никльби.

— У нас есть Николас,— продолжала леди.— Он уже взрослый — пора становиться ему на ноги, да и у Кэт, бедной девочки, нет ни единого пенни. Подумай о твоем брате! Разве был бы он тем, чем стал, если бы не спекулировал?

— Это верно,— отозвался мистер Никльби.— Прекрасно, дорогая моя. Прекрасно! Я буду спекулировать, дорогая моя!

Спекуляция — круговая игра: в самом начале игроки почти или вовсе не видят своих карт, выигрыши могут быть велики, и таковыми же могут быть проигрыши. Счастье отвернулось от мистера Никльби. Возобладала страсть, мыльный пузырь лопнул, на виллах во Флоренции поселились четыре биржевых маклера, разорились четыреста человек, ничем не примечательных, в том числе мистер Никльби.

— Даже дом, в котором я живу, могут отнять у меня завтра,— вздыхал бедный джентльмен.— Ничего не останется из моей старой мебели, все будет продано чужим людям!

Это последнее соображение так сильно его огорчило, что он немедленно слег, по-видимому решив во всяком случае сохранить кровать.

— Побольше бодрости, сэр! — сказал лекарь.

— Не следует отчаиваться и падать духом, сэр,— сказала сиделка.

— Такие вещи случаются ежедневно,— заметил адвокат.

— И очень грешно восставать против них,— прошептал священник.

— И ни один семьянин не должен этого делать,— присовокупили соседи.

Мистер Никльби покачал головой и, жестом удалив их из комнаты, обнял жену и детей, прижал их по очереди к своему слабо бившемуся сердцу и, обессиленный, опустился на подушку. Они с тревогой убедились, что вслед за этим сознание его помутилось, так как он долго бормотал что-то о великодушии и доброте своего брата и о добром старом времени, когда они вместе учились в школе. Наконец, перестав бредить, он торжественно поручил их тому, кто никогда не покидает вдов и сирот, и, ласково им улыбнувшись, отвернулся и сказал, что, кажется, не прочь заснуть.

ГЛАВА II

О мистере Ральфе Никльби, о его конторе, о его предприятиях и о великой акционерной компании, имеющей огромное значение для всей нации

Мистер Ральф Никльби не был, строго говоря, тем, кого мы называем купцом, не был он также ни банкиром, ни ходатаем по делам, ни адвокатом *, ни нотариусом. Он, разумеется, не был торговцем и с еще меньшим правом мог называть себя джентльменом, имеющим профессию, ибо немыслимо было назвать какую бы то ни было получившую признание профессию, к которой бы он принадлежал. Но он жил на Гольдн-сквере, в просторном доме, имевшем, в добавление к медной табличке на парадной двери, другую медную табличку, в два с половиной раза меньше, на левом косяке, которая находилась над медным изображением младенческого кулака, сжимавшего обломок вертела, и где красовалось слово «контора», и из этого явствовало, что мистер Ральф Никльби

ведет или притворяется, будто ведет какие-то дела. И этот факт — если он требовал дальнейших обстоятельных доказательств — сугубо подтверждался ежедневным присутствием между половиной десятого и пятью часами желтолицего человека в порыжевшем коричневом костюме, сидевшего на необычайно твердом табурете в комнате, похожей на буфетную, и в ответ на звонок появлявшегося с пером за ухом.

Хотя вокруг Гольдн-сквера и живет кое-кто из представителей уважаемых профессий, Гольдн-сквер в сущности не лежит на пути никому, никуда и ниоткуда. Это одна из существовавших некогда площадей, район города, отнюдь не преуспевший и начавший сдавать квартиры. Многие вторые и третьи этажи сдаются с мебелью одиноким джентльменам, и здесь принимают также на пансион. Это излюбленное пристанище иностранцев. Смуглые люди, которые носят большие кольца, тяжелые цепочки от часов и густые бакенбарды и собираются у колоннады Оперы и у билетной кассы от четырех до пяти пополудни, когда выдаются контрамарки,— все они живут на Гольдн-сквере или на ближайших улицах. Две-три скрипки и духовые инструменты из оперного оркестра обитают по соседству. Дома-пансионы музыкальны, и звуки фортепьяно и арф плывут в вечернюю пору над головой унылой статуи — гения-хранителя маленькой заросли кустов в центре площади. В летнюю ночь окна открыты настежь, и прохожий может наблюдать группы смуглолицых усатых мужчин, развалившихся на подоконниках и с ожесточением курящих. Хриплые голоса, предающиеся вокальным упражнениям, вторгаются в вечернюю тишину, а дым отменного табака насыщает воздух ароматом. Здесь нюхательный табак и сигары, немецкие трубки и флейты, скрипки и виолончели делят между собою власть. Это страна песни и табачного дыма. Уличные оркестры усердствуют на Гольдн-сквере, и у бродячих певцов голос вибрирует помимо их воли, когда они поют на этой площади.

Казалось бы, это место мало приспособлено для деловых операций; однако мистер Ральф Никльби жил здесь много лет и никогда не жаловался. Никого из соседей он не знал, и его никто не знал, хотя он и слыл чудовищно

богатым. Торговцы утверждали, что он нечто вроде юриста, а другие соседи высказывали мнение, будто он какой-то агент; обе эти догадки столь же правильны и точны, сколь обычно бывают или должны быть догадки о делах наших ближних.

Однажды утром мистер Ральф Никльби сидел в своем кабинете уже одетый, чтобы выйти из дому. На нем был бутылочного цвета спенсер * поверх синего фрака, белый жилет, сероватые панталоны и натянутые на них веллингтоновские сапоги *. Уголок жабо с мелкими складками, словно настойчиво желая показать себя, пробивался между подбородком и верхней пуговицей спенсера, а это последнее одеяние было настолько коротко, что не скрывало длинной золотой цепочки от часов, которая состояла из ряда колец и брала начало у золотых часов с репетицией * в кармане мистера Никльби и заканчивалась двумя маленькими ключами: один был от самих часов, а другой — от какого-то патентованного висячего замка. Мистер Никльби посыпал голову пудрой, как бы желая придать себе благодушный вид; но, если такова была его цель, пожалуй следовало бы ему попудрить также и физиономию, ибо даже в морщинах его и в холодных беспокойных глазах было что-то, помимо его воли говорившее о лукавстве. Как бы там ни было, здесь сидел мистер Никльби, а так как он находился в полном одиночестве, то ни пудра, ни морщины, ни глаза ни на кого не производили в тот момент ни малейшего впечатления — ни хорошего, ни дурного, и, следовательно, сейчас нам нет до них дела.

Мистер Никльби закрыл счетную книгу, лежавшую у него на конторке, и, откинувшись на спинку стула, посмотрел с рассеянным видом в грязное окно. Позади некоторых лондонских домов встречается меланхолический маленький участок земли, обычно обнесенный четырьмя высокими выбеленными стенами, на который хмуро взирает ряд дымовых труб; здесь из года в год чахнет искривленное деревце, которое притворяется, будто хочет произвести на свет несколько листиков поздней осенью, когда другие деревья теряют свою листву, и, ослабев от усилий, прозябает, все потрескавшееся и прокопченное, вплоть до будущей осени, когда повторяет то же самое

и, если погода особенно благоприятствует, соблазняет даже какого-нибудь ревматического воробья почирикать в его ветвях. Иногда эти темные дворы называют «садами». Не следует предполагать, что когда-то их посадили: вернее, это участки невозделанной земли с чахлой растительностью, уцелевшей от бывшего здесь раньше поля при кирпичном заводе. Никому не приходит в голову заглянуть в это заброшенное место или извлечь из него какую-нибудь пользу. Несколько корзин, с полдюжины разбитых бутылок и тому подобный хлам выбрасывают сюда, когда въезжает новый жилец, но и только; и здесь этот хлам остается, пока жилец не выезжает; сырая солома гниет ровно столько времени, сколько считает нужным, рядом с убогим буксом, малорослыми, вечно бурыми растениями и разбитыми цветочными горшками, которые уныло валяются вокруг, покрываясь сажей и грязью.

Вот такое-то местечко и созерцал мистер Ральф Никльби, когда, заложив руки в карманы, сидел и смотрел в окно. Он устремил взгляд на искалеченную елку, посаженную каким-то бывшим жильцом в кадку, которая когда-то была зеленой, и уже давно обреченную на постепенное гниение. Не было ничего особенно привлекательного в этом предмете, но мистер Никльби был погружен в глубокую задумчивость и смотрел на него гораздо внимательнее, чем удостоил бы взирать на редчайшее экзотическое растение, если бы пребывал в менее сосредоточенном расположении духа. Наконец он перевел глаза на маленькое грязное окошко слева, в котором смутно виднелось лицо клерка. Так как этот достойный муж случайно поднял голову, он жестом приказал клерку явиться.

Повинуясь призыву, клерк слез с высокого табурета (которому он придал замечательный блеск, без конца влезая на него и снова слезая) и предстал перед мистером Никльби. Это был высокий пожилой человек с выпученными глазами, из коих один был неподвижен, с красным носом и с землистого цвета лицом, одетый в пару (если разрешается употреблять это выражение, хотя костюм был ему совсем не под пару), сильно поношенную, слишком короткую и узкую и столь скудно снабженную

пуговицами, что чудом казалось, как он ухитряется удерживать ее на себе.

— Сейчас половина первого, Ногс? — спросил мистер Никльби резким, скрипучим голосом.

— Всего только двадцать пять минут по...— Ногс хотел сказать «по трактирным часам», но, опомнившись, закончил: — ...по верному времени.

— У меня часы остановились,— сказал мистер Никльби,— не знаю почему.

— Не заведены,— сказал Ногс.

— Нет, заведены,— возразил мистер Никльби.

— Значит, перекручена пружина,— сказал Ногс.

— Вряд ли это может быть,— заметил мистер Никльби.

— Вряд ли,— сказал Ногс.

— Ладно,— сказал мистер Никльби, пряча в карман часы с репетицией.

Ногс как-то по-особому хрюкнул, что имел обыкновение делать по окончании всех споров со своим хозяином, тем самым давая понять, что он, Ногс, восторжествовал, и (так как он редко с кем говорил, если с ним кто-нибудь не заговаривал), погрузившись в мрачное молчание, начал медленно потирать руки, треща суставами и на все лады выкручивая пальцы. Это привычное занятие, которому он предавался при каждом удобном случае, и застывшее напряженное выражение, какое он сообщал здоровому глазу, чтобы установить единообразие между обоими глазами и лишить кого бы то ни было возможности определить, куда или на что он смотрит,— таковы были две из многочисленных странностей Ногса, с первого взгляда поражавшие неискушенного наблюдателя.

— Я иду сегодня в «Лондонскую таверну» *,— сказал мистер Никльби.

— Собрание? — осведомился Ногс.

Мистер Никльби кивнул головой.

— Я жду письма от поверенного * относительно закладной Редля. Если оно придет, его доставят сюда с двухчасовой почтой. К этому времени я уйду из Сити и пойду по левой стороне улицы к Чаринг-Кроссу. Если будут какие-нибудь письма, захватите их с собой и идите мне навстречу.

Ногс кивнул, и в этот момент в конторе зазвонил колокольчик. Хозяин оторвал взгляд от бумаг, а клерк не двинулся с места.

— Колокольчик,— сказал Ногс в виде пояснения.— Дома?

— Да.

— Для всех?

— Да.

— Для сборщика налогов?

— Нет! Пусть зайдет еще раз.

Ногс издал привычное хрюканье, как бы говоря: «Я так и знал!» — и, когда снова зазвонил колокольчик, пошел к двери и, вскоре вернувшись, ввел бледного, чрезвычайно торопившегося джентльмена, по имени мистер Бонни. Волосы у него на голове были взъерошены и стояли дыбом, а очень узкий белый галстук был небрежно повязан вокруг шеи. Вид у него был такой, будто его разбудили среди ночи и с тех пор он не успел привести себя в порядок.

— Дорогой Никльби,— сказал джентльмен, снимая белую шляпу, столь плотно набитую бумагами, что она едва держалась у него на голове,— нельзя терять ни секунды! Кэб у двери. Сэр Мэтью Попкер председательствует, и три члена парламента придут безусловно. Я видел, что двое из них благополучно поднялись с постели. Третий, который провел всю ночь у Крокфорда *, только что отправился домой надеть чистую рубашку и выпить бутылки две содовой воды и несомненно присоединится к нам вовремя, чтобы обратиться с речью к собранию. У него, правда, не совсем улеглось возбуждение прошлой ночи, но не беда: благодаря этому он всегда говорит еще выразительнее.

— Дело как будто налаживается неплохо,— сказал мистер Ральф Никльби, чьи спокойные манеры являли резкий контраст живости другого дельца.

— Неплохо! — повторил мистер Бонни.— Это превосходнейшая из всех идей, когда-либо возникавших! «Объединенная столичная компания по улучшению выпечки горячих булочек и пышек и аккуратной их доставке. Капитал — пять миллионов в пятистах тысячах акций, по десять фунтов каждая». И десяти дней не пройдет, как

акции поднимутся выше номинальной стоимости благодаря одному только названию.

— А когда они поднимутся выше номинальной стоимости? — с улыбкой сказал мистер Ральф Никльби.

— Когда они поднимутся, вы не хуже всякого другого знаете, что с ними делать и как выйти потихоньку из игры в надлежащий момент,— сказал мистер Бонни, фамильярно похлопывая капиталиста по плечу.— Между прочим, какой удивительный человек этот ваш клерк!

— О да, бедняга! — отозвался Ральф, натягивая перчатки.— А ведь было время, когда Ньюмен Ногс держал своих лошадей и охотничьих собак.

— Вот как! — небрежно бросил мистер Бонни.

— Да,— продолжал Ральф,— и даже не так много лет назад. Но он промотал свои деньги, вложил их куда-то, занимал под проценты и, короче говоря, сначала был круглым дураком, а потом стал нищим. Он запил, был у него легкий удар, и затем он явился сюда занять один фунт, так как в более счастливые для него дни я...

— Вы вели с ним дела,— с многозначительной миной сказал мистер Бонни.

— Совершенно верно,— подтвердил Ральф.— Я, знаете ли, не мог дать взаймы.

— О, разумеется!

— Но мне как раз нужен был клерк открывать дверь, а также и для других услуг, вот я и взял его из милости, и с тех пор он у меня. Мне кажется, он немножко не в себе,— продолжал мистер Никльби, принимая сострадательный вид,— но кое-какую пользу он, бедняга, приносит, кое-какую пользу приносит.

Мягкосердечный джентльмен не счел нужным добавить, что Ньюмен Ногс, находясь в крайней нищете, служит ему за плату более низкую, чем обычное жалование тринадцатилетнего мальчика, а также не отметил в этом сжатом отчете, что благодаря своей странной молчаливости Ногс был исключительно ценной особой в таком месте, где много вершилось дел, о которых желательно было не заикаться за пределами конторы. Впрочем, другому джентльмену явно не терпелось уйти, и так как немедленно вслед за этим они поспешили сесть в наем-

ный кабриолет, то, быть может, мистер Никльби забыл упомянуть о столь маловажных обстоятельствах.

Великая суета была на Бишопсгет-стрит, когда они туда прибыли, и (погода стояла ветреная) человек шесть, переходя улицу, лавировали под тяжестью плакатов, возвещавших гигантскими буквами о том, что ровно в час дня состоится собрание для обсуждения вопроса об уместности обращения в парламент с петицией в интересах «Объединенной столичной компании по улучшению выпечки горячих булочек и пышек и аккуратной их доставке». Капитал — пять миллионов в пятистах тысячах акций, по десяти фунтов каждая, каковые суммы должным образом были изображены жирными черными цифрами внушительных размеров. Мистер Бонни проворно проложил себе путь наверх, принимая на ходу низкие поклоны многочисленных лакеев, которые стояли на площадках лестницы, чтобы показывать дорогу, и в сопровождении мистера Никльби вторгся в анфиладу комнат за большим залом; во второй комнате находился стол, деловой на вид, и люди, деловые на вид.

— Внимание! — крикнул джентльмен с двойным подбородком, когда появился мистер Бонни.— На председательское место, джентльмены, на председательское место!

Вновь прибывшие были встречены всеобщим одобрением, и мистер Бонни суетливо занял место во главе стола, снял шляпу, пробежал пальцами по волосам и постучал по столу молоточком, как стучат извозчики, после чего несколько джентльменов крикнули «внимание!» и закивали друг другу, как бы желая отметить воодушевление, с каким он действует. В этот самый момент лакей, охваченный лихорадочным возбуждением, ворвался в комнату и, с треском распахнув дверь настежь, крикнул:

— Сэр Мэтью Попкер!

Комитет встал и от радости захлопал в ладоши, а пока он хлопал, вошел Мэтью Попкер в сопровождении двух живых членов парламента — одного ирландского и одного шотландского; они улыбались, раскланивались и имели такой приятный вид, что было бы поистине чудом, если бы кто-нибудь осмелился голосовать против них. В особенности у сэра Мэтью Попкера, с маленькой круглой

головой и светло-желтым париком на макушке, начался такой пароксизм поклонов, что парику ежесекундно грозила опасность слететь. Когда эти симптомы до известной степени перестали быть угрожающими, джентльмены, которые могли заговорить с сэром Мэтью Попкером или с двумя другими членами парламента, образовали вокруг них три маленькие группы; а возле них джентльмены, которые не могли вести разговор с сэром Мэтью Попкером или двумя другими членами парламента, топтались, и улыбались, и потирали руки, тщетно надеясь, не подвернется ли что-нибудь такое, что привлечет к ним внимание. Все это время сэр Мэтью Попкер и два других члена парламента рассказывали каждый своему кружку, каковы намерения правительства касательно проведения билля, давали полный отчет о том, что сказало шепотом правительство, когда они в последний раз с ним обедали, и как при этом оно подмигнуло, из каковых предпосылок они без труда вывели заключение, что если правительство и принимает что-нибудь близко к сердцу, то именно благополучие и успех «Объединенной столичной компании по улучшению выпечки горячих булочек и пышек и аккуратной их доставке».

Пока шли приготовления к собранию и устанавливалась очередность выступлений ораторов, публика в большом зале созерцала то пустующую эстраду, то леди на галерее для оркестра. Этим занятием большинство присутствующих развлекалось уже часа два, а так как самые приятные увеселения приедаются при чрезмерном злоупотреблении ими, то наиболее суровые натуры стали топать ногами и выражать свое неудовольствие всевозможными возгласами и гиканьем. Этим вокальным упражнениям, виновниками коих были люди, пришедшие раньше, естественно предавались те, кто сидел ближе всех к эстраде и дальше всех от дежурных полисменов, которые не имели особого желания пробивать себе дорогу сквозь толпу, но тем не менее руководствуясь похвальным намерением прекратить беспорядок, немедленно принялись тащить за фалды и за шиворот всех смирных людей, находившихся неподалеку от двери; при этом они ловко наносили гулкие удары дубинками на манер остроумного актера, мистера Панча *, блестящему

примеру которого эта ветвь исполнителей власти нередко подражает и при выборе оружия и при пользовании им.

Стычки были очень оживленные, как вдруг громкий крик привлек внимание даже воюющих сторон, а затем из боковой двери вышла на эстраду длинная вереница джентльменов с непокрытыми головами; все они оглядывались и испускали многоголосые приветственные вопли, причина коих объяснилась в достаточной мере, когда среди оглушительных возгласов выступили вперед сэр Мэтью Попкер и два других подлинных члена парламента и при помощи пантомимы уведомили друг друга, что никогда на протяжении всей своей общественной карьеры они не видывали такого славного зрелища.

Наконец-то собрание перестало вопить, но, когда сэр Мэтью Попкер был избран председателем, оно вновь разразилось криками, не смолкавшими пять минут. Когда и с этим было покончено, сэр Мэтью Попкер начал говорить, каковы его чувства по случаю этого великого события, и каково это событие в глазах всего мира, и каков ум его сограждан, находящихся перед ним, и каковы богатство и респектабельность его почтенных друзей, стоявших позади него, и, наконец, каково значение для обогащения, счастья, благополучия, свободы, даже для самого существования свободного и великого народа — каково значение такого учреждения, как «Объединенная столичная компания по улучшению выпечки горячих булочек и пышек и аккуратной их доставке».

Затем выступил мистер Бонни, чтобы предложить первую резолюцию. Пригладив правой рукой волосы и непринужденно подбоченившись левой, он поручил свою шляпу заботам джентльмена с двойным подбородком (который при всех ораторах играл роль как бы секунданта на ринге) и заявил, что зачитает первую резолюцию:

— «Настоящее собрание взирает со страхом и трепетом на существующее положение торговли булочками в столице и в окрестностях; оно полагает, что объединение мальчишек — продавцов булочек в таком виде, в каком оно ныне существует, совершенно не заслуживает доверия общества; и оно почитает всю систему торговли булочками пагубной как для здоровья, так и для нравов населения и гибельной для интересов коммерции и тор-

говли».— Почтенный джентльмен произнес речь, вызвавшую слезы у леди и пробудившую живейший интерес у всех присутствующих. Он посещал дома бедняков в различных округах Лондона и не обнаружил ни малейших признаков булочек, вследствие чего слишком много оснований предположить, что кое-кто из неимущего населения не отведывал их из года в год. Он открыл, что среди торговцев булочками имеют место пьянство, разгул и распутство, каковые он приписывает унизительной природе их профессии в том виде, в каком она ныне существует. Те же пороки он обнаружил среди беднейших классов населения, которым бы надлежало быть потребителями булочек, и это он приписал отчаянию, порожденному их положением, не дающим возможности воспользоваться этим питательным продуктом, что и побудило их искать замены в опьяняющих напитках. Он брался доказать перед комитетом палаты общин существование союза, имеющего целью вздуть цены на булочки, и предоставить монополию торговцам с колокольчиками; он докажет это, притянув торговцев с колокольчиками, орудующих в баре сей палаты, и докажет также, что эти люди поддерживают между собой общение с помощью тайных знаков и слов, вроде «проныра», «враль», «Фергюсон», «Здоров ли Мерфи» * и многих других. Именно такое печальное положение вещей Компания и предлагает изменить, во-первых, путем запрещения, под угрозой суровых кар, всех видов частной торговли булочками, во-вторых, принятием на себя обязательства снабжать население в целом и бедняков у них на дому первосортными булочками по пониженным ценам. С этой целью председатель, патриот сэр Мэтью Попкер, внес в парламент билль. Именно для поддержания этого билля они и собрались. Неувядаемую славу и блеск доставят Англии сторонники этого билля, именуемые «Объединенная столичная компания по улучшению выпечки горячих булочек и пышек и аккуратной их доставке», с капиталом, должен он добавить, в пять миллионов в пятистах тысячах акций, по десять фунтов каждая.

Мистер Ральф Никльби поддержал резолюцию, и после того, как другой джентльмен внес поправку: вставить слова «и пышки» после слова «булочки», когда бы оно

ни встречалось, резолюция была торжественно принята. Только один человек в толпе крикнул «нет», но его быстро арестовали и тотчас увели.

Вторая резолюция, признававшая необходимость немедленного устранения «всех продавцов булочек (или пышек), всех промышляющих торговлей булочками (или пышками) любого сорта, как мужчин, так и женщин, как мальчиков, так и взрослых, звонящих в колокольчик или не звонящих», была предложена мрачным джентльменом полуклерикального вида, который сразу взял такой патетический тон, что в одну секунду оставил первого оратора далеко позади.

Можно было услышать падение булавки — что там булавки, перышка! — когда он описывал жестокое обращение хозяев с мальчишками — продавцами булочек, а это, как очень мудро доказывал он, уже само по себе являлось достаточным основанием для учреждения сей неоценимой Компании. Оказывается, несчастных юнцов выгоняли по вечерам на мокрые улицы, в самую суровую пору года, заставляя их бродить долгие часы в темноте и под дождем — даже под градом или снегом,— лишенных крова, пищи, тепла; и пусть не забывают еще одного обстоятельства: в то время как булочки снабжены теплыми покрышками и одеялами, мальчики решительно ничем не снабжены и предоставлены своим собственным жалким ресурсам. (Позор!) Почтенный джентльмен поведал о случае с одним мальчиком — продавцом булочек, который, будучи жертвой этой бесчеловечной и варварской системы на протяжении по крайней мере пяти лет, схватил, наконец, насморк, после чего начал хиреть, пока не пропотел и не выздоровел. За это джентльмен мог поручиться, опираясь на свой авторитет, но он слышал (и не имел никаких оснований подвергать сомнению этот факт) о еще более душераздирающем и устрашающем случае. Он слышал о мальчике-сиротке, продававшем булочки, который, попав под колеса наемного кэба, был доставлен в больницу, подверся ампутации ноги ниже колена и даже теперь, на костылях, продолжает заниматься своим ремеслом! О дух справедливости, неужели так будет и впредь?

Такова была тема, захватившая собрание, и такова была манера оратора, завоевавшая симпатию слушателей.

Мужчины кричали, леди рыдали в носовые платки, пока те не промокли, и махали ими, пока те не просохли. Возбуждение было безгранично, и мистер Никльби шепнул своему другу, что теперь акции поднимутся на двадцать пять процентов выше номинальной стоимости.

Резолюция была, разумеется, принята при шумном одобрении: каждый поднимал за нее обе руки и в порыве энтузиазма поднял бы также и обе ноги, если бы удобно было это сделать. Затем был зачитан без сокращений текст предлагаемой петиции, и в этой петиции, как и во всех петициях, говорилось о том, что подающие петицию весьма смиренны, а принимающие петицию весьма почтенны и цель петиции весьма добродетельна; посему (сказано было в петиции) надлежит немедленно превратить билль в закон ради неувядаемой чести и славы почтенных и славных английских общин, представленных в парламенте.

Затем джентльмен, который провел всю ночь у Крокфорда, что несколько повлияло на его глаза, выступил вперед и поведал своим согражданам, какую речь намерен он произнести в защиту этой петиции, когда она будет представлена на рассмотрение, и с какой жестокой иронией он намерен поносить парламент, если билль будет отвергнут, а также уведомил их о том, как он сожалеет, что его почтенные друзья не включили статьи, принуждающей все классы общества покупать булочки и пышки, каковую статью он, противник всяческих полумер и сторонник мер крайних, обязывается поставить на обсуждение в комитете. Возвестив о таком решении, почтенный джентльмен перешел на шутливый тон; а так как лакированные ботинки, лимонно-желтые лайковые перчатки и меховой воротник пальто придают шутке особый эффект, раздался неистовый хохот и ликующие возгласы, и вдобавок леди устроили такую ослепительную выставку носовых платков, что мрачный джентльмен был оттеснен на второй план.

Когда же петиция была прочтена и ее готовились принять, выступил ирландский член парламента (это был молодой джентльмен пылкого темперамента) с такою речью, какую может произнести только ирландский член парламента,— с речью, преисполненной истинного духа

поэзии и прозвучавшей так пламенно, что при одном взгляде на ирландского члена парламента человек согревался. В своей речи он сообщил о том, что потребует этого великого благодеяния и для своей родной страны, что будет настаивать на уравнении ее прав перед законом о булочках, как и перед всеми другими законами, и что он надеется еще дожить до того дня, когда пышки будут поджариваться в бедных хижинах его страны, а колокольчики продавцов булочек зазвенят в ее тучных зеленых долинах.

А после него выступил шотландский член парламента со всевозможными приятными намеками на ожидаемые барыши, что укрепило доброе расположение духа, вызванное поэзией. И все речи, вместе взятые, повлияли так, как надлежало им повлиять, и внушили слушателям уверенность, что нет предприятия более выгодного и в то же время более достойного, чем «Объединенная столичная компания по улучшению выпечки горячих булочек и пышек и аккуратной их доставке».

Итак, петиция в пользу проведения билля была принята, собрание закрылось при одобрительных возгласах, и мистер Никльби и другие директора отправились завтракать в контору, как делали они ежедневно в половине второго, а в возмещение за хлопоты они брали за каждое свое посещение только по три гинеи на человека (ибо компания едва вступила в младенческий возраст).

ГЛАВА III

Мистер Ральф Никльби получает плохие вести о своем брате, но мужественно переносит доставленное ему сообщение. Читатель узнает о том, какое расположение почувствовал он к Николасу, который в этой главе появляется, и с какою добротою предложил немедленно позаботиться о его благополучии

Приняв ревностное участие в уничтожении завтрака со всею быстротой и энергией, каковые суть наиважнейшие качества, которыми могут обладать деловые люди,

мистер Ральф Никльби сердечно распрощался со своими соратниками и в непривычно хорошем расположении духа направил стопы на запад. Проходя мимо собора св. Павла, он свернул в подъезд, чтобы проверить часы, и, держа руку на ключике, а взор устремив на циферблат соборных часов, был погружен в это занятие, как вдруг перед ним остановился какой-то человек. Это был Ньюмен Ногс.

— А, Ньюмен! — сказал мистер Никльби, смотря вверх и занимаясь своим делом.— Письмо касательно закладной получено, не правда ли? Я так и думал.

— Ошибаетесь,— отозвался Ньюмен.

— Как? И никто не приходил по этому делу? — прервав свое занятие, осведомился мистер Никльби.

Ногс покачал головой.

— Так кто же приходил? — спросил мистер Никльби.

— Я пришел,— сказал Ньюмен.

— Что еще? — сурово спросил хозяин.

— Вот это,— сказал Ньюмен, медленно вытаскивая из кармана запечатанное письмо.— Почтовый штемпель — Стрэнд, черный сургуч, черная кайма, женский почерк, в углу — К. Н.

— Черный сургуч? — переспросил мистер Никльби, взглянув на письмо.— И почерк мне как будто знаком, Ньюмен, я не удивлюсь, если мой брат умер.

— Не думаю, чтобы вы удивились,— спокойно сказал Ньюмен.

— А почему, сэр? — пожелал узнать мистер Никльби.

— Вы никогда не удивляетесь,— ответил Ньюмен,— вот и все.

Мистер Никльби вырвал письмо у своего помощника и, бросив на последнего холодный взгляд, распечатал письмо, прочел его, сунул в карман и, успев к тому времени поставить часы с точностью до одной секунды, начал их заводить.

— Именно то, что я предполагал, Ньюмен,— сказал мистер Никльби, не отрываясь от своего занятия.— Он умер. Ах, боже мой! Да, это неожиданность. Право же, мне это не приходило в голову.

Выразив столь трогательно свое горе, мистер Никльби снова опустил часы в карман, старательно натянул пер-

чатки, повернулся и, заложив руки за спину, медленно зашагал на запад.

— Дети остались? — поравнявшись с ним, осведомился Ногс.

— В том-то и дело,— ответил мистер Никльби, словно ими и были заняты его мысли в эту минуту.— Двое.

— Двое! — тихо повторил Ньюмен Ногс.

— Да вдобавок еще вдова,— добавил мистер Никльби.— И все трое в Лондоне, будь они прокляты! Все трое здесь, Ньюмен.

Ньюмен немного отстал от своего хозяина, и лицо его как-то странно исказилось, словно сведенное судорогой, но был ли то паралич, или горе, или подавленный смех — этого никто, кроме него, не мог бы определить. Выражение лица человека обычно помогает его мыслям или заменяет нужные слова в его речи, но физиономия Ньюмена Ногса, когда он бывал в обычном расположении духа, являлась проблемой, которую не мог бы разрешить самый изобретательный ум.

— Ступайте домой! — сказал мистер Никльби, пройдя несколько шагов, и взглянул на клерка так, словно тот был его собакой.

Не успел он произнести эти слова, как Ньюмен перебежал через дорогу, нырнул в толпу и мгновенно исчез.

— Разумно, что и говорить! — бормотал себе под нос мистер Никльби, продолжая путь.— Очень разумно! Мой брат никогда ничего для меня не делал, и я никогда на него не рассчитывал, и вот, не успел он испустить дух, как обращаются ко мне, чтобы я оказал поддержку здоровой сильной женщине и взрослому сыну и дочери. Что они мне? Я их никогда и в глаза не видел.

Предаваясь этим и другим подобным размышлениям, мистер Никльби шагал по направлению к Стрэнду и, бросив взгляд на письмо, словно для того, чтобы справиться, какой номер дома ему нужен, остановился у подъезда, пройдя примерно половину этой людной улицы.

Здесь жил какой-то художник-миниатюрист, ибо к парадной двери была привинчена большая позолоченная рама, в которой на фоне черного бархата красовались две фигуры в морских мундирах с выглядывающими из них

лицами и приделанными к ним подзорными трубами; был тут еще молодой джентльмен в ярко-красном мундире, размахивающий саблей, и джентльмен ученого вида, с высоким лбом, пером и чернилами, шестью книгами и занавеской. Помимо сего, здесь было трогательное изображение юной леди, читающей какую-то рукопись в дремучем лесу, и очаровательный, во весь рост, портрет большеголового мальчика, сидящего на табурете и свесившего ноги, укороченные до размеров ложечки для соли. Не считая этих произведений искусства, было здесь великое множество голов старых леди и джентльменов, ухмыляющихся друг другу с голубых и коричневых небес, и написанная изящным почерком карточка с указанием цен, обведенная рельефным бордюром.

Мистер Никльби бросил весьма презрительный взгляд на эти фривольные вещи и постучал двойным ударом. Этот удар был повторен три раза и вызвал служанку с необычайно грязным лицом.

— Миссис Никльби дома? — резко спросил Ральф.

— Ее фамилия не Никльби,— ответила девушка.— Вы хотите сказать — Ла-Криви?

Мистер Никльби после такой поправки с негодованием посмотрел на служанку и сурово вопросил, о чем она толкует. Та собралась ответить, но тут женский голос с площадки крутой лестницы в конце коридора осведомился, кого нужно.

— Миссис Никльби,— сказал Ральф.

— Третий этаж, Ханна,— произнес тот же голос.— Ну и глупы же вы! Третий этаж у себя?

— Кто-то только что ушел, но, кажется, что из мансарды, там сейчас уборка,— ответила девушка.

— А вы бы посмотрели,— сказала невидимая женщина.— Покажите джентльмену, где здесь колокольчик, и скажите, чтобы он не стучал двойным ударом, вызывая третий этаж. Я не разрешаю стучать, разве что колокольчик испорчен, а в таком случае достаточно двух коротких раздельных ударов.

— Послушайте,— сказал Ральф, входя без дальнейших разговоров,— прошу прощения, кто здесь миссис Ла... как ее там зовут?

— Криви... Ла-Криви,— отозвался голос, и желтый головной убор закачался над перилами.

— С вашего разрешения, сударыня, я бы сказал вам два-три слова,— промолвил Ральф.

Голос предложил джентльмену подняться наверх, но тот уже успел подняться и, очутившись во втором этаже, был встречен обладательницей желтого головного убора, облаченной в такого же цвета платье и отличавшейся соответствующим цветом лица. Мисс Ла-Криви была жеманной молодой леди пятидесяти лет, и квартира мисс Ла-Криви была подобием позолоченной рамы внизу в увеличенном масштабе и слегка погрязнее.

— Кхе! — сказала мисс Ла-Криви, деликатно кашлянув и прикрыв рот черной шелковой митенкой.— Полагаю, вам нужна миниатюра? У вас весьма подходящие для этого черты лица, сэр. Вы когда-нибудь позировали?

— Вижу, вы заблуждаетесь относительно моих намерений, сударыня,— отозвался мистер Никльби со свойственной ему прямотой.— Нет у меня таких денег, чтобы я их тратил на миниатюры, сударыня, а если бы и были, то (слава богу) мне некому делать подарки. Когда я увидел вас на лестнице, мне захотелось задать вам вопрос, касающийся кое-кого из ваших жильцов.

Мисс Ла-Криви снова кашлянула, на сей раз чтобы скрыть разочарование, и промолвила:

— А, вот как!

— Из того, что вы сказали вашей служанке, я заключаю, что верхний этаж сдаете вы, сударыня? — спросил мистер Никльби.

Да, так оно и есть, ответила мисс Ла-Криви. Верхняя половина дома принадлежит ей, и так как третий этаж ей не нужен, то она и имеет обыкновение сдавать его. Действительно, в настоящее время там живет некая леди из провинции и ее двое детей.

— Вдова, сударыня? — осведомился Ральф.

— Да, вдова,— ответила леди.

— *Бедная* вдова, сударыня,— сказал Ральф, делая энергическое ударение на этом прилагательном, столь много выражающем.

— Да, боюсь, что она бедна,— отозвалась мисс Ла-Криви.

— Случайно мне известно, что она бедна, сударыня,— сказал Ральф.— А что делать бедной вдове в таком доме, как этот?

— Совершенно верно,— ответила мисс Ла-Криви, польщенная таким комплиментом ее жилищу.— В высшей степени верно!

— Мне точно известно ее положение, сударыня,— продолжал Ральф.— Собственно говоря, я прихожусь им родственником, и я бы вам посоветовал, сударыня, не держать их здесь.

— Смею надеяться, что в случае невозможности выполнить денежные обязательства,— сказала мисс Ла-Криви, снова кашлянув,— родственники этой леди не преминули бы...

— Нет, они бы этого не сделали, сударыня! — быстро перебил Ральф.— Не помышляйте об этом!

— Если я приду к такому выводу, дело примет совсем иной оборот,— сказала мисс Ла-Криви.

— Можете прийти к нему, сударыня,— сказал Ральф,— и поступить соответственно. Я родственник, сударыня, во всяком случае полагаю, что я единственный их родственник, и считаю нужным уведомить вас, что я не могу их поддерживать при таких непомерных расходах. На какой срок они сняли помещение?

— Оплата понедельная,— ответила мисс Ла-Криви.— Миссис Никльби заплатила вперед за первую неделю.

— В таком случае вы бы выпроводили их в конце этой недели,— сказал Ральф.— Лучше всего им вернуться в провинцию, сударыня; здесь они для всех помеха.

— Разумеется,— сказала мисс Ла-Криви,— если миссис Никльби сняла помещение, не имея средств платить за него, это весьма неподобающий поступок для леди.

— Конечно, сударыня,— подтвердил Ральф.

— И, натурально,— продолжала мисс Ла-Криви,— будучи в *данный* момент... гм... женщиной беззащитной, я не могу терпеть убыток.

— Конечно, не можете, сударыня,— ответил Ральф.

— Хотя в то же время,— добавила мисс Ла-Криви, явно колебавшаяся между побуждениями своего доброго сердца и собственными интересами,— я решительно

ничего не могу сказать против этой леди. Она очень приветлива и любезна, хотя, кажется, бедняжка, чрезвычайно удручена; а также я ничего не могу сказать против ее детей, потому что нельзя встретить более приятных и лучше воспитанных юноши и девицы.

— Прекрасно, сударыня,— сказал Ральф, поворачиваясь к двери, ибо его привели в раздражение эти похвалы беднякам.— Я исполнил свой долг и, быть может, сделал больше, чем полагается. Конечно, никто не поблагодарит меня за сделанное.

— По крайней мере я очень признательна вам, сэр,— приветливо сказала мисс Ла-Криви.— Не будете ли вы так любезны взглянуть на несколько портретов — произведение моей кисти?

— Вы очень добры, сударыня,— сказал мистер Никльби, поспешно удаляясь,— но я должен побывать с визитом в верхнем этаже, а время для меня дорого. Право же, не могу.

— Как-нибудь в другой раз, когда вы будете проходить мимо. Я буду очень рада,— сказала мисс Ла-Криви.— Быть может, вы не откажетесь взять мой прейскурант? Благодарю вас, до свиданья.

— До свиданья, сударыня,— сказал Ральф, резко захлопывая за собой дверь, чтобы предотвратить дальнейшие разговоры.— А теперь — к моей невестке! Тьфу!

Вскарабкавшись по второй, винтовой, лестнице, состоящей благодаря технической изобретательности из одних угольных ступенек, мистер Ральф Никльби остановился на площадке отдышаться, и здесь его догнала горничная, которую прислала учтивая мисс Ла-Криви, чтобы доложить о его приходе; со времени первой их встречи девушка сделала, очевидно, ряд безуспешных попыток вытереть грязное лицо еще более грязным передником.

— Как фамилия? — спросила девушка.

— Никльби,— ответил Ральф.

— О! Миссис Никльби,— сказала девушка, распахнув настежь дверь,— пришел мистер Никльби.

При входе мистера Ральфа Никльби леди в глубоком трауре привстала, но, по-видимому, не в силах была пойти ему навстречу и оперлась на руку худенькой, но очень красивой девушки лет семнадцати, сидевшей рядом

с ней. Юноша, казавшийся года на два старше, выступил вперед и приветствовал своего дядю Ральфа.

— О! — проворчал Ральф, сердито насупившись.— Полагаю, вы Николас.

— Да, сэр,— ответил юноша.

— Возьмите мою шляпу,— повелительным тоном сказал Ральф.— Ну-с, как поживаете, сударыня? Вы должны побороть свою скорбь, сударыня. Я всегда так делаю.

— Утрату мою не назовешь обычной! — сказала миссис Никльби, прикладывая к глазам носовой платок.

— Ее не назовешь необычной, сударыня,— возразил Ральф, спокойно расстегивая свой спенсер.— Мужья умирают каждый день, сударыня, равно как и жены.

— А также и братья, сэр,— с негодующим видом сказал Николас.

— Да, сэр, и щенята и моськи,— ответил дядя, садясь в кресло.— Вы, сударыня, не упомянули в письме, чем страдал мой брат.

— Доктора не могли назвать какой-либо определенный недуг,— сказала миссис Никльби, проливая слезы.— У нас слишком много оснований опасаться, что он умер от разбитого сердца.

— Ха! — сказал Ральф.— Такой штуки не бывает. Я понимаю, можно умереть, сломав себе шею, сломав руку, проломив голову, сломав ногу или проломив нос, но умереть от разбитого сердца... Чепуха! Это нынешние модные словечки! Если человек не может заплатить свои долги, он умирает от разбитого сердца, а его вдова — мученица.

— Мне кажется, у иных людей вообще нет сердца и нечему разбиться,— спокойно заметил Николас.

— Бог мой, да сколько же лет этому мальчику? — осведомился Ральф, отодвигаясь вместе с креслом и с величайшим презрением осматривая племянника с головы до пят.

— Николасу скоро исполнится девятнадцать,— ответила вдова.

— Девятнадцать? Э! — сказал Ральф.— А как вы намерены зарабатывать себе на хлеб, сэр?

— Я не намерен жить на средства матери,— с нарастающим гневом сказал Николас.

— А если бы и намеревались, вам мало было бы на что жить,— возразил дядя, глядя на него презрительно.

— Сколько бы там ни было,— вспыхнув от негодования, сказал Николас,— к вам я не обращусь, чтобы получить больше.

— Николас, дорогой мой, опомнись! — вмешалась миссис Никльби.

— Прошу тебя, дорогой Николас,— взмолилась юная леди.

— Придержите язык, сэр! — сказал Ральф.— Клянусь честью, это прекрасное начало, миссис Никльби, прекрасное начало!

Миссис Никльби ничего не ответила и только жестом просила Николаса молчать. В течение нескольких секунд дядя и племянник смотрели друг на друга, не говоря ни слова. Лицо у старика было суровое, грубое, жестокое и отталкивающее, у молодого человека — открытое, красивое и честное; у старика глаза были острые, говорящие о скупости и лукавстве, у молодого человека — горящие умом и воодушевлением. Он был худощав, но мужествен и хорошо сложен; помимо юношеской грации и привлекательности, взгляд его и осанка свидетельствовали о горячем юном сердце. Сравнение было не в пользу старика.

Сколь ни разителен подобный контраст для наблюдателя, но никто не чувствует его так остро и резко, как тот, чью низость он подчеркивает, проникая в его душу. Это уязвило сердце Ральфа, и с той минуты он возненавидел Николаса.

Такое созерцание друг друга привело, наконец, к тому, что Ральф с подчеркнутым презрением отвел глаза и прошептал:

— Мальчишка!

Этим словом как упреком часто пользуются пожилые джентльмены в обращении с младшими,— быть может, с целью ввести общество в заблуждение, внушая ему уверенность, что они не пожелали бы снова стать молодыми, имей они такую возможность.

— Итак, сударыня,— нетерпеливо сказал Ральф,— вы мне сообщили, что кредиторы удовлетворены, а у вас не осталось ничего?

— Ничего,— подтвердила миссис Никльби.

— А то немногое, что у вас было, вы истратили на поездку в Лондон, желая узнать, что я могу для вас сделать?

— Я надеялась, что у вас есть возможность сделать что-нибудь для детей вашего брата,— запинаясь, промолвила миссис Никльби.— Перед смертью он выразил желание, чтобы в их интересах я обратилась за помощью к вам.

— Не понимаю, почему это так случается,— пробормотал Ральф, шагая взад и вперед по комнате,— но всегда, когда человек умирает, не оставляя после себя никакого имущества, он как будто почитает себя вправе распоряжаться имуществом других людей. Для какой работы пригодна ваша дочь, сударыня?

— Кэт получила хорошее образование,— всхлипывая, ответила миссис Никльби.— Дорогая моя, расскажи дяде, каковы твои успехи во французском языке и в изящных искусствах.

Бедная девушка собиралась прошептать что-то, но дядя весьма бесцеремонно остановил ее.

— Попробуем отдать вас куда-нибудь в ученье,— сказал Ральф.— Надеюсь, вы для этого не слишком изнежены?

— О нет, дядя! — со слезами ответила девушка.— Я готова делать все, только бы иметь пристанище и кусок хлеба.

— Ладно, ладно,— сказал Ральф, которого слегка смягчила либо красота племянницы, либо ее отчаяние (сделайте ударение на последнем).— Вы должны попытаться, и, если жизнь слишком тяжела, быть может, шитье или вышиванье на пяльцах покажутся легче. А вы когда-нибудь что-нибудь делали, сэр? — обратился он к племяннику.

— Нет! — резко ответил Николас.

— Нет? Я так и знал! — сказал Ральф.— Вот как воспитал своих детей мой брат, сударыня.

— Николас не так давно закончил образование, какое мог дать ему его бедный отец,— возразила миссис Никльби,— а он думал...

— ...думал со временем что-нибудь из него сделать,— сказал Ральф.— Старая история: всегда думать и никогда не делать. Будь мой брат человеком энергическим и благоразумным, он оставил бы вас богатой женщиной, сударыня. А если бы он предоставил своему сыну пробивать самостоятельно дорогу в жизни, как поступил со мной мой отец, когда я был на полтора года моложе этого юнца, Николас имел бы возможность помогать вам, вместо того чтобы быть для вас бременем и усугублять вашу скорбь. Мой брат был легкомысленный, неосмотрительный человек, миссис Никльби, и я уверен, что у вас больше, чем у кого бы то ни было, оснований это чувствовать.

Такое обращение заставило вдову подумать о том, что, пожалуй, она могла бы более удачно пристроить свою единственную тысячу, а затем она стала размышлять, сколь утешительно было бы иметь такую сумму именно теперь. От этих горестных мыслей слезы у нее заструились быстрее, и в порыве скорби она (будучи женщиной неплохой, но слабой) принялась сначала оплакивать свою жестокую судьбу, а затем, всхлипывая, толковать о том, что, разумеется, она была рабой бедного Николаса и часто говорила ему: она-де могла бы сделать лучшую партию (и в самом деле, она это говорила очень часто), и что при жизни его она никогда не знала, куда уходят деньги, но если бы он имел доверие к ней, все они пользовались бы теперь бо́льшим достатком; к этому она присовокупила другие горькие воспоминания, общие для большинства замужних леди либо в пору их супружеской жизни, либо в пору вдовства, либо и в том и в другом их положении. В заключение миссис Никльби посетовала на то, что дорогой усопший никогда, за исключением одного раза, не удостаивал следовать ее советам, что было поистине правдивым заявлением, ибо лишь однажды поступил он по ее совету и в результате разорился.

Мистер Ральф Никльби слушал все это с полуулыбкой и, когда вдова замолчала, продолжал разговор с того места, на котором его прервал взрыв ее чувств.

— Намерены вы работать, сэр? — нахмурившись, спросил он племянника.

— Конечно, намерен,— высокомерно ответил Николас.

— В таком случае, взгляните, сэр,— продолжал дядя,— вот что привлекло мое внимание сегодня утром, и за это будьте благодарны своей звезде.

После такого вступления мистер Ральф Никльби достал из кармана газету, развернул ее и, быстро просмотрев объявления, прочел следующее:

— «*Образование.* В Академии мистера Уэкфорда Сквирса, Дотбойс-Холл, в очаровательной деревне Дотбойс, близ Грета-Бридж в Йоркшире, мальчиков принимают на пансион, обеспечивают одеждой, книгами, карманными деньгами, снабжают всем необходимым, обучают всем языкам, живым и мертвым, математике, орфографии, геометрии, астрономии, тригонометрии, обращению с глобусом, алгебре, фехтованью (по желанию), письму, арифметике, фортификации и всем другим отраслям классической литературы. Условия — двадцать гиней в год. Никакого дополнительного вознаграждения, никаких вакаций и питание, не имеющее себе равного. Мистер Сквирс находится в Лондоне и принимает ежедневно от часу до четырех в «Голове Сарацина», Сноу-Хилл *. Требуется способный помощник-преподаватель. Жалованье пять фунтов в год. Предпочтение будет отдано магистру искусств».

— Вот! — сказал Ральф, снова складывая газету.— Пусть он поступит на это место, и его карьера обеспечена.

— Но он не магистр искусств,— сказала миссис Никльби.

— Я думаю, это можно уладить,— ответил Ральф.

— Но жалованье такое маленькое, и это так далеко отсюда, дядя,— пролепетала Кэт.

— Тише, Кэт, дорогая моя,— вмешалась миссис Никльби.— Твой дядя лучше знает, что делать.

— Я повторяю,— резко сказал Ральф,— пусть он поступит на это место, и его карьера обеспечена! Если ему это не по вкусу, пусть он сам себе ее делает. Не имея ни друзей, ни денег, ни рекомендаций, ни малейшего понятия о каких бы то ни было делах, пусть он получит порядочное место в Лондоне, чтобы заработать себе хотя бы на башмаки, и я ему дам тысячу фунтов. Во всяком слу-

чае,— спохватился мистер Ральф Никльби,— я бы ее дал, если бы она у меня была.

— Бедняжка! — сказала юная леди.— Ах, дядя, неужели мы должны так скоро разлучиться?

— Милочка, не докучай дяде вопросами, когда он думает только о нашем благе,— сказала миссис Никльби.— Николас, дорогой мой, мне бы хотелось, чтобы ты что-нибудь сказал.

— О да! Конечно, мама! — отозвался Николас, который до сей поры оставался молчаливым и задумчивым.— Если мне посчастливится, сэр, получить это назначение, для которого у меня нет надлежащей подготовки, что будет с теми, кого я покидаю?

— В этом случае (и только в этом случае), сэр,— ответил Ральф,— я позабочусь о вашей матери и сестре и создам для них такие условия, чтобы они могли жить, ни от кого не завися. Это будет первой моей заботой. Не пройдет и недели после вашего отъезда, как их положение изменится, я за это ручаюсь.

— А если так,— сказал Николас, весело вскочив и пожимая дядину руку,— то я готов на все, чего бы вы от меня ни потребовали. Сейчас же испытаем нашу судьбу у мистера Сквирса. Он может отказать, но и только.

— Он не откажет,— возразил Ральф.— Он с радостью примет вас по моей рекомендации. Постарайтесь быть ему полезным, и в скором времени вы будете компаньоном в его предприятии. Бог мой, вы только подумайте: если он умрет, ваша карьера обеспечена.

— Да, конечно, все это я понимаю! — воскликнул бедный Николас, восхищенный тысячами фантастических видений, вызванных его воодушевлением и неопытностью.— А вдруг какой-нибудь молодой аристократ, обучаясь в Холле, почувствует ко мне расположение и по выходе оттуда добьется, чтобы его отец пригласил меня в качестве наставника, сопровождающего его в путешествиях, а по возвращении с континента обеспечит мне какое-нибудь выгодное место? А, дядя?

— Да, разумеется! — усмехнулся Ральф.

— И кто знает, если он навестит меня, когда я обоснуюсь на месте (а он, конечно, меня навестит), он, быть

может, влюбится в Кэт, которая будет вести мое хозяйство, и... и... женится на ней. А, дядя? Кто знает?

— Да, в самом деле, кто? — буркнул Ральф.

— Как бы мы были счастливы! — с энтузиазмом воскликнул Николас.— Боль разлуки ничто по сравнению с радостью свидания. Кэт вырастет красавицей. Как я буду гордиться, слыша это, и как счастлива будет моя мать, снова соединившись с нами, и эти печальные времена будут забыты, и...— Перспектива была слишком ослепительна, чтобы можно было ее созерцать, и Николас, совершенно ею потрясенный, слабо улыбнулся и зарыдал.

Эти простодушные люди, родившиеся и выросшие в глуши и совершенно незнакомые с так называемым светом — условное словечко, которое, будучи разъяснено, частенько обозначает проживающих в этом свете негодяев,— смешали свои слезы при мысли о предстоящей разлуке. И, когда первое волнение улеглось, они принялись беседовать со всем пылом надежды, никогда еще не подвергавшейся испытаниям, о блестящем будущем, перед ними открывавшемся, как вдруг мистер Ральф Никльби заметил, что, если они будут терять время, какой-нибудь более счастливый кандидат может обогнать Николаса на пути к фортуне, которую предвещало объявление, и таким образом разрушит все их воздушные замки. Это своевременное напоминание положило конец беседе.

Николас старательно записал адрес мистера Сквирса, после чего дядя и племянник отправились вдвоем на поиски этого превосходного джентльмена. Николас энергически убеждал себя в том, что отнесся весьма несправедливо к своему родственнику, невзлюбив его с первого взгляда, а миссис Никльби не без труда внушала дочери свою уверенность, что он гораздо более расположен к ним, чем кажется, на что мисс Никльби покорно ответствовала: да, это весьма возможно.

Сказать по правде, на добрую леди немало повлияло обращение деверя к ее здравому смыслу и лестный намек на ее превосходные качества, и, хотя она горячо любила мужа и по-прежнему была без ума от своих детей, он с таким успехом задел одну из этих маленьких диссони-

рующих струн в человеческом сердце (Ральф хорошо знал наихудшие его слабости и вовсе не знал наилучших), что она не на шутку начала почитать себя симпатичной и несчастной жертвой неосмотрительности своего покойного супруга.

ГЛАВА IV

Николас и его дядя (с целью воспользоваться без промедлений счастливым случаем) наносят визит мистеру Уэкфорду Сквирсу, владельцу школы в Йоркшире

Сноу-Хилл! Что это за место Сноу-Хилл? — могут задать себе вопрос мирные горожане, видя эти слова, ясно начертанные золотыми буквами по темному фону на северных почтовых каретах. Люди имеют какое-то неопределенное и туманное представление о месте, название которого нередко мелькает у них перед глазами или частенько звучит в ушах. Какое великое множество догадок вечно кружит около этого Сноу-Хилла! Название такое хорошее! Сноу-Хилл — да еще Сноу-Хилл в компании с «Головой Сарацина» — рисует нам благодаря такому сочетанию идей нечто строгое и суровое! Холодная пустынная местность, открытая пронизывающим ветрам и жестоким зимним метелям, темные, холодные, мрачные вересковые пустоши, днем они безлюдны, а ночью честные люди стараются не думать о них; место, которого избегают одинокие путники и где собираются отчаянные головорезы,— таково или примерно таково должно быть представление о Сноу-Хилле в этих отдаленных девственных краях, где, подобно мрачному призраку, проносится ежедневно и еженощно «Голова Сарацина» с таинственной и загробной пунктуальностью, продолжая свой стремительный и неудержимый полет в любую непогоду и словно бросая вызов самим стихиям.

Реальность не совсем такова, но презирать ее отнюдь не следует. Здесь, в сердце Лондона, в самом деловом и оживленном его центре, в вихре шума и движения, словно преграждая путь гигантскому потоку жизни, который

неустанно катится из различных кварталов и разбивается у его стен, здесь стоит Ньюгет *, и на этой людной улице, на которую Ньюгет взирает так хмуро, в нескольких футах от грязных, ветхих домишек, на том самом месте, где продавцы супа, рыбы и гниющих плодов занимаются своей торговлей, десятки людей среди грохота, с которым не сравнится даже гул большого города, четверо, шестеро или восемь сильных мужчин одновременно, бывают насильственно и стремительно вырваны из мира; сцена эта среди бурных проявлений жизни кажется устрашающей, когда любопытные глазеют из окон, с крыш, со стен и колонн, и несчастный умирающий, охватывая отчаянным взором все, не встречает среди бледных, обращенных вверх лиц, ни одного лица — ни одного! — которое выражало бы. жалость или сострадание.

Неподалеку от тюрьмы и, стало быть, неподалеку от Смитфилда и городского шума и сутолоки, как раз в той части Сноу-Хилла, где лошади, впряженные в омнибус, устремляясь на восток, серьезно подумывают о том, чтобы нарочно упасть, а лошади наемных кэбов, устремляясь на запад, нередко падают случайно, находится каретный двор при гостинице «Голова Сарацина». Портал охраняется двумя бюстами сарацинов; когда-то гордостью и славой умников сей столицы было сбрасывать их ночью, но за последнее время ничто не нарушало их покоя,— быть может потому, что такого рода шутки ныне ограничиваются приходом Сент Джеймс, где предпочтение отдается дверным молоткам, как более портативным, и проволоке от дверных колокольчиков, которая почитается удобным материалом для зубочисток. Во всяком случае, сарацины пребывают здесь, хмуро взирая на вас по обе стороны ворот. Сама гостиница, украшенная еще одной головой сарацина, хмурится из глубины двора, а с задней дверцы всех красных карет, стоящих во дворе, смотрит голова маленького сарацина с таким же точно выражением, как головы больших сарацинов у ворот, и, стало быть, гостиница отличается явно сарацинским стилем.

Войдя в этот двор, вы увидите слева билетную кассу, справа — тянущуюся к небу башню церкви Сент Сепелькр, а по обе стороны — галереи, куда выходят спальни. Впереди вы заметите длинное окно, над которым

разборчиво написано слово «кофейня», а заглянув в это окно, вы увидите вдобавок, если пришли вовремя, мистера Уэкфорда Сквирса, заложившего руки в карманы.

Наружность мистера Сквирса не располагала в его пользу. У него был только один глаз, а в результате обычного предрассудка предпочтение отдается двум. Глаз его был бесспорно полезен, но решительно некрасив — окрашенный в зеленовато-серый цвет и напоминающий своим разрезом веерообразное оконце над парадной дверью. Лицо со стороны, лишенной глаза, было в морщинах и складках, что придавало мистеру Сквирсу очень мрачный вид, в особенности, когда он улыбался, ибо в таких случаях у него появлялось выражение чуть ли не злодейское. Волосы у него были прямые и лоснящиеся, зачесаны наверх над низким выпуклым лбом, прекрасно гармонировавшим с его грубым голосом и резкими манерами. Ему могло быть пятьдесят два — пятьдесят три года, и он был немного ниже среднего роста; он носил белый галстук с длинными концами и черный костюм, приличествующий учителю, но так как рукава фрака были слишком длинны, а брюки слишком коротки, то, казалось, ему было не по себе в этом наряде, и он как будто пребывал в непрестанном изумлении от столь респектабельного своего вида.

Мистер Сквирс стоял у камина в кофейне, перегороженной на отделения; там находился такого вида стол, какие обычно бывают в кофейнях, и еще два стола необычной формы и размеров, благодаря чему они могли поместиться в углах, у перегородки. На скамейке стоял очень маленький деревянный сундучок, обвязанный тонкой веревкой, а на сундучке, как на насесте, сидел крохотный мальчик; его зашнурованные полусапожки и штанишки из вельвета болтались в воздухе; втянув голову в плечи и положив руки на колени, он время от времени робко, с явным страхом и недоверием посматривал на владельца школы.

— Половина четвертого,— пробормотал мистер Сквирс, отвернувшись от окна и мрачно взглянув на часы в кофейне.— Сегодня никто не придет.

Крайне раздосадованный этой мыслью, мистер Сквирс бросил взгляд на мальчика, желая убедиться, не делает

ли он чего-нибудь такого, за что его можно приколотить. Так как тот ровно ничего не делал, то мистер Сквирс дал ему пощечину и запретил впредь ничего не делать.

— Двадцать четвертого июня,— забормотал мистер Сквирс, вновь принимаясь за сетования,— я увез десять мальчишек. Десятью двадцать равняется двумстам фунтам. Завтра в восемь часов утра я уезжаю домой, а у меня только трое мальчишек; трижды ноль — ноль, трижды два — шесть, шестьдесят фунтов. Что случилось с мальчишками? Что вбили себе в голову их родители? Что все это значит?

Тут мальчуган на сундуке отчаянно чихнул.

— Эй, сэр! — оглянувшись, проворчал владелец школы.— Это что такое?

— Ничего, простите, сэр,— вымолвил мальчуган.

— Ничего, сэр? — воскликнул мистер Сквирс.

— Простите, сэр, я чихнул,— ответил мальчуган, задрожав так, что сундучок под ним закачался.

— А-а, так ты чихнул? — произнес мистер Сквирс.— В таком случае, почему же вы сказали «ничего», сэр?

Не находя ответа на вопрос, мальчуган стал ввинчивать себе в глаза суставы пальцев и расплакался, после чего мистер Сквирс свалил его с сундука ударом по одной щеке и снова водрузил на сундук ударом по другой.

— Подождите, молодой джентльмен, пока я вас доставлю в Йоркшир, а тогда уж получите от меня остальное,— сказал мистер Сквирс.— Вы прекратите этот шум, сэр?

— Д-д-да,— всхлипывая, ответил мальчуган, энергически вытирая лицо «Мольбой нищего» * на носовом платке из набивного коленкора.

— В таком случае прекратите немедленно, сэр,— сказал Сквирс.— Слышите?

Так как это увещание сопровождалось угрожающим жестом и было произнесено со свирепой миной, то мальчуган еще более энергически принялся тереть себе лицо, словно с целью загнать обратно слезы, и больше ничем не проявлял своих чувств, если не считать сопенья и приглушенных всхлипываний, раздававшихся попеременно.

— Мистер Сквирс, вас спрашивает какой-то джентльмен в баре,— доложил лакей, заглянувший в эту минуту.

— Проводите джентльмена сюда, Ричард,— мягко отозвался мистер Сквирс.— Эй, ты, маленький негодяй, спрячь носовой платок в карман, не то я тебя убью, когда уйдет этот джентльмен!

Не успел владелец школы произнести грозным шепотом эти слова, как вошел незнакомый джентльмен. Мистер Сквирс притворился, будто его не замечает, сосредоточенно чинил перо и давал благосклонные советы своему юному питомцу.

— Милое мое дитя,— сказал мистер Сквирс,— у всех людей бывают испытания. Это испытание, постигшее тебя в юном возрасте и заставляющее твое сердечко надрываться, а глаза наливаться слезами, что представляет оно собой? Ничто. Меньше чем ничто! Ты покидаешь своих друзей, дорогой мой, но во мне ты обретешь отца, а в миссис Сквирс — мать. В очаровательной деревне Дотбойс, близ Грета-Бридж в Йоркшире, где мальчиков принимают на пансион, обеспечивают одеждой, книгами, умывают, снабжают карманными деньгами и всем необходимым...

— Это и *есть* тот самый джентльмен,— заметил незнакомец, прерывая владельца школы, декламировавшего свое газетное объявление.— Мистер Сквирс, сэр?

— Он самый, сэр,— ответил мистер Сквирс с видом крайнего изумления.

— Джентльмен, который дал объявление в газете «Таймс»? — продолжал незнакомец.

— В «Морнинг Пост», «Кроникл», «Геральд» и «Адвертайзер» * касательно академии, называемой Дотбойс-Холл, в очаровательной деревне Дотбойс, близ Грета-Бридж в Йоркшире,— присовокупил мистер Сквирс.— Вы пришли по делу, сэр. Об этом я заключаю, видя моих юных друзей. Как поживаете, мои юные джентльмены? И как поживаете *вы,* сэр?

Произнеся такое приветствие, мистер Сквирс погладил по головке двух щуплых мальчиков с ввалившимися глазами, которых привел с собой незнакомец, и стал ждать дальнейших сообщений.

— Я состою в фирме, торгующей масляными красками. Моя фамилия Снаули, сэр,— сказал незнакомец.

Сквирс наклонил голову, как бы желая сказать: «Прекрасная фамилия!»

Незнакомец продолжал:

— Я подумываю о том, чтобы поместить моих двух мальчиков в вашу школу, мистер Сквирс.

— Не мне это говорить, сэр,— отозвался мистер Сквирс,— но полагаю, что лучше вам ничего не найти.

— Гм! — сказал тот.— Кажется, двадцать фунтов в год, мистер Сквирс?

— Гиней,— с вкрадчивой улыбкой возразил владелец школы.

— За двоих — фунты, полагаю я, мистер Сквирс,— с важностью сказал мистер Снаули.

— Вряд ли это возможно, сэр,— ответил Сквирс, словно никогда не задумывался над таким предложением.— Позвольте-ка: четырежды пять — двадцать; удвойте эту сумму и вычтите... ну что ж, одним фунтом больше или меньше — это не помешает нам договориться. Вы меня порекомендуете вашим родственникам, сэр, и это послужит возмещением.

— Мальчики не очень много едят,— сказал мистер Снаули.

— О, это не имеет ровно никакого значения! — отозвался Сквирс.— Мы в нашем заведении не обращаем внимания на аппетит мальчуганов.

Это была сущая правда: на аппетит внимания не обращали.

— Все полезное для здоровья, что только может дать Йоркшир, сэр,— продолжал Сквирс,— все прекрасные нравственные правила, какие может внушить миссис Сквирс, все... короче говоря, все домашние удобства, какие только может пожелать мальчуган, все будет им предоставлено, мистер Снаули.

— Мне бы хотелось, чтобы сугубое внимание было уделено их нравственности,— сказал мистер Снаули.

— Я рад этому, сэр,— приосанившись, отозвался владелец школы.— Они попадут как раз в надлежащее место для усвоения нравственных правил, сэр.

— Вы сами человек высоконравственный,— сказал мистер Снаули.

— Надеюсь, сэр,— ответил Сквирс.

— Я имею удовольствие знать, что это так, сэр,— сказал мистер Снаули.— Я справлялся у одного из тех, кто вас рекомендовал, и он сказал, что вы благочестивы.

— Надеюсь, сэр, я имею к этому некоторую склонность,— ответил Сквирс.

— Надеюсь, что и я имею,— отозвался мистер Снаули.— Мне бы хотелось сказать вам несколько слов в соседнем отделении за перегородкой.

— Разумеется,— осклабился Сквирс.— Милые мои, поболтайте минутку-другую с вашим новым товарищем по играм. Это один из моих воспитанников, сэр. Фамилия его Беллинг; он из Таунтона, сэр.

— Вот как? — отозвался мистер Снаули, воззрившись на бедного мальчугана, словно тот был какой-то диковинкой.

— Он едет со мной завтра, сэр,— сказал Сквирс.— А сейчас он сидит на своих пожитках. Каждому мальчику, сэр, полагается захватить с собой два костюма, шесть рубашек, шесть пар носков, два ночных колпака, два носовых платка, две пары башмаков, две шляпы и бритву.

— Бритву! — воскликнул мистер Снаули, когда они перешли в соседнее отделение.— Зачем?

— Чтобы бриться,— ответил Сквирс, медленно и раздельно.

Ничего особенного не было в этих двух словах, но тон, каким они были произнесены, должен был привлечь внимание, так как владелец школы и его собеседник пристально смотрели друг на друга в течение нескольких секунд, а затем обменялись весьма многозначительной улыбкой. Снаули был человек елейного вида, с приплюснутым носом, одетый в темный костюм, а на ногах его были длинные черные гетры; физиономия его выражала величайшее смирение и святость; тем более примечательна была его улыбка без всякой явной причины.

— А до каких лет мальчики могут оставаться у вас в школе? — спросил он наконец.

— До тех пор, пока их друзья будут вносить плату каждые три месяца моему агенту в столице или до той поры, пока они не сбегут,— ответил Сквирс.— Давайте

говорить начистоту; я вижу, что мы друг друга поймем. Что это за мальчики? Незаконнорожденные дети?

— Нет,— возразил Снаули, встретив взгляд единственного глаза владельца школы.— Вы ошибаетесь.

— Я думал, что незаконнорожденные,— хладнокровно сказал Сквирс.— У нас таких очень много. Вон и тот мальчик.

— Тот, что в соседнем отделении? — спросил Снаули.

Сквирс утвердительно кивнул головой; его собеседник еще раз взглянул на мальчугана, сидящего на сундуке, и, отвернувшись с таким видом, словно был крайне разочарован его сходством с другими мальчиками, заявил, что ему бы это и в голову не пришло.

— Однако это так! — воскликнул Сквирс.— Но вернемся к вашим мальчикам. Вы хотели поговорить со мной?

— Да,— ответил Снаули.— Дело в том, что я им не отец, мистер Сквирс: я всего-навсего отчим.

— Ах, вот оно что! — воскликнул владелец школы.— Теперь сразу все объяснилось. Я удивлялся, какого черта вы хотите отправить их в Йоркшир. Ха-ха! О, теперь я понимаю!

— Я, видите ли, женился на их матери,— продолжал Снаули.— Держать мальчиков дома стоит дорого, а так как у нее есть маленькое состояние, находящееся в ее распоряжении, то я опасаюсь (женщины так неразумны, мистер Сквирс), как бы она не растратила деньги на них, что было бы, знаете ли, гибельно для этих детей.

— *Понимаю,*— отозвался Сквирс, откидываясь на спинку стула и помахивая рукой.

— И это побудило меня,— заключил Снаули,— поместить их в какой-нибудь пансион, подальше, где не бывает никаких каникул — никаких нелепых приездов домой дважды в год, которые так нарушают равновесие детей,— и где они могли бы немножко закалиться, понимаете?

— Плата вносится вовремя, и никаких вопросов не будет,— сказал Сквирс, кивая головой.

— Совершенно верно,— подхватил тот.— Однако серьезное ли внимание уделяется нравственности?

— Серьезное,— сказал Сквирс.

— Полагаю, домой разрешается писать не слишком часто? — не без колебания спросил отчим.

— Вообще не разрешается, если не считать рождественского письма, в котором они сообщают, что никогда еще не были так счастливы, и выражают надежду, что за ними никогда не пришлют,— ответил Сквирс.

— Лучшего и пожелать нельзя,— потирая руки, сказал отчим.

— Теперь, когда мы друг друга поняли,— сказал Сквирс,— разрешите мне вас спросить, почитаете ли вы меня человеком добродетельным, примерным и порядочным в частной жизни и питаете ли глубочайшее доверие к моей неукоснительной честности, прямоте, религиозным принципам и дарованиям, поскольку я являюсь лицом, чей долг — брать на себя заботу о молодежи?

— Несомненно! — сказал отчим, отвечая на усмешку владельца школы.

— Может быть, вы не откажетесь это удостоверить, если я обращусь к вам за рекомендацией.

— Разумеется не откажусь.

— Вот что значит дело делать! Это мне по вкусу,— сказал Сквирс, беря перо.

Записав адрес мистера Снаули, владелец школы приступил к еще более приятному занятию — написал расписку в получении вперед платы за первые три месяца,— и едва успел он с этим покончить, как раздался голос, осведомляющийся, здесь ли мистер Сквирс.

— Здесь,— отозвался владелец школы.— Что нужно?

— Поговорить по делу, сэр,— сказал, входя в комнату, Ральф Никльби, за которым шел по пятам Николас.— Сегодня утром было помещено в газетах ваше объявление?

— Совершенно верно, сэр. Пожалуйста, пройдите сюда,— сказал Сквирс, который к тому времени вернулся в отделение кофейни, где был камин.— Не угодно ли присесть?

— Да, пожалуй,— ответил Ральф, согласуя слово с делом и кладя шляпу на стоявший перед ним стол.— Это мой племянник, сэр, мистер Николас Никльби.

— Как поживаете, сэр? — спросил Сквирс.

Николас поклонился, сказал, что поживает очень

хорошо, и, казалось, был весьма поражен наружностью владельца Дотбойс-Холла: так оно и было.

— Вероятно, вы меня узнаете? — сказал Ральф, пристально глядя на владельца школы.

— Кажется, сэр, вы в течение нескольких лет уплачивали мне небольшую сумму каждые полгода, когда я приезжал в город,— ответил Сквирс.

— Уплачивал,— отозвался Ральф.

— Вместо родителей мальчика, по фамилии Доркер, который, к несчастью...

— ...к несчастью, умер в Дотбойс-Холле,— закончил фразу Ральф.

— Я это прекрасно помню, сэр,— подхватил Сквирс.— Ах, сэр, миссис Сквирс была привязана к мальчику, как к родному сыну! Сколько внимания уделяли этому мальчугану во время его болезни! Ежедневно, утром и вечером, ему предлагали гренки и теплый чай, когда он уже ничего не мог проглотить, свечу поставили в спальне в ту самую ночь, когда он умер, лучший лексикон принесли, чтобы подложить ему под голову. Впрочем, я об этом не жалею. Утешительно думать, что долг по отношению к нему исполнен.

Ральф улыбнулся так, словно вовсе не хотел улыбаться, и окинул взглядом находившиеся здесь незнакомые лица.

— Это мои воспитанники,— сказал Уэкфорд Сквирс, указывая на мальчугана, сидящего на сундуке, и двух мальчиков, сидящих на полу, которые молча таращили глаза друг на друга и на все лады вертелись, по обычаю всех мальчуганов, только что завязавших знакомство.— Этот джентльмен, сэр,— родитель, оказавший мне любезность похвалить систему воспитания, принятую в Дотбойс-Холле, который находится, сэр, в очаровательной деревне Дотбойс, близ Грета-Бридж в Йоркшире, где мальчиков принимают на пансион, обеспечивают одеждой, книгами, умывают, снабжают карманными деньгами...

— Все это нам известно, сэр,— с раздражением перебил Ральф,— об этом говорится в объявлении.

— Вы совершенно правы, сэр, об этом говорится в объявлении,— подтвердил Сквирс.

— И это верно,— вмешался мистер Снаули.— Я считаю своим долгом заверить вас, сэр, и горжусь возможностью вас заверить, что мистера Сквирса я почитаю джентльменом весьма добродетельным, примерным, порядочным и...

— Я в этом не сомневаюсь, сэр,— перебил Ральф, обрывая поток рекомендаций,— отнюдь не сомневаюсь. Не приступить ли нам к делу?

— От всей души согласен, сэр,— ответил Сквирс.— «Никогда не уклоняйтесь от дела» — вот первое правило, которое мы внушаем нашим ученикам, изучающим коммерцию. Беллинг, дорогой мой, помните о нем всегда. Слышите?

— Да, сэр,— ответил Беллинг.

— Запомнил ли он? — осведомился Ральф.

— Повторите правило джентльмену,—произнес Сквирс.

— Никогда не...— начал юный Беллинг.

— Очень хорошо,— сказал Сквирс,— продолжайте.

— Никогда не...— повторил юный Беллинг.

— Прекрасно! — сказал Сквирс.

— У...— добродушно подсказал Николас.

— Увлекайтесь... делом! — сказал юный Беллинг.— Никогда... не увлекайтесь... делом!

— Очень хорошо, сэр! — сказал Сквирс, бросив уничтожающий взгляд на провинившегося.— В ближайшее время мы с вами увлечемся одним делом, нас лично касающимся.

— А сейчас,— сказал Ральф,— не лучше ли приступить к нашему делу?

— Как вам будет угодно,— сказал Сквирс.

— Видите ли,— продолжал Ральф,— дело несложное; изложить его недолго и покончить с ним, надеюсь, легко. Вы напечатали в объявлении, что вам нужен способный помощник, сэр?

— Совершенно верно,— сказал Сквирс.

— И вам он действительно нужен?

— Разумеется,— ответил Сквирс.

— Вот он налицо! — сказал Ральф.— Мой племянник Николас только что со школьной скамьи, голова забита всем, чему его обучали, в карманах пусто — самый подходящий для вас человек.

— Боюсь,— сказал Сквирс, смущенный подобным предложением, исходившим от юноши с такою внешностью, как у Николаса,— боюсь, что этот молодой человек мне не подойдет.

— Нет, подойдет,— сказал Ральф.— Мне лучше знать. Не падайте духом, сэр: не пройдет и недели, как у вас в Дотбойс-Холле будут обучаться все молодые аристократы, разве что этот джентльмен окажется более упрямым, чем я полагаю.

— Боюсь, сэр,— сказал Николас, обращаясь к мистеру Сквирсу,— что для вас препятствием служит моя молодость и то обстоятельство, что я не магистр искусств?

— Отсутствие ученого звания действительно является препятствием,— ответил Сквирс, постаравшийся напустить на себя важность и приведенный в замешательство контрастом между простодушием племянника и развязностью дяди, а также непонятным упоминанием о молодых аристократах, находящихся на его попечении.

— Послушайте, сэр,— сказал Ральф,— я вам в две секунды представлю это дело в истинном его свете.

— Будьте любезны,— отозвался Сквирс.

— Перед вами мальчик, или юноша, или подросток, или молодой человек, или недоросль, которому лет восемнадцать — девятнадцать,— сказал Ральф.

— Это я вижу,— заметил владелец школы.

— И я вижу,— сказал мистер Снаули, почитая своим долгом оказывать время от времени поддержку новообретенному другу.

— Отец его умер. Он ни малейшего понятия не имеет о жизни, средств у него нет никаких, и он хочет найти хоть какую-нибудь работу,— сказал Ральф.— Я его рекомендую в ваше превосходное заведение, что открывает ему возможность завоевать себе положение, если он эту возможность использует. Понимаете?

— Как не понять! — воскликнул Сквирс, пытаясь воспроизвести ту усмешку, с какою старый джентльмен смотрел на своего ничего не подозревающего родственника.

— Что до меня, то, конечно, я понимаю,— с жаром сказал Николас.

— Вот видите, он, конечно, понимает,— тем же сухим, жестким тоном сказал Ральф.— Если по капризу

ему вздумается отказаться от этой блестящей возможности, прежде чем он хорошенько ею воспользуется, я почитаю себя освобожденным от обязанности оказывать какую бы то ни было поддержку его матери и сестре. Посмотрите на него и подумайте о том, что он может быть вам очень полезен! А теперь возникает вопрос: не послужит ли он вашим целям, во всяком случае на ближайшее время, лучше, чем двадцать человек, которых вы могли бы заполучить при обычных обстоятельствах. Разве подобный вопрос не заслуживает размышлений?

— Заслуживает,— сказал Сквирс, отвечая кивком на кивок Ральфа.

— Прекрасно! — отозвался Ральф.— Разрешите мне сказать вам два слова.

Эти два слова были сказаны наедине. Минуты через две мистер Уэкфорд Сквирс объявил, что мистер Николас Никльби, начиная с этой минуты, окончательно назначен и принят на место первого помощника учителя в Дотбойс-Холле.

— Этим вы обязаны рекомендации вашего дяди, мистер Никльби,— сказал Уэкфорд Сквирс.

Николас, восхищенный удачей, крепко пожал руку дяде и готов был тут же вознести до небес Сквирса.

«Вид у него странный,— думал Николас.— Ну так что же! Странным на вид был Порсон, а также доктор Джонсон *. Таковы все книжные черви».

— Мистер Никльби,— сказал Сквирс,— завтра в восемь часов утра отъезжает пассажирская карета. Вы должны явиться сюда на четверть часа раньше, так как мы берем с собой этих мальчуганов.

— Разумеется, сэр,— сказал Николас.

— А за ваш проезд я заплатил,— проворчал Ральф.— Стало быть, вам нужно позаботиться только о том, чтобы одеться потеплее!

Еще один пример великодушия дяди! Николас столь глубоко почувствовал неожиданную его доброту, что с трудом нашел слова благодарности; в сущности, он и половины их еще не нашел, когда они распрощались с владельцем школы и вышли из ворот гостиницы «Голова Сарацина».

— Я буду здесь завтра утром, чтобы отправить вас в путь,— сказал Ральф.— Не вздумайте пойти на попятный!

— Благодарю вас, сэр,— ответил Николас.— Я никогда не забуду вашей доброты.

— Постарайтесь не забыть,— ответил дядя.— А сейчас ступайте-ка домой и уложите те вещи, какие у вас имеются. Как вы думаете, вы найдете дорогу к Гольдн-скверу?

— Разумеется,— сказал Николас.— Мне ничего не стоит расспросить.

— В таком случае передайте эти бумаги моему клерку,— сказал Ральф, извлекая из кармана маленький сверток,— и скажите ему, чтобы он ждал моего возвращения.

Николас охотно согласился передать сверток и, любезно пожелав всего наилучшего своему достойному дяде, на что добросердечный старый джентльмен ответил ворчанием, отправился в путь выполнять поручение.

Не мешкая, он добрался до Гольдн-сквера. Мистер Ногс, заглянувший на одну-две минуты в трактир, отпирал дверь американским ключом, когда Николас поднялся по ступеням.

— Что это такое? — осведомился Ногс, указывая на сверток.

— Бумаги от моего дяди,— ответил Николас.— А вы будьте так добры подождать, пока он не вернется домой.

— От дяди? — воскликнул Ногс.

— От мистера Никльби,— пояснил Николас.

— Войдите,— сказал Ньюмен.

Не прибавив больше ни слова, он ввел Николаса в коридор, а оттуда в контору-чулан в конце коридора, где подтолкнул его к столу и, взобравшись на свой высокий табурет, уселся, свесив руки по обеим сторонам и глядя пристально на Николаса как бы с наблюдательной вышки.

— Никакого ответа не нужно,— сказал Николас, положив сверток подле него на стол.

Ньюмен ничего не сказал и, сложив руки и вытянув шею, словно желая лучше разглядеть лицо Николаса, продолжал все так же пристально изучать его черты.

— Никакого ответа,— очень громко повторил Николас, полагая, что Ньюмен Ногс глух.

Ньюмен положил руки на колени и, не произнося ни звука, все так же внимательно всматривался в лицо своего собеседника.

Такое поведение совершенно незнакомого человека было столь странно, а наружность его столь своеобразна, что Николас, довольно быстро подмечавший смешные стороны, не мог удержаться от улыбки, когда осведомился, нет ли у мистера Ногса каких-нибудь поручений для него.

Ногс покачал головой и вздохнул, после чего Николас поднялся и, сказав, что не нуждается в отдыхе, пожелал ему всего хорошего.

Со стороны Ньюмена Ногса потребовалось огромное усилие, и никто по сей день не знает, как удалось ему заставить себя задать вопрос, раз он имел дело с человеком совершенно незнакомым; как бы там ни было, но он перевел дух и сказал — сказал громко, ни разу не запнувшись, что, если молодой джентльмен не возражает, ему хотелось бы знать, что намерен для него сделать его дядя.

У Николаса не было решительно никаких возражений — напротив, он как будто обрадовался случаю поговорить на тему, занимавшую его мысли. Итак, он снова уселся и (пылкое его воображение разгоралось, по мере того как он говорил) приступил к пламенному и ослепительному описанию всех тех почестей и преимуществ, какие даст ему назначение в эту ученую обитель Дотбойс-Холл.

— Но что с вами? Вы больны? — воскликнул Николас, внезапно обрывая рассказ, так как его собеседник, принимая разнообразные неуклюжие позы, засунул руки под табурет и затрещал суставами пальцев, как будто ломал себе все кости.

Ньюмен Ногс ничего не ответил и продолжал пожимать плечами и трещать суставами пальцев, все время улыбаясь ужасной улыбкой, и, вытаращив глаза, пристально глядел в пространство самым устрашающим образом.

Сначала Николасу пришло в голову, что с загадочным человеком припадок, но, поразмыслив, он решил, что

тот под хмельком, и при таких обстоятельствах счел разумным удалиться немедленно. Распахнув дверь на улицу, он оглянулся. Ньюмен Ногс все еще проделывал те же странные телодвижения, и пальцы трещали громче, чем когда бы то ни было.

ГЛАВА V

Николас отправляется в Йоркшир. О его отъезде и попутчиках и о том, что постигло их в дороге

Если бы слезы, упавшие в чемодан, предохраняли его владельца от печали и злоключений, Николас Никльби начал бы свое путешествие при самых благоприятных предзнаменованиях. Столько нужно было сделать и так мало было времени для этого, столько ласковых слов нужно было сказать, а в сердцах, где они зарождались, столько было горечи, мешавшей говорить, что маленькие приготовления к его отъезду прошли очень грустно. Сколько вещей, которые тревожная заботливость матери и сестры почитала необходимыми для его удобств, Николас уговорил их оставить! Ведь впоследствии они могут пригодиться, или же в случае необходимости их удастся обратить в деньги. Сколько беззлобных разногласий по этому поводу возникало в печальный вечер накануне его отъезда! А так как после каждого незлобивого спора они все приближались к концу несложных приготовлений, то Кэт суетилась все больше и больше и плакала все тише.

Дорожный сундучок был, наконец, уложен, и тогда уселись за ужин, к которому прибавили по этому случаю кое-какие вкусные вещи, а чтобы покрыть расход, Кэт и ее мать притворились, будто пообедали, пока Николаса не было дома. Бедный юноша чуть не подавился, пытаясь принять участие в ужине, и едва не задохнулся, стараясь шутить и заставляя себя невесело смеяться. Так томились они, хотя давно уже надо было идти спать, а потом они обнаружили, что могли бы и раньше дать исход подлинным своим чувствам, ибо при всем желании не в силах

были их подавить. И тогда они позволили чувствам одержать верх, и даже в этом было какое-то облегчение.

Николас крепко спал до шести часов утра; ему снился родной дом или то, что прежде было родным домом,— это неважно, ибо, благодарение богу, вещи, изменившиеся или исчезнувшие, возвращаются к нам во сне такими, какими когда-то были; он проснулся свежим и бодрым, написал карандашом несколько слов на прощанье, так как боялся произнести их вслух, и, положив записку и половину своих скудных сбережений у двери сестры, взвалил на плечи дорожный сундучок и бесшумно спустился вниз.

— Это вы, Ханна? — раздался голос из гостиной мисс Ла-Криви, где виднелся слабый свет свечи.

— Это я, мисс Ла-Криви,— сказал Николас, поставив сундучок и заглядывая в комнату.

— Ах, боже мой! — воскликнула мисс Ла-Криви, вздрогнув и схватившись рукой за свои папильотки.— Вы очень рано встали, мистер Никльби.

— Так же, как и вы,— ответил Николас.

— Изящные искусства поднимают меня с постели, мистер Никльби,— заявила леди.— Я жду света, чтобы осуществить один замысел.

Мисс Ла-Криви встала рано, чтобы нарисовать фантастический нос на миниатюре безобразного мальчугана, предназначенной для посылки в провинцию его бабушке, которая, как надеялись, завещает ему свое состояние, если обнаружит фамильное сходство.

— Чтобы осуществить один замысел,— повторила мисс Ла-Криви.— И вот почему очень удобно жить на такой оживленной улице, как Стрэнд. Если мне нужен нос или глаза для какой-нибудь модели, я просто-напросто выглядываю из окна и жду, пока они мне не попадутся.

— А много нужно времени, чтобы попался нос? — улыбаясь, осведомился Николас.

— Видите ли, это зависит главным образом от формы,— ответила мисс Ла-Криви.— В курносых и римских недостатка нет, а также в приплюснутых всех видов и размеров — когда бывает собрание в Эксетер-Холле; * но безупречно орлиные, должна, к сожалению, сказать, встречаются редко, и мы обычно пользуемся ими для военных и для общественных деятелей.

— Вот как! — сказал Николас.— Если я встречу такие носы во время моего путешествия, я постараюсь зарисовать их для вас.

— Неужели вы хотите сказать, что и в самом деле отправляетесь в такой дальний путь, в Йоркшир, в холодную зимнюю пору, мистер Никльби? — спросила мисс Ла-Криви.— Я что-то об этом слыхала вчера вечером.

— Совершенно верно,— ответил Николас.— Приходится, знаете ли, ехать, когда кто-то гонит. Меня гонит нужда, а нужда тоже бывает извозчиком.

— Я очень огорчена,— вот все, что я могу сказать,— поведала мисс Ла-Криви.— Огорчена так же из-за вашей матери и сестры, как и из-за вас. Ваша сестра очень хорошенькая молодая леди, мистер Никльби, и это еще одна причина, почему при ней должен быть человек, который бы ее охранял. Я уговорила ее попозировать мне раза два для витрины у парадной двери. Ах, какая прелестная получится миниатюра!

С этими словами мисс Ла-Криви взяла портрет на слоновой кости, весьма отчетливо пересеченной небесно-голубыми жилками, и посмотрела на него с таким самодовольством, что Николас не на шутку ей позавидовал.

— Если вам когда-нибудь представится случай оказать внимание Кэт,— сказал Николас, протягивая ей руку,— я думаю, вы это сделаете.

— Можете на меня положиться,— отозвалась добросердечная миниатюристка.— Да благословит вас бог, мистер Никльби, а я желаю вам всего хорошего.

Николас очень мало знал свет, но, догадываясь о его обычаях, подумал, что, если он разок поцелует мисс Ла-Криви, она, быть может, будет не менее дружески расположена к тем, кого он покидал. Поэтому он с шутливой галантностью поцеловал ее раза три-четыре, а мисс Ла-Криви не обнаружила серьезных признаков неудовольствия и, поправив свой желтый тюрбан, заявила только, что никогда не слыхивала о таких вещах и ни за что бы этому не поверила.

Положив столь удовлетворительным образом конец неожиданному свиданию, Николас поспешно вышел из дому. Когда он отыскал человека, который взялся нести его сундучок, было только семь часов, поэтому он шел

медленно, слегка опередив носильщика, и, по всей вероятности, далеко не с таким легким сердцем, как носильщик, хотя у того оно не было прикрыто жилетом и, судя по виду других принадлежностей костюма, он несомненно переночевал в конюшне, а позавтракал у водокачки.

Наблюдая с большим любопытством и интересом деятельные приготовления к наступающему дню, которые заметны были на каждой улице и чуть ли не в каждом доме, и раздумывая не без горечи о том, что столько людей всяких сословий и званий могут зарабатывать себе на жизнь в Лондоне, а он в поисках заработка принужден ехать так далеко,— Николас вскоре добрался до «Головы Сарацина», в Сноу-Хилле. Отпустив носильщика и позаботившись о том, чтобы сундучок был благополучно доставлен в контору пассажирских карет, он заглянул в кофейню, отыскивая мистера Сквирса.

Сего ученого джентльмена он застал за завтраком, а на скамейке против него сидели в ряд три маленьких мальчика, упомянутых раньше, и еще два, которые, по счастливой случайности, появились уже после свидания, состоявшегося накануне. Перед мистером Сквирсом стояла маленькая чашка кофе, тарелка с горячими гренками и холодный ростбиф; но в настоящую минуту он был занят приготовлением завтрака для мальчиков.

— Здесь молока на два пенса, не так ли, любезный? — спросил мистер Сквирс, заглядывая в большую синюю кружку и осторожно наклоняя ее, чтобы хорошенько определить количество жидкости, содержавшейся в ней.

— На два пенса, сэр,— ответил лакей.

— Да, что и говорить, в Лондоне молоко — редкость! — со вздохом сказал мистер Сквирс.— Уильям, долейте-ка эту кружку теплой водой!

— Доверху, сэр? — осведомился лакей.— Да ведь молоко утонет в ней!

— Неважно,— отозвался мистер Сквирс.— Поделом ему, раз оно так дорого стоит. Вы заказали хлеба и масла на троих?

— Сейчас будет подано, сэр.

— Спешить незачем,— сказал Сквирс,— времени сколько угодно. Обуздывайте свои страсти, мальчики, и не волнуйтесь при виде еды.

Произнеся это нравоучение, мистер Сквирс отрезал большой кусок ростбифа и взглянул на Николаса.

— Присаживайтесь, мистер Никльби,— сказал Сквирс.— А мы, как видите, завтракаем.

Николас не видел, чтобы кто-нибудь завтракал, кроме мистера Сквирса; однако он поклонился с надлежащей почтительностью и постарался казаться бодрым.

— О, молоко с водой, не так ли, Уильям? — сказал Сквирс.— Прекрасно. А теперь не забудьте о хлебе и масле.

При этом новом упоминании о хлебе и масле пять мальчиков пришли в волнение и проводили глазами слугу; тем временем мистер Сквирс отведал молока с водой.

— А! — причмокивая, сказал этот джентльмен.— Как вкусно! Мальчики, подумайте о многочисленных нищих и сиротах на улицах, как бы они этому обрадовались. Ужасная штука — голод, не так ли, мистер Никльби?

— Ужасная, сэр,— отозвался Николас.

— Когда я скажу: «Номер первый»,— продолжал мистер Сквирс, поставив кружку перед детьми,— мальчик слева, ближайший к окну, может пить; а когда я скажу: «Номер второй», пить будет мальчик, сидящий рядом с ним, и так далее, пока мы не дойдем до номера пятого — до последнего мальчика. Вы готовы?

— Да, сэр! — с жаром воскликнули все мальчики.

— Прекрасно! — сказал Сквирс, спокойно продолжая завтракать.— Готовьтесь и ждите, пока я вам не скажу: «Начинайте». Подавляйте свой аппетит, мои милые, и вы преодолеете человеческую природу. Вот как мы воспитываем силу духа, мистер Никльби,— обратился владелец школы к Николасу, говоря с полным ртом, набитым ростбифом и гренками.

Николас пробормотал что-то в ответ — он и сам не знал что, а мальчики, разделяя свое внимание между кружкой, хлебом с маслом (к тому времени появившимся) и каждым куском, который мистер Сквирс отправлял себе в рот, сидели с выпученными глазами в муках ожидания.

— Возблагодарим бога за сытный завтрак! — сказал Сквирс, покончив с едой.— Номер первый может пить!

Номер первый с жадностью схватил кружку и выпил ровно столько, чтобы у него появилось желание выпить еще, но мистер Сквирс дал сигнал номеру второму, который в такой же животрепещущий момент должен был уступить кружку номеру третьему, и эта процедура продолжалась, пока номер пятый не покончил с молоком и водой.

— А теперь,— сказал владелец школы, разделяя три порции хлеба и масла на столько частей, сколько было мальчиков,— советую вам поторопиться с завтраком, потому что минуты через две прозвучит рожок и тогда все отправятся в путь.

Получив разрешение наброситься на еду, мальчики принялись есть жадно и поспешно, а владелец школы (который после завтрака находился в превосходнейшем расположении духа) ковырял вилкой в зубах и, улыбаясь, смотрел на них. Очень скоро раздался звук рожка.

— Я так и думал, что он не заставит себя ждать,— сказал Сквирс, вскакивая и доставая из-под скамейки небольшую корзинку.— Положите сюда то, что вы не успели доесть, мальчики! Вам это пригодится в дороге.

Николас был крайне изумлен такими экономическими порядками, но ему некогда было о них раздумывать, ибо маленьких мальчиков надлежало посадить на верх кареты, а сундучки их надлежало вынести и уложить, а что до багажа мистера Сквирса — надлежало позаботиться о том, чтобы его осторожно поместили в ящик под козлами, и все это входило в круг его обязанностей. Разгоряченный, впопыхах он заканчивал эти операции, когда его окликнул дядя, мистер Ральф Никльби.

— О, вот вы где, сэр! — сказал Ральф.— Вот ваши мать и сестра, сэр.

— Где? — воскликнул Николас, быстро оглядываясь.

— Здесь! — ответил дядя.— Располагая большими деньгами и не зная, что с ними делать, они расплачивались за наемную карету, когда я сюда пришел.

— Мы боялись, что опоздаем и не увидим его перед разлукой,— сказала миссис Никльби, обнимая сына и не обращая никакого внимания на посторонних людей во дворе.

— Прекрасно, сударыня! — отозвался Ральф.— Разумеется, вам судить. Я сказал только, что вы расплачива-

лись за наемную карету. Я никогда не плачу за наемную карету, сударыня, я никогда ее не нанимаю. Я не сидел в карете, мною нанятой, тридцать лет и, надеюсь, еще тридцать лет не буду сидеть, если столько проживу.

— Я бы никогда себе не простила, если бы не повидалась с ним,— сказала миссис Никльби.— Бедный дорогой мальчик!.. Ушел, даже не позавтракав, потому что боялся нас расстроить!

— Превосходно! — с величайшим раздражением воскликнул Ральф.— Когда я впервые поступил на работу, сударыня, отправляясь каждое утро в Сити *, я брал на завтрак хлеба на полпенни и полпинты молока. Что вы на это скажете, сударыня? Завтрак! Ба!

— Никльби,— сказал Сквирс, появляясь в этот момент и застегивая пальто,— мне кажется, вам следовало бы взобраться наверх, на заднее место. Я боюсь, как бы кто-нибудь из мальчиков не свалился, а тогда — пропали двадцать фунтов в год.

— Дорогой Николас,— прошептала Кэт, коснувшись руки брата,— кто этот грубый человек?

— Э! — проворчал Ральф, чуткий слух которого уловил эти слова.— Вы желаете, чтобы вас представили мистеру Сквирсу, моя милая?

— Так это владелец школы? Нет, дядя. О нет! — отшатнувшись, ответила Кэт.

— А я уверен, что не ослышался и что вы такое желание выразили, моя милая,— возразил Ральф свойственным ему холодным, саркастическим тоном.— Мистер Сквирс, вот моя племянница, сестра Николаса.

— Очень рад познакомиться с вами, мисс,— сказал Сквирс, приподнимая шляпу дюйма на два.— Хотел бы я, чтобы миссис Сквирс принимала девочек, и тогда вы были бы у нас учительницей. А впрочем, может она приревновала бы, если бы вы у нас жили. Ха-ха-ха!

Если бы в тот момент владелец Дотбойс-Холла мог читать в душе своего помощника, он не без удивления обнаружил бы, что ни разу в жизни не был так близок к тому, чтобы его здорово поколотили. Кэт Никльби, быстрее угадав чувства брата, потихоньку увлекла его в сторону и таким образом помешала мистеру Сквирсу установить этот факт весьма неприятным для него манером.

— Милый Николас,— спросила молодая леди,— кто этот человек? Что это за место, куда ты отправляешься?

— Я сам почти ничего не знаю, Кэт,— ответил Николас.— Мне кажется, жители Йоркшира довольно грубы и неотесанны, вот и все.

— А этот человек? — настаивала Кэт.

— Мой наниматель, или хозяин, или как там полагается его называть,— быстро ответил Николас,— а я осел, что истолковал в дурную сторону его грубость. Они смотрят на нас, и мне пора быть на своем месте. Господь с тобой, дорогая, прощай! Мама, думайте о том дне, когда мы снова встретимся! Дядя, до свиданья! Горячо благодарю вас за все, что вы сделали и намерены сделать. Я готов, сэр!

Торопливо бросив на прощание эти слова, Николас ловко взобрался на свое место и так нежно замахал рукой, словно отдавал свое сердце.

В тот момент, когда кучер и кондуктор в последний раз перед отправлением в путь проверяли список пассажиров, когда носильщики вымогали последние шестипенсовики, отдаваемые с великим трудом, газетчики в последний раз предлагали утреннюю газету, а лошади в последний раз нетерпеливо звякали сбруей, Николас почувствовал, как кто-то тихонько дергает его за ногу. Он посмотрел вниз; внизу стоял Ньюмен Ногс, который совал ему в руку грязное письмо.

— Что это? — осведомился Николас.

— Тише! — прошептал Ногс, указывая на мистера Ральфа Никльби, который в нескольких шагах от них с жаром говорил о чем-то со Сквирсом.— Возьмите. Прочтите. Никто не знает. Вот и все.

— Подождите! — воскликнул Николас.

— Нет,— ответил Ногс.

Николас крикнул еще раз:

— Подождите!

Но Ньюмен Ногс уже скрылся.

Суета, продолжавшаяся с минуту, стук захлопнувшихся дверец кареты, экипаж, накренившийся набок, когда грузный кучер и еще более грузный кондуктор вскарабкались на свои места, возглас «готово!», звуки рожка, торопливый взгляд, брошенный на два печальных лица

внизу и на суровые черты мистера Ральфа Никльби,— и карета уже скрылась из виду и загромыхала по булыжникам Смитфилда.

У мальчиков, сидевших на скамье, ноги были слишком коротки, чтобы на что-нибудь опереться, и в результате им грозила неминуемая опасность слететь с крыши кареты, а потому у Николаса было достаточно забот поддерживать мальчиков, пока ехали по мостовой. Не переставая работать руками, охваченный беспокойством, сопутствовавшим этой работе, он почувствовал немалое облегчение, когда карета остановилась у «Павлина» в Излингтоне *. Еще большее облегчение почувствовал он, когда плотный джентльмен с очень добродушным и очень румяным лицом вскарабкался сзади наверх и вызвался занять место на другом конце скамьи.

— Если мы посадим посредине кого-нибудь из этих малышей,— сказал вновь прибывший,— им будет грозить меньшая опасность, в случае если они заснут, а?

— Если уж вы так добры, сэр,— отозвался Сквирс,— это было бы чудесно. Мистер Никльби, пусть три мальчика сядут между вами и этим джентльменом. Беллинг и младший Снаули могут сидеть между мною и кондуктором. Трое детей,— пояснил незнакомцу Сквирс,— считаются за двоих.

— Право, я отнюдь не возражаю,— сказал джентльмен с румяным лицом.— У меня есть брат, который, конечно, не стал бы возражать, если бы его шестерых ребят считали за двоих у любого мясника или булочника в нашем королевстве. Отнюдь не стал бы!

— Шестеро ребят, сэр?! — воскликнул Сквирс.

— Да, и все мальчики,— ответил незнакомец.

— Мистер Никльби,— засуетившись, сказал Сквирс,— подержите эту корзинку. Разрешите вручить вам, сэр, проспект заведения, где эти шесть мальчиков могут получить широкое образование в высоконравственном духе, будьте уверены в этом! Двадцать гиней в год за каждого, двадцать гиней, сэр! — или же я приму всех мальчиков вместе со скидкой и назначу сто фунтов в год за шестерых.

— О! — сказал джентльмен, взглянув на проспект.— Полагаю, вы и есть упомянутый здесь мистер Сквирс?

— Да, это я,— ответил достойный педагог.— Мое имя мистер Уэкфорд Сквирс, и я его нимало не стыжусь. Эти мальчуганы — из числа моих воспитанников, сэр; это один из моих помощников, сэр,— мистер Никльби, сын джентльмена, весьма сведущ в математике, классиках и коммерции. У нас в нашей лавочке кое-как дело не делается! Мои воспитанники обучаются всевозможным наукам, сэр. Перед расходами мы никогда не останавливаемся, и с мальчуганами обращаются и умывают их, как в отчем доме.

— Честное слово, вот это удобства так удобства! — сказал джентльмен, посмотрев на Николаса с чуть заметной улыбкой и весьма заметным удивлением.

— Можете в этом не сомневаться, сэр! — подхватил Сквирс, засовывая руки в карманы пальто.— Я требую и получаю самые солидные гарантии. Я бы не принял ни одного мальчика, не получив гарантии, что мне будут платить пять фунтов пять шиллингов за квартал, да, не принял бы, даже если бы вы упали на колени и умоляли меня, обливаясь слезами!

— В высшей степени благоразумно,— заметил пассажир.

— Быть благоразумным — основное мое намерение и цель, сэр,— отозвался Сквирс.— Снаули-младший, если ты не перестанешь щелкать зубами и дрожать от холода, я сию же минуту согрею тебя здоровой трепкой.

— Держитесь крепче, джентльмены! — сказал кондуктор, взобравшись наверх.

— Там сзади все в порядке, Дик? — крикнул кучер.

— Все в порядке,— последовал ответ.— Покатили!

И карета покатила под оглушительные звуки кондукторского рожка и при безмолвном одобрении всех собравшихся у «Павлина» знатоков карет и лошадей, в особенности — при одобрении конюхов, которые стояли, перебросив через руку попоны, и следили за каретой, пока она не скрылась из виду, а затем, восхищенные, поплелись к конюшням, в грубоватых выражениях восхваляя на все лады великолепное отбытие.

Кондуктор (это был дюжий старый йоркширец) трубил, пока не задохся, после чего положил рог в маленький плетеный футляр, прикрепленный для этой цели к

стенке кареты, и, осыпав градом ударов свою грудь и плечи, заметил, что день на редкость холодный; затем он допросил всех по очереди, едут ли они до конечной станции, а если нет, то куда они едут. Получив удовлетворительные ответы на эти вопросы, он высказал предположение, что после вчерашнего ливня дорога довольно тяжелая, и дерзнул осведомиться, нет ли у кого из джентльменов табакерки с нюхательным табаком. Когда выяснилось, что ни у кого ее нет, он с таинственным видом заметил, что слыхал, как один джентльмен-медик, который ехал на прошлой неделе в Грентем, говорил, будто нюхательный табак вреден для глаз, но что до него, то он никогда этого не замечал, и, по его мнению, каждый должен судить по себе. Когда никто не попытался опровергнуть это положение, он вынул из своей шляпы маленький сверток в оберточной бумаге и, надев очки в роговой оправе, прочел раз шесть адрес (почерк был неразборчивый); покончив с этим, он опять спрятал сверток в шляпу, снял очки и пристально посмотрел на всех поочередно. После этого он снова в виде развлечения затрубил в рог, и так как все обычные темы разговора были истощены, скрестил руки, насколько это ему позволяли многочисленные его плащи, и, погрузившись в глубокомысленное молчание, стал равнодушно созерцать знакомые предметы, попадавшиеся по обеим сторонам дороги по мере продвижения кареты; единственное, что как будто его интересовало, были лошади и стада коров, которые он рассматривал с критической миной, когда они проходили по дороге.

Холод был пронизывающий, лютый; время от времени начинался сильный снегопад, а ветер был нестерпимо резкий. Мистер Сквирс выходил чуть ли не на каждой остановке — по его словам, для того чтобы размять ноги,— и так как после этих экскурсий он всегда возвращался с очень красным носом и немедленно располагался спать, то были основания предположить, что из этой процедуры он извлекал великую пользу. Маленькие ученики, подкрепившись остатками завтрака, а затем почерпнув новые силы благодаря нескольким чашечкам своеобразного бодрящего напитка, который находился у мистера Сквирса и по вкусу очень напоминал воду, настоенную на сухарях

и по ошибке налитую в бутылку из-под бренди,— ученики засыпали, просыпались, дрожали и плакали, повинуясь своим наклонностям. Николас и добродушный пассажир нашли много тем для разговора; они вели беседу, развлекали мальчиков, и время для них пролетело так быстро, как только это было возможно при столь неблагоприятных обстоятельствах.

Так прошел день. В Итон-Слокоме для пассажиров был готов сытный обед, который разделили сидевшие на козлах, а также четыре наружных передних пассажира, один сидевший внутри, Николас, добродушный человек и мистер Сквирс, в то время как пятерым мальчуганам предоставили оттаивать у очага и угощаться сандвичами *. Через одну-две остановки зажгли фонари, и много было суеты, когда у придорожной гостиницы заняла место в карете брюзгливая леди с великим множеством разнообразных плащей и свертков, которая громко сетовала на неприбытие ее собственного экипажа (доводя об этом до сведения наружных пассажиров) и вынудила у кондуктора торжественное обещание останавливать каждую встречную зеленую карету, им замеченную. Сие должностное лицо взялось исполнить поручение, дав в том пламенные заверения, хотя ночь была темная, а лицо сидело повернувшись в другую сторону. Наконец капризная леди, обнаружив, что в карете находится только один джентльмен, заставила зажечь фонарик, находившийся у нее в ридикюле, и когда после многих хлопот дверцу за ней захлопнули, лошади пустились резвым галопом, и снова карета быстро помчалась вперед.

Ночь и снегопад начались одновременно, и принесли они уныние. Не слышно было ни звука, кроме завывания ветра, ибо стук колес и топот лошадей заглушал толстый покров снега, окутавший землю и нараставший с каждой секундой. Улицы Стэмфорда были безлюдны, когда они проезжали через город, а над побелевшей землей вздымались старые его церкви, хмурые и темные. Еще через двадцать миль двое передних наружных пассажиров разумно воспользовались прибытием в одну из лучших гостиниц Англии и остановились переночевать у «Джорджа» в Грентеме. Остальные плотнее закутались в свои пальто и плащи и, распрощавшись с огнями и теплом города,

прислонились к багажу, как к подушкам, и с приглушенными стонами приготовились вновь встретить пронизывающий ветер, проносившийся над открытой равниной.

Они только что миновали одну станцию за Грентемом или же находились примерно на полпути между нею и Ньюарком, когда Николас, который на минуту заснул, внезапно встрепенулся от резкого толчка, едва не сбросившего его со скамьи. Ухватившись за перила, он обнаружил, что карета сильно накренилась набок, хотя лошади продолжали тащить ее вперед; испуганный нырявшими в снег лошадьми и громкими воплями леди, сидевшей в карете, он секунду колебался, прыгать ему или не прыгать, как вдруг карета преспокойно опрокинулась и, избавляя от всех дальнейших сомнений, выбросила его на дорогу.

ГЛАВА VI,

в которой происшествие, упомянутое в предшествующей главе, дает возможность двум джентльменам состязаться друг с другом, рассказывая истории

— Уо-хо! — крикнул кондуктор, через минуту очутившийся на ногах и бросившийся к передним лошадям.— Есть здесь хоть один джентльмен, который может мне пособить? Да стойте же смирно, будь вы прокляты! Уо-хо!

— В чем дело? — спросил Николас, озираясь спросонья.

— Дело? Дела хватит на целую ночь,— отозвался кондуктор.— Будь проклят гнедой с бельмом на глазу! Он, видно, взбесился, а карета и опрокинулась. Эй, послушайте, не поможете ли вы мне? Черт подери, я бы помог, даже если бы у меня все кости были переломаны.

— Иду! — крикнул Николас, с трудом поднимаясь на ноги.— Я готов! Меня только слегка оглушило, вот и все.

— Держите их крепко, пока я перережу постромки! — крикнул кондуктор.— Уж как-нибудь придержите их! Здóрово, приятель. Готово! А теперь отпустите! Они, проклятые, быстро добегут до дому.

И в самом деле, как только лошади получили свободу, они преспокойно пустились рысью назад, к конюшням, только что ими покинутым и находившимся на расстоянии не более мили.

— Можете вы затрубить в рог? — спросил кондуктор, снимая один из фонарей кареты.

— Думаю, что могу,— ответил Николас.

— Потрубите-ка вон в тот, что лежит на земле, да так, чтобы мертвые проснулись,— продолжал кондуктор,— а я постараюсь унять этот визг в карете. Иду, иду! Незачем поднимать такой шум, сударыня!

С этими словами он принялся открывать дверцу кареты, очутившуюся сверху, а Николас, схватив рог, разбудил далеко вокруг эхо, исполнив на этом инструменте одну из самых удивительных мелодий, когда-либо слышанных смертными. И она возымела действие, не только заставив очнуться тех пассажиров, которые, оглушенные падением, еще не пришли в себя, но и призвав помощь со стороны: вдали замелькали огни и фигуры людей.

Какой-то человек верхом на лошади прискакал галопом, прежде чем пассажиров собрали всех вместе, а когда приступили к тщательному расследованию, то обнаружилось, что леди в карете разбила свой фонарик, а джентльмен — голову; что два передних наружных пассажира отделались синяками под глазом, джентльмен рядом с кучером — расквашенным носом, кучер — ссадиной на виске, мистер Сквирс — ушибленной чемоданом спиной, а остальные пассажиры не получили ровно никаких повреждений благодаря мягкому снежному сугробу, в который они опрокинулись. Когда эти факты были окончательно установлены, леди рядом симптомов указала на приближение обморока, но, услышав предостережение, что в таком случае кому-нибудь из джентльменов придется тащить ее на спине до ближайшего трактира, она благоразумно изменила свое решение и пешком пошла назад вместе с остальными.

Добравшись до трактира, они обнаружили, что этот уединенный дом не очень удобен для размещения в нем,— в этом отношении все его ресурсы заключались в одной общей комнате, с полом, усыпанным песком, и в двух-трех стульях. Но после того как в очаг бросили большую

охапку хвороста и немалый запас угля, положение не замедлило улучшиться, а к тому времени, когда пассажиры смыли все поддающиеся уничтожению следы недавнего происшествия, в комнате уже было тепло и светло, что являлось большим благодеянием после холода и сумрака снаружи.

— Вы поступили прекрасно, мистер Никльби, удержав лошадей,— сказал Сквирс, прокрадываясь в самый теплый уголок.— Я бы и сам это сделал, если бы подоспел вовремя, но я очень рад, что вы это сделали. Вы это сделали очень хорошо, очень хорошо.

— Так хорошо,— сказал джентльмен с веселым лицом, казалось, не очень одобрявший покровительственный тон, усвоенный Сквирсом,— так хорошо, что если бы их не удержали на месте твердой рукой, у вас, по всей вероятности, не осталось бы мозгов для преподавания.

Это замечание послужило поводом к беседе касательно расторопности, обнаруженной Николасом, и его осыпали поздравлениями и похвалами.

— Конечно, я очень рад, что спасся,— заявил Сквирс,— всякий рад, когда спасается от опасности, но если бы хоть один из моих питомцев получил повреждения, если бы я не имел возможности вернуть кого-нибудь из этих мальчуганов его родителям целым и невредимым, каким я его получил,— что бы я тогда почувствовал? О, было бы лучше, если бы колесо прокатилось по моей голове!

— Все они братья, сэр? — осведомилась леди, обладавшая лампой Дэви *, иными словами — безопасной лампой.

— В известном смысле это так, сударыня,— ответил Сквирс, опуская руку в карман за проспектами.— Все они равно пользуются родительским любовным уходом. Миссис Сквирс и я заменяем каждому из них мать и отца. Мистер Никльби, передайте леди этот проспект, а вот этот предложите джентльмену. Быть может, они знают родителей, которые рады были бы обратиться в наше заведение.

Высказавшись в таком смысле, мистер Сквирс, никогда не упускавший случая воспользоваться даровой рекламой, положил руки на колени и посмотрел на своих

учеников с такой благосклонностью, какую только мог изобразить на лице, а Николас, краснея от стыда, вручал, как было ему поручено, проспекты.

— Надеюсь, вы не испытали никаких потрясений при падении, сударыня? — спросил джентльмен с веселым лицом, обращаясь к брюзгливой леди, словно он по доброте своей хотел переменить тему беседы.

— Никаких телесных потрясений,— ответила леди.

— Надеюсь, и никаких душевных потрясений?

— Этот разговор очень болезненно действует на мои чувства, сэр,— в сильном волнении ответила леди,— и я прошу вас, как джентльмена, оставить его.

— Ах, боже мой! — воскликнул джентльмен с веселым лицом, принимая еще более веселый вид.— Я хотел только осведомиться...

— Надеюсь, больше ни о чем осведомляться не будут,— сказала леди,— иначе я вынуждена буду прибегнуть к защите других джентльменов. Хозяин, пожалуйста, прикажите какому-нибудь мальчику сторожить снаружи у двери и, если мимо проедет по направлению к Грентему зеленая карета, немедленно ее остановить.

Обитатели дома были явно ошеломлены этой просьбой, а когда леди наказала мальчику запомнить для опознания ожидаемой зеленой кареты, что на козлах будет сидеть кучер в обшитой золотым галуном шляпе, а на запятках стоять лакей, по всей вероятности в шелковых чулках, любезность славной хозяйки гостиницы удвоилась. Даже пассажир с козел заразился этим и, став на редкость почтительным, осведомился, есть ли в здешних краях хорошее общество, на что леди ответила: «Да, есть!» — тоном, явно показывавшим, что она занимает место на самой его вершине.

— Кондуктор поехал верхом в Грентем за другой каретой,— сказал благодушный джентльмен, после того как они некоторое время провели молча у очага,— и вернется он не раньше чем через два часа, а потому я предлагаю распить чашу горячего пунша. Что скажете, сэр?

Этот вопрос был задан внутреннему пассажиру с разбитой головой, который оказался человеком очень благородной наружности, носившим траур. Он был еще не стар, но с седыми волосами; по-видимому, они поседели

преждевременно от забот или горя. Он охотно принял предложение, и, казалось, ему пришлось по вкусу искреннее добродушие человека, от которого оно исходило.

Этот последний взял на себя обязанности виночерпия, когда пунш был готов, и, разлив всем по кругу, завел речь о древностях Йорка, которые, по-видимому, были хорошо знакомы и ему и седому джентльмену. Когда эта тема исчерпалась, он с улыбкой повернулся к седому джентльмену и спросил, умеет ли тот петь.

— Право же, не умею,— ответил джентльмен, улыбаясь в свою очередь.

— Как жаль! — сказал обладатель добродушной физиономии.— Нет ли здесь кого-нибудь, кто бы мог спеть песню, чтобы скоротать время?

Пассажиры в один голос заявили, что не умеют, что сожалеют об этом, что они не могут припомнить без книги слова какой-нибудь песни, и так далее.

— Быть может, леди не будет возражать,— сказал председательствующий почтительно и с веселой искоркой в глазах.— Я уверен, что какая-нибудь итальянская песенка из последней оперы, шедшей в столице, будет самой подходящей.

Так как леди не снизошла до ответа, а лишь тряхнула презрительно головой и вновь выразила шепотом изумление по поводу отсутствия зеленой кареты, раздались один-два голоса, настаивавшие, что самому председателю подобает сделать первую попытку во имя общего блага.

— Я бы это сделал, если бы мог,— сказал джентльмен с добродушным лицом,— так как я считаю, что в данном случае, как и во всех других, когда люди, друг с другом незнакомые, неожиданно оказываются в одной компании, им нужно быть как можно любезнее для общей пользы.

— Хотел бы я, чтобы при всех случаях жизни почаще следовали этому правилу,— сказал седовласый джентльмен.

— Рад это слышать,— отозвался тот.— А может быть, раз вы не умеете петь, вы нам расскажете какую-нибудь историю?

— Нет. Я бы попросил вас.

— После вас расскажу с удовольствием.
— Вот как! — улыбаясь, сказал седовласый джентльмен.— Ну что ж, будь по-вашему! Боюсь, что направление моих мыслей не рассчитано на то, чтобы развлечь вас на те часы, какие предстоит вам здесь провести. Но вы это сами на себя навлекли, так будьте же справедливыми судьями! Мы только что беседовали об Йоркском соборе. Моя повесть имеет к нему некоторое отношение. Назовем ее «Пять сестер из Йорка».

Когда замер одобрительный шепот других пассажиров, а брюзгливая леди выпила украдкой стакан пунша, седовласый джентльмен начал так:

«Много-много лет назад — ибо пятнадцатому веку едва минуло в ту пору два года и король Генрих Четвертый восседал на престоле Англии — жили в древнем городе Йорке пять девушек-сестер, пять героинь моего рассказа.

Все эти пять сестер отличались редкой красотой. Старшей пошел двадцать третий год, вторая была на год моложе, третья — на год моложе второй, а четвертая — на год моложе третьей. Они были высокие, статные, с темными пламенными глазами и волосами цвета черного янтаря; достоинства и грации исполнено было каждое их движение, и слух о несравненной их красоте распространился широко по всей стране.

Но если красивы были четыре старшие сестры, то как прекрасна была младшая, прелестное шестнадцатилетнее создание! Румяные тона свежего плода и нежная окраска цветка были не более совершенны, чем розы и лилеи ее кроткого лица и глубокая синева ее глаз. Виноградная лоза во всем ее изящном великолепии была не более восхитительна, чем пышные каштановые кудри, развевавшиеся вокруг ее чела.

Если бы у всех у нас было такое же сердце, какое так весело бьется в груди юных и прекрасных, небом стала бы эта земля! Если бы в то время, как наши тела стареют и увядают, сердца наши могли сохранить юность и свежесть, какое значение имели бы наши горести и страдания! Но слабое воспоминание об Эдеме, в пору нашего детства запечатленное в сердцах, тускнеет в суровой борьбе с миром и вскоре стирается, сберегая часто только одни печальные останки.

Сердце этой прелестной девушки трепетало от радости и счастья. Преданность сестрам и горячая любовь ко всему прекрасному в природе — таковы были чистые ее чувства. Ее веселый голос и ликующий смех звучали сладчайшей музыкой в их доме. Она была его светом и жизнью. Самые яркие цветы в саду были выращены ею; птицы в клетках пели, заслышав ее голос, и чахли, когда не слышали его. Элис, милая Элис! Какое живое существо, находившееся в сфере ее нежного очарования, могло не полюбить ее!

Тщетно будете вы искать теперь то место, где обитали эти сестры, ибо даже их имена канули в небытие, и запыленные антикварии вещают о них, как о мифе. Но они жили в старом деревянном доме — старом даже в те времена — с нависающими фронтонами и балконами из дуба с грубой резьбой, в доме, стоявшем в чудесном фруктовом саду и обнесенном простой каменной стеною, откуда хороший стрелок мог пустить свою стрелу в аббатство Сент Мэри. В ту пору старое аббатство процветало, и пять сестер, живя в прекрасных его владениях, платили ежегодно подать черным монахам святого Бенедикта, братству которого принадлежала эта земля.

Ослепительным солнечным утром, в приятную летнюю пору, один из этих черных монахов покинул портал аббатства и направил свои стопы к дому прекрасных сестер. Сине было небо вверху, и зелена земля внизу; как бриллиантовая тропа, сверкала река на солнце; птицы распевали песни в ветвях тенистых деревьев; жаворонок взмыл высоко над волнующимися нивами, и густое гудение насекомых звучало в воздухе. Все словно радовалось и улыбалось, но мрачно ступал святой муж, устремив взоры долу. Красота земли — лишь дуновение, и человек — лишь тень. Мог ли питать к ним какое-то сочувствие святой проповедник?

И вот, не отрывая глаз от земли или подымая их чуть-чуть только для того, чтобы не наткнуться на какое-нибудь препятствие на пути, благочестивый муж медленно шествовал вперед, пока не достиг маленькой калитки в стене, окружавшей фруктовый сад сестер; в нее он вошел, закрыв ее за собою. Не успел он сделать несколько шагов, нежные голоса, ведущие беседу, и веселый смех

коснулись его слуха, и он, подняв взоры выше, чем повелевало смирение, узрел четырех сестер, сидевших неподалеку на траве, и в кругу их — Элис. Все были заняты привычной своей работой — вышиванием.

— Да благословит вас бог, прекрасные дочери! — сказал монах.

И поистине они были прекрасны. Даже монах мог возлюбить их, как совершенные создания, вышедшие из рук творца.

Сестры приветствовали святого мужа с подобающим почтением, и старшая предложила ему сесть на замшелую скамью рядом с ними. Но добрый монах покачал головой и плюхнулся на очень жесткий камень, чем несомненно доставил удовлетворение ангелам.

— Вы веселились, дочери,— сказал монах.

— Вы знаете, как беззаботна милая Элис,— ответила старшая сестра, перебирая пальцами косы улыбающейся девушки.

— И какая радость и счастье пробуждаются в нас, когда природа сияет в лучах солнца, отец! — добавила Элис, краснея под суровым взглядом затворника.

Монах ничего не ответил, он только с важностью склонил голову, а сестры молча продолжали вышивать.

— По-прежнему расточаете драгоценное время,— сказал, наконец, монах, обращаясь к старшей сестре,— попрежнему расточаете драгоценное время на суетные мелочи. Увы, увы! Возможно ли столь легкомысленно растрачивать немногие пузырьки на поверхности вечности — все, что по воле неба дано нам видеть в этом темном, глубоком потоке!

— Отец,— возразила девушка, отрываясь, как и другие сестры, от своей работы,— после утрени мы прочитали наши молитвы, ежедневная наша милостыня роздана у ворот, больным крестьянам оказана помощь,— все наши утренние обязанности исполнены. Надеюсь, наше занятие не заслуживает порицания?

— Взгляните,— сказал монах, беря у нее из рук пяльцы,— на это сложное сочетание ярких красок без цели и смысла, разве что когда-нибудь оно будет предназначено служить суетным украшением в утеху гордыни вашего слабого и ветреного пола. Дни за днями уходили

на эту бессмысленную работу, и, однако, она не готова даже наполовину. Тень каждого минувшего дня падает на нашу могилу, и при виде ее ликует червь, зная, что мы устремляемся к ней. Дочери, неужели нет лучшего способа проводить быстролетные часы?

Четыре старшие сестры потупили очи, словно пристыженные упреком святого мужа, но Элис подняла глаза и кротко посмотрела на монаха.

— Наша дорогая матушка,— сказала девушка,— да упокоит небо ее душу...

— Аминь! — глухо отозвался монах.

— ...наша дорогая матушка,— запинаясь, продолжала прекрасная Элис,— была еще жива, когда мы начали эту большую работу, и просила нас, когда ее не будет в живых, заниматься рукоделием со всем спокойствием и беззаботностью в часы досуга. Она говорила, что, если в невинном веселье и девических занятиях мы проведем эти часы вместе, они окажутся самыми счастливыми и безмятежными в нашей жизни, и если в будущем мы уйдем в мир и познаем его заботы и искушения, если, прельщенные его соблазнами и ослепленные его блеском, мы когда-нибудь забудем о той любви и том долге, какие должны связывать святыми узами детей любимой матери, взгляд на старое рукоделие вместе проведенных девических лет пробудит добрые мысли о минувших днях и смягчит наши сердца, исполнив их нежности и любви.

— Элис говорит правду, отец,— не без гордости сказала старшая сестра.

И с этими словами она, как и другие, вернулась к своей работе.

Большой образчик вышивки находился перед каждой сестрой; узор был сложный и запутанный, рисунок и цвета были одинаковые у всех пятерых. Сестры грациозно склонились над работой; подперев подбородок руками, монах молча переводил взгляд с одной на другую.

— Насколько было бы лучше,— сказал он, наконец,— бежать от всех таких мыслей и в мирном приюте церкви посвятить жизнь небу! Младенчество, детство, расцвет жизни и старость вянут так же быстро, как и сменяют друг друга. Подумайте о том, как стремится к могиле

прах человеческий, и, обратив лицо к этой цели, избегайте того облака, которое рождается среди мирских развлечений и обманывает чувства их приверженцев. Примите пострижение, дочери, примите пострижение.

— Никогда, сестры! — воскликнула Элис.— Не меняйте свет и воздух небес, и свежесть земли, и все прекрасное, что на ней дышит, на холодный монастырь и келью! Дары Природы — истинное благо жизни, и мы можем безгрешно делить его вместе. Смерть — наш тяжкий удел, но умрем, окруженные жизнью! Когда перестанут биться наши похолодевшие сердца, пусть горячие сердца бьются рядом. Пусть последний наш взгляд упадет на пределы, какими ограничил бог свой яркий небосвод, а не на каменные стены и железные решетки! Дорогие сестры, послушайтесь меня, будем жить и умрем в этом зеленом саду, но бегите от мрака и скорби монастыря, и мы будем счастливы!

Слезы брызнули из глаз девушки, когда она произнесла свою страстную мольбу и спрятала лицо на груди сестры.

— Утешься, Элис! — сказала старшая, целуя ее чистый лоб.— Покрывало монахини никогда не бросит тени на твое юное чело. Что скажете вы, сестры? Говорите не об Элис и не обо мне, а только о себе.

Сестры единодушно воскликнули, что жребий у них общий и что обители мира и добродетели могут быть и за пределами монастырских стен.

— Отец,— сказала старшая, с достоинством вставая,— вы слышали наше окончательное решение. Та благочестивая забота, которая обогатила аббатство Сент Мэри и поручила нас, сирот, святым его попечениям, предписала, чтобы ничем не стесняли наших склонностей, но чтобы нам дана была свобода жить по своей воле. Мы просим вас, не говорите нам больше об этом. Сестры, близок полдень. Укроемся в доме до вечера!

Поклонившись монаху, она встала и направилась к дому, ведя за руку Элис; остальные сестры шли за ними.

Святой муж, часто и настойчиво поднимавший этот вопрос, но никогда еще не встречавший такого прямого отпора, шел немного позади, опустив глаза долу и шевеля губами, словно читая молитву. Когда сестры при-

близились к крыльцу, он ускорил шаги и крикнул, чтобы они остановились.

— Стойте! — воскликнул монах, поднимая правую руку и переводя гневный взгляд с Элис на старшую сестру.— Стойте и выслушайте, каковы эти воспоминания, которые вы хотели бы ценить превыше вечности и пробуждать — если, по счастью, они дремлют — с помощью пустых игрушек. Память о земном обременена в последующей жизни горькими разочарованиями, печалями, смертью и изнуряющей скорбью. Настанет день, когда взгляд на бессмысленные безделушки раскроет глубокие раны в сердцах ваших и пронзит вас до самых глубин души. Когда придет этот час — и помните, он пробьет,— уйдите из мира, к которому влечетесь, в прибежище, вами отвергнутое! Найдите келью, которая была бы холоднее, чем огонь смертных, притушенный бедами и испытаниями, и там оплакивайте мечты юности. Такова воля неба, не моя,— сказал монах, понизив голос и окинув взором отпрянувших девушек.— Благословение девы да пребудет с вами, дочери!

С этими словами он скрылся за калиткой, а сестры поспешили в дом и в тот день больше не показывались.

Но природа продолжает улыбаться, хотя бы священники и хмурились, и на следующий день солнце светило ярко, и так было на следующий и еще на следующий день. И в сиянии утра и в кротком покое вечера пять сестер по-прежнему гуляли, работали или коротали часы в беззаботной беседе в своем тихом фруктовом саду.

Быстро протекало время, как течет рассказ, даже быстрее, чем многие рассказы, к числу которых, боюсь, можно отнести и этот. Дом пяти сестер стоял на старом месте, и те же деревья бросали приятную тень на траву в саду. И сестры были здесь, такие же прелестные, как и раньше, но перемены посетили их жилище. Иногда здесь слышалось бряцание доспехов, и лунные отблески падали на стальные шлемы; а иной раз измученные кони останавливались у ворот, и быстро скользила женская фигура, словно торопясь услышать весть, привезенную усталым посланцем. Однажды заночевала в стенах аббатства большая компания кавалеров и дам, а назавтра они уехали, и с ними две из прекрасных сестер. Потом всадники стали

появляться реже и, казалось, привозили недобрые вести; наконец они совсем перестали приезжать, и после захода солнца к воротам пробирались крестьяне с израненными ногами и передавали то, что было им поручено. Однажды в мертвый час ночи гонец прибыл в аббатство, и, когда настало утро, плач и стенания раздались в доме сестер, а потом спустилось на него унылое молчание, и больше не видно было здесь ни рыцарей, ни дам, ни коней, ни доспехов.

Хмурая мгла была в небе, и солнце закатилось во гневе, окрасив тусклые облака последними отблесками своей ярости, когда ярдах в ста от аббатства медленно проходил, скрестив руки, все тот же черный монах. Губительный туман пал на деревья и кусты, и время от времени ветер, нарушив, наконец, неестественную тишину, царившую весь день, вздыхал тяжело, словно предвещая с тоской те опустошения, какие принесет надвигающаяся буря. Летучая мышь в фантастическом полете скользила в тяжелом воздухе, а на земле кишели пресмыкающиеся твари, которых инстинкт привел питаться и жиреть под дождем.

Не были теперь устремлены долу взоры монаха; они блуждали вокруг и переходили с предмета на предмет, словно сумрак и запустение этих мест находили живой отклик в его душе. Снова приблизился он к дому сестер и снова вошел в калитку.

Но слуха его не коснулся смех, и взгляд его не остановился на прекрасном облике пяти сестер. Вокруг было тихо и безлюдно. Ветви деревьев погнулись или сломались, выросла высокая сорная трава. Легкие стопы не приминали ее много-много дней.

Равнодушно или рассеянно, как человек, привычный к переменам, монах проскользнул в дом и вошел в низкую, темную комнату. Четыре сестры сидели здесь. От черной одежды их бледные лица казались еще белее, а время и скорбь оставили на них глубокие следы. Они все еще были величавы, но румянец и горделивая красота исчезли.

А Элис, где была она? На небесах.

Монах — даже монах — мог терпеливо отнестись к их печали; ибо давно не виделись эти сестры, и никогда не могли бы одни только годы провести эти борозды на их

побледневших лицах. Он молча сел и знаком предложил не прерывать беседы.

— Они здесь, сестры,— дрожащим голосом сказала старшая.— У меня никогда не хватало духу посмотреть на них с тех пор, а теперь я браню себя за слабость. Разве может быть в памяти о ней что-то, чего бы мы страшились? Как радостно будет воскресить былые дни!

При этих словах она бросила взгляд на монаха и, открыв шкаф, достала пяльцы с давно законченным вышиваньем. Поступь ее была твердой, но рука дрожала, когда она брала последние, пятые пяльцы. И, когда при виде их нашли себе исход чувства других сестер, у нее полились долго сдерживаемые слезы, и, рыдая, она сказала:

— Да благословит ее бог!

Монах встал и приблизился к ним.

— Это едва ли не последняя вещь, которой она касалась до болезни,— сказал он тихим голосом.

— Да! — горько плача, воскликнула старшая сестра.

Монах повернулся ко второй сестре.

— Доблестный юноша, который смотрел в твои глаза и упивался твоим дыханием, когда впервые увидел тебя увлеченной этой забавой, погребен на равнине, где трава обагрена кровью. Ржавые обломки доспехов, некогда отполированных до блеска, крошатся, лежа на земле, и признать в них его доспехи так же трудно, как признать те кости, что тлеют в могиле!

Леди застонала и начала ломать руки.

— Придворные интриги,— продолжал он, обращаясь к двум другим сестрам,— увлекли вас из вашего мирного дома в царство разгула и роскоши. Те же интриги и неугомонное честолюбие надменных и воинственных людей отослали вас обратно, овдовевших дев и униженных изгнанниц. Правду ли говорю я?

Рыдания обеих сестер были единственным их ответом.

— Нет нужды,— многозначительно сказал монах,— тратить время на мишуру, которая воскресит бледные призраки былых надежд. Похороните их, обрушьте на их головы эпитимию и умерщвление плоти, сокрушите их, и да будет монастырь их могилой!

Сестры попросили три дня на размышления и поняли в ту ночь, что монашеское покрывало будет поистине

достойным саваном для их отошедших радостей. Но вот снова настало утро, и, хотя ветви деревьев поникли и подметали землю, это был все тот же фруктовый сад. Трава стала жесткой и высокой, но было здесь место, где так часто сиживали они вместе, когда перемены и скорбь были лишь пустым звуком. Были здесь все аллеи и уголки, какие наполняли веселием Элис, а в нефе собора лежала каменная плита, под которой покоилась она в мире.

И разве могли бы они, помня о том, как содрогалось ее юное сердце при мысли о монастырских стенах, смотреть на ее могилу, облаченные в одеяние, от которого зябко стало бы даже праху ее? Разве могли бы они склоняться в молитве и, хотя бы все силы небесные внимали им, омрачить тенью печали лицо ангела? Нет!

Они послали в чужие края за художниками, в те времена прославленными, и, получив разрешение церкви на благочестивое свое дело, поручили сделать на пяти больших стеклах точную копию старой их вышивки. Эти стекла были вставлены в большое окно, лишенное до сей поры украшений, и, когда солнце сияло ярко, что доставляло ей когда-то такую радость, знакомые узоры загорались красками и, проливая поток ослепительного света на плиты, согревали имя «Элис».

Ежедневно в течение многих часов сестры медленно прохаживались взад и вперед по нефу или преклоняли колени у широкой каменной плиты. Спустя много лет только трех сестер можно было увидеть в привычном месте, потом только двух, а по прошествии долгого времени — только одну одинокую женщину, согбенную годами. Наконец и она перестала приходить, а на каменной плите были начертаны пять простых имен.

Плита стерлась и была заменена другою, и много поколений сменилось с тех пор. Время смягчило краски, но по-прежнему поток света льется на забытую могилу, от которой не осталось ни следа, и по сей день приезжему показывают в Йоркском соборе старинный витраж, называемый «Пять сестер».

— Это печальная повесть,— сказал джентльмен с веселым лицом, осушая стакан.

— Это повесть о жизни, а жизнь соткана из таких печалей,— сказал рассказчик вежливо, но тоном серьезным и грустным.

— Есть тени на всех прекрасных картинах, но есть также и свет, если мы пожелаем его видеть,— возразил джентльмен с веселым лицом.— Младшая сестра в вашем рассказе была всегда весела.

— И умерла рано,— мягко сказал другой.

— Быть может, она умерла бы раньше, будь она менее счастлива,— с чувством возразил первый.— Неужели вы думаете, что сестры, так горячо ее любившие, меньше бы тосковали, если бы ее жизнь была сумрачной и печальной? Если что и может утишить первую острую боль тяжелой утраты, то, на мой взгляд, только мысль, что те, кого я оплакиваю, будучи безгрешно счастливы здесь и любимы всеми их окружающими, были готовы перейти в более чистый и счастливый мир. Будьте уверены, солнце озаряет эту прекрасную землю не для того, чтобы видеть хмурые глаза!

— Мне кажется, вы правы,— сказал джентльмен, поведавший эту историю.

— Кажется! — воскликнул другой.— Да кто же может в этом сомневаться? Возьмите любой предмет горестных сожалений и посмотрите, сколько связано с ним приятного. Воспоминание о былых радостях может причинить боль...

— И причиняет,— перебил другой.

— Да, причиняет! Память о счастье, которое нельзя вернуть, есть боль, но боль смягченная. К сожалению, с нашими воспоминаниями связано многое, что мы оплакиваем, и многие поступки, в которых мы горько каемся. Однако я твердо верю: сколь ни изменчива жизнь, но в ней есть столько солнечных лучей, на которые можно оглянуться, что ни один смертный (разве что он оттолкнул от себя всякую надежду) не захочет осушить хладнокровно кубок, наполненный водою Леты *, будь он у него под рукой!

— Возможно, что ваша уверенность вас не обманывает,— сказал седой джентльмен после недолгого раздумья.— Я склоняюсь к тому, что это так.

— А в таком случае,— отозвался тот,— хорошее в

этой стадии существования перевешивает дурное, что бы ни говорили нам лжефилософы. Если наша любовь и подвергается испытаниям, она же приносит нам утешение и успокоение, и воспоминания, как бы ни были они печальны, служат самым прекрасным и чистым связующим звеном между этим миром и лучшим. Но позвольте-ка! Я вам расскажу историю в другом роде.

И после короткого молчания джентльмен с веселым лицом пустил пунш вкруговую и, бросив лукавый взгляд на брюзгливую леди, которая, по-видимому, весьма опасалась, как бы он не вздумал рассказать что-нибудь непристойное, начал:

«БАРОН ИЗ ГРОГЗВИГА

Барон фон Кельдветаут из Грогзвига в Германии был таким отменным молодым бароном, что лучше и не найти. Мне незачем говорить, что он жил в замке, ибо это само собой разумеется; незачем мне также говорить, что он жил в старом замке, ибо какой немецкий барон жил когда-нибудь в новом? Много было странных обстоятельств, связанных с этим почтенным строением, а среди них отнюдь не наименее поразительными и таинственными были следующие: когда дул ветер, он ревел в дымоходах и даже завывал среди деревьев в соседнем лесу, а когда светила луна, она проникала в маленькие отверстия в стене и ярко освещала некоторые уголки в больших залах и галереях, оставляя, однако, другие в мрачной тени. Кажется, один из предков барона, испытывая нужду в деньгах, воткнул кинжал в джентльмена, который, заблудившись, заехал однажды ночью осведомиться о дороге, и этому приписывалось происхождение сих чудесных явлений. Однако же я сомневаюсь, могло ли это быть, ибо предок барона, который был человеком любезным, впоследствии очень сожалел о своем опрометчивом поступке и, силою завладев немалым количеством камня и строевого леса, принадлежавшими более слабому барону, построил в виде искупления часовню и таким образом получил от небес расписку на всю сумму сполна.

Кстати, о предке барона. Я вспоминаю о великих правах барона на уважение к его родословной. Право же,

я не смею сказать, сколько предков было у барона, но знаю, что их было у него куда больше, чем у всякого другого человека тех времен, и могу только пожелать, чтобы он жил в наши более поздние времена, когда бы их было еще больше. Тяжело приходилось великим людям прошлых веков — тяжело потому, что они рано явились на свет, ибо неразумно предполагать, что человеку, родившемуся триста или четыреста лет назад, предшествовало столько же родичей, сколько человеку, родившемуся сейчас. У последнего человека, кто бы он там ни был,— а он может оказаться башмачником или каким-нибудь другим жалким простолюдином,— будет более длинная родословная, чем у самого знатного дворянина наших дней; и я утверждаю, что это несправедливо.

Но вернемся к барону фон Кельдветауту из Грогзвига. Это был красивый смуглый молодец с темными волосами и длинными усами, который выезжал на охоту в костюме из ярко-зеленой линкольнской ткани, в рыжих сапогах и с охотничьим рогом, повешенным через плечо, как у кондуктора почтовой кареты. Когда он трубил в этот рог, немедленно являлись двадцать четыре других джентльмена, рангом пониже, в костюмах из ярко-зеленой линкольнской ткани погрубее и в рыжих сапогах с подошвами потолще, и галопом мчались они все, держа в руках пики, похожие на лакированные колья изгороди, чтобы травить кабанов или схватиться один на один с медведем; в последнем случае барон сначала убивал его, а затем мазал медвежьим жиром свои усы.

Весело жил барон из Грогзвига и еще веселее — приближенные барона, которые каждый вечер пили рейнское вино, пока не падали под стол, а тогда они ставили бутылки на пол и требовали трубку. Не бывало еще на свете таких славных, буйных, лихих, разгульных ребят, как развеселая ватага из Грогзвига.

Но забавы за столом и забавы под столом требуют некоторого разнообразия, в особенности когда все те же двадцать пять человек садятся все за тот же стол, чтобы толковать все о том же и рассказывать все те же истории. Барон заскучал и нуждался в развлечении. Он начал ссориться со своими джентльменами и ежедневно после обеда лягался, стараясь сбить с ног двоих или троих.

Сначала это показалось приятной переменой, но примерно через неделю приелось, и барон совсем расклеился и в отчаянии придумывал какое-нибудь новое увеселение.

Однажды вечером после охоты, на которой он превзошел Нимрода * и убил и с торжеством привез домой «еще одного славного медведя», барон фон Кельдветаут мрачно сидел во главе стола, с недовольным видом созерцая закопченный потолок зала. Он осушал один за другим большие кубки вина, но чем больше он пил, тем сильнее хмурился. Джентльмены, удостоенные опасной чести сидеть по правую и по левую его руку, подражали ему на диво, осушая кубки и хмуро взирая друг на друга.

— Я это сделаю! — внезапно крикнул барон, хлопнув по столу правой рукой, а левой закручивая ус.— Пейте за здоровье госпожи Грогзвига!

У двадцати четырех ярко-зеленых молодцов побледнели лица, но двадцать четыре носа не изменили окраски.

— Я говорю — за здоровье госпожи Грогзвига! — повторил барон, окидывая взором сотрапезников.

— За здоровье госпожи Грогзвига! — гаркнули ярко-зеленые, и в двадцать четыре глотки влились двадцать четыре английские пинты такого превосходного старого рейнвейна, что они причмокнули сорока восемью губами и вдобавок подмигнули.

— За прекрасную дочь барона фон Свилленхаузена! — воскликнул Кельдветаут, снизойдя до объяснения.— Завтра еще до захода солнца мы будем просить ее отца отдать нам ее в жены. Если на наше сватовство он ответит отказом, мы отрежем ему нос!

Присутствующие ответили гулом. Каждый с устрашающей выразительностью прикоснулся сначала к рукоятке меча, а затем к кончику носа.

Сколь приятно видеть дочернюю преданность! Если бы дочь барона фон Свилленхаузена сослалась на то, что сердце ее занято другим, или упала к ногам отца и посолила их слезами, или просто лишилась чувств, или угостила старого джентльмена безумными воплями, сто шансов против одного, что замок Свилленхаузен вылетел бы в трубу, или, вернее, барон вылетел бы из окна, а замок

был бы разрушен. Однако девица сохранила спокойствие, когда ранним утром посланец привез весть о сватовстве фон Кельдветаута, и скромно удалилась в свою комнату, из окна которой увидела прибытие жениха и его свиты. Удостоверившись в том, что ее нареченный — всадник с длинными усами, она поспешила предстать пред своим отцом и выразила готовность пожертвовать собою, дабы обеспечить ему покой. Почтенный барон заключил свое детище в объятия и смахнул слезинку радости.

В тот день было торжественное пиршество в замке. Двадцать четыре ярко-зеленых молодца фон Кельдветаута обменялись клятвами в вечной дружбе с двенадцатью ярко-зелеными фон Свилленхаузена и обещали старому барону пить его вино, «пока всё не посинеет», разумея, должно быть, под этим, что их физиономии приобретут такую же окраску, как и носы. Все хлопали друг друга по спине, когда пришло время расстаться, и барон фон Кельдветаут со своими приближенными весело отправился домой.

В течение шести скучнейших недель у медведей и кабанов были каникулы. Дома Кельдветаута и Свилленхаузена соединились; копья ржавели, а охотничий рог барона охрип от безделья.

Это были счастливые времена для двадцати четырех, но — увы! — дни славы и благоденствия уже натянули сапоги и удалялись быстрыми шагами.

— Дорогой мой! — сказала баронесса.

— Любовь моя! — сказал барон.

— Эти грубые крикливые люди...

— Какие, сударыня? — встрепенувшись, спросил барон.

Из окна, у которого они стояли, баронесса указала вниз во двор, где ничего не ведающие ярко-зеленые распивали солидных размеров прощальный кубок, прежде чем выехать на охоту и затравить одного-двух кабанов.

— Это моя охотничья свита, сударыня,— сказал барон.

— Распустите ее, мой милый,— прошептала баронесса.

— Распустить ее?! — в изумлении вскричал барон.

— Чтобы доставить мне удовольствие, мой милый,— пояснила баронесса.

— Удовольствие черту, сударыня! — ответил барон.

Тут баронесса испустила громкий вопль и упала в обморок к ногам барона.

Что было делать барону? Он кликнул служанку этой леди и заревел, чтобы позвали лекаря, а затем, выбежав во двор, лягнул двух ярко-зеленых, которые были к этому особенно привычны, и, прокляв всех остальных, предложил им убраться к... Но неважно, куда. Я не знаю этого слова по-немецки, иначе я бы выразился деликатно на этом языке.

Не мне говорить, какими путями и способами ухитряются иные жены забрать в руки иных мужей, хотя, быть может, у меня и есть свое мнение об этом предмете, и, может быть, ни одному члену парламента не следовало бы жениться, ибо из каждых четырех женатых членов трое должны голосовать не по своей совести, но по совести своих жен (если есть на свете таковая). Мне же достаточно сейчас сказать, что баронесса фон Кельдветаут приобрела тем или иным путем большую власть над бароном фон Кельдветаутом, и мало-помалу, потихоньку да полегоньку, день за днем и год за годом барон начал уступать в спорных вопросах, и его лукаво лишали привычных развлечений, а к тому времени, когда он стал добродушным толстяком лет сорока восьми, покончено было для него с пирушками, разгулом, охотничьей свитой и всякой охотой — короче говоря, со всем, что было ему по вкусу и к чему он привык. И, хотя был он свиреп, как лев, и бесстыж, его окончательно унизила и укротила его собственная супруга в его собственном замке Грогзвиг.

Однако были у барона и другие невзгоды. Примерно через год после свадьбы появился на свет жизнерадостный юный барон, в честь которого сожгли бог весть сколько фейерверков и роспили бог весть сколько дюжин бутылок; а на следующий год появилась юная баронесса, а через год еще один юный барон, и так ежегодно либо барон, либо баронесса (а однажды — оба сразу), пока барон не увидел себя отцом маленького семейства из двенадцати человек. В каждую из этих годовщин почтенная

баронесса фон Свилленхаузен с нервической чувствительностью тревожилась о здоровье своего дитяти, баронессы фон Кельдветаут; и, хотя не было замечено, чтобы добрая леди оказала какую-нибудь существенную помощь, способствующую выздоровлению ее дитяти, однако она почитала долгом быть по мере сил нервической в замке Грогзвиг и делить время между высоконравственными замечаниями касательно домашнего хозяйства барона и оплакиванием тяжкой участи несчастной своей дочери. А если барон из Грогзвига, слегка задетый и раздраженный этим, собирался с духом и осмеливался намекнуть, что его жене живется во всяком случае не хуже, чем другим женам баронов, баронесса фон Свилленхаузен просила всех присутствующих обратить внимание на то, что никто, кроме нее, не сочувствует страданиям любезной ее дочери, после чего ее родственники и друзья заявляли, что, разумеется, она плачет гораздо больше, чем ее зять, и не бывало еще на свете такого жестокосердного человека, как барон из Грогзвига.

Бедный барон терпел все это, пока хватало сил, а когда сил перестало хватать, лишился аппетита и жизнерадостности и предался печали и унынию. Но его подстерегали еще новые заботы, и, когда они пришли, меланхолия его и грусть усугубились. Настали новые времена. Он погряз в долгах. Иссякли сундуки Грогзвига, хотя род Свилленхаузенов почитал их бездонными, и как раз в ту пору, когда баронесса собиралась прибавить тринадцатого отпрыска к семейной родословной, фон Кельдветаут обнаружил, что не имеет никакой возможности пополнить эти сундуки.

— Не знаю, что делать,— сказал барон.— Не покончить ли мне с собой?

Это была блестящая идея. Барон достал из стоявшего поблизости буфета старый охотничий нож и, наточив его о свой сапог, «покусился», как говорят мальчишки, на собственное горло.

— Гм! — внезапно замешкавшись, сказал барон.— Быть может, он недостаточно остер.

Барон снова наточил его и снова «покусился», но вдруг рука его замерла, ибо он услышал громкий визг юных баронов и баронесс, помещавшихся в детской,

в верхнем этаже башни, где окно было загорожено снаружи железной решеткой, чтобы они не упали в ров.

— Будь я холостяком,— вздохнув, сказал барон,— я б уже раз пятьдесят мог это сделать, и никто бы мне не помешал. Эй! Отнесите в маленькую сводчатую комнату позади зала флягу с вином и самую большую трубку!

Один из слуг весьма любезно исполнил приказание барона этак через полчаса, и фон Кельдветаут, будучи об этом уведомлен, отправился в сводчатую комнату, стены которой, из темного полированного дерева, блестели при свете пылающих поленьев, сложенных в очаге. Бутылка и трубка были приготовлены, и, в общем, местечко казалось очень уютным.

— Оставь лампу,— сказал барон.

— Что вам еще угодно, милорд? — осведомился слуга.

— И убирайся отсюда,— ответил барон.

Слуга повиновался, и барон запер дверь.

— Выкурю последнюю трубку,— сказал барон,— а затем — до свиданья!

Положив до поры до времени нож на стол и осушив добрую чарку вина, владелец Грогзвига откинулся на спинку стула, протянул ноги к огню и задымил трубкой.

Он думал о многом: о нынешних своих заботах, и о прошедших днях холостяцкой жизни, и о ярко-зеленых, рассеявшихся неведомо где, по всей стране, за исключением тех двух, что, по несчастью, были обезглавлены, и четверых, которые умерли от пьянства. Его мысли обращались к медведям и кабанам, как вдруг, осушая чарку, он поднял глаза и заметил, в первый раз и с беспредельным изумлением, что он здесь не один.

Да, он был не один: по другую сторону очага сидело, скрестив руки, сморщенное отвратительное существо, с глубоко запавшими, налитыми кровью глазами и непомерно узким, землистого цвета лицом, на которое падали растрепанные, всклоченные пряди жестких черных волос. На нем было надето нечто вроде туники серовато-синего цвета, которая, как заметил барон, посмотрев на нее внимательно, была застегнута или украшена спереди ручками от гробов. Ноги его были обложены металлическими гробовыми табличками, словно заключены в латы,

а на левом плече висел короткий темный плащ, казалось сшитый из остатков нагробного покрова. На барона он не обращал ни малейшего внимания и пристально смотрел в огонь.

— Эй! — сказал барон, топнув ногой, чтобы привлечь внимание.

— Эй! — отозвался незнакомец, переводя глаза на барона, но не поворачиваясь к нему ни лицом, ни туловищем.— В чем дело?

— В чем дело! — повторил барон, ничуть не устрашенный его глухим голосом и тусклыми глазами.— Об этом я должен вас спросить. Как вы сюда вошли?

— В дверь,— ответило привидение.

— Кто вы такой? — спросил барон.

— Человек,— ответило привидение.

— Я этому не верю,— говорит барон.

— Ну и не верьте,— говорит привидение.

— И не верю,— заявил барон.

Сначала привидение смотрело некоторое время на храброго барона из Грогзвига, а затем фамильярно сказало:

— Вижу, что вас не проведешь. Я не человек!

— Так что же вы такое? — спросил барон.

— Дух,— ответствовало привидение.

— Не очень-то вы на него похожи,— презрительно возразил барон.

— Я Дух Отчаяния и Самоубийства,— сказало привидение.— Теперь вы меня знаете.

С этими словами привидение повернулось к барону, как бы приготовляясь завести разговор; и, что весьма примечательно, оно, откинув свой плащ и обнаружив кол, которым было проткнуто его туловище, выдернуло его резким рывком и преспокойно положило на стол, словно тросточку.

— Ну, как? — сказало привидение, бросив взгляд на охотничий нож.— Готовы вы для меня?

— Не совсем,— возразил барон.— Сначала я должен докурить эту трубку.

— Ну так поторапливайтесь,— сказало привидение.

— Вы как будто спешите? — заметил барон.

— Признаться, да,— ответило привидение.— Как раз

теперь в Англии и во Франции идет нешуточная работа по моей части, и времени у меня в обрез.

— Вы пьете? — осведомился барон, прикоснувшись к бутылке чашечкой своей трубки.

— Девять раз из десяти и всегда помногу,— сухо ответило привидение.

— А в меру — никогда? — спросил барон.

— Никогда! — с содроганием ответило привидение.— Когда пьешь в меру, становится весело.

Барон бросил еще один взгляд на своего нового приятеля, который казался ему весьма странным субъектом, и пожелал узнать, принимает ли он активное участие в такого рода маленькой операции, какую замышлял сам барон.

— Нет, но я всегда присутствую,— уклончиво отозвалось привидение.

— Полагаю, для того, чтобы игру вели по всем правилам? — сказал барон.

— Вот именно! — ответило привидение, играя колом и рассматривая его острие.— И не угодно ли вам поторопиться, потому что, как мне известно, меня поджидает сейчас один молодой джентльмен, обремененный избытком денежных средств и досуга.

— Хочет покончить с собой, потому что у него слишком много денег! — вскричал барон, развеселившись.— Ха-ха! Вот здорово! (Впервые за много дней барон захохотал.)

— Послушайте,— с весьма испуганным видом взмолилось привидение,— вы этого больше не делайте!

— Почему? — осведомился барон.

— Потому что мне от этого очень плохо,— ответило привидение.— Вздыхайте сколько угодно, от этого мне хорошо.

При этих словах барон машинально вздохнул. Привидение, снова просияв, протянуло ему с самой обольстительной учтивостью охотничий нож.

— Идея не так уж плоха,— заметил барон, проводя пальцем по острию ножа,— человек убивает себя, потому что у него слишком много денег.

— Вздор! — с раздражением сказало привидение.— Это не лучше, чем если человек убивает себя, потому что у него слишком мало денег или совсем их нет.

Неумышленно ли подвел самого себя дух, или почитал решение барона окончательным, а стало быть, никакого значения не придавал тому, что он говорит,— мне неизвестно. Знаю только, что рука барона внезапно замерла в воздухе и он широко раскрыл глаза, словно его внезапно озарила новая мысль.

— Да, разумеется,— сказал фон Кельдветаут,— нет ничего, что нельзя было бы исправить.

— Кроме положения дел с пустыми сундуками! — вскричал дух.

— Да, но, быть может, они когда-нибудь снова наполнятся! — сказал барон.

— А сварливые жены? — огрызнулся дух.

— О, их можно утихомирить! — сказал барон.

— Тринадцать человек детей! — гаркнул дух.

— Не могут же все они сбиться с прямого пути,— сказал барон.

Дух явно терял терпение с бароном, вздумавшим вдруг защищать такую точку зрения, но он постарался обернуть все в шутку и заявил, что будет признателен, если тот перестанет зубоскалить.

— Но я не зубоскалю! Никогда еще я не был так далек от этого,— возразил барон.

— Что ж, рад это слышать,— с очень мрачным видом заявил дух,— ибо, отнюдь не фигурально, зубоскальство для меня смерть. Ну-ка, покиньте немедленно этот мрачный мир!

— Не знаю,— сказал барон, играя ножом.— Разумеется, мир этот мрачен, но вряд ли ваш намного лучше, ибо нельзя сказать, чтобы у вас был довольный вид. И это наводит меня на мысль: какие у меня в конце концов гарантии, что мне будет лучше, если я уйду из этого мира? — воскликнул он, вскочив.— Я об этом и не подумал.

— Кончайте скорее! — скрежеща зубами, крикнул дух.

— Отстаньте! — сказал барон.— Больше я не буду размышлять о невзгодах, но встречу их лицом к лицу и постараюсь снова обратиться к свежему воздуху и медведям. А если это не подействует, я серьезно поговорю с баронессой и расправлюсь с фон Свилленхаузенами.

С этими словами барон упал в кресло и разразился таким громким и неудержимым хохотом, что в комнате все зазвенело.

Привидение отступило шага на два, с беспредельным ужасом взирая на барона, а когда тот перестал хохотать, оно схватило кол, вонзило его себе в тело, испустило устрашающий вой и исчезло.

Фон Кельдветаут больше никогда его не видел. Решив незамедлительно приступить к делу, он вскоре образумил баронессу и фон Свилленхаузенов и умер много лет спустя человеком не богатым — это мне известно,— но счастливым, оставив после себя многочисленное семейство, старательно обученное, под личным его надзором, охоте на медведей и кабанов.

И мой совет всем людям: если случится им впасть в уныние и меланхолию от сходных причин (что постигает очень многих), пусть изучат они обе стороны вопроса, рассматривая наилучшую в увеличительное стекло, и, если когда-нибудь встанет перед ними соблазн уйти в отпуск без разрешения, пусть выкурят они сначала большую трубку и выпьют полную бутылку, а затем воспользуются похвальным примером барона из Грогзвига».

— Пожалуйте, леди и джентльмены, карета подана,— сказал новый кучер, заглядывая в комнату.

Это сообщение заставило покончить второпях с пуншем и помешало рассуждениям касательно последнего рассказа. Было замечено, как мистер Сквирс отвел в сторону седого джентльмена и с явным любопытством задал ему какой-то вопрос; вопрос этот имел отношение к пяти сестрам из Йорка и заключался в том, не может ли седовласый джентльмен сказать ему, сколько в те времена брали в год со своих пансионеров йоркширские монастыри.

Затем снова отправились в путь. Под утро Николас заснул, а проснувшись, обнаружил с большим сожалением, что и барон из Грогзвига и седовласый джентльмен покинули карету. День прошел довольно скверно. Часов в шесть вечера он, мистер Сквирс, мальчики и весь багаж были выгружены все вместе у гостиницы «Джордж» в Грета-Бридж.

ГЛАВА VII

Мистер и миссис Сквирс у себя дома

Благополучно высадившись. мистер Сквирс оставил Николаса и мальчиков стоять у багажа посреди дороги и развлекаться созерцанием кареты, в которую впрягли свежих лошадей, а сам побежал в таверну и проделал процедуру разминания ног у буфетной стойки. Спустя несколько минут он вернулся с превосходно размятыми ногами, если мерилом могли служить цвет его носа и легкая икота; в то же время со двора выехала ветхая коляска, запряженная пони, и повозка с двумя работниками.

— Мальчиков и сундучки сложите в повозку,— сказал Сквирс, потирая руки,— а этот молодой человек поедет со мной в коляске. Влезайте, Никльби.

Николас повиновался. Мистер Сквирс не без труда добился повиновения также и от пони, после чего они тронулись, предоставив повозке, нагруженной детскими горестями, не спеша следовать за ними.

— Вам холодно, Никльби? — осведомился Сквирс, когда они молча проехали часть пути.

— Признаюсь, довольно холодно, сэр.

— Что ж, я не спорю,— сказал Сквирс.— Путешествие длинное для такой погоды.

— Далеко ли еще до Дотбойс-Холла, сэр? — спросил Николас.

— Отсюда около трех миль,— ответил Сквирс.— Но здесь вам незачем называть его холлом [1].

Николас кашлянул, словно не прочь был узнать причину.

— Дело в том, что это не холл,— сухо заметил Сквирс.

— Вот как! — сказал Николас, пораженный этим известием.

— Да,— отозвался Сквирс.— Там, в Лондоне, мы его называем холлом, потому что так лучше звучит, но в здешних краях его под этим названием не знают. Чело-

---

[1] Холл — помещичий дом.

век может, если пожелает, назвать свой дом даже островом. Полагаю, это не запрещено никаким парламентским актом?

— Полагаю, что так, сэр! — ответил Николас.

По окончании этого короткого диалога Сквирс лукаво посмотрел на своего спутника и, видя, что тот призадумался и, очевидно, отнюдь не расположен делать какие-либо замечания, удовольствовался тем, что нахлестывал пони, пока они не достигли цели путешествия.

— Вылезайте,— сказал Сквирс.— Эй, вы, там! Выходите да присмотрите за лошадью. Пошевеливайтесь!

Пока школьный учитель испускал нетерпеливые возгласы, Николас успел разглядеть, что школьное здание было длинным одноэтажным, холодным на вид домом, с разбросанными позади надворными строениями и примыкающими к ним амбаром и конюшней. Минуты через две они услышали, что кто-то отпирает ворота, и тотчас появился высокий тощий мальчик с фонарем в руке.

— Это ты, Смайк? — крикнул Сквирс.

— Да, сэр,— ответил мальчик.

— Так почему же, черт подери, ты не вышел раньше?

— Простите, сэр, я заснул у огня,— смиренно ответил Смайк.

— У огня? У какого огня? Где развели огонь? — грубо спросил школьный учитель.

— Только в кухне, сэр,— сказал мальчик.— Хозяйка сказала, что я могу побыть в тепле, раз мне нельзя ложиться спать.

— Твоя хозяйка — дура! — заявил Сквирс.— Готов поручиться, что тебе, черт подери, меньше хотелось бы спать на холоду.

К этому времени мистер Сквирс вылез из экипажа. Приказав мальчику присмотреть за пони и позаботиться о том, чтобы сегодня вечером ему не задавали больше овса, он велел Николасу подождать минутку у входной двери, пока он обойдет кругом и впустит его.

Дурные предчувствия, осаждавшие Николаса в течение всего путешествия, овладели им с удвоенной силой, когда он остался один. Большое расстояние, отделявшее его от родного дома, и невозможность добраться туда иначе, чем пешком, буде когда-нибудь им овладеет нетер-

пеливое желание вернуться, явились источником весьма горестных размышлений; а когда он окинул взглядом мрачный дом, и темные окна, и пустынную местность вокруг, погребенную в снегу, он почувствовал такое уныние и упадок духа, каких никогда еще не знал.

— Ну, вот и все! — крикнул Сквирс, просовывая голову в парадную дверь.— Где вы, Никльби?

— Здесь, сэр,— ответил Николас.

— Входите! — сказал Сквирс.— Ветер дует в эту дверь так, что может с ног сшибить человека.

Николас вздохнул и поспешил войти. Заложив болт, чтобы дверь не распахнулась, мистер Сквирс ввел его в маленькую гостиную с жалкой обстановкой, состоявшей из нескольких стульев, желтой географической карты на стене и двух столов: на одном из них были заметны кое-какие приготовления к ужину, тогда как на другом красовались в живописном беспорядке «Справочник учителя», грамматика Мэррея, с полдюжины проспектов и замызганное письмо, адресованное Уэкфорду Сквирсу, эсквайру.

Они и двух минут здесь не пробыли, как в комнату ворвалась особа женского пола и, обхватив мистера Сквирса за шею, влепила ему два звонких поцелуя — один немедленно вслед за другим, словно почтальон дважды стукнул в дверь. Леди, рослая и костлявая, была примерно на полголовы выше мистера Сквирса и одета в бумажную ночную кофточку, а волосы ее накручены были на папильотки. На ней был грязный ночной чепец, украшенный желтым бумажным платком, завязанным под подбородком.

— Ну, как, Сквири? — осведомилась эта леди игриво и очень хриплым голосом.

— Прекрасно, моя милочка,— отозвался Сквирс.— А как коровы?

— Все до единой здоровы,— ответила леди.

— А свиньи? — спросил Сквирс.

— Не хуже, чем когда ты уехал.

— Вот это отрадно! — сказал Сквирс, снимая пальто.— И мальчишки, полагаю, тоже в порядке?

— Здоровехоньки! — резко ответила миссис Сквирс.— У Питчера была лихорадка.

— Да что ты! — воскликнул Сквирс.— Черт побери этого мальчишку! Всегда с ним что-нибудь случается.

— Я убеждена, что второго такого мальчишки никогда не бывало на свете,— сказала миссис Сквирс.— И чем бы он ни болел, это всегда заразительно. Помоему, это упрямство, и никто меня не разубедит. Я это из него выколочу, я тебе говорила еще полгода назад.

— Говорила, милочка,— согласился Сквирс.— Попробуем что-нибудь сделать.

Пока длился этот нежный разговор, Николас довольно неуклюже стоял посреди комнаты, хорошенько не зная, следует ли ему выйти в коридор, или остаться здесь. Его сомнения разрешил мистер Сквирс.

— Это новый молодой человек, дорогая моя,— сказал сей джентльмен.

— О! — отозвалась миссис Сквирс, кивнув Николасу и холодно разглядывая его с головы до пят.

— Сегодня вечером он поужинает с нами,— сказал Сквирс,— а утром пойдет к мальчишкам. Ты можешь принести ему сюда соломенный тюфяк на ночь?

— Уж придется что-нибудь придумать,— отозвалась леди.— Полагаю, сэр, вам все равно, на чем вы будете спать?

— Да, конечно,— отозвался Николас.— Я не привередлив.

— Вот это счастье! — сказала миссис Сквирс. А так как юмор этой леди должен был проявляться главным образом в находчивых репликах, мистер Сквирс от души засмеялся и, казалось, ждал того же и от Николаса.

После дальнейших переговоров между хозяином и хозяйкой об успешном путешествии мистера Сквирса, и о тех, кто уплатил, и о тех, кто задержал уплату, молоденькая служанка принесла йоркширский пирог и кусок холодной говядины, каковые были поданы на стол, а мальчик Смайк появился с кувшином эля.

Мистер Сквирс освобождал карманы пальто от писем различным ученикам и от других бумаг, которые тоже привез в карманах. Мальчик взглянул с тревожным и робким выражением лица на эти бумаги, словно с тоскливой надеждой, что какая-нибудь из них может иметь отношение к нему. Взгляд его был страдальческий и сразу

тронул сердце Николаса, ибо повествовал о чем-то очень печальном.

Это побудило его внимательнее присмотреться к мальчику, и он с изумлением отметил необычайное смешение предметов одежды, составлявших его костюм. Хотя ему не могло быть меньше восемнадцати — девятнадцати лет и для этих лет он был высокого роста, на нем был костюмчик, какой обычно носят маленькие мальчики; но и этот костюм с нелепо короткими рукавами и штанишками был достаточно широк для его изможденного тела. Дабы нижняя часть его ног находилась в полном соответствии с этим странным одеянием, он был обут в очень большие сапоги, некогда украшенные отворотами; быть может, прежде носил их какой-нибудь дюжий фермер, но теперь они были слишком рваны и слишком заплатаны даже для нищего. Бог весть сколько времени провел он здесь, но на нем было то самое белье, какое он сюда привез: на шее виднелся рваный детский сборчатый воротник, лишь наполовину скрытый грубым мужским шейным платком. Он хромал; делая вид, будто прибирает на столе, он смотрел на письма взглядом таким зорким и в то же время таким унылым и безнадежным, что Николасу тяжело было это видеть.

— Что ты тут вертишься, Смайк? — крикнула миссис Сквирс.— Оставь эти вещи в покое, слышишь?

— Что? — сказал Сквирс, поднимая голову.— А, это ты?

— Да, сэр! — ответил юноша, сжимая руки, словно для того, чтобы силою удержать дергающиеся от волнения пальцы.— Есть ли...

— Ну! — сказал Сквирс.

— Нет ли у вас... кто-нибудь... обо мне никто не спрашивал?

— Черта с два! — раздраженно ответил Сквирс.

Мальчик отвел глаза и, поднеся руку к лицу, пошел к двери.

— Никто! — продолжал Сквирс.— И никто не спросит. Нечего сказать, хорошенькое дело: оставили тебя здесь на столько лет и после первых шести — никаких денег не платят, вестей о себе не подают и неведомо, чей же ты. Хорошенькое дело! Я должен кормить такого здо-

рового парня, и нет никакой надежды получить за это хоть пенни!

Мальчик прижал руку ко лбу, как будто делал усилие что-то вспомнить, а затем, тупо посмотрев на говорившего, медленно растянул лицо в улыбку и, прихрамывая, вышел.

— Вот что я тебе скажу, Сквирс,— заметила его супруга, когда дверь закрылась,— я думаю, этот мальчишка становится слабоумным.

— Надеюсь, что нет,— сказал школьный учитель.— Он ловкий малый для работы во дворе и во всяком случае стоит того, что съест и выпьет. Да если бы и так, я полагаю, что для нас он и в таком виде годен. Но давайте-ка ужинать, я проголодался, устал и хочу спать.

Это напоминание повлекло за собой появление бифштекса исключительно для мистера Сквирса, который быстро принялся оказывать ему должное внимание. Николас придвинул свой стул, но аппетит у него пропал.

— Как бифштекс, Сквирс? — спросила миссис Сквирс.

— Нежный, как ягненочек,— ответил Сквирс.— Возьми немножко.

— Не могу проглотить ни куска,— возразила жена.— Дорогой мой, что будет есть молодой человек?

— Все, что пожелает из того, что подано на стол,— заявил Сквирс в порыве совершенно необычного великодушия.

— Что скажете, мистер Накльбой? — осведомилась миссис Сквирс.

— Если разрешите, я бы съел кусочек пирога,— ответил Николас.— Совсем маленький, потому что я не голоден.

— Ну, раз вы не голодны, жалко разрезать этот пирог, верно? — сказала миссис Сквирс.— Не хотите ли кусок говядины?

— Все, что вам угодно,— рассеянно отозвался Николас,— мне все равно.

Получив такой ответ, миссис Сквирс приняла весьма благосклонный вид, кивнула Сквирсу, выражая радость по поводу того, что молодой человек понимает свое положение, и своими собственными прекрасными ручками отрезала Николасу кусок мяса.

— Элю, Сквири? — осведомилась леди, подмигивая и тем самым давая понять, что спрашивает о том, давать ли эль Николасу, а не о том, будет ли его пить он, Сквирс.

— Разумеется,— сказал Сквирс, телеграфируя тем же способом.— Полный стакан.

Итак, Николас получил полный стакан и, занятый своими мыслями, выпил его в счастливом неведении о предшествовавшей сцене.

— На редкость сочный бифштекс,— сказал Сквирс, положив нож и вилку, после того как некоторое время трудился над ним в молчании.

— Это первосортное мясо,— сообщила его супруга.— Я сама выбрала славный большой кусок для...

— Для чего? — быстро воскликнул Сквирс.— Неужели для...

— Нет, нет, не для них! — перебила миссис Сквирс.— Для тебя, к твоему возвращению. Бог мой! Уж не подумал ли ты, что я могу сделать такой промах?

— Честное слово, дорогая моя, я не знал, что ты хотела сказать,— ответил побледневший Сквирс.

— Тебе нечего беспокоиться,— заметила его жена, от души рассмеявшись.— Придет же в голову, что я могу быть такой дурочкой! Ну-ну!

Эта часть диалога была, пожалуй, неудобопонятна, но в округе ходила молва, что мистер Сквирс, будучи, по мягкосердечию, противником жестокого обращения с животными, нередко покупал для кормления своих питомцев туши рогатого скота, умершего естественной смертью; быть может, он испугался, что неумышленно проглотил какой-нибудь лакомый кусок, предназначавшийся для юных джентльменов.

Когда поужинали и маленькая служанка с голодными глазами убрала со стола, миссис Сквирс удалилась, чтобы запереть в шкафу остатки ужина, а также спрятать в надежное место одежду пяти питомцев, которые только что приехали и находились на середине тяжелого подъема по ступеням, ведущим к вратам смерти вследствие пребывания на холоду. Их угостили легким ужином — кашей — и уложили бок о бок на маленькой кровати, чтобы они согревали друг друга и грезили о сытной

еде с чем-нибудь горячительным после нее, если фантазия их была направлена в эту сторону. Весьма вероятно, что так оно и было.

Мистер Сквирс угостился стаканом крепкого бренди с водой, смешанных половина на половину, чтобы растворился сахар, а его любезная спутница жизни приготовила Николасу крохотную рюмочку той же смеси. Когда с этим было покончено, мистер и миссис Сквирс пересели поближе к камину и, положив ноги на решетку, завели шепотом задушевный разговор, а Николас, взяв «Спутник учителя», читал интересные легенды на самые разнообразные темы и все цифры в придачу, нимало об этом не думая и не сознавая, что делает, словно пребывал в магнетическом сне.

Наконец мистер Сквирс устрашающе зевнул и высказал мнение, что давно пора спать; после такого намека миссис Сквирс и девушка притащили небольшой соломенный матрац и два одеяла и приготовили ложе для Николаса.

— Завтра мы вас поместим в настоящую спальню, Никльби,— сказал Сквирс.— Позвольте-ка! Кто спит в постели Брукса, дорогая моя?

— В постели Брукса? — призадумавшись, повторила миссис Сквирс.— Там Дженнигс, маленький Болдер, Греймарш и еще один... как его зовут...

— Совершенно верно,— подтвердил Сквирс.— Да! У Брукса полно̀.

«Полно̀! — подумал Николас.— Пожалуй, что так».

— Где-то есть местечко, я знаю,— сказал Сквирс,— но в данную минуту я никак не могу припомнить, где именно. Как бы там ни было, завтра мы это уладим. Спокойной ночи, Никльби. Не забудьте — в семь часов утра.

— Я буду готов, сэр,— ответил Николас.— Спокойной ночи.

— Я сам приду и покажу вам, где колодец,— сказал Сквирс.— В кухне на окне вы всегда найдете кусочек мыла. Это для вас.

Николас раскрыл глаза, но не рот, а Сквирс двинулся к двери, но снова вернулся.

— Право, не знаю,— сказал он,— какое полотенце вам дать, но завтра утром вы как-нибудь обойдетесь без

него, а в течение дня миссис Сквирс этим займется. Дорогая моя, не забудь!

— Постараюсь,— ответила миссис Сквирс,— а вы, молодой человек, позаботьтесь о том, чтобы умыться первым. Так полагается учителю, но они, когда только могут, обгоняют его.

Затем мистер Сквирс подтолкнул локтем миссис Сквирс, чтобы та унесла бутылку бренди, иначе Николас может угоститься ночью, и когда леди с величайшей поспешностью схватила ее, они вместе удалились.

Оставшись один, Николас, очень взволнованный и возбужденный, несколько раз прошелся взад и вперед по комнате и, постепенно успокоившись, присел на стул и мысленно решил: будь что будет, а он попытается некоторое время нести все тяготы, какие, быть может, его ждут, и, помня о беспомощности матери и сестры, не даст дяде ни малейшего повода покинуть их в нужде. Добрые решения почти неизменно оказывают доброе воздействие на дух, их породивший. Он почувствовал себя не таким угнетенным и — юность жизнерадостна и полна надежд — стал даже надеяться, что дела в Дотбойс-Холле, пожалуй, обернутся лучше, чем можно было предполагать.

Приободрившись, он собирался лечь спать, как вдруг у него из кармана выпало запечатанное письмо. Уезжая из Лондона, в спешке, он не обратил на него внимания и с тех пор не вспоминал о нем, но теперь оно сразу воскресило в его памяти таинственное поведение Ньюмена Ногса.

— Боже мой! — сказал Николас.— Какой удивительный почерк!

Оно было адресовано ему, написано на очень грязной бумаге и таким неровным и уродливым почерком, что его едва можно было разобрать. С великим трудом и недоумением ему удалось прочесть следующее:

«Мой милый юноша!

Я знаю свет. Ваш отец не знал, иначе он не оказал бы мне доброй услуги, не надеясь получить что-нибудь взамен. И вы не знаете, иначе вы не отправились бы в такое путешествие.

Если вам когда-нибудь понадобится пристанище в Лондоне (не сердитесь, было время — я сам думал, что оно мне никогда не понадобится),— в трактире под вывеской «Корона» на Силвер-стрит, Гольдн-сквер, знают, где я живу. Он находится на углу Силвер-стрит и Джеймс-стрит, двери выходят на обе улицы. Можете прийти ночью. Было время, никто не стыдился... но это неважно. С этим покончено.

Простите за ошибки. Я мог бы забыть, как носят новый костюм. Я забыл все старые мои привычки. Может быть, позабыл и правила орфографии.

Ньюмен Ногс.

P. S. Если будете неподалеку от Барнард-Касл, в трактире «Голова Короля» есть славный эль. Скажите, что знакомы со мной, и, я уверен, с вас за него ничего не возьмут. Там вы можете сказать *мистер* Ногс, потому что тогда я был джентльменом. Да, был».

Быть может, об этом не стоит упоминать, но, когда Николас Никльби сложил письмо и спрятал в бумажник, глаза его были подернуты влагой, которую можно было принять за слезы.

ГЛАВА VIII

Внутренний распорядок в Дотбойс-Холле

Поездка в двести с лишним миль, в стужу, является одним из лучших средств сделать жесткую постель мягкой, какое только может измыслить изобретательный ум. Пожалуй, оно даже придает сладость сновидениям, ибо те, что витали над твердым ложем Николаса и нашептывали ему на ухо веселые пустяки, были приятны и радостны. Он очень быстро наживал состояние, когда тусклое мерцание угасающей свечи засияло у него перед глазами и голос, в котором он без труда признал неотъемлемую принадлежность мистера Сквирса, напомнил ему, что пора вставать.

— Восьмой час, Никльби,— сказал мистер Сквирс.

— Неужели уже утро? — спросил Николас, садясь в постели.

— Да, утро,— ответил Сквирс,— к тому же еще морозное. Ну-ка, Никльби, живее! Поднимайтесь!

Николас не нуждался в дальнейших увещаниях: он сразу поднялся и начал одеваться при свете тоненькой свечки, которую держал в руке мистер Сквирс.

— Хорошенькое дело! — сказал этот джентльмен.— Насос замерз.

— Вот как? — отозвался Николас, не очень заинтересованный этим известием.

— Да,— сказал Сквирс.— Сегодня утром вам не придется умываться.

— Не умываться! — воскликнул Николас.

— Об этом нечего и думать,— резко заявил Сквирс.— Стало быть, вы пока оботретесь чем-нибудь сухим, а мы пробьем лед в колодце и достанем воды для мальчишек. Нечего стоять и таращить на меня глаза, пошевеливайтесь!

Без лишних слов Николас торопливо оделся. Тем временем Сквирс открыл ставни и задул свечу, а тогда в коридоре послышался голос его любезной супруги, желавшей войти.

— Входи, милочка,— сказал Сквирс.

Миссис Сквирс вошла, по-прежнему одетая в ночную кофту, обрисовывавшую накануне вечером ее симметрическую фигуру, и вдобавок украсила себя весьма поношенной касторовой шляпой, которую надела с большим удобством поверх ночного чепца, о коем упоминалось раньше.

— Черт побери! — сказала леди, открывая буфет.— Нигде не могу найти школьную ложку.

— Не волнуйся, дорогая моя,— успокоительным тоном заметил Сквирс,— это не имеет никакого значения.

— Никакого значения! Что ты такое говоришь? — резко возразила миссис Сквирс.— Да разве сегодня не утро серы?

— А я и забыл, дорогая моя! — отозвался Сквирс.— Да, совершенно верно. Время от времени мы очищаем мальчишкам кровь, Никльби.

— Глупости! Что мы там очищаем! — сказала его

половина.— Не думайте, молодой человек, что мы тратим деньги на лучшую серу и патоку, чтобы очищать им кровь! Если вы думаете, что мы ведем дела на такой манер, то скоро убедитесь в своей ошибке, говорю вам это напрямик.

— Дорогая моя! — нахмурившись, сказал Сквирс.— Гм!

— А, вздор! — возразила миссис Сквирс.— Если молодой человек поступил сюда учителем, то пусть сразу поймет, что никаких глупостей с мальчишками мы допускать не намерены. Серу и патоку они получают отчасти потому, что, если не давать что-нибудь вроде лекарства, они всегда будут болеть, и хлопот с ними не оберешься, а еще потому, что это портит им аппетит и обходится дешевле, чем завтрак и обед. Стало быть, это идет на пользу им и на пользу нам, и, значит, все в порядке.

Дав такое объяснение, миссис Сквирс засунула руку в шкаф и еще усерднее принялась искать ложку, и в поисках принял участие мистер Сквирс. Занимаясь этим делом, они обменялись несколькими словами, но так как буфет отчасти заглушал их голоса, то Николас расслышал только, как мистер Сквирс сказал, что миссис Сквирс говорит неразумно, а миссис Сквирс сказала, что мистер Сквирс несет чепуху.

Затем поиски продолжались, а когда все оказалось бесплодным, был призван Смайк и получил толчок от миссис Сквирс и затрещину от мистера Сквирса; такой метод воздействия, просветлив его мозги, дал ему возможность предположить, не находится ли ложка в кармане у миссис Сквирс, что и подтвердилось. Но так как миссис Сквирс перед этим выразила полную свою уверенность в том, что ложки у нее нет, Смайк получил еще одну затрещину, ибо осмелился противоречить своей хозяйке; вдобавок ему посулили хорошую трепку, если он не будет более почтителен; таким образом, оказанная услуга принесла ему мало пользы.

— Цены нет этой женщине, Никльби,— сказал Сквирс, когда его супруга стремительно вышла, толкая в спину своего раба.

— Несомненно, сэр! — заметил Николас.

— Я не знаю ей равной,— продолжал Сквирс,— не знаю ей равной! Эта женщина, Никльби, всегда такова — всегда она остается все тем же суетливым, живым, деятельным, бережливым созданием, каким вы ее видите сейчас.

Николас невольно вздохнул при мысли о приятной перспективе, перед ним открывшейся, но, по счастью, Сквирс был слишком занят своими размышлениями, чтобы это заметить.

— Бывая в Лондоне,— сказал Сквирс,— я имею обыкновение говорить, что этим мальчикам она заменяет мать. Но она для них больше чем мать, в десять раз больше. Она такие вещи делает для мальчиков, Никльби, каких, я думаю, добрая половина матерей не сделает для родного сына.

— Полагаю, что не сделает, сэр,— ответил Николас.

Было очевидно, что и мистер и миссис Сквирс смотрели на мальчиков, как на своих исконных и природных врагов, или, иными словами, были твердо уверены, что их дело и профессия заключаются в том, чтобы от каждого мальчика получить ровно столько, сколько можно из него выжать. По этому вопросу они оба пришли к соглашению и, следовательно, действовали сообща. Разница между ними заключалась лишь в том, что миссис Сквирс вела войну с врагом открыто и бесстрашно, а Сквирс даже у себя дома прикрывал свою подлость привычной ложью, словно у него и в самом деле мелькала мысль, что рано или поздно он сам себя обманет и убедит в том, будто он очень добрый человек.

— Но позвольте-ка,— сказал Сквирс, прерывая поток мыслей, возникших по этому поводу в уме его помощника,— пойдемте в класс, и помогите мне надеть мой школьный сюртук.

Николас помог своему начальнику напялить старую бумазейную охотничью куртку, которую тот снял с гвоздя в коридоре, и Сквирс, вооружившись тростью, повел его через двор к двери в задней половине дома.

— Ну вот,— сказал владелец школы, когда они вместе вошли,— вот наша лавочка, Никльби!

Здесь была такая теснота и столько предметов, привлекавших внимание, что сначала Николас только озирался, ничего в сущности не видя. Но мало-помалу обна-

ружилась убогая и грязная комната с двумя окнами, застекленными на одну десятую, а остальное пространство было заткнуто старыми тетрадями и бумагой. Было здесь два длинных старых, расшатанных стола, изрезанных, искромсанных, испачканных чернилами, две-три скамьи, кафедра для Сквирса и другая — для его помощника. Потолок, как в амбаре, поддерживали перекрещивающиеся балки и стропила, а стены были такие грязные и бесцветные, что трудно сказать, были ли они когда-нибудь покрашены или побелены.

А ученики, юные джентльмены! Последние неясные проблески надежды, самые слабые упования принести хоть какую-то пользу в этом логове угасли у Николаса, когда он в отчаянии осмотрелся вокруг! Бледные и изможденные лица, тощие и костлявые фигуры, дети со старческими физиономиями, мальчики малорослые и другие, у которых длинные, худые ноги едва выдерживали тяжесть их сгорбленных тел,— все это сразу бросалось в глаза. Были здесь слезящиеся глаза, заячьи губы, кривые ноги, безобразие и уродство, свидетельствовавшие о противоестественном отвращении родителей к своим отпрыскам, о юных созданиях, которые с самого младенчества являлись несчастными жертвами жестокости и пренебрежения. Были здесь личики, быть может и обещавшие стать миловидными, но искаженные гримасой хмурого, упорного страдания; было здесь детство с угасшими глазами, с увядшей красотой, сохранившее только свою беспомощность; были здесь мальчики с порочными физиономиями, мрачные, с тупым взором, похожие на преступников, заключенных в тюрьму, и были здесь юные создания, на которых обрушились грехи их слабых предков и которые оплакивали даже продажных нянек, каких когда-то знали, и теперь чувствовали себя еще более одинокими. Всякое сочувствие и привязанность увяли в зародыше, все молодые и здоровые чувства придушены кнутом и голодом, все мстительные страсти, какие могут зародиться в сердцах, прокладывают в тишине недобрый свой путь в самую глубь. О, какие зарождающиеся адские силы вскармливались здесь!

И, однако, это зрелище, как ни было оно мучительно, имело свои комические черты, которые у наблюдателя,

менее заинтересованного, чем Николас, могли вызвать улыбку. Перед одной из кафедр стояла миссис Сквирс, возвышаясь над огромной миской с серой и патокой, каковую восхитительную смесь она выдавала большими порциями каждому мальчику по очереди, пользуясь для этой цели простой деревянной ложкой, которая, вероятно, была первоначально сделана для какого-нибудь гигантского рта и сильно растягивала рот каждому молодому джентльмену: все они были обязаны, под угрозой сурового телесного наказания, проглотить залпом содержимое ложки. В другом углу, сбившись в кучку, стояли мальчики, приехавшие накануне вечером; трое из них — в очень широких кожаных коротких штанах, а двое — в старых панталонах, обтягивавших туже, чем обычные кальсоны. Неподалеку от них сидел юный сын и наследник мистера Сквирса — вылитый портрет отца,— весьма энергически лягавшийся под руками Смайка, который натягивал ему новенькие башмаки, имевшие чрезвычайно подозрительное сходство с теми, какие были на одном из мальчиков во время путешествия сюда, что, казалось, думал и сам мальчик, ибо взирал на это присвоение с видом крайне горестным и удивленным. Кроме них, здесь была длинная шеренга мальчиков, физиономии которых отнюдь не выражали предвкушения чего-то приятного, и другая вереница мальчиков, только что претерпевших беду и корчивших всевозможные гримасы, свидетельствующие о чем угодно, кроме удовольствия. Все были одеты в такие шутовские, нелепые, удивительные костюмы, что могли бы вызвать неудержимый смех, если бы не отвратительное впечатление от неразрывно с ними связанной грязи, неряшливости и болезней.

— Ну-с,— сказал Сквирс, резко ударив тростью по столу, отчего многие мальчики чуть не выскочили из своих башмаков,— с лекарством покончено?

— Готово! — ответила миссис Сквирс, второпях едва не удушив последнего мальчика и хлопнув его деревянной ложкой по макушке для восстановления сил.— Эй! Смайк! Унеси это. Да пошевеливайся!

Смайк, волоча ноги, вышел с миской, а миссис Сквирс, подозвав мальчугана с кудрявой головой и вытерев об нее руки, поспешила вслед за Смайком в помещение

вроде прачечной, где стоял большой котел на маленьком огне, а на столе выстроилось много деревянных плошек.

В эти плошки миссис Сквирс с помощью голодной служанки налила бурую смесь, которая имела вид растворившихся подушечек для булавок и называлась кашей. Крохотный ломтик хлеба из непросеянной муки был положен в каждую плошку, и, когда мальчики съели кашу, извлекая ее с помощью хлеба, они съели затем и хлеб и покончили с завтраком, после чего мистер Сквирс торжественно возгласил: «За полученное нами да преисполнит нас бог истинной благодарностью!» — и в свою очередь пошел завтракать.

Николас проглотил миску каши по той же причине, какая побуждает иных дикарей пожирать землю: чтобы не чувствовать голода, когда нечего есть. Съев затем кусок хлеба с маслом, предоставленный ему ввиду занимаемой им должности, он уселся в ожидании начала занятий.

Он не мог не заметить, какими тихими и печальными казались все мальчики. Не слышно было шума и криков, обычных в классной комнате, ни буйных игр, ни веселого смеха. Дети сидели скорчившись и дрожа, как будто у них не хватало духу двигаться. Единственным учеником, проявлявшим какую-то склонность к движению, был младший Сквирс, а так как он главным образом развлекался тем, что наступал своими новыми башмаками на пальцы других мальчиков, то его жизнерадостность была не очень приятна.

Примерно через полчаса вновь появился мистер Сквирс, и мальчики заняли свои места и взялись за книги; их приходилось в среднем по одной на восемь учеников. По прошествии нескольких минут, в течение которых мистер Сквирс имел весьма глубокомысленный вид, словно он в совершенстве постиг содержание всех книг и — стоит ему только потрудиться — мог бы на память повторить каждое слово, этот джентльмен вызвал первый класс.

Повинуясь призыву, перед кафедрой учителя выстроилось с полдюжины вороньих пугал в одеяниях, продранных на локтях и коленках, и один из учеников положил растрепанную и засаленную книгу перед его ученым оком.

— Это первый класс английского правописания и философии, Никльби,— сказал Сквирс, знаком предлагая Николасу стать рядом с ним.— Мы учредим латинский класс и поручим его вам. Ну, а где же первый ученик?

— Простите, сэр, он протирает окно в задней гостиной,— ответил временный глава философического класса.

— Совершенно верно! — сказал Сквирс.— Мы применяем практический метод обучения, Никльби,— правильная система воспитания. Про-ти-рать — протирать, глагол, залог действительный, делать чистым, прочищать. О-к — о-к-н-о — окно, оконница. Когда мальчик познает сие из книги, он идет и делает это. Тот же принцип, что и при использовании глобуса. Где второй ученик?

— Простите, сэр, он работает в саду,— отозвался тонкий голосок.

— Совершенно верно,— произнес Сквирс, отнюдь не смущаясь.— Правильно! Б-о-т — бот-а-н-и-к-а — аника — ботаника, имя существительное, знание растений. Когда он выучил, что ботаника означает знание растений, он идет и узнает их. Такова наша система, Никльби. Что вы о ней думаете?

— Во всяком случае, она очень полезна,— ответил Николас.

— Вы правы,— подхватил Сквирс, не заметив выразительного тона своего помощника.— Третий ученик, что такое лошадь?

— Скотина, сэр,— ответил мальчик.

— Правильно! — сказал Сквирс.— Не правда ли, Никльби?

— Думаю, что сомневаться в этом не приходится, сэр,— ответил Николас.

— Конечно, не приходится,— сказал Сквирс.— Лошадь есть квадрупед, а квадрупед по-латыни означает — скотина, что известно всякому, кто изучил грамматику, иначе какая была бы польза от грамматики?

— Да, в самом деле, какая?— рассеянно отозвался Николас.

— Раз ты в этом усовершенствовался,— продолжал Сквирс, обращаясь к мальчику,— ступай и присмотри за моей лошадью и хорошенько ее вычисти, а то я тебя

вычищу. Остальные ученики этого класса пусть накачивают воду, пока их не остановят, потому что завтра день стирки и котлы должны быть наполнены.

С этими словами он отпустил первый класс заниматься экспериментами в области практической философии и бросил на Николаса взгляд и лукавый и недоверчивый, как будто был не совсем уверен в том, какое мнение мог Николас составить о нем.

— Вот как мы ведем дело, Никльби,— сказал он, помолчав.

Николас чуть заметно пожал плечами и сказал, что он это видит.

— И это очень хороший метод,— заметил Сквирс.— А теперь возьмите-ка этих четырнадцать мальчишек и послушайте, как они читают, потому что вам, знаете ли, пора приносить пользу. Бездельничать здесь не годится.

Мистер Сквирс произнес эти слова так, будто ему внезапно пришло в голову, что он не должен разговаривать слишком много со своим помощником или что его помощник сказал слишком мало в похвалу учреждению. Дети расположились полукругом перед новым учителем, и вскоре он уже слушал их монотонное, тягучее, неуверенное чтение тех захватывающе интересных рассказов, какие можно найти в наиболее древних букварях.

В таких увлекательных занятиях медленно проходило утро. В час дня мальчики, которым предварительно отбили аппетит кашей и картофелем, получили в кухне жесткую солонину, а Николасу было весьма милостиво разрешено отнести его порцию к его собственной кафедре и там съесть ее с миром. После этого еще час дрожали в классе от холода, а затем снова приступили к учению.

После каждой поездки в столицу, совершаемой раз в полугодие, мистер Сквирс имел обыкновение собирать всех питомцев и делать своего рода отчет касательно родственников и друзей, им виденных, новостей, им слышанных, писем, им привезенных, векселей, по которым было уплачено, счетов, которые остались неоплаченными, и так далее. Эта торжественная процедура всегда происходила в середине следующего дня после его приезда — быть может, потому, что мальчики после напряженного

утреннего ожидания обретали, наконец, силу духа, а быть может, потому, что сам мистер Сквирс черпал силу и непреклонность из горячительных напитков, которыми обычно услаждался после своего раннего обеда. Как бы там ни было, учеников отозвали от окна, из сада, конюшни и коровника, и они оказались в полном составе, когда мистер Сквирс с небольшой пачкой бумаг в руке и с двумя палками вошел в комнату и потребовал тишину, а вслед за ним вошла миссис Сквирс.

— Пусть только какой-нибудь мальчишка скажет слово без разрешения,— кротко заметил мистер Сквирс,— и я шкуру с него спущу.

Это предупреждение произвело желаемое действие, и немедленно воцарилось мертвое молчание, после чего мистер Сквирс продолжал:

— Мальчики, я побывал в Лондоне и вернулся к своему семейству и к вам таким же сильным и здоровым, каким был всегда.

Следуя обычаю, ученики при этом обнадеживающем известии выкрикнули слабыми голосами три раза «ура». Какие там «ура»! Это были вздохи.

— Я видел родителей некоторых учеников,— сообщил Сквирс, перебирая свои бумаги,— и они так обрадовались, услыхав о том, как преуспевают их сыновья, что отнюдь не предвидится, чтобы эти последние отсюда уехали, о чем, конечно, весьма приятно поразмыслить всем заинтересованным лицам.

Две-три руки поднялись к двум-трем парам глаз, когда Сквирс произнес эти слова, но большинство молодых джентльменов, не имея никаких родственников, о которых стоило бы говорить, остались совершенно равнодушными.

— Мне пришлось испытать и разочарования,— с очень мрачным видом продолжал Сквирс.— Отец Болдера не доплатил двух фунтов десяти шиллингов. Где Болдер?

— Вот он, сэр! — отозвалось двадцать угодливых голосов. Право же, мальчики очень похожи на взрослых.

— Подойди, Болдер,— сказал Сквирс.

Болезненный на вид мальчик, у которого руки были сплошь усеяны бородавками, покинул свое место, чтобы подойти к кафедре учителя, и устремил умоляющий взгляд

на лицо Сквирса; а его лицо совсем побелело от сильного сердцебиения.

— Болдер,— начал Сквирс очень медленно, ибо он обдумывал, на чем его подцепить.— Болдер, если твой отец полагает, что потому... Позвольте, что это такое, сэр?

С этими словами Сквирс приподнял руку питомца, схватив за обшлаг рукава, и окинул ее многозначительным взором, выражавшим ужас и отвращение.

— Как вы это назовете, сэр? — вопросил владелец школы, награждая Болдера ударом трости, чтобы ускорить ответ.

— Я, право же, ничего не могу поделать, сэр,— плача, ответил мальчик.— Они сами собой выскакивают. Я думаю, это от грязной работы, сэр... Я не знаю, что это такое, сэр, но я не виноват.

— Болдер,— сказал Сквирс, засучив рукава и поплевав на ладонь правой руки, чтобы хорошенько сжать трость,— ты — неисправимый негодяй! Последняя порка не принесла тебе никакой пользы, и мы должны узнать, не может ли еще одна выбить это из тебя!

С такими словами и ни малейшего внимания не обращая на жалобный вопль о пощаде, мистер Сквирс набросился на мальчика и отколотил его тростью, прекратив это занятие лишь тогда, когда рука у него устала.

— Вот так-то! — сказал Сквирс, покончив с этим делом.— Три сколько хочешь, не скоро сотрешь. О! Ты не можешь не реветь? Не можешь? Выкинь его за дверь, Смайк.

На долгом опыте слуга убедился в том, что нужно повиноваться, а не мешкать; поэтому он вытолкнул жертву в боковую дверь, и мистер Сквирс снова водрузился на свой табурет при поддержке миссис Сквирс, которая занимала другой табурет, рядом с ним.

— Ну-с, теперь посмотрим! — сказал Сквирс.— Письмо Кобби. Встань, Кобби!

Мальчик встал и очень пристально воззрился на письмо, пока Сквирс мысленно делал из него извлечения.

— О! — сказал Сквирс.— Бабушка Кобби умерла, а его дядя Джон запил — вот и все новости, какие посылает ему его сестра, если не считать восемнадцати пенсов, которые как раз пойдут на уплату за разбитое окон-

ное стекло. Миссис Сквирс, дорогая моя, не возьмешь ли ты деньги?

Достойная леди с весьма деловым видом сунула в карман восемнадцать пенсов, и Сквирс с великим хладнокровием обратился к следующему мальчику.

— Следующий — Греймарш,— сказал Сквирс.— Встань, Греймарш!

Мальчик встал, и школьный учитель, как и в первый раз, просмотрел письмо.

— Тетка Греймарша с материнской стороны,— сказал Сквирс, усвоив его содержание,— очень рада слышать, что ему так хорошо и счастливо живется, и посылает почтительный привет миссис Сквирс и считает, что она — ангел. Равным образом она считает, что мистер Сквирс слишком добродетелен для этого мира, но, впрочем, надеется, что ему будет дарована долгая жизнь, дабы он продолжал свое дело. Хотела бы послать две пары носков, о которых просили, но испытывает недостаток в деньгах и потому посылает вместо них религиозную брошюру и надеется, что Греймарш возложит свои упования на провидение. И прежде всего надеется, что он будет стараться во всем угождать мистеру и миссис Сквирс и смотреть на них как на единственных своих друзей; и что он будет любить Сквирса-младшего и не сетовать, если на одной кровати спят пятеро, на что не посетует ни один христианин. Ах,— сказал Сквирс, складывая бумагу,— какое восхитительное письмо! И какое трогательное!

Оно было трогательно в том смысле, что ближайшие друзья тетки Греймарша с материнской стороны имели веские основания видеть в ней не кого иного, как его родительницу. Однако Сквирс, не касаясь этих деталей истории (о чем было бы безнравственно упоминать перед питомцами), продолжал свое дело, вызвав Мобса, после чего встал другой мальчик, а Греймарш вернулся на свое место.

— Мачеха Мобса,— сказал Сквирс,— слегла в постель, услыхав о том, что он не желает есть сало, и с тех пор очень больна. Она хочет узнать с ближайшей почтой, к чему же он придет, если привередничает, брезгая пищей, и как смеет он воротить нос от бульона из коровьей печенки, после того как его добрый наставник призвал

на этот бульон благословение божие. Об этом ей стало известно из лондонских газет — не от мистера Сквирса, ибо он слишком снисходителен и добр, чтобы восстанавливать кого бы то ни было против других людей,— и Мобс даже представить себе не может, как она была огорчена! К своему сожалению, она отмечает его недовольство, каковое является греховным и отвратительным, и надеется, что мистер Сквирс его высечет, чтобы привести в лучшее расположение духа. С этой целью она приостанавливает также выдачу ему его карманных денег — полпенни в неделю — и отдает миссионерам ножик с двумя лезвиями и пробочником, купленный ею специально для него.

— Угрюмость никуда не годится! — сказал Сквирс после зловещей паузы, в течение которой он снова послюнявил ладонь правой руки.— Надлежит поддерживать в себе веселое и бодрое расположение духа. Мобс, подойди ко мне!

Мобс медленно двинулся к кафедре, вытирая глаза в предвкушении веских для того оснований; и вскоре он вышел в боковую дверь после таких веских оснований, какие только могут выпасть на долю ученика.

Мистер Сквирс продолжал вскрывать пеструю коллекцию писем. В иные были вложены деньги, о которых «брала на себя заботу» миссис Сквирс, а в других упоминалось о мелких принадлежностях туалета вроде шапок и т. д., о которых та же леди утверждала, что они либо слишком велики, либо слишком малы и рассчитаны только на юного Сквирса, который как будто и в самом деле был наделен весьма удобным телосложением, ибо все, что поступало в школу, приходилось ему впору. В особенности голова его отличалась изумительной эластичностью: шапки и шляпы любых размеров были как раз по нем.

По окончании этой операции было дано кое-как еще несколько уроков, и Сквирс удалился к своему очагу, предоставив Николасу надзирать за учениками в классной комнате, где было очень холодно и куда с наступлением темноты подали ужин, состоявший из хлеба и сыра.

В углу этой комнаты, ближайшем к кафедре учителя, была маленькая печурка, и перед нею уселся Николас,

такой угнетенный и униженный сознанием своего положения, что, если бы в то время настигла его смерть, он был бы чуть ли не счастлив встретить ее. Жестокость, невольным свидетелем которой он был, грубое и отвратительное поведение Сквирса даже тогда, когда тот был в наилучшем расположении духа, грязное помещение, все, что Николас видел и слышал,— все это было причиной его тяжелого душевного состояния. Когда же он вспомнил, что, служа здесь помощником, он и в самом деле является — неважно, какое несчастливое стечение обстоятельств довело его до этого критического положения,— является пособником и сторонником системы, преисполнявшей его благородным негодованием и отвращением, он устыдился самого себя и в тот момент почувствовал, что одно лишь воспоминание о настоящем его положении должно помешать ему и в будущем держать высоко голову.

Но теперь жребий был брошен, и решение, принятое им прошлой ночью, осталось нерушимым. Он написал матери и сестре, извещая о благополучном окончании путешествия и сообщая как можно меньше о Дотбойс-Холле, но даже это немногое сообщая как можно бодрее. Он надеялся, что, оставаясь здесь, сможет принести хоть какую-нибудь пользу; во всяком случае, его близкие слишком зависели от благосклонности дяди, чтобы он позволил себе возбудить сейчас его гнев.

Одна мысль тревожила его куда больше, чем какие бы то ни было эгоистические размышления, вызванные его собственным положением. Это была мысль о судьбе его сестры Кэт. Дядя обманул его; а что если он и ее устроил на какое-нибудь жалкое место, где ее юность и красота окажутся значительно большим проклятием, чем уродство и дряхлость? Для человека, заключенного в клетку, связанного по рукам и ногам, такое предположение было ужасно. «Нет! — подумал он.— Там при ней мать и эта художница-портретистка — довольно простодушная, но все же знающая свет и от него получающая средства к жизни». Ему хотелось думать, что Ральф Никльби испытывает неприязнь лично к нему. Теперь у него были веские основания отвечать тем же, а потому он без особого труда пришел к такому заключению и поста-

рался убедить себя, что это чувство Ральфа направлено только против него.

Погруженный в такие размышления, он вдруг увидел обращенное к нему лицо Смайка, который стоял на коленях перед печкой, подбирая выпавшие угольки и бросая их в огонь. Он замешкался, чтобы украдкой взглянуть на Николаса, а когда заметил, что за ним следят, отпрянул, съежившись, словно в ожидании удара.

— Меня не нужно бояться,— ласково сказал Николас.— Вам холодно?

— Н-н-нет.

— Вы дрожите.

— Мне не холодно,— быстро ответил Смайк.— Я привык.

Столько было в звуке его голоса нескрываемой боязни рассердить кого-нибудь, и был он таким робким, запуганным созданием, что Николас невольно воскликнул:

— Бедняга!

Если бы он ударил несчастного раба, тот скрылся бы, не говоря ни слова. Но тут он расплакался.

— Ах, боже мой, боже мой! — воскликнул он, закрывая лицо потрескавшимися, мозолистыми руками.— Сердце у меня разорвется... Да, разорвется!

— Тише,— сказал Николас, положив руку ему на плечо.— Будьте мужчиной. Ведь по годам вы уже почти взрослый мужчина.

— По годам! — вскричал Смайк.— О боже, боже, сколько их прошло! Сколько их прошло с тех пор, как я был ребенком — моложе любого из тех, кто сейчас здесь! Где они все?

— О ком вы говорите? — осведомился Николас, желая пробудить разум в бедном полупомешанном создании.— Скажите мне.

— Мои друзья,— ответил он,— я сам... мои... О! Как я страдал!

— Всегда остается надежда,— сказал Николас. Он не знал, что сказать.

— Нет! — возразил тот.— Нет! Для меня — никакой. Помните того мальчика, который умер здесь?

— Вы знаете, меня здесь не было,— мягко ответил Николас.— Но что вы хотите сказать о нем?

— Да как же! — продолжал юноша, придвигаясь ближе к тому, кто его спрашивал.— Я был ночью около него, и, когда все стихло, он перестал кричать, чтобы его друзья пришли и посидели с ним, но ему стали мерещиться лица вокруг его постели, явившиеся из родного дома. Он говорил — они улыбаются и беседуют с ним, и он умер, когда приподнимал голову, чтобы поцеловать их. Вы слышите?

— Да, да! — отозвался Николас.

— Какие лица улыбнутся мне, когда я буду умирать? — содрогаясь, воскликнул его собеседник.— Кто будет говорить со мной в эти долгие ночи? Они не могут прийти из родного дома. Они испугали бы меня, если бы пришли, потому что я не знаю, что такое родной дом, и не узнал бы их. Как больно и страшно! Никакой надежды, никакой надежды!

Зазвонил колокол, призывавший ко сну, и мальчик, впав при этом звуке в свое обычное безучастное состояние, ускользнул, словно боялся, что его кто-то заметит. Вскоре после этого Николас с тяжелым сердцем уединился — нет, не уединился, не было там никакого уединения,— отправился в грязный и битком набитый дортуар.

ГЛАВА IX

О мисс Сквирс, миссис Сквирс, юном Сквирсе и мистере Сквирсе и о различных материях и людях, имеющих не меньшее отношение к Сквирсам, чем к Николасу Никльби

Покинув в тот вечер класс, мистер Сквирс, как было замечено выше, удалился к своему очагу, который помещался не в той комнате, где Николас ужинал в вечер своего прибытия, а в меньшей, в задней половине дома, где его супруга, любезный сын и высокообразованная дочь наслаждались обществом друг друга: миссис Сквирс была погружена в работу, подобающую матроне,— штопку чулок, а юные леди и джентльмен заняты были улаживанием юношеских разногласий посредством кулач-

ной расправы через стол, каковая расправа при приближении почтенного родителя уступила место бесшумным пинкам ногами под столом.

В этом месте, пожалуй, не мешает уведомить читателя, что мисс Фанни Сквирс было двадцать три года. Если именно с этим возрастом связана неразрывно какая-то грация или миловидность, то, думается, ими обладала и мисс Сквирс, ибо нет никаких оснований предполагать, что она являлась единственным исключением из правила. Ростом она была не в мать, весьма высокую, а в малорослого отца; от первой она унаследовала грубый голос, от второго — странное выражение правого глаза, которого как будто и вовсе не было.

Мисс Сквирс провела несколько дней по соседству у подруги и только что вернулась под родительский кров. Этому обстоятельству можно приписать то, что она ничего не слыхала о Николасе, пока сам мистер Сквирс не заговорил о нем.

— Ну-с, дорогая моя,— сказал Сквирс, придвигая свой стул,— что ты о нем теперь думаешь?

— Про чего думаю? — осведомилась миссис Сквирс, которая, слава богу (как она частенько замечала), не была знатоком грамматики.

— Об этом молодом человеке... Новом учителе... О ком еще мне говорить?

— О! Об этом Наклъбое,— с досадой сказала миссис Сквирс.— Я его ненавижу.

— За что ты его ненавидишь, дорогая моя? — спросил Сквирс.

— А тебе какое дело? — ответствовала миссис Сквирс.— Ненавижу — и хватит!

— Для него хватит, моя милая, и даже с избытком, да он-то этого не знает,— миролюбивым тоном ответил мистер Сквирс.— Я только так спросил, дорогая моя.

— А, в таком случае, если желаешь знать, я тебе скажу,— ответила миссис Сквирс.— Ненавижу потому, что он гордый, надменный, напыщенный павлин и нос задирает!

Миссис Сквирс, приходя в возбуждение, имела привычку прибегать к резким выражениям и вдобавок поль-

зоваться множеством характеристик, вроде слова «павлин», а также намека на нос Николаса, каковой намек надлежало понимать не в буквальном смысле, но придавать ему любое значение, в зависимости от фантазии слушателей.

И эти намеки имели не большее отношение друг к другу, чем к предмету, на который они указывали, что обнаруживается и в данном случае: павлин, который задирает нос, явился бы новинкой в орнитологии и существом, доселе не часто виданным.

— Гм! — сказал Сквирс, как бы кротко порицая такую вспышку.— Он дешево сто́ит, дорогая моя. Молодой человек очень дешево сто́ит.

— Ничуть не бывало! — возразила миссис Сквирс.

— Пять фунтов в год,— сказал Сквирс.

— Ну, так что ж? Это дорого, если он тебе не нужен, верно? — отозвалась его жена.

— Но он нам *нужен,*— настаивал Сквирс.

— Не понимаю, почему он нам нужен больше, чем какой-нибудь покойник,— сказала миссис Сквирс.— Не перечь мне! Ты можешь напечатать на визитных карточках и в объявлениях: «Образованием ведают Уэкфорд Сквирс и талантливые помощники»,— не имея никаких помощников, не правда ли? Разве не так поступают все учителя в округе? Ты выводишь меня из терпения.

— Да неужели? — сурово произнес Сквирс.— Ну, так я вам вот что скажу, миссис Сквирс. Что касается учителя, то я, с вашего позволения, поступлю по-своему. Надсмотрщику в Вест-Индии разрешено иметь подчиненного, чтобы тот следил, как бы чернокожие не сбежали или не подняли мятежа; и я хочу иметь подчиненного, чтобы он поступал точно так же с *нашими* чернокожими до той поры, пока маленький Уэкфорд не будет в силах взять на себя заведование школой.

— А я буду заведовать школой, когда стану взрослым, папа? — спросил Уэкфорд-младший, воздержавшись в порыве восторга от злобных пинков, которыми наделял свою сестру.

— Да, сын мой! — прочувствованным тоном отозвался мистер Сквирс.

— Ах, бог ты мой, ну и задам же я мальчишкам! —

воскликнул занятный ребенок, схватив трость отца.— Ох, папа, как они у меня завизжат!

То был торжественный момент в жизни мистера Сквирса, когда он воочию увидел взрыв восторга в душе своего юного отпрыска и узрел в нем будущее его величие. Он сунул ему в руку пенни и дал исход своим чувствам (равно как и его примерная супруга) в раскатах одобрительного смеха. Оный отпрыск пробудил в их сердцах одинаковые чувства, что сразу вернуло беседе беззаботность, а всей компании мир и покой.

— Это противная, спесивая обезьяна! Вот как я на него смотрю,— сказала миссис Сквирс, возвращаясь к Николасу.

— Допустим,— сказал Сквирс,— но спесь с него можно сбить в нашей классной комнате не хуже, чем в другом месте, не правда ли? Тем более что классная комната ему не нравится.

— Пожалуй,— заметила миссис Сквирс,— в этом есть доля истины. Надеюсь, спеси у него поубавится, и не моя будет вина, если этого не случится.

В йоркширских школах спесивый помощник учителя был такой необычайной и неслыханной штукой (любой помощник учителя был новинкой, но спесивый — существом, которого не могло бы нарисовать себе самое пылкое воображение), что мисс Сквирс, редко интересовавшаяся школьными делами, осведомилась с большим любопытством, кто такой этот Накльбой, напускающий на себя такую важность.

— Никльби! — сказал Сквирс, произнося фамилию по буквам, согласно каким-то эксцентрическим правилам произношения, запавшим ему в голову.— Твоя мать всегда неправильно называет людей и вещи.

— Не беда! — сказала миссис Сквирс.— Я их правильно вижу, и этого с меня хватит. Я за ним следила, когда ты сегодня колотил маленького Болдера. Все время он был мрачный, как туча, а один раз вскочил, словно уже совсем готов был броситься на тебя. Я это видела, а он думал, что я не вижу.

— Нечего толковать об этом, отец,— сказала мисс Сквирс, когда глава семейства собрался отвечать.— Что это за человек?

— Твой отец вбил себе в голову дурацкую мысль, будто он сын бедного джентльмена, недавно умершего,— сказала миссис Сквирс.

— Сын джентльмена?

— Да, но я ни единому слову не верю. Если он и сын джентльмена, то он находка, вот мое мнение.

Миссис Сквирс хотела сказать «найденыш», но, как частенько замечала она, делая подобные ошибки, через сто лет это не будет иметь никакого значения,— такою философическою истиной она даже имела обыкновение утешать мальчиков, особенно пострадавших от дурного обращения.

— Ничуть не бывало! — возразил Сквирс в ответ на приведенное выше замечание.— Его отец женился на его матери задолго до его рождения, и она еще жива. Да хотя бы и так — нас это не касается: мы приобрели доброго приятеля, взяв его сюда, и если ему нравится учить чему-нибудь мальчишек, а не только присматривать за ними, то, право же, я не возражаю.

— А я повторяю, что ненавижу его, как чуму! — с жаром заявила миссис Сквирс.

— Если он тебе не нравится, моя милая,— отозвался Сквирс,— я не знаю никого, кто бы лучше тебя мог выразить свою неприязнь, и, разумеется, имея дело с ним, нет никакой причины ее скрывать.

— Я и не намерена скрывать, не беспокойся,— вставила миссис Сквирс.

— Правильно! — сказал Сквирс.— А если есть у него капелька гордости — а, по-моему, она есть,— то я не думаю, чтобы нашлась во всей Англии другая женщина, которая быстрее, чем ты, могла бы сбить спесь с человека, моя милочка.

Миссис Сквирс вдосталь похихикала в ответ на эти лестные комплименты и выразила надежду, что в свое время она укротила двух-трех гордецов. Воздавая лишь должное ее характеру, надлежит сказать, что в союзе со своим уважаемым супругом она сломила дух многих и многих.

Мисс Фанни Сквирс старательно запоминала и этот и дальнейший разговор о том же предмете, пока не ушла спать, а затем расспросила голодную служанку обо всех

мелочах, касающихся наружности и поведения Николаса; на эти вопросы девушка дала такие восторженные ответы, присовокупив к ним столько хвалебных отзывов о его прекрасных темных глазах, нежной улыбке и стройных ногах,— особенно напирала она на это последнее качество, так как в Дотбойс-Холле преобладали кривые ноги,— что мисс Сквирс не замедлила узреть в учителе весьма примечательную особу, или, как выразительно высказалась она сама, «нечто из ряда вон выходящее». И мисс Сквирс приняла решение на следующий же день самолично увидеть Николаса.

Осуществляя свое намерение, молодая леди улучила минутку, когда ее мать была занята, а отец отсутствовал, и как бы случайно зашла в классную комнату очинить перо. Не увидев никого, кроме Николаса, надзиравшего за мальчиками, она густо покраснела и проявила великое смущение.

— Прошу прощения,— пролепетала мисс Сквирс.— Я думала, мой отец здесь... мог быть здесь... Ах, боже мой, как неловко!

— Мистер Сквирс ушел,— сказал Николас, нимало не потрясенный этим появлением, сколь ни было оно неожиданно.

— Вы не знаете, когда он придет, сэр? — спросила мисс Сквирс застенчиво и нерешительно.

— Он сказал, что примерно через час,— ответил Николас учтиво, но отнюдь не показывая, что находится во власти чар мисс Сквирс.

— Никогда еще не случалось со мной такой неприятности! — воскликнула молодая леди.— Очень вам благодарна. Право же, мне так жаль, что я сюда ворвалась. Если бы я не думала, что отец здесь, я бы ни за что на свете... это так неприятно... может показаться таким странным,— пролепетала мисс Сквирс, снова покраснев и переводя взор с пера в руке на Николаса и обратно.

— Если это все, что вам нужно,— сказал Николас, указывая на перо и невольно улыбаясь при виде притворного замешательства дочери владельца школы,— быть может, я могу его заменить.

Мисс Сквирс глянула на дверь, как бы сомневаясь, уместно ли подойти ближе к совершенно незнакомому

человеку, затем окинула взором классную комнату, словно отчасти успокоенная присутствием сорока мальчиков, наконец пододвинулась к Николасу и вручила ему перо с соблазнительной и вместе с тем снисходительной гримасой.

— Острие сделать твердым или мягким? — осведомился Николас, улыбаясь, чтобы не расхохотаться громко.

«У него и в самом деле прелестная улыбка»,— подумала мисс Сквирс.

— Как вы сказали? — спросил Николас.

— Ах, боже мой, уверяю вас, я в эту минуту думала о чем-то совсем другом,— ответила мисс Сквирс.— О, пожалуйста, как можно мягче!

С этими словами мисс Сквирс вздохнула. Быть может, для того, чтобы дать понять Николасу, что ее сердце мягко и перо должно быть ему под стать.

Следуя этим инструкциям, Николас очинил перо; когда он подал его мисс Сквирс, мисс Сквирс его уронила, а когда он наклонился, чтобы поднять его, мисс Сквирс тоже наклонилась, и они стукнулись лбами; при этом двадцать пять мальчиков громко рассмеялись — решительно в первый и единственный раз за это полугодие.

— Какой я неловкий! — сказал Николас, распахивая дверь перед молодой леди.

— Ничуть не бывало, сэр! — отозвалась мисс Сквирс.— Это моя вина! Всему виной моя глупая... э... э... Прощайте!

— До свидания,— сказал Николас.— Надеюсь, второе перо я вам очиню получше. Осторожнее! Вы сейчас грызете острие!

— И в самом деле! — сказала мисс Сквирс.— Такое затруднительное положение, что я, право, не знаю... Простите, что причинила вам столько хлопот.

— Отнюдь никаких хлопот,— ответил Николас, закрывая за ней дверь классной комнаты.

«За всю свою жизнь не видывала таких ног!» — уходя, сказала себе мисс Сквирс.

Дело в том, что мисс Сквирс влюбилась в Николаса Никльби.

Чтобы объяснить ту стремительность, с какою эта молодая леди воспылала страстью к Николасу, необходимо,

быть может, разъяснить, что та подруга, от которой она недавно вернулась, была дочерью мельника, которая, только-только достигнув восемнадцати лет, обручилась с сыном мелкого торговца зерном, проживавшего в ближайшем городе. Года два назад, следуя обычаю, принятому молодыми леди, мисс Сквирс и дочка мельника, будучи близкими подругами, заключили договор, что та, кто первая обручится, немедленно поверит великую тайну сердцу другой, прежде чем поведать о ней кому бы то ни было, и нимало не медля позовет ее себе в подружки. Во исполнение этого договора дочь мельника, когда состоялось ее обручение, прибыла в одиннадцать часов вечера, так как сын торговца зерном предложил ей руку и сердце в двадцать пять минут одиннадцатого по голландским часам в кухне, и ворвалась в спальню мисс Сквирс с приятной вестью.

С той поры мисс Сквирс, будучи на пять лет старше и перешагнув за второй десяток (что также имеет немалое значение), не на шутку беспокоилась, когда она доверит подруге такую же тайну, но либо потому, что она убедилась, как трудно, чтобы кто-нибудь ей понравился, либо потому, что ей еще труднее было прийтись кому-нибудь по вкусу, у нее не было тайн, которые она могла бы поверить. Однако тотчас после короткого свидания с Николасом, которое было описано выше, мисс Сквирс, надев шляпку, отправилась с большой поспешностью к своей подруге и после торжественного повторения всевозможных старых клятв хранить тайну, поведала о том, что она... не то чтобы обручена, но собирается обручиться... с сыном джентльмена (не какой-нибудь там торговец зерном, а сын джентльмена благородного происхождения)... который занял место учителя в Дотбойс-Холле при обстоятельствах, в высшей степени таинственных и замечательных. В самом деле, намекнула мисс Сквирс, у нее были веские основания полагать, что привлеченный слухами о многих ее чарах, он прибыл, чтобы за ней ухаживать, домогаться ее и жениться.

— Ну, не *удивительное* ли это дело? — вопросила мисс Сквирс, делая сильное ударение на прилагательном.

— В высшей степени удивительное,— ответила подруга.— А что он тебе сказал?

— Не спрашивай, дорогая моя, что он мне сказал,— отозвалась мисс Сквирс.— Если бы ты только видела, как он смотрел и улыбался! Никогда в жизни я не была так потрясена.

— А вот этак он смотрел? — осведомилась дочь мельника, изображая, по мере своих способностей, излюбленное подмигиванье торговца зерном.

— Очень похоже на это... только более благородно,— ответила мисс Сквирс.

— Ах, так! — сказала подруга.— Значит, будь уверена, у него что-то серьезное на уме.

Мисс Сквирс, не совсем уверенная на этот счет, была отнюдь не огорчена, получив поддержку авторитетного лица, а когда в дальнейшей беседе и при сравнении воспоминаний обнаружились многие черты поведения, сходные у Николаса с торговцем зерном, она стала столь доверчивой, что сообщила своей подруге многое, чего Николас ей не говорил,— и все это было весьма лестно и убедительно. Затем она распространилась о том, что беда иметь отца и мать, резко восстающих против ее нареченного; об этом печальном обстоятельстве она говорила очень долго, потому что отец и мать ее подруги не чинили никаких препятствий к замужеству дочери и вследствие этого все ухаживание прошло так гладко, как только можно себе представить.

— Как бы мне хотелось его увидеть! — воскликнула подруга.

— Да ты и увидишь, Тильда! — ответила мисс Сквирс.— Я бы себя почитала самым неблагодарным созданием, если бы отказала тебе в этом. Кажется, мать едет на два дня за какими-то учениками, а когда она уедет, я приглашу тебя и Джона и устрою так, чтобы вы с ним встретились.

Это была чудесная затея, и, хорошенько обсудив ее, подруги расстались.

Случилось так, что недалекое путешествие миссис Сквирс за тремя новыми питомцами и для сведения неотложных счетов на небольшую сумму за двух прежних было назначено на послезавтра днем; и послезавтра миссис Сквирс отбыла, заняв верхнее место в карете, остановившейся переменить лошадей в Грета-Бридж; она

захватила с собой сверточек, содержавший нечто в бутылке и несколько сандвичей, и вдобавок взяла широкое белое пальто, чтобы надеть его ночью; с этим багажом она и отправилась в путь.

В таких случаях Сквирс имел обыкновение уезжать каждый вечер под предлогом неотложных дел в город и просиживать часов до десяти — одиннадцати в излюбленной таверне. Итак, вечеринка ему ничуть не мешала и даже предоставляла возможность пойти с мисс Сквирс на компромисс, а потому он с готовностью дал полное согласие и охотно сообщил Николасу, что вечером, в пять часов, его ждут к чаю в гостиной.

Разумеется, с приближением назначенного часа мисс Сквирс пришла в ужасное волнение, и, разумеется, она нарядилась удивительно к лицу: волосы — явно рыжие, которые она подстригала,— были завиты круто в пять рядов до самой макушки и искусно убраны над сомнительным глазом; стоит ли говорить о голубом поясе, концы которого развевались, о вышитом передничке, о длинных перчатках и о зеленом газовом шарфе, наброшенном на одно плечо и продетом под другую руку, стоит ли говорить об иных многочисленных уловках, долженствовавших стать столь же многочисленными стрелами для сердца Николаса. Она едва успела закончить эти приготовления, к полному своему удовольствию, как появилась подруга с плоским, треугольным свертком в коричневой бумаге, содержавшим всевозможные мелкие украшения, которые надлежало надеть в комнате наверху и которые подруга и надела, болтая без умолку. Когда мисс Сквирс «поправила» прическу подруги, подруга «поправила» прическу мисс Сквирс, сделав поразительные улучшения, касавшиеся завитков на шее, а затем обе были разряжены к полному своему удовлетворению и спустились вниз во всем параде, в длинных перчатках, совсем готовые к приему гостей.

— Тильда, где же Джон? — осведомилась мисс Сквирс.

— Он пошел домой приодеться,— ответила подруга.— Будет здесь к чаю.

— Я вся трепещу,— заявила мисс Сквирс.

— Ах, я понимаю! — отозвалась подруга.

— Знаешь, Тильда, я к этому не привыкла,— сказала мисс Сквирс, прикладывая руку к поясу с левой стороны.

— Ты скоро с этим справишься, дорогая,— ответила подруга.

Пока они беседовали, голодная служанка подала чайный прибор, а вскоре после этого кто-то постучал в дверь.

— Это он! — воскликнула мисс Сквирс.— О Тильда!

— Тише! — сказала Тильда.— Гм! Скажи: «Войдите».

— Войдите,— пролепетала мисс Сквирс.

И вошел Николас.

— Добрый вечер,— сказал молодой джентльмен, нимало не ведая о своей победе.— Я узнал от мистера Сквирса, что...

— О да! Совершенно верно! — перебила мисс Сквирс.— Отец не будет пить чай с нами, но вы, я думаю, ничего не имеете против его отсутствия. (Это было сказано лукаво.)

Тут Николас широко раскрыл глаза, но очень хладнокровно решил над этим вопросом не задумываться, в сущности ровно ничем в тот момент не интересуясь, и проделал церемонию знакомства с дочерью мельника с такой грацией, что эта юная леди пришла в восхищение.

— Мы ждем еще одного джентльмена,— сказала мисс Сквирс, снимая крышку с чайника и заглядывая в него, чтобы удостовериться, настоялся ли чай.

Николасу было все равно, ждут ли они одного или двадцать джентльменов, а посему он выслушал это сообщение с полным безразличием; он был в дурном расположении духа и, не видя никаких веских оснований быть особенно любезным, посмотрел в окно и невольно вздохнул.

Судьбе угодно было, чтобы подруга мисс Сквирс отличалась игривым нравом, и при вздохе Николаса подруге взбрело в голову посмеяться над унынием влюбленных.

— Если причина вашей грусти — мое присутствие,— сказала молодая леди,— не обращайте на меня ни малейшего внимания, потому что и мне не легче, чем вам. Можете держать себя точь-в-точь так, как если бы меня здесь не было.

— Тильда,— сказала мисс Сквирс, краснея до верхнего ряда завитушек,— мне стыдно за тебя.

И тут обе подруги принялись хихикать на все лады и время от времени поглядывали поверх носовых платков на Николаса, который от неподдельного изумления постепенно перешел к неудержимому смеху, отчасти вызванному мыслью, что его считают влюбленным в мисс Сквирс, а отчасти — нелепым видом и поведением обеих девиц. Все это показалось ему столь нелепым и смешным, что, несмотря на свое печальное положение, он хохотал до полного изнеможения.

«Ладно,— подумал Николас,— раз уж я здесь и от меня почему-то ожидают любезностей, что толку иметь дурацкий вид. Уж лучше я как-нибудь приспособлюсь к обществу».

Мы с краской на лице упоминаем об этом; но стоило юношеской бодрости и живости на время одержать верх над грустными мыслями, как он, едва успев принять решение, уже с превеликой галантностью приветствовал мисс Сквирс и ее подругу и, придвинув стул к чайному столу, устроился с большим удобством: так, должно быть, не устраивался ни один помощник учителя в доме своего хозяина с той поры, как были впервые изобретены помощники учителей.

Леди были в полном восторге от столь изменившегося поведения мистера Никльби, а в это время явился парень, которого поджидали, с волосами, еще совсем влажными от недавнего мытья, и в чистой рубашке, воротничок коей мог бы принадлежать какому-нибудь гиганту-предку, составляя вместе с белым жилетом не меньших размеров главное украшение его особы.

— Ну, Джон,— сказала мисс Матильда Прайс. (Так, кстати сказать, звали дочь мельника.)

— Ну! — сказал Джон, ухмыляясь так, что даже воротничок не мог этого скрыть.

— Простите,— вмешалась мисс Сквирс, спеша познакомить гостей,— мистер Никльби — мистер Джон Брауди.

— Ваш покорный слуга, сэр,— сказал Джон, который был ростом повыше шести футов, а лицо и фигуру имел, пожалуй, более чем соответствующие своему росту.

— К вашим услугам, сэр,— ответил Николас, энергически опустошая тарелки с бутербродами.

Мистер Брауди не был джентльменом, особо наделенным даром вести беседу, поэтому он ухмыльнулся еще два раза и, удостоив таким образом своим привычным знаком внимания каждого из присутствующих, ухмыльнулся всем вообще и приступил к еде.

— Старуха уехала? — спросил мистер Брауди, набив себе рот.

Мисс Сквирс кивнула головой.

Мистер Брауди ухмыльнулся особенно широко, словно подумал, что над этим и в самом деле стоит посмеяться, и с сугубым рвением принялся уплетать хлеб с маслом. Стоило посмотреть, как он и Николас вдвоем очистили тарелку.

— Экий вы, вероятно, вам не каждый вечер приходится есть хлеб с маслом,— сказал мистер Брауди, после того как долго таращил глаза на Николаса поверх пустой тарелки.

Николас прикусил губу и покраснел, но притворился, будто не слышит этого замечания.

— Ей-богу,— продолжал мистер Брауди, хохоча во все горло,— не очень-то дают им жрать! Если вы здесь подольше поживете, от вас останутся кожа да кости. Хо-хо-хо!

— Вы шутник, сэр! — презрительно сказал Николас.

— Да ну? — ответил мистер Брауди.— А вот от прежнего учителя остались кожа да кости, потому что он был ученый.

Воспоминание о худобе прежнего учителя, казалось, привело мистера Брауди в величайшее восхищение, ибо он хохотал, пока не почел нужным вытереть глаза обшлагами.

— Не знаю, хватит ли у вас ума, мистер Брауди, понять, что ваши слова оскорбительны,— воскликнул Николас с нарастающим гневом,— но если хватит, то будьте так добры...

— Если вы скажете еще хоть слово, Джон,— взвизгнула мисс Прайс, зажимая рот своему обожателю, когда тот собрался перебить Никльби,— еще хоть полсловечка, то я вас никогда не прощу и разговаривать с вами не буду!

— Ну, ладно, моя девочка, что мне за дело! — сказал торговец зерном, влепив звонкий поцелуй мисс Матильде.— Пусть все идет по-прежнему, пусть все идет по-прежнему!

Теперь пришел черед мисс Сквирс вступиться за Николаса, что она и сделала, притворяясь испуганной и встревоженной; в результате двойного вмешательства Николас и Джон Брауди очень торжественно подали друг другу руку через стол, и столь внушительной была эта церемония, что мисс Сквирс взволновалась и пролила слезы.

— Что с тобой, Фанни? — осведомилась мисс Прайс.

— Ничего, Тильда,— всхлипывая, отозвалась мисс Сквирс.

— Ведь никакой опасности не было,— сказала мисс Прайс.— Не правда ли, мистер Никльби?

— Решительно никакой! — ответил Николас.— Чепуха!

— Очень хорошо! — шепнула мисс Прайс.— Скажите ей что-нибудь ласковое, и она скоро придет в себя. Послушайте, не выйти ли нам с Джоном на кухню, а потом мы вернемся?

— Ни за что на свете! — возразил Николас, очень встревоженный таким предложением.— Чего ради вам это делать?

— Эх! — сказала мисс Прайс, поманив его в сторону и говоря с некоторой долей презрения.— Хороший же вы кавалер.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил Николас.— Я совсем не кавалер — во всяком случае, не здесь. Ничего не понимаю.

— Да и я ничего не понимаю! — подхватила мисс Прайс.— Но мужчины — изменники, всегда такими были и всегда такими будут — вот это мне очень легко понять!

— Изменники! — воскликнул Николас.— Да что у вас на уме? Уж не хотите ли вы сказать, что вы думаете...

— Ах, нет, я ровно ничего не думаю! — с раздражением перебила мисс Прайс.— Вы поглядите на нее: как разодета и какой прелестный у нее вид, право же, *почти* красавица. Мне стыдно за вас!

— Милая моя, какое мне дело до того, что она разодета и что у нее прелестный вид? — осведомился Николас.

— Ну-ну, не называйте меня «милой»,— сказала мисс Прайс, впрочем, слегка улыбаясь, потому что была миловидна и к тому же немного кокетлива, а Николас был красив и она считала его собственностью другой особы, а это и являлось причиной, почему ей лестно было думать, что она произвела на него впечатление,— не то Фанни скажет, что это моя вина. Давайте-ка сыграем в карты.

Громко произнеся эти последние слова, она упорхнула и присоединилась к грузному йоркширцу.

Все это было совершенно непонятно Николасу, который в тот момент усвоил лишь то, что мисс Сквирс — девица, отличающаяся заурядной наружностью, а ее подруга, мисс Прайс,— хорошенькая девушка. Но у него не было времени поразмыслить об этом, так как у очага уже подмели, со свечи сняли нагар, и они уселись играть в «спекуляцию».

— Нас только четверо, Тильда,— сказала мисс Сквирс, бросая лукавый взгляд на Николаса.— Пожалуй, лучше нам взять себе партнеров — двое против двух.

— Что вы на это скажете, мистер Никльби? — осведомилась мисс Прайс.

— С величайшим удовольствием,— ответил Николас.

И с этими словами, совершенно не ведая о наносимой им чудовищной обиде, он смешал в одну кучу карточки с проспектами Дотбойс-Холла, которые заменяли ему фишки, с теми, какие получила мисс Прайс.

— Мистер Брауди,— взвизгнула мисс Сквирс,— будем держать против них банк?

Йоркширец согласился, по-видимому совершенно ошеломленный дерзостью нового учителя, а мисс Сквирс бросила злобный взгляд на подругу и истерически захохотала.

На долю Николаса выпало сдавать, и ему повезло.

— Мы собираемся выиграть все,— сказал он.

— Тильда уже выиграла кое-что, на это, я думаю, она не надеялась, не правда ли, милая? — сердито сказала мисс Сквирс.

— Только дюжину и восемь, милочка,— ответила мисс Прайс, делая вид, будто понимает вопрос в буквальном смысле.

— Какая ты сегодня скучная! — огрызнулась мисс Сквирс.

— Да, право же, нет! — отозвалась мисс Прайс.— Я в превосходном расположении духа. Мне казалось, что ты как будто расстроена.

— Я! — вскричала мисс Сквирс, кусая губы и дрожа от ревности.— О нет!

— Ну, вот и прекрасно! — заметила мисс Прайс.— У тебя кудряшки растрепались, милочка.

— Не обращай на меня внимания,— захихикала мисс Сквирс,— ты бы лучше смотрела за своим партнером.

— Благодарю вас, что вы ей напомнили,— сказал Николас.— И в самом деле, это было бы лучше.

Йоркширец раза два приплюснул себе нос сжатым кулаком, словно хотел удержать свою руку, пока ему не представится случай поупражнять ее на физиономии какого-нибудь другого джентльмена, а мисс Сквирс с таким негодованием тряхнула головой, что ветер, поднятый пришедшими в движение многочисленными кудряшками, едва не задул свечу.

— Право же, мне никогда так не везло! — кокетливо воскликнула мисс Прайс после одной-двух партий.— Я думаю, это все благодаря вам, мистер Никльби. Хотелось бы мне всегда иметь вас своим партнером.

— И я бы этого хотел.

— Но у вас будет плохая жена, если вы всегда выигрываете в карты,— сказала мисс Прайс.

— Нет, не плохая, если ваше желание исполнится,— ответил Николас.— Я уверен, что в таком случае жена у меня будет хорошая.

Нужно было видеть, как тряхнула головой мисс Сквирс, пока шла эта беседа, и как приплюснул себе нос торговец зерном! Стоило платить небольшую ежегодную ренту, чтобы только узреть это, увидеть, с какой радостью мисс Прайс возбуждала их ревность, тогда как Николас Никльби не подозревал, что он причиняет кому-то неприятность.

— Но мы, кажется, только одни и разговариваем,— сказал Николас, добродушно окинув взглядом стол и беря карты для новой сдачи.

— Вы так хорошо это делаете, что жалко было бы перебивать,— захихикала мисс Сквирс.— Не правда ли, мистер Брауди? Хи-хи-хи!

— Мы это делаем потому, что больше не с кем говорить,— сказал Николас.

— Поверьте, мы будем разговаривать с вами, если вы нам что-нибудь скажете,— заметила мисс Прайс.

— Благодарю тебя, милая Тильда,— величественно отозвалась мисс Сквирс.

— Вы можете говорить друг с другом, если вам не хочется разговаривать с нами,— продолжала мисс Прайс, подшучивая над своей любимой подругой.— Джон, почему вы ничего не говорите?

— Ничего не говорю? — повторил йоркширец.

— Да, лучше говорить, чем сидеть вот так молча и дуться.

— Ну, будь по-вашему! — вскричал йоркширец, тяжело ударив кулаком по столу.— Вот что я скажу: пусть черт заберет мои кости и тело, если я буду дольше это терпеть! Ступайте вместе со мною домой, а этому молодому шептуну скажите, чтобы он поостерегся, как бы ему не остаться с проломанной башкой, когда он в следующий раз попадется мне под руку.

— Боже милостивый, что это значит? — с притворным изумлением воскликнула мисс Прайс.

— Ступайте домой, говорю вам, ступайте домой! — сердито крикнул йоркширец.

А когда он произнес эти слова, мисс Сквирс залилась потоком слез, вызванных отчасти нестерпимым раздражением, а отчасти тщетным желанием расцарапать кому-нибудь физиономию своими прекрасными ноготками.

Такое положение дел создалось по многим причинам. Оно создалось потому, что мисс Сквирс стремилась к высокой чести выйти замуж, не имея для того достаточного основания. Оно создалось потому, что мисс Прайс уступила трем побуждениям: во-первых, желанию наказать подругу, притязавшую на соперничество с ней без всяких

на то прав; во-вторых, собственному тщеславию, побудившему ее принимать ухаживание изящного молодого человека; и, в-третьих, стремлению доказать торговцу зерном, какой великой опасности он себя подвергает, откладывая празднование их бракосочетания. А Николас вызвал его тем, что на полчаса предался веселью и беззаботности и очень искренне хотел избежать обвинений в неравнодушии к мисс Сквирс. Поэтому и примененные средства и достигнутые результаты были самыми естественными, ибо молодые леди до скончания веков, как делали они это испокон веков, будут стремиться к замужеству, оттеснять друг друга во время бега к алтарю и пользоваться каждым удобным случаем, чтобы в наивыгоднейшем свете показать свои преимущества.

— Смотри-ка! А теперь Фанни расплакалась! — воскликнула мисс Прайс, как будто снова изумившись.— Что же это случилось?

— О, вы не знаете, мисс, конечно, вы не знаете. Прошу вас, не трудитесь расспрашивать,— сказала мисс Сквирс и изменилась в лице — «состроила гримасу», как говорят дети.

— Ну уж, скажу я вам! — воскликнула мисс Прайс.

— А кому какое дело, что вы, сударыня, скажете или чего не скажете? — ответила мисс Сквирс, делая новую гримасу.

— Вы чудовищно вежливы, сударыня,— сказала мисс Прайс.

— К вам, сударыня, я не приду брать уроки в этом искусстве,— отрезала мисс Сквирс.

— А все-таки незачем вам трудиться и делать себя еще некрасивее, чем вы есть, сударыня, потому что это совершенно лишнее,— подхватила мисс Прайс.

В ответ мисс Сквирс очень покраснела и возблагодарила бога за то, что у нее не такое дерзкое лицо, как у иных особ. В свою очередь мисс Прайс поздравила себя с тем, что не наделена такими завистливыми чувствами, как иные люди, после чего мисс Сквирс сделала общее замечание касательно знакомства с особами низкого происхождения, с которым мисс Прайс вполне согласилась, заявив, что это и в самом деле совершенно верно и она давно уже так думала.

— Тильда! — с большим достоинством воскликнула мисс Сквирс.— Я вас ненавижу!

— Ах, я тоже вас ненавижу,— заявила мисс Прайс, судорожно завязывая ленты шляпки.— Вы себе глаза выплачете, когда я уйду. Вы сами это знаете.

— Я презираю ваши слова, вертушка! — воскликнула мисс Сквирс.

— Вы мне говорите очень лестный комплимент,— ответила дочь мельника, низко приседая.— Желаю вам спокойной ночи, сударыня, и приятных сновидений!

Послав на прощание это благословение, мисс Прайс вылетела из комнаты, сопутствуемая дюжим йоркширцем, который обменялся с Николасом тем особенно выразительным грозным взглядом, каким графы-забияки в мелодрамах уведомляют друг друга, что они еще встретятся.

Не успели они уйти, как мисс Сквирс исполнила предсказание своей бывшей подруги, дав волю обильнейшим слезам, горько жалуясь и что-то бессвязно бормоча. Несколько секунд Николас стоял и смотрел, хорошенько не зная, что делать; но, не уверенный в том, окончится ли этот припадок поцелуем или царапаньем, и почитая ту и другую беду равно приятной, он потихоньку удалился, пока мисс Сквирс хныкала в свой носовой платок.

«Вот следствие,— подумал Николас, когда ощупью пробирался в темную спальню,— вот следствие моей проклятой готовности приноравливаться к любому обществу, с каким сведет меня случай. Если бы я сидел немой и неподвижный,— а я мог так сделать,— ничего бы этого не произошло!»

Несколько минут он прислушивался, но все было тихо.

— Я обрадовался,— бормотал он,— и ухватился за возможность отвлечься от мыслей об этом отвратительном доме и о его гнусном хозяине. Я поссорил этих людей и нажил себе двух новых врагов там, где, небу известно, мне ни одного не нужно. Это справедливое наказание за то, что я забыл хотя бы на час, что меня теперь окружает!

С этими словами он пробрался среди множества измученных спящих и лег на свою жалкую постель.

ГЛАВА X

Как обеспечил мистер Ральф Никльби свою племянницу и невестку

На следующее утро после отъезда Николаса в Йоркшир Кэт Никльби сидела в очень вылинявшем кресле, воздвигнутом на очень пыльный пьедестал, в комнате мисс Ла-Криви, позируя этой леди для портрета, на что Кэт дала согласие; для полного совершенства портрета мисс Ла-Криви принесла наверх застекленный ящик, висевший на парадной двери, чтобы легче было придать цвету лица мисс Никльби на портрете яркий желто-розовый телесный оттенок, на который мисс Ла-Криви впервые напала, когда писала миниатюрный портрет молодого офицера, содержавшийся в этом ящике; яркий желто-розовый телесный цвет почитался ближайшими друзьями и покровителями мисс Ла-Криви подлинной новинкой в искусстве. Впрочем, так оно и было.

— Кажется, я его сейчас уловила! — сказала мисс Ла-Криви.— Тот самый оттенок! Конечно, это будет самый прелестный портрет, какой мне приходилось писать.

— Если это верно, то я убеждена, что таким сделает его ваш талант,— улыбаясь, отозвалась Кэт.

— Нет, с этим я не соглашусь, дорогая моя,— возразила мисс Ла-Криви.— Модель очень мила, право же, модель очень мила, хотя, конечно, кое-что зависит от манеры изображения.

— И зависит немало,— заметила Кэт.

— Да, дорогая моя, в этом вы правы,— сказала мисс Ла-Криви.— В основном вы правы, хотя в данном случае я не согласна, что это имеет такое большое значение. Ах, дорогая моя! Велики трудности, связанные с искусством!

— Не сомневаюсь, что это так,— сказала Кэт, желая угодить своей добродушной маленькой приятельнице.

— Они так велики, что вы даже не можете составить об этом ни малейшего представления,— отозвалась мисс Ла-Криви.— Изо всех сил выставлять на вид глаза, по мере сил не выставлять напоказ нос, увеличивать голову

и совсем убирать зубы! Вам и не вообразить, сколько хлопот с одной крошечной миниатюрой.

— Вряд ли оплата вознаграждает вас за труды,— сказала Кэт.

— Не вознаграждает, сущая правда,— ответила мисс Ла-Криви.— Да к тому же люди так привередливы и неразумны, что в девяти случаях из десяти нет никакого удовольствия их писать. Иной раз они говорят: «Ох, каким вы меня сделали серьезным, мисс Ла-Криви!», а другой раз: «Ах, какой я вышел смешливый!» — когда самая суть хорошего портрета в том, что он должен быть либо серьезным, либо смешливым, иначе это будет вовсе не портрет.

— Вот как? — смеясь, сказала Кэт.

— Разумеется, дорогая, потому что модель всегда бывает либо тем, либо другим,— отозвалась мисс Ла-Криви.— Посмотрите на Королевскую академию! * Серьезны, знаете ли, все эти прекрасные глянцевитые портреты джентльменов в черных бархатных жилетах — джентльменов, опирающихся сжатым кулаком на круглый столик или мраморную плиту. И смеются все леди, играющие маленькими зонтиками, или с маленькими собачками, или с маленькими детьми,— правило в искусстве одно и то же, меняются только детали. Собственно говоря,— сказала мисс Ла-Криви, понизив голос до шепота,— есть только два стиля портретной живописи — серьезный и смешливый, и мы всегда прибегаем к серьезному для особ, занимающих положение в обществе (иногда, впрочем, делаем исключение для актеров), и к смешливому для леди и джентльменов, которые не очень заботятся о том, чтобы казаться умными.

Эти сведения, казалось, очень позабавили Кэт, а мисс Ла-Криви продолжала работать и болтать с невозмутимым благодушием.

— Какое множество военных вы пишете! — сказала Кэт, пользуясь перерывом и окидывая взором комнату.

— Множество кого, дитя? — осведомилась мисс Ла-Криви, отрывая глаза от работы.— О да! Портреты типические. Но, знаете ли... это не настоящие военные.

— Как!

— Конечно! Это только клерки. Они, знаете ли, бе-

рут напрокат мундир, чтобы их изобразили в нем, и присылают его сюда в саквояже. Иные художники,— сказала мисс Ла-Криви,— держат у себя красный мундир и берут лишних семь шиллингов шесть пенсов за прокат и за кармин, но я этого не делаю, так как считаю это незаконным.

Приосанившись, словно она очень гордилась тем, что не прибегает к таким приманкам для поимки клиентов, мисс Ла-Криви еще более рьяно принялась за работу, лишь изредка приподнимая голову, чтобы с невыразимым удовлетворением посмотреть на сделанный мазок, и время от времени сообщая мисс Никльби, над какими чертами лица она в этот момент работает.

— Не для того, чтобы вы приготовились, дорогая моя,— сказала она в пояснение,— но такой у нас обычай: иной раз говорить позирующему, что́ мы отделываем, и, если он хочет увидеть на портрете какое-либо особое выражение, у него есть время принять желаемый вид...

— А когда,— продолжала мисс Ла-Криви после долгого молчания, а именно через добрых полторы минуты,— когда рассчитываете вы увидеть снова вашего дядю?

— Право, не знаю. Я рассчитывала увидеть его раньше,— сказала Кэт.— Надеюсь, скоро, потому что нет ничего хуже, чем это состояние неуверенности.

— Вероятно, у него есть деньги, не правда ли? — осведомилась мисс Ла-Криви.

— Я слыхала, что он очень богат,— ответила Кэт.— Не знаю, так ли это, но думаю, что так.

— Ах, можете не сомневаться в том, что это правда, иначе он не был бы таким угрюмым! — заметила мисс Ла-Криви, которая представляла собою своеобразное соединение проницательности с простодушием.— Если человек — медведь, он обычно обладает независимым состоянием.

— Обращение у него грубое,— сказала Кэт.

— Грубое! — воскликнула мисс Ла-Криви.— По сравнению с ним дикобраз — пуховое ложе! Я никогда еще не встречалась с таким строптивым старым дикарем.

— Я думаю, это только обращение у него такое,— робко отозвалась Кэт.— Я слыхала, что в молодости его постигло какое-то разочарование или нрав его стал угрю-

мым после какой-то беды. Мне бы не хотелось плохо о нем думать, пока я не уверена, что он этого заслуживает.

— О, это очень хорошо,— заметила миниатюристка,— и боже сохрани, чтобы я вам препятствовала! Но послушайте, не мог бы он без всякого ущерба для себя назначить вам и вашей матушке приличную маленькую пенсию, которая обеспечила бы вас обеих, пока вы не выйдете замуж, а для нее явилась бы впоследствии маленьким состоянием? Что для него, скажем, какая-нибудь сотня в год?

— Не знаю, что для него,— решительно сказала Кэт,— но я скорее бы умерла, чем приняла.

— Да ну! — вскричала мисс Ла-Криви.

— Зависимость от него отравила бы мне всю жизнь,— продолжала Кэт.— Просить милостыню казалось бы мне гораздо меньшим унижением.

— Вот как! — воскликнула мисс Ла-Криви.— Признаюсь, милочка, это звучит довольно странно, когда вы говорите так о родственнике, о котором не позволяете постороннему человеку отзываться плохо.

— Да, пожалуй,— ответила Кэт более мягким тоном.— Да, конечно, это так. Я... я... хотела только сказать, что, помня о лучших временах, я не в силах жить, пользуясь чьей-то щедростью — не только его, но кого бы то ни было.

Мисс Ла-Криви лукаво посмотрела на свою собеседницу, словно подозревая, не является ли именно Ральф объектом неприязни, но, видя, что ее юная приятельница расстроена, ничего не сказала.

— Я прошу его только об одном,— продолжала Кэт, у которой слезы брызнули, пока она говорила,— пусть он ради меня лишь настолько поступится своими привычками, чтобы дать мне возможность с помощью его рекомендации — только одной рекомендации — зарабатывать буквально на хлеб и оставаться с моей матерью. Изведаем ли мы когда-нибудь снова счастье, зависит от судьбы моего дорогого брата, но если дядя даст рекомендацию, а Николас скажет нам, что он счастлив и доволен, я буду удовлетворена.

Когда она замолчала, за ширмой, стоявшей между

нею и дверью, послышался шорох, и кто-то постучал в деревянную обшивку.

— Кто там? Войдите! — крикнула мисс Ла-Криви.

Пришедший повиновался, немедленно шагнул вперед, и перед собеседницами предстал не кто иной, как сам мистер Ральф Никльби.

— Приветствую вас, леди,— сказал Ральф, зорко глянув на обеих по очереди.— Вы так громко беседовали, что я не мог достучаться.

Когда этот делец таил в сердце особенно злое чувство, у него была манера на мгновение почти совсем скрывать глаза под густыми нависшими бровями, а потом раскрывать их, обнаруживая всю их проницательность. Он проделал это и теперь, попытался скрыть улыбку, раздвинувшую тонкие сжатые губы и образовавшую недобрые складки вокруг рта. И обе они почувствовали уверенность, что если не весь их недавний разговор, то часть его была подслушана.

— Я зашел сюда по дороге наверх, почти не сомневаясь, что застану вас здесь,— продолжал Ральф, обращаясь к племяннице и бросая презрительный взгляд на портрет.— Это портрет моей племянницы, сударыня?

— Да, мистер Никльби,— с очень веселым видом ответила мисс Ла-Криви,— и, говоря между нами и в четырех стенах, портрет выйдет премиленький, хотя это и говорю я, его написавшая!

— Не трудитесь показывать мне его, сударыня! — воскликнул Ральф, отходя в сторону.— Я в портретах ничего не смыслю. Он почти закончен?

— Да, пожалуй,— ответила мисс Ла-Криви, соображая и держа конец кисти во рту.— Еще два сеанса, и...

— Пусть они состоятся немедленно, сударыня,— сказал Ральф,— послезавтра ей некогда будет заниматься пустяками. Работа, сударыня, работа, все мы должны работать! Вы уже сдали вашу квартиру, сударыня?

— Я еще не вывесила объявления, сэр.

— Вывесьте его немедленно, сударыня. На будущей неделе комнаты им не понадобятся, а если и понадобятся, им нечем будет за них платить. А теперь, моя милая, если вы готовы, не будем больше терять время.

С притворной ласковостью, которая еще меньше была

ему к лицу, чем обычное его обращение, мистер Ральф Никльби жестом предложил молодой леди идти вперед и, важно поклонившись мисс Ла-Криви, закрыл дверь и поднялся наверх, где миссис Никльби приняла его со всевозможными знаками внимания. Довольно резко положив им конец, Ральф нетерпеливо махнул рукой и приступил к цели своего посещения.

— Я нашел место для вашей дочери, сударыня,— сказал Ральф.

— Что ж! — отозвалась миссис Никльби.— Должна сказать, что меньшего я от вас и не ждала. «Можешь быть уверена,— сказала я Кэт не дальше как вчера утром, за завтраком,— что теперь, когда твой дядя с такой готовностью позаботился о Николасе, он не покинет нас, пока не сделает для тебя по меньшей мере того же». Это были буквально мои слова, насколько я могу припомнить. Кэт, дорогая моя, что же ты не благодаришь твоего...

— Дайте мне договорить, сударыня, прошу вас,— сказал Ральф, перебивая свою невестку в самый разгар ее красноречия.

— Кэт, милочка, дай дяде договорить,— сказала миссис Никльби.

— Мне больше всего этого хочется, мама,— заметила Кэт.

— Но, дорогая моя, если тебе больше всего этого хочется, ты бы лучше дала твоему дяде высказать то, что он имеет сказать, и не перебивала его,— сказала миссис Никльби, покачивая головой и хмурясь.— Время твоего дяди драгоценно, дорогая моя, и как бы велико ни было твое желание — оно естественно, и я уверена, его почувствовали бы все любящие родственники, которые бы видели твоего дядю так мало, как видели его мы,— желание удержать его среди нас, однако мы не должны быть эгоистами и должны принять во внимание серьезный характер его занятий в Сити.

— Я вам весьма признателен, сударыня,— сказал Ральф с едва уловимой насмешкой.— Отсутствие деловых навыков в этом семействе приводит, по-видимому, к слишком большой трате слов, прежде чем дойдут до дела, если о нем вообще когда-нибудь думают.

— Боюсь, что это действительно так,— со вздохом отозвалась миссис Никльби.— Ваш бедный брат...

— Мой бедный брат, сударыня,— с раздражением перебил Ральф,— понятия не имел о том, что такое дело. Он был незнаком, я твердо верю, с самым значением этого слова.

— Боюсь, что да,— сказала миссис Никльби, поднося платок к глазам.— Не́ будь меня, не знаю, что бы с ним сталось.

Странные мы создания! Пустячная приманка, столь искусно заброшенная Ральфом во время первого их свидания, еще болталась на крючке. При каждом маленьком лишении или неудобстве, какие обнаруживались на протяжении суток, живо напоминая о стесненных и изменившихся обстоятельствах, в памяти миссис Никльби всплывала досадливая мысль о ее приданом в тысячу фунтов, пока, наконец, она не убедила себя в том, что из всех кредиторов ее покойного мужа ни с кем не поступили хуже и никто не достоин большей жалости, чем она. А ведь много лет она горячо его любила и была наделена эгоизмом не больше, чем обычно наделены им смертные. Такую раздражительность вызывает внезапная бедность. Приличная ежегодная рента немедленно вернула бы ее к прежнему образу мыслей.

— Сетовать бесполезно, сударыня,— сказал Ральф.— Из всех бесплодных занятий плакать о вчерашнем дне — самое бесплодное.

— Это верно,— всхлипывая, сказала миссис Никльби.— Это верно.

— Раз вы так болезненно испытываете на самой себе и своем кармане последствия пренебрежения делами, сударыня,— сказал Ральф,— то, я уверен, вы внушите своим детям сознание необходимости с ранних лет заняться делом.

— Конечно, я должна позаботиться об этом,— подхватила миссис Никльби.— Печальный опыт, знаете ли, деверь... Кэт, дорогая моя, сообщи об этом Николасу в следующем письме или напомни мне это сделать, если я буду писать.

Ральф помолчал несколько секунд и, видя, что теперь может быть вполне уверен в матери, если дочь взду-

мает возражать против его предложения, снова заговорил:

— Место, которое я постарался ей обеспечить, сударыня, это... короче — это место у модистки и портнихи.

— У модистки?! — воскликнула миссис Никльби.

— У модистки и портнихи, сударыня! — повторил Ральф.— Мне незачем напоминать вам, сударыня, что в Лондоне модистки, столь хорошо знакомые с требованиями повседневной жизни, зарабатывают большие деньги, имеют свой выезд и становятся особами очень богатыми.

Первая мысль, возникшая в уме миссис Никльби при словах «модистка и портниха», имела отношение к некиим плетеным корзинкам, обшитым черной клеенкой, и ей припомнилось, что она видела, как их носили по улицам, но, по мере того как говорил Ральф, эти видения исчезали и уступали место большим домам в Вест-Энде *, изящным собственным экипажам и чековой книжке. Все эти образы сменяли друг друга с такой быстротой, что не успел он договорить, как она уже кивнула головой и сказала: «Весьма справедливо!» — с видом полного удовлетворения.

— Кэт, дорогая моя, то, что говорит твой дядя, весьма справедливо,— сказала миссис Никльби.— Когда твой бедный папа и я приехали после свадьбы в город, я, знаешь ли, припоминаю, что одна молодая леди доставила мне на дом капор из соломки с белой и зеленой отделкой и на зеленой персидской подкладке, подъехав к двери галопом в собственном экипаже. Правда, я не совсем уверена, собственный это был экипаж или наемный, но я очень хорошо помню, что, поворачивая назад, лошадь пала, а бедный папа сказал, что она недели две не получала овса.

Этот рассказ, столь разительно иллюстрирующий благосостояние модисток, не был встречен особым взрывом чувств, так как, пока шло повествование, Кэт сидела понурившись, а Ральф проявлял весьма недвусмысленные признаки крайнего нетерпения.

— Эту леди зовут Манталини,— быстро сказал Ральф,— мадам Манталини. Я ее знаю. Она живет около

Кэвендиш-сквера. Если ваша дочь согласна занять это место, я немедленно отведу ее туда.

— Разве тебе нечего сказать твоему дяде, милочка? — осведомилась миссис Никльби.

— Очень много,— ответила Кэт,— но не сейчас. Я бы хотела поговорить с ним, когда мы будем одни: он сбережет время, если я поблагодарю его и по пути скажу то, что хочу ему сказать.

С этими словами Кэт поспешила выйти, чтобы скрыть следы волнения, вызвавшего у нее слезы, и приготовиться к уходу, между тем как миссис Никльби развлекала своего деверя и, всхлипывая, давала ему отчет о размерах кабинетного рояля розового дерева, которым они владели в дни своего благополучия, а также сделала подробное описание восьми стульев в гостиной, стульев с выгнутыми ножками и ситцевыми зелеными подушками под цвет занавесок; каждый стоил два фунта пятнадцать шиллингов, а с молотка они пошли почти даром.

Эти воспоминания были, наконец, прерваны возвращением Кэт, одевшейся перед выходом, после чего Ральф, пребывавший в раздражении все время, пока она отсутствовала, не стал мешкать и без лишних церемоний вышел на улицу.

— А теперь,— сказал он, беря ее под руку,— идите как можно быстрее, и это и будет тот шаг, каким вам придется ходить каждое утро на работу.

С этими словами он увлек Кэт с немалой скоростью по направлению к Кэвендиш-скверу.

— Я очень признательна вам, дядя,— сказала юная леди, после того как они быстро прошли некоторое расстояние молча,— очень признательна.

— Рад это слышать,— сказал Ральф.— Надеюсь, вы исполните свой долг.

— Я постараюсь угодить, дядя,— ответила Кэт,— право же, я...

— Не начинайте плакать,— проворчал Ральф.— Терпеть не могу слез!

— Я знаю, дядя, это очень глупо...— начала бедная Кэт.

— Да, глупо,— резко перебил ее Ральф,— и к тому же одно притворство! Чтоб я больше этого не видел!

Быть может, это не было наилучшим способом осушить слезы молодой и чувствительной женщины, готовившейся впервые выступить на совершенно для нее новой арене жизни, среди холодных и равнодушных людей, но тем не менее способ этот возымел свое действие. Кэт густо покраснела, несколько секунд дышала прерывисто, а затем пошла дальше более твердой и решительной поступью.

Можно было наблюдать любопытный контраст; робкая провинциальная девушка, съежившись, пробирается в уличном людском потоке, уступая дорогу напирающим на нее и прижимаясь к Ральфу, словно она боится потерять его в толпе; а суровый делец с грубыми чертами лица упрямо идет вперед, расталкивая пешеходов и изредка обмениваясь хмурым приветствием со знакомыми, которые с изумленным видом поглядывают на его хорошенькую спутницу и как будто удивляются этой неудачно подобранной паре. Но еще более странным был бы контраст, если бы можно было читать в сердцах, бившихся бок о бок, если бы можно было обнажить кроткую невинность одного и неумолимую злобу другого, если бы можно было узнать безгрешные мысли милой девушки и подивиться тому, что среди хитрых замыслов и расчетов старика нет и намека на мысль о смерти или могиле. Но так оно было, а еще более странно, хотя это дело повседневное, что горячее молодое сердце трепетало от тысячи забот и опасений, тогда как сердце искушенного старика ржавело в своей клетке, работая, как искусный механизм, и ни единому живому существу не уделяя ни одного биения, вызванного надеждой, страхом, любовью или беспокойством.

— Дядя,— сказала Кэт, когда, по ее мнению, они были почти у цели,— я должна задать вам один вопрос. Буду ли я жить дома?

— Дома? — повторил Ральф.— Как это?

— Я хочу сказать — с матерью... *вдовой,*— выразительно пояснила Кэт.

— Собственно говоря, вы будете жить здесь,— ответил Ральф,— потому что здесь вы будете обедать и здесь будете находиться с утра до вечера, иногда, быть может, и до следующего утра.

— А по вечерам? — проговорила Кэт.— Я не могу покинуть ее, дядя. Я должна иметь какое-то место, которое могу называть своим домом. Вы знаете, он там, где она, и может быть очень скромным.

— Может быть! — воскликнул Ральф, ускоряя шаг от досады, вызванной этим замечанием.— Должен быть, хотите вы сказать! Может быть скромным! С ума, что ли, сошла эта девушка?

— Слово сорвалось у меня нечаянно, право же я этого не думала,— возразила Кэт.

— Надеюсь,— сказал Ральф.

— Дядя, а мой вопрос — вы на него не ответили.

— Нечто в этом роде я предвидел,— сказал Ральф,— и, хотя я, заметьте, решительно не согласен, тем не менее я об этом позаботился. Я говорил о вас как о приходящей работнице, стало быть каждый вечер вы будете возвращаться в свой дом, который может быть скромным.

Это было утешительно. Кэт излила свою благодарность, которую Ральф принял так, словно целиком ее заслужил за проявленное внимание, и они без дальнейших разговоров подошли к дверям модистки, к которым вела изящная лестница и где красовались на большой табличке фамилия и название профессии мадам Манталини. При доме был магазин, но его сдавали торговцу импортным розовым маслом. Салон мадам Манталини помещался во втором этаже — факт, о котором извещали аристократических покупателей выставленные в окнах с красивыми гардинами две-три элегантные шляпки самого модного фасона и несколько дорогих платьев безупречнейшего вкуса.

Дверь открыл ливрейный лакей и в ответ на вопрос Ральфа, дома ли мадам Манталини, повел их через красивый холл и дальше по широкой лестнице в салон мадам, состоявший из двух просторных комнат, где были выставлены в бесконечном разнообразии великолепные платья и ткани: одни надеты на манекены, другие небрежно брошены на диваны, а иные разбросаны на ковре, повешены на трюмо или расположены как-нибудь иначе, на богатой мебели всевозможных стилей, которая здесь была расставлена в избытке.

Они ждали гораздо дольше, чем хотелось бы мистеру Ральфу Никльби, который без всякого интереса взирал на окружавшую его мишуру и собирался уже позвонить, когда какой-то джентльмен внезапно просунул голову в комнату и, увидев, что тут кто-то есть, так же внезапно убрал ее обратно.

— Эй, послушайте! — крикнул Ральф.— Кто там?

При звуке голоса Ральфа голова появилась снова, а рот с очень длинным рядом очень белых зубов жеманно произнес слова:

— Черт возьми! Как! Это Никльби! Ах, черт возьми!

Издав эти восклицания, джентльмен приблизился и с большой горячностью пожал руку Ральфу.

На нем был ярко расцвеченный халат, жилет и турецкие шаровары того же рисунка, розовый шелковый шейный платок и ярко-зеленые туфли, а вокруг талии обвита очень длинная часовая цепочка. Вдобавок у него были бакенбарды и усы, выкрашенные черной краской и элегантно завитые.

— Черт возьми, уж не хотите ли вы сказать, что я вам нужен? А, черт возьми? — сказал этот джентльмен, хлопая по плечу Ральфа.

— Еще нет,— саркастически отозвался Ральф.

— Ха-ха! Черт возьми! — воскликнул джентльмен и, повернувшись на каблуках, чтобы посмеяться с большой грацией, очутился лицом к лицу с Кэт Никльби, стоявшей тут же.

— Моя племянница,— сказал Ральф.

— Вспоминаю! — сказал джентльмен, стукнув себя по носу согнутым пальцем, словно в наказание за свою забывчивость.— Черт возьми, вспоминаю, зачем вы пришли. Пройдите сюда, Никльби. Дорогая моя, не угодно ли вам следовать за мной? Ха-ха! Все они следуют за мной, Никльби. Всегда следовали, черт возьми, всегда!

Дав таким образом волю своему игривому воображению, джентльмен повел их на третий этаж в гостиную, меблированную, пожалуй, с не меньшей элегантностью, чем апартаменты внизу; наличие серебряного кофейника, яичной скорлупы и неубранного фарфорового прибора на одну персону, казалось, возвещало о том, что джентльмен только что позавтракал.

— Садитесь, дорогая моя,— сказал джентльмен, сначала смутив мисс Никльби пристальным взглядом, а затем осклабившись в восторге от такого успеха.— Задохнешься, пока поднимешься в эту проклятую комнату наверху. Эти дьявольские гостиные под самой крышей... Боюсь, что придется переехать, Никльби.

— Я бы непременно переехал,— сказал Ральф, хмуро осматриваясь вокруг.

— Какой вы чертовски странный человек, Никльби! — сказал джентльмен.— Самый чертовский, самый лукавый, самый чудаковатый старый чеканщик золота и серебра, какого мне приходилось видеть, черт возьми!

Сделав такой комплимент Ральфу, джентльмен позвонил и стал таращить глаза на мисс Никльби, пока не явился слуга, после чего он отвел взгляд и приказал, чтобы слуга попросил свою хозяйку прийти немедленно; затем он принялся за прежнее и не отводил глаз, пока не явилась мадам Манталини.

Портниха была полной особой, нарядно одетой и довольно миловидной, но значительно старше, чем джентльмен в шароварах, за которого она вышла замуж с полгода назад. Первоначально фамилия джентльмена была Мантль, но с помощью легкого изменения ее превратили в Манталини: леди справедливо полагала, что английское наименование нанесет серьезный ущерб делу. Женился он благодаря своим бакенбардам. На этот капитал он до сей поры жил благородным образом не один год и недавно его увеличил терпеливым отращиванием усов, которые сулили ему в будущем приятную независимость. В настоящее время его участие в фирме выражалось в трате денег, а когда таковых не хватало, то в поездках к мистеру Ральфу Никльби, чтобы добиться учета — за проценты — векселей заказчиков.

— Жизнь моя,— сказал мистер Манталини,— как дьявольски долго ты не приходила!

— Любовь моя, я даже не знала, что мистер Никльби здесь,— сказала мадам Манталини.

— В таком случае, душа моя, каким же вдвойне дьявольским негодяем должен быть этот лакей,— заметил мистер Манталини.

— Дорогой мой,— сказала мадам,— это целиком твоя вина.

— Моя вина, радость моего сердца?

— Разумеется, милый мой,— заявила леди.— Чего же можно ждать, раз ты не исправляешь этого человека?

— Не исправляю этого человека, восторг души моей?!

— Да! Я уверена, что ему необходимо сделать внушение,— сказала мадам, надувая губки.

— В таком случае, не огорчайся,— сказал мистер Манталини,— его будут стегать хлыстом, пока он не начнет чертовски вопить.

Дав такое обещание, мистер Манталини поцеловал мадам Манталини, а по окончании этой сцены мадам Манталини шутливо дернула за ухо мистера Манталини, после чего они приступили к делу.

— Итак, сударыня,— начал Ральф, который взирал на все это с таким презрением, какое мало кто может выразить взглядом,— вот моя племянница.

— Вот как, мистер Никльби! — отозвалась мадам Манталини, обозревая Кэт с головы до ног и с ног до головы.— Вы умеете говорить по-французски, дитя?

— Да, мадам,— отвечала Кэт, не смея поднять глаза, ибо она чувствовала, что на нее устремлен взгляд противного человека в халате.

— Как француженка? — спросил супруг.

Мисс Никльби ничего не ответила на этот вопрос и повернулась спиной к вопрошавшему, как бы готовясь отвечать на то, о чем пожелает осведомиться его жена.

— Мы постоянно держим в нашем заведении двадцать молодых женщин,— сказала мадам.

— В самом деле, сударыня? — робко отозвалась Кэт.

— Да, и есть среди них чертовски красивые,— сказал хозяин.

— Манталини! — грозно воскликнула его жена.

— Идол души моей! — сказал Манталини.

— Ты хочешь разбить мне сердце?

— Не хочу, даже за двадцать тысяч полушарий, населенных... населенных... населенных маленькими балеринами,— в поэтическом стиле ответил Манталини.

— Но ты разобьешь, если и впредь будешь говорить в таком духе,— сказала его жена.— Что подумает мистер Никльби, слушая тебя?

— О, ничего, сударыня, ничего! — отозвался Ральф.— Я знаю и его любезную натуру и вашу... Пустые словечки, придающие особый вкус вашему повседневному общению... ссоры влюбленных, увеличивающие сладость тех семейных радостей, какие обещают столь долго длиться... Вот и всё, вот и всё.

Если бы железная дверь могла поссориться со своими петлями и приняла твердое решение открываться с медлительным упорством и стереть их в порошок, она издала бы более приятный звук, чем грубый и язвительный голос Ральфа, когда он произнес эти слова. Даже мистер Манталини ощутил его воздействие и, испуганно оглянувшись, воскликнул:

— Какое дьявольски ужасное карканье!

— Будьте добры не обращать внимание на то, что говорит мистер Манталини,— заметила его жена, повернувшись к Кэт.

— Я и не обращаю, сударыня,— спокойно и презрительно сказала Кэт.

— Мистер Манталини ровно ничего не знает об этих молодых женщинах,— продолжала мадам, глядя на своего супруга, но говоря с Кэт.— Если он и видел когонибудь из них, то, должно быть, встретил их на улице, когда они шли на работу или с работы, но не здесь. Он даже никогда не бывал в той комнате. Я этого не разрешаю. Сколько часов в день привыкли вы работать?

— Я еще совсем не привыкла к работе, сударыня,— тихим голосом ответила Кэт.

— Тем лучше будет она работать теперь,— сказал Ральф, вставляя слово, дабы это признание не повредило переговорам.

— Надеюсь,— отозвалась мадам Манталини.— У нас рабочие часы с девяти до девяти, а когда заказов очень много, то еще дополнительная работа, за которую я назначаю особую плату.

Кэт поклонилась, давая понять, что она слышала и удовлетворена.

— Что касается еды,— продолжала мадам Манталини,— то есть обеда и чая, то вы будете получать их здесь. Я бы сказала, что жалованья вам будет назначено от пяти до семи шиллингов в неделю, но я не могу дать никаких обязательств, пока не увижу, что вы умеете делать.

Кэт снова поклонилась.

— Если вы согласны,— сказала мадам Манталини,— то лучше начинайте в понедельник, ровно в девять часов утра, а старшая мастерица мисс Нэг получит к тому времени указания испытать вас сначала на какой-нибудь легкой работе. Еще что-нибудь, мистер Никльби?

— Больше ничего, сударыня,— ответил Ральф, вставая.

— В таком случае, полагаю, мы кончили,— сказала леди.

Придя к этому выводу, она бросила взгляд на дверь, словно желая уйти, но тем не менее колебалась, как будто ей не хотелось предоставить одному мистеру Манталини честь проводить их вниз. Ральф вывел ее из затруднения, немедленно распрощавшись. Мадам Манталини много раз любезно осведомилась, почему он их никогда не навещает, а мистер Манталини с великим красноречием предавал анафеме лестницу, следуя за ними вниз в надежде заставить Кэт оглянуться, однако надежде этой суждено было остаться несбывшейся.

— Ну вот! — сказал Ральф, когда они вышли на улицу.— Теперь вы пристроены.

Кэт хотела опять благодарить его, но он оборвал ее.

— У меня была мысль устроить вашу мать в каком-нибудь красивом уголке в деревне,— сказал он (он имел право выдвигать кандидатов для помещения в некоторые богадельни на границе Корнуэлла и не раз им пользовался),— но раз вы хотите жить вместе, я должен придумать для нее что-нибудь другое. Есть у нее какие-нибудь деньги?

— Очень мало,— ответила Кэт.

— И малого хватит надолго, если быть бережливым,— сказал Ральф.— Пусть подумает, сколько времени ей удастся жить на них, имея бесплатное помещение. Вы съезжаете с вашей квартиры в субботу?

— Да, вы так приказали нам, дядя.

— Совершенно верно. Пустует дом, принадлежащий мне, куда я могу вас поместить, пока он не сдан внаем, а потом, если больше ничего не подвернется, у меня, может быть, будет другой дом. Там вы будете жить.

— Это далеко отсюда, сэр? — осведомилась Кэт.

— Довольно далеко,— ответил Ральф,— в другом конце города — в Ист-Энде, но в субботу, в пять часов, я пришлю за вами моего клерка, чтобы он вас доставил туда. До свидания. Дорогу вы знаете? Все время прямо.

Холодно пожав руку племяннице, Ральф расстался с ней в начале Риджент-стрит и, сосредоточенно размышляя о способах наживать деньги, свернул в оживленную улицу. Кэт грустно пошла домой, в их квартиру на Стрэнде.

ГЛАВА XI

Ньюмен Ногс водворяет миссис и мисс Никльби в новое их жилище в Сити

У мисс Никльби, возвращавшейся домой, мысли были унылые, что в достаточной мере объяснялось событиями этого дня. Поведение ее дяди вряд ли способствовало тому, чтобы рассеять те опасения и страхи, какие могли у нее возникнуть с самого начала, да и впечатление, произведенное на нее заведением мадам Манталини, отнюдь не вселяло бодрости. Вот почему много было у нее мрачных предчувствий и забот, когда она с тяжелым сердцем смотрела в будущее, думая о предстоящей работе.

Если утешения матери могли привести ее в более приятное и радостное расположение духа, то для произведения такого эффекта их было предостаточно. К тому времени, как Кэт вернулась домой, славная леди воскресила в памяти два достоверных случая, когда модистки имели значительное состояние, но было ли оно целиком приобретено их трудами, или они обладали капиталом для начала, или же им посчастливилось, и они удачно вышли замуж, она не могла хорошенько припомнить. Впрочем, как она весьма логически заметила, должна же

была существовать *какая-нибудь* молодая особа, которая, не имея ничего на первых порах, все-таки разбогатела, а если признать этот факт, то почему не может достигнуть того же и Кэт? Мисс Ла-Криви, которая была членом маленького совета, отважилась выразить некоторые сомнения относительно возможности для мисс Никльби добиться этого счастливого результата на протяжении обычной человеческой жизни, но славная леди совершенно отвела это возражение, сообщив, что у нее бывают предчувствия — нечто вроде ясновидения, с помощью которого она имела обыкновение разрешать всякий спор с покойным мистером Никльби; чаще чем в девяти случаях из десяти она оставалась неправой.

— Боюсь, что это занятие вредно для здоровья,— сказала мисс Ла-Криви.— Помню, мне позировали три молоденькие модистки, когда я только что начала заниматься живописью, и я припоминаю, что все они были очень бледные и хилые.

— О, это отнюдь не общее правило,— заметила миссис Никльби.— Я помню так, как будто это было вчера, что я наняла модистку, которую мне особо рекомендовали, сшить пунцовый плащ — в те времена, когда пунцовые плащи были в моде, и у нее было очень красное лицо, да, очень красное лицо.

— Может быть, она выпивала? — предположила мисс Ла-Криви.

— Вряд ли это могло быть,— возразила миссис Никльби,— но я знаю, что у нее было очень красное лицо, стало быть ваш довод ничего не стоит.

Таким-то образом и такими вескими доводами отражала достойная матрона малейшее возражение, какое выдвигалось против нового плана, принятого утром. Счастливица миссис Никльби! Достаточно, чтобы проект был новым, и он уже представлялся ее мысленному взору ослепительно ярким и позолоченным, как блестящая игрушка.

Когда с этим вопросом было покончено, Кэт сообщила о предложении дяди относительно пустующего дома, на которое миссис Никльби с такою же готовностью согласилась, сделав характерное для нее замечание, что в погожий вечер приятно будет прогуляться в Вест-Энд и

вернуться с дочерью домой; при этом она проявила столь же характерную забывчивость, ибо дождливые вечера и плохая погода бывают чуть ли не каждую неделю в году.

— Мне грустно, право же грустно расставаться с вами, мой добрый друг,— сказала Кэт, на которую произвело глубокое впечатление сочувствие бедной миниатюристки.

— Как бы там ни было, но вы от меня не отделаетесь,— ответила мисс Ла-Криви с таким оживлением, на какое только была способна.— Я буду очень часто вас навещать, приходить и узнавать, как вам живется; и если во всем Лондоне или во всем мире нет другого сердца, которое было бы заинтересовано в вашем благополучии, то всегда останется у вас одна маленькая одинокая женщина, которая будет молиться о нем днем и ночью.

С этими словами добрая леди, у которой было такое большое сердце, что его хватило бы на Гога, гения-хранителя Лондона, да и на Магога в придачу *,— добрая леди, скроив сначала множество изумительных гримас, которые обеспечили бы ей солидное состояние, если бы она могла перенести их на слоновую кость или холст, уселась в уголок и, как она выражалась, «хорошенько всплакнула».

Но ни слезы, ни разговоры, ни надежды, ни опасения не могли отдалить страшной субботы и Ньюмена Ногса, который точно в назначенный час приковылял к двери и дохнул в замочную скважину пара́ми джина как раз в тот момент, когда часы на соседних церквах договорились между собой относительно времени и пробили пять. Ньюмен дождался последнего удара и затем постучал.

— От мистера Ральфа Никльби,— поднявшись наверх, сказал Ньюмен Ногс, с возможною краткостью возвещая о данном ему поручении.

— Сейчас мы будем готовы,— сказала Кэт.— Вещей у нас мало, но все-таки я боюсь, что придется взять карету.

— Я найму,— сказал Ньюмен.

— Нет, вы не должны утруждать себя,— сказала миссис Никльби.

— Найму,— сказал Ньюмен.

— Я не могу допустить, чтобы у вас даже мелькнула такая мысль,— сказала миссис Никльби.

— Не от вас зависит,— сказал Ньюмен.

— Не от меня?

— Да. Я об этом думал, когда шел сюда, но не стал нанимать, думая, что вы еще не собрались. Я много о чем думаю. Никто не может этому помешать.

— Да, я вас понимаю, мистер Ногс,— сказала миссис Никльби.— Разумеется, наши мысли свободны. Ясно, что мысли каждого человека — его собственность.

— Они не были бы ею, если бы иные люди могли сделать по-своему,— пробормотал Ньюмен.

— Совершенно верно, мистер Ногс,— подхватила миссис Никльби.— Иные люди и в самом деле такие... Как поживает ваш хозяин?

Ньюмен бросил многозначительный взгляд на Кэт и ответил с сильным ударением на предпоследнем слове, что мистер Ральф Никльби здоров и шлет свой *сердечный* привет.

— Право же, мы ему очень обязаны,— заметила миссис Никльби.

— Очень,— сказал Ньюмен.— Я так и передам ему.

Не очень-то легко было, раз увидев Ньюмена Ногса, не узнать его, и, когда Кэт, обратив внимание на его странное обхождение (в котором на сей раз было, однако, что-то почтительное и деликатное, несмотря на отрывистую речь), посмотрела на него пристальнее, она припомнила, что уже мельком заметила раньше это оригинальное существо.

— Простите мое любопытство,— сказала Кэт,— но не видела ли я вас на почтовом дворе в то утро, когда мой брат уехал в Йоркшир?

Ньюмен задумчиво посмотрел на миссис Никльби и сказал «нет», даже не покраснев.

— Нет? — воскликнула Кэт.— А я была бы готова поручиться!

— И были бы неправы,— возразил Ньюмен.— Я вышел сегодня в первый раз за три недели. У меня был приступ подагры.

Ньюмен был вовсе не похож на подагрического субъекта, и Кэт невольно призадумалась; но беседу пре-

рвала миссис Никльби, которая настаивала, чтобы закрыли дверь, иначе мистер Ногс схватит простуду, и послали за каретой служанку — из страха, как бы он не навлек на себя новый приступ болезни. На оба условия Ньюмен принужден был согласиться. Вскоре появилась карета; и после многочисленных горестных прощальных слов и долгой беготни мисс Ла-Криви взад и вперед по тротуару, вследствие чего желтый тюрбан пришел в резкое столкновение с различными пешеходами, она (то есть карета, а не мисс Ла-Криви) отъехала с двумя леди и их пожитками внутри и Ньюменом на козлах, рядом с кучером,— несмотря на все уверения миссис Никльби, что это грозит ему смертью.

Они въехали в Сити, свернув к реке, и после долгой и медленной езды, так как в этот час улицы были запружены всевозможными экипажами, остановились перед большим старым, хмурым домом на Темз-стрит, дверь и окна которого были такие грязные, словно он много лет стоял необитаемым.

Дверь этого заброшенного жилища Ньюмен отпер ключом, который достал из шляпы,— кстати сказать, в ней, вследствие ветхости своих карманов, он прятал всё и, по всей вероятности, носил бы в ней и деньги, будь у него таковые,— и когда карету отпустили, он повел их в дом.

Да, старым, мрачным и черным был он, и угрюмы и темны были комнаты, в которых некогда кипела жизнь. Позади дома была пристань на берегу Темзы. Пустая конура, кости животных, обломки железных обручей и старые бочарные доски, но никаких признаков жизни. Это было зрелище холодного, немого разрушения.

— Этот дом угнетает и приводит в уныние,— сказала Кэт,— и кажется, будто на нем лежит какое-то проклятье. Будь я суеверна, я бы могла подумать, что в этих старых стенах было совершено какое-то ужасное преступление и с той поры этот дом никому не приносил счастья. Каким он кажется хмурым и темным!

— Ах, боже мой, дорогая моя! — воскликнула миссис Никльби.— Не говори так, ты меня испугаешь на́ смерть!

— Это только мое глупое воображение, мама,— сказала Кэт, стараясь улыбнуться.

— В таком случае, милочка, я хочу, чтобы ты держала при себе твое глупое воображение и не пробуждала *моего* глупого воображения, чтобы составить ему компанию,— заявила миссис Никльби.— Почему ты не подумала обо всем этом раньше? Ты так беспечна... Мы могли бы попросить мисс Ла-Криви составить нам компанию, или взяли бы собаку, или сделали бы тысячу других вещей... Но так бывало всегда, и точь-в-точь так же было с твоим бедным дорогим отцом. Если я сама обо всем не подумаю...

Так обычно начинались сетования миссис Никльби, состоявшие примерно из дюжины запутанных фраз, ни к кому в частности не обращенных, которые она и принялась сейчас перебирать, пока хватило дыхания.

Ньюмен как будто не слышал этих замечаний и проводил обеих леди в две комнаты во втором этаже, из которых кое-как постарались сделать нечто пригодное для жилья. В одной комнате было несколько стульев, стол, старый коврик перед камином и какая-то вылинявшая дорожка, а в камине был уже разведен огонь. В другой комнате стояла старая складная кровать и кое-какие убогие предметы обстановки, необходимые для спальни.

— Смотри, дорогая моя,— сказала миссис Никльби, стараясь быть довольной,— разве это не заботливость и внимание со стороны твоего дяди? Да ведь если бы не его предусмотрительность, у нас не было бы ничего, кроме кровати, которую мы вчера купили!

— Да, это очень любезно,— отозвалась Кэт, осматриваясь вокруг.

Ньюмен Ногс промолчал о том, что он выудил старую мебель, которую они здесь видели, с чердака и из подвала, и о том, что он купил к чаю на полпенни молока, стоявшего на полке, налил воды в ржавый чайник на каменной подставке, набрал щепок на пристани и где-то выпросил угля. Но догадка, будто Ральф Никльби отдал распоряжение это сделать, столь раздражающе подействовала на его воображение, что он не мог удержаться, чтобы не затрещать всеми десятью пальцами по очереди. Сначала миссис Никльби была слегка испугана таким упражнением, но, предположив, что оно каким-то отда-

ленным образом связано с подагрой, не стала об этом говорить.

— Я думаю, нам больше незачем вас задерживать,— сказала Кэт.

— Мне больше нечего здесь делать? — спросил Ньюмен.

— Да, нечего. Благодарю вас,— отвечала мисс Никльби.

— Милая моя, может быть, мистер Ногс не прочь выпить за наше здоровье,— сказала миссис Никльби, роясь в ридикюле в поисках какой-нибудь мелкой монеты.

— Я думаю, мама,— нерешительно сказала Кэт, заметив, что Ньюмен отвернулся,— вы задели бы его чувства, если бы предложили ему денег...

Ньюмен Ногс, поклонившись молодой леди скорее как джентльмен, чем как злополучный бедняк, каким он казался, прижал руку к груди и, секунду помедлив с видом человека, который пытается заговорить, но хорошенько не знает, что сказать, вышел из комнаты.

Когда тяжелая дверь внизу со скрежетом захлопнулась на щеколду и эхо мрачно разнеслось по дому, Кэт почувствовала искушение вернуть его и попросить, чтобы он остался хоть ненадолго, но ей было стыдно признаться в своих страхах, и Ньюмен Ногс отправился в обратный путь.

ГЛАВА XII,

с помощью которой читатель получит возможность проследить дальнейшее развитие любви мисс Фанни Сквирс и удостовериться, гладко ли она протекала

Счастливым обстоятельством для мисс Фанни Сквирс было то, что ее достойный папа, вернувшись домой в день маленькой вечеринки, «слишком много в себя опрокинул», как говорят посвященные, чтобы подметить многочисленные признаки крайнего возмущения духа, ясно отражавшиеся на ее физиономии. А так как, подвыпив, он бывал довольно буен и сварлив, то не исключена воз-

можность, что он поспорил бы с ней по тому или другому воображаемому поводу, если бы молодая леди с предусмотрительностью и осторожностью, весьма похвальными, не заставила бодрствовать одного из учеников, чтобы он принял на себя первый взрыв бешенства славного джентльмена, каковое, найдя исход в пинках и колотушках, постепенно улеглось настолько, что джентльмена уговорили лечь в постель, что он и сделал, не снимая сапог и с зонтом под мышкой.

Согласно обычаю, голодная служанка последовала за мисс Сквирс в ее комнату, чтобы завить ей волосы, оказать другие мелкие услуги при совершении туалета и преподнести столько лести, сколько могла придумать применительно к обстоятельствам, ибо мисс Сквирс была в достаточной мере ленива (а также тщеславна и легкомысленна), чтобы быть настоящей леди, и только отсутствие звания и положения неодолимо препятствовали ей быть таковой.

— Как чудесно вьются у вас сегодня волосы, мисс! — сказала горничная.— Ну просто жалость и стыд их расчесывать!

— Придержи язык! — гневно ответила мисс Сквирс.

Солидный опыт помешал девушке удивиться вспышке дурного расположения духа мисс Сквирс. Отчасти догадываясь о том, что произошло в течение вечера, она изменила свою манеру угождать и пошла окольным путем.

— Но я не могу не сказать, мисс, хотя бы вы меня за это убили,— продолжала служанка,— что я ни у кого еще не замечала такого простоватого вида, как сегодня вечером у мисс Прайс.

Мисс Сквирс вздохнула и приготовилась слушать.

— Я знаю, что очень нехорошо так говорить, мисс,— не умолкала служанка, в восторге от произведенного впечатления,— мисс Прайс — ваша подруга и все такое, но, право же, она так наряжается и так себя держит, чтобы ее заметили, что... ах, если б только люди могли себя видеть!

— Что ты хочешь сказать, Фиб? — спросила мисс Сквирс, смотрясь в свое зеркальце, где, как и большинство из нас, она видела не себя, но отражение какого-то

приятного образа, созданного ее воображением.— О чем это ты болтаешь?

— Болтаю, мисс! Кот и тот заболтает по-французски, чтобы только посмотреть, как она трясет головой,— отозвалась горничная.

— Она и в самом деле трясет головой,— с рассеянным видом заметила мисс Сквирс.

— Такая пустая и такая... такая некрасивая,— сказала девушка.

— Бедная Тильда! — сочувственно вздохнула мисс Сквирс.

— И всегда выставляет себя напоказ, чтобы ею восхищались,— продолжала служанка.— Ах, боже мой! Это просто нескромно!

— Фиб, я тебе запрещаю так говорить! — сказала мисс Сквирс.— Друзья Тильды — люди низкого происхождения и, если она не умеет себя держать, это их вина, а не ее.

— Но знаете ли, мисс,— сказала Феба, которую покровительственно называли сокращенным именем «Фиб»,— если бы только она брала пример с подруги... О! Если бы только она знала свои недостатки и, глядя на вас, старалась исправиться, какою славной молодой женщиной могла бы она стать со временем!

— Фиб! — с достоинством вымолвила мисс Сквирс.— Мне не подобает слушать такие сравнения: они превращают Тильду в особу грубую и невоспитанную, и прислушиваться к ним было бы не по-дружески. Я бы хотела, чтобы ты перестала говорить об этом, Фиб; в то же время я должна сказать, что если бы Тильда Прайс брала пример с кого-нибудь... не обязательно с меня...

— О нет, с вас, мисс! — вставила Фиб.

— Ну хорошо, с меня, Фиб, если уж тебе так хочется,— согласилась мисс Сквирс.— Должна сказать, что, поступай она так, ей бы это пошло на пользу.

— Так думает еще кто-то, или я очень ошибаюсь,— таинственно объявила девушка.

— Что ты хочешь этим сказать? — осведомилась мисс Сквирс.

— Ничего, мисс,— ответила девушка.— Уж кто-кто, а я кое-что знаю!

— Фиб! — сказала мисс Сквирс драматическим тоном.— Я настаиваю на том, чтобы ты объяснилась. Что это за мрачная тайна? Говори!

— Ну, уж если вы хотите знать, мисс, так вот что,— отозвалась служанка,— мистер Джон Брауди думает так же, как вы, и, если бы он не зашел слишком далеко, чтобы честно отступить, он был бы очень рад кончить с мисс Прайс и начать с мисс Сквирс!

— Боже милостивый! — воскликнула мисс Сквирс, с большим достоинством сложив руки.— Что же это такое?

— Правда, сударыня, сущая правда,— ответила хитрая Фиб.

— Ну и положение! — воскликнула мисс Сквирс.— Помимо своей воли я чуть было не погубила покой и счастье моей дорогой Тильды! Почему это мужчины в меня влюбляются, хочу я этого или не хочу, и покидают ради меня своих нареченных?

— Потому что они ничего не могут поделать, мисс,— ответила девушка,— причина простая.

(Если причиной была мисс Сквирс, она и в самом деле была проста.)

— Чтобы я больше никогда об этом не слышала,— заявила мисс Сквирс.— Никогда! Понимаешь? У Тильды Прайс есть недостатки... много недостатков... но я хочу ей добра и прежде всего хочу, чтобы она вышла замуж; я считаю весьма желательным... в высшей степени желательным, если принять во внимание самую природу ее дурных качеств, чтобы она как можно скорее вышла замуж. Нет, Фиб! Пусть она берет мистера Брауди. Я могу пожалеть *его*, беднягу, но я очень хорошо отношусь к Тильде и надеюсь только, что она будет лучшей женой, чем я предполагаю.

После такого излияния чувств мисс Сквирс легла спать.

Злоба — короткое слово, но оно выражает странное смятение чувств и душевный разлад не хуже, чем слова многосложные. В глубине души мисс Сквирс прекрасно знала, что замечания жалкой служанки были пустой, грубой, неприкрытой лестью, как знала это и сама служанка; тем не менее одна лишь возможность дать исход

недоброжелательному чувству к обидчице, мисс Прайс, и притвориться сокрушающейся о ее слабостях и недостатках, хотя бы в присутствии одной служанки, доставила чуть ли не такое же облегчение ее раздражительности, как если бы слова Фиб были святой истиной.

Этого мало: мы обладаем такой изумительной силой внушения, когда она направлена на нас самих, что мисс Сквирс чувствовала себя прямо-таки высоконравственной и великодушной после своего благородного отречения от руки Джона Брауди и смотрела на свою соперницу сверху вниз с каким-то благостным спокойствием и безмятежностью, что в большой мере способствовало умиротворению ее взбудораженных чувств.

Такое счастливое состояние духа возымело некоторое влияние, приведя к примирению с обидчицей: когда на следующий день раздался стук в дверь и доложили о приходе мельниковой дочки, мисс Сквирс отправилась в гостиную в христианском расположении духа, которое было поистине радостно наблюдать.

— Вот видишь,— сказала мельникова дочь,— я к тебе пришла, Фанни, хотя у нас и была размолвка вчера вечером.

— Я сожалею о твоих дурных страстях, Тильда,— отвечала мисс Сквирс,— но недобрых чувств я не питаю. Я выше этого.

— Не злись, Фанни,— сказала мисс Прайс.— Я пришла кое-что рассказать тебе и знаю, что тебе это понравится.

— Что бы это могло быть, Тильда? — осведомилась мисс Сквирс, поджимая губы и принимая такой вид, как будто ничто на земле, в воздухе, в огне или в воде не могло доставить ей ни тени удовольствия.

— А вот послушай! — ответила мисс Прайс.— Вчера, когда мы отсюда ушли, мы с Джоном ужасно поссорились.

— Мне это не нравится,— сказала мисс Сквирс, расплываясь, однако, в улыбку.

— Ах, боже мой, я была бы о тебе очень плохого мнения, если бы могла это предположить,— заметила приятельница.— Не в том дело.

— О! — сказала мисс Сквирс, снова впадая в меланхолию.— Говори!

— После долгих споров и уверений, что больше мы друг друга не увидим,— продолжала мисс Прайс,— мы помирились, и сегодня утром Джон пошел записать наши имена, и в первый раз их огласят в будущее воскресенье, так что через три недели мы поженимся, а я пришла предупредить, чтобы ты шила себе платье.

Желчь и мед были смешаны в этом известии. Перспектива столь близкого замужества подруги была желчью, а уверенность, что та не имеет серьезных видов на Николаса, была медом. В общем, сладкое значительно перевешивало горькое, а потому мисс Сквирс сказала, что платье она сошьет и что она надеется — Тильда будет счастлива, хотя в то же время она в этом не уверена и не хотела бы, чтобы та возлагала на брак слишком большие надежды, ибо мужчины — существа странные, и многие и многие замужние женщины были очень несчастны и желали бы от всей души быть по-прежнему девицами. К этим соболезнующим замечаниям мисс Сквирс присовокупила другие, также рассчитанные на то, чтобы развеселить и приободрить подругу.

— Послушай, Фанни,— продолжала мисс Прайс,— я хочу потолковать с тобой о молодом мистере Николасе...

— Он для меня ничто! — перебила мисс Сквирс, проявляя все симптомы истерики.— Я его слишком презираю!

— О, конечно, ты так не думаешь,— возразила подруга.— Признайся, Фанни: разве он тебе теперь не нравится?

Не давая прямого ответа, мисс Сквирс внезапно разрыдалась от злости и воскликнула, что она несчастное, покинутое, жалкое, отверженное создание.

— Я ненавижу всех! — сказала мисс Сквирс.— И я хочу, чтобы все умерли,— да, хочу!

— Боже, боже,— сказала мисс Прайс, потрясенная этим признанием в мизантропических чувствах.— Я уверена, что ты это не всерьез.

— Всерьез! — возразила мисс Сквирс, затягивая тугие узлы на своем носовом платке и стискивая зубы.— И я хочу, чтобы и я *тоже* умерла! Вот!

— О, через каких-нибудь пять минут ты будешь думать совсем иначе,— сказала Матильда.— Насколько было бы лучше вернуть ему свое расположение, чем мучить себя таким манером! Ведь правда, было бы куда приятнее привязать его к себе по-хорошему, чтобы он любезно составил тебе компанию и ухаживал за тобой.

— Я не знаю, как бы это было,— всхлипывала мисс Сквирс.— О Тильда, как могла ты поступить так низко и бесчестно! Скажи мне это кто-нибудь про тебя, я бы не поверила.

— Ах, пустяки! — хихикая, воскликнула мисс Прайс.— Можно подумать, что я по меньшей мере кого-то убила!

— Это почти одно и то же! — с жаром ответила мисс Сквирс.

— И все это только потому, что я достаточно миловидна для того, чтобы со мной были любезны! — вскричала мисс Прайс.— Человек не сам себе лицо делает, и не моя вина, если у меня лицо приятное, так же как другие не виноваты, если у них лицо некрасивое.

— Придержи язык,— взвизгнула мисс Сквирс самым пронзительным голосом,— иначе ты меня доведешь до того, что я ударю тебя, Тильда, а потом буду жалеть об этом!

Вполне очевидно, что тон беседы несколько повлиял на спокойствие духа обеих леди, и в результате пререкания приняли оскорбительный оттенок. Ссора, начавшись с пустяка, разгорелась не на шутку и имела угрожающий характер, когда обе стороны, залившись неудержимыми слезами, воскликнули одновременно, что никогда они не думали, чтобы с ними стали так говорить, а это восклицание, вызвав взаимные протесты, постепенно привело к объяснению, и дело кончилось тем, что они упали друг другу в объятия и поклялись в вечной дружбе. Эта трогательная церемония повторялась пятьдесят два раза в год.

Когда полное дружелюбие было таким образом восстановлено, естественно зашла речь о количестве и качестве нарядов, которые были нужны мисс Прайс для вступления в священный супружеский союз, и мисс Сквирс ясно доказала, что требуется значительно больше того,

что может или хочет предоставить мельник, и все они совершенно необходимы и без них нельзя обойтись. Затем молодая леди незаметно перевела разговор на свой собственный гардероб и, подробно перечислив основные его достопримечательности, повела подругу наверх произвести осмотр. Когда сокровища двух комодов и шкафа были извлечены и все более мелкие принадлежности туалета примерены, пора было мисс Прайс идти домой, а так как она пришла в восторг от всех платьев и совершенно онемела от восхищения при виде нового розового шарфа, то мисс Сквирс в превосходнейшем расположении духа заявила, что хочет проводить ее часть пути ради удовольствия побыть в ее обществе, и они отправились вместе. Доро́гой мисс Сквирс распространялась о достоинствах своего отца и преувеличивала его доходы в десять раз, чтобы дать подруге хоть слабое представление о важности и превосходстве своей семьи.

Случилось так, что как раз в это время, включавшее короткий перерыв между так называемым обедом учеников мистера Сквирса и их возвращением к приобретению полезных знаний, Николас имел обыкновение выходить на прогулку и, уныло бродя по деревне, предаваться мрачным размышлениям о своей печальной участи. Мисс Сквирс знала это, прекрасно знала, но, быть может, забыла, ибо, увидев молодого джентльмена, шедшего им навстречу, она проявила все признаки изумления и ужаса и объявила подруге, что «готова провалиться сквозь землю».

— Не вернуться ли нам обратно или не забежать ли в какой-нибудь коттедж? — спросила мисс Прайс.— Он нас еще не видел.

— Нет, Тильда! — возразила мисс Сквирс.— Мой долг — дойти до конца, и я дойду!

Так как мисс Сквирс произнесла эти слова тоном человека, принявшего высоконравственное решение, и вдобавок раза два всхлипнула и перевела дух, что указывало на угнетенное состояние чувств, ее подруга не сделала больше никаких замечаний, и они двинулись прямо навстречу Николасу, который шел, опустив глаза, и не ведал об их приближении, пока они с ним не поравнялись; иначе он, пожалуй, постарался бы укрыться.

— Доброе утро! — сказал Николас, кланяясь и проходя мимо.

— Он уходит! — прошептала мисс Сквирс.— Тильда, я задохнусь!

— Вернитесь, мистер Никльби, вернитесь! — закричала мисс Прайс, якобы встревоженная угрозой своей подруги, но в сущности пробуждаемая лукавым желанием послушать, что скажет Николас.— Вернитесь, мистер Никльби!

Мистер Никльби вернулся и казался крайне смущенным, когда осведомлялся, имеют ли леди какое-нибудь поручение для него.

— Не теряйте времени на разговоры,— заспешила мисс Прайс,— лучше поддержите-ка ее с другой стороны. Ну, как ты сейчас себя чувствуешь, дорогая?

— Лучше,— прошептала мисс Сквирс, опуская на плечо мистера Никльби красновато-коричневую касторовую шляпу с прикрепленной к ней зеленой вуалью.— Какая глупая слабость!

— Не называй ее глупой, дорогая,— сказала мисс Прайс, блестящие глаза которой еще сильнее засверкали при виде замешательства Николаса.— У тебя нет никаких причин стыдиться ее. Стыдно должно быть тем, которые слишком горды, чтобы подойти как ни в чем не бывало.

— Вижу, вы решили во всем обвинить меня, хотя я и говорил вам вчера, что это не моя вина,— улыбаясь, сказал Николас.

— Ну вот, он говорит, что это не его вина, дорогая моя,— заметила недобрая мисс Прайс.— Может быть, ты была слишком ревнива или слишком поторопилась. Он говорит, что это была не его вина. Ты слышишь? Я думаю, больше не нужно извинений?

— Вы не хотите меня понять,— сказал Николас.— Прошу вас, бросьте эти шутки, потому что, право же, сейчас у меня нет ни времени, ни охоты смешить или быть предметом насмешек.

— Что вы хотите этим сказать? — спросила мисс Прайс, притворяясь изумленной.

— Не спрашивай его, Тильда! — вскрикнула мисс Сквирс.— Я его прощаю.

— Ах, боже мой! — сказал Николас, когда коричневая шляпка снова опустилась на его плечо.— Это серьезнее, чем я думал. Будьте так добры, выслушайте меня.

Тут он приподнял коричневую шляпку и, с неподдельным изумлением встретив полный нежной укоризны взгляд мисс Сквирс, попятился на несколько шагов, чтобы избавиться от своей прелестной ноши, и продолжал:

— Я очень сожалею, искренне, от всей души сожалею, что вчера вечером послужил причиной разногласий между вами. Я горько упрекаю себя в том, что имел несчастье вызвать происшедшую размолвку, хотя, уверяю вас, я это сделал по неосмотрительности и без всякого умысла.

— Да, но ведь это не все, что вы имеете сказать! — воскликнула мисс Прайс, когда Николас замолчал.

— Боюсь, что нужно еще что-то добавить,— с легкой улыбкой пробормотал, запинаясь, Николас, глядя на мисс Сквирс.— Об этом очень неловко говорить... но... стоит заикнуться о таком предположении, и прослывешь фатом... и, несмотря на это... смею ли я спросить, не предполагает ли эта леди, что я питаю какие-то... короче говоря, не думает ли она, что я в нее влюблен?

«Восхитительное смущение,— подумала мисс Сквирс.— Наконец-то я довела его до этого!»

— Ответь за меня, дорогая,— шепнула она подруге.

— Думает ли она это? — подхватила мисс Прайс.— Конечно, думает!

— Думает? — вскричал Николас с такой энергией, что на секунду это можно было принять за восторг.

— Разумеется,— отвечала мисс Прайс.

— Если мистер Никльби сомневался в этом, Тильда,— нежно сказала зарумянившаяся мисс Сквирс,— он может успокоиться. На его чувства отвеча...

— Стойте! — поспешил крикнуть Николас.— Пожалуйста, выслушайте меня. Это полнейшее и нелепейшее заблуждение, в какое только можно впасть! Самая грубая и поразительная ошибка, какую только можно допустить! Эту молодую леди я видел не больше шести раз, но если бы я ее видел шестьдесят раз или если мне суждено ее видеть шестьдесят тысяч раз, все равно было и будет то же самое. Я с ней не связывал ни единой мысли,

ни одного желания или надежды, и единственная моя мечта — я говорю это не для того, чтобы оскорбить мисс Сквирс, но выражаю истинные мои чувства,— единственная мечта, дорогая моему сердцу, как сама жизнь, это получить когда-нибудь возможность повернуться спиной к этому проклятому месту. Ногой сюда не ступать и не думать о нем, никогда не вспоминать о нем иначе, как с гадливостью и омерзением!

После этой чрезвычайно прямой и откровенной декларации, произнесенной с тем пылом, какой могли ему внушить его негодование и возмущение, Николас удалился, не дожидаясь ответа.

Бедная мисс Сквирс! Ее гнев, бешенство и досада, быстрая смена горьких и страстных чувств, взбудораживших ей душу, не поддаются описанию. Отвергнута! Отвергнута учителем, подобранным по объявлению за годовое жалованье в пять фунтов, выплачиваемых в неопределенные сроки, и разделяющим стол и жилище с учениками, и вдобавок отвергнута в присутствии этой девчонки, восемнадцатилетней дочки мельника, которая через три недели выйдет замуж за человека, на коленях просившего ее руки! Мисс Сквирс и в самом деле могла задохнуться при мысли о таком оскорблении.

Но одно было ясно ей в этом унижении: она ненавидела и презирала Николаса со всем скудоумием и мелочностью, достойными наследницы дома Сквирсов. И было у нее одно утешение: ежедневно и ежечасно она могла ранить его гордость и раздражать его грубостью, оскорблениями и лишениями, которые не могли не подействовать на самого бесчувственного человека и должны были больно задеть человека, такого чувствительного, как Николас. Под влиянием этих размышлений мисс Сквирс представила дело в наивыгоднейшем для себя свете, заметив, что мистер Никльби такое странное существо и нрав у него такой бешеный, что она опасается, как бы ей не пришлось от него отказаться. На этом она рассталась с подругой.

Здесь надлежит отметить, что мисс Сквирс, подарив свою любовь (или то, что за неимением лучшего могло ее заменить) Николасу Никльби, ни разу серьезно не подумала о возможности его несогласия с ней по этому

вопросу. Мисс Сквирс рассудила, что она красива и привлекательна, что ее отец — хозяин, а Николас — слуга и что ее отец накопил денег, а у Николаса их нет; все это казалось ей неоспоримыми доводами, почему молодой человек должен почитать для себя великой честью оказанное ему предпочтение. Не преминула она также сообразить, насколько приятнее благодаря ей могло быть его положение, будь она его другом, и насколько неприятнее, стань она его врагом; и многие молодые джентльмены, менее совестливые, чем Николас, несомненно пошли бы навстречу ее фантазии хотя бы только по одной этой весьма явной и понятной причине.

Однако он почел уместным поступить иначе, и мисс Сквирс была оскорблена.

— Он у меня поглядит,— сказала себе взбешенная молодая леди, когда возвратилась в свою комнату и облегчила душу, угостив побоями Фиб,— поглядит, как я еще больше вооружу против него мать, когда она вернется!

Вряд ли была необходимость это делать, но мисс Сквирс свое слово сдержала, и бедный Николас в добавление к плохой пище, неопрятному помещению и обязанности быть свидетелем неизменной грязной скаредности стал терпеть все унижения, какие могла придумать злоба или самая хищная алчность.

Но это еще не все. Была другая и более тонкая система досаждать, которая надрывала ему сердце и доводила его чуть ли не до бешенства своей несправедливостью и жестокостью.

С того вечера, как Николас ласково поговорил со Смайком в классной комнате, это жалкое создание следовало за ним повсюду, испытывая постоянную потребность услужить или помочь ему, предупреждая те маленькие желания, какие он мог удовлетворить по мере своих слабых сил, и довольствуясь одною возможностью быть около него. Смайк просиживал подле него часами, засматривая ему в глаза, и от одного слова Николаса измученное лицо Смайка прояснялось и даже появлялся на нем мимолетный отблеск счастья. Он стал другим; у него была теперь цель, и цель эта — оказывать знаки привязанности человеку,— человеку для него чужому,— кото-

рый относился к нему если не с любовью, то просто как к человеческому существу.

Вот на этого-то беднягу и обрушивалась постоянно та злоба и та раздражительность, какие нельзя было излить на Николаса. Тяжкий труд был бы пустяком — Смайк к нему привык. Побои, нанесенные без причины, также были делом повседневным, потому что и к ним он был привычен, пройдя долгий и трудный путь ученичества,— но едва успели заметить, что он привязался к Николасу, как удары хлыстом и кулаком, кулаком и хлыстом стали выпадать ему на долю утром, днем и вечером. Сквирс ревновал к тому влиянию, которое так быстро приобрел его подчиненный, семья ненавидела его, а Смайк расплачивался за двоих. Николас это видел и скрежетал зубами при каждом новом зверском и подлом избиении.

Он начал давать уроки мальчикам, и однажды вечером, когда он шагал взад и вперед по мрачной классной и сердце у него готово было разорваться при мысли, что его защита и поддержка усиливают страдания бедного существа, странная болезнь которого пробудила в нем жалость, он машинально остановился в темном углу, где сидел тот, о ком он думал.

Бедняга, со следами недавних слез на лице, корпел над растрепанной книгой, тщетно стараясь одолеть урок; с ним легко мог справиться любой девятилетний ребенок, но для поврежденного мозга забитого девятнадцатилетнего юноши он оставался вечной и безнадежной тайной. Однако Смайк сидел, терпеливо заучивая все ту же страницу, отнюдь не побуждаемый мальчишеским честолюбием, ибо он был вечным посмешищем даже для этих неотесанных юнцов, окружавших его, но одушевленный одним только страстным желанием угодить единственному другу.

Николас положил руку ему на плечо.

— Я не могу, не могу,— поднимая глаза, сказало несчастное существо, у которого каждая черта лица выражала горькое отчаяние.— Не могу.

— Не надо,— отозвался Николас.

Мальчик покачал головой и, со вздохом закрыв книгу, рассеянно осмотрелся вокруг и опустил голову на руку; он плакал.

— Ради бога, не плачьте,— взволнованным голосом сказал Николас.— Я не в силах смотреть на вас!

— Со мной обращаются еще хуже, чем раньше,— рыдая, сказал мальчик.

— Знаю,— ответил Николас,— это правда.

— Не будь вас, я бы умер,— продолжал отверженный.— Они бы меня убили! Да, убили, знаю, что убили!

— Вам будет легче, бедняга, когда я уеду,— отозвался Николас, грустно покачивая головой.

— Уедете! — вскричал тот, пристально всматриваясь в его лицо.

— Тише! — остановил его Николас.— Да.

— Вы уезжаете? — взволнованным шепотом спросил мальчик.

— Не знаю,— ответил Николас.— Я скорее думал вслух, чем говорил с вами.

— О, скажите мне,— взмолился мальчик,— скажите мне, вы в самом деле *хотите уехать, хотите уехать?*

— Кончится тем, что меня до этого доведут! — воскликнул Николас.— В конце концов передо мной весь мир.

— Скажите мне,— спросил Смайк,— весь мир такой же плохой и печальный, как это место?

— Боже сохрани! — ответил Николас, следуя по течению своих мыслей.— Самый тяжелый, самый грубый труд в мире — счастье по сравнению с тем, что царит здесь.

— Встречу ли я вас там когда-нибудь? — продолжал Смайк с несвойственной ему живостью и словоохотливостью.

— Да,— ответил Николас, желая успокоить его.

— Нет! — проговорил тот, схватив его за руку.— Встречу ли я... встречу ли... повторите еще раз! Скажите, что я непременно вас найду!

— Найдете,— ответил Николас из тех же добрых побуждений,— и я вас поддержу и помогу вам и не навлеку на вас нового горя, как сделал это здесь.

Мальчик с жаром схватил обе руки молодого человека и, прижав их к своей груди, произнес несколько бессвязных слов, которые были совершенно непонятны. В эту минуту вошел Сквирс, и он снова забился в свой угол.

ГЛАВА XIII

Николас вносит перемену в однообразную жизнь Дотбойс-Холла весьма энергическим и поразительным поступком, который приводит к последствиям, не лишенным значения

Холодный хилый рассвет январского утра прокрадывался в окна общей спальни, когда Николас, приподнявшись на локте, посмотрел на распростертые тела, окружавшие его со всех сторон, словно отыскивал какой-то определенный предмет.

Нужен был зоркий глаз, чтобы кого-нибудь узнать среди спящих, беспорядочно сбившихся в кучу. Когда они лежали, тесно прижавшись друг к другу, прикрытые от холода своей заплатанной и разорванной одеждой, мало что можно было разглядеть, кроме резких очертаний бледных лиц, которым хмурый свет придавал одинаковый тусклый серый оттенок; кое-где высовывалась тощая рука — не было одеяла, чтобы скрыть ее худобу, и рука была выставлена напоказ, иссохшая и уродливая.

Иные, лежа на спине, закинув голову и сжав кулаки, едва видимые в свинцовом свете, походили скорее на трупы, чем на живые существа, другие скорчились в странных и фантастических позах, какие могли быть вызваны не столько причудами сна, сколько мучительными усилиями на время облегчить боль. Очень немногие — это были самые младшие — спали безмятежным сном, с улыбкой на лице, грезя, быть может, о родном доме. Но то и дело глубокий и тяжелый вздох, врываясь в тишину комнаты, возвещал о том, что еще один спящий проснулся для горестей грядущего дня. И, по мере того как ночь уступала место утру, улыбки постепенно исчезали вместе с ласковой темнотой, породившей их.

Сны — это веселые создания поэм и легенд, резвящиеся на земле в ночную пору и тающие в первых лучах солнца, которое озаряет мрачную заботу и суровую действительность, совершающие ежедневное свое паломничество в мир.

Николас смотрел на спящих сначала так, как смотрит тот, кто созерцает картину, которая хотя и знакома ему,

но отнюдь не перестала производить тягостное впечатление, а потом — как человек, который не находит чего-то, что привык встречать его глаз и на чем надеялся отдохнуть. Его все еще занимали эти мысли, и в нетерпеливых поисках он привстал с кровати, когда послышался голос Сквирса, кричавшего с нижней площадки лестницы.

— Эй, вы! — орал этот джентльмен.— Целый день спать собираетесь, что ли, вы там, наверху?..

— Ленивые собаки! — добавила миссис Сквирс, заканчивая фразу и издавая при этом резкий звук, похожий на тот, какой раздается при затягивании корсета.

— Сейчас мы спустимся, сэр,— ответил Николас.

— Сейчас спуститесь! — повторил Сквирс.— Да, лучше бы вы сейчас спустились, а не то я напущусь на кое-кого из вас. Где Смайк?

Николас быстро осмотрелся вокруг, но ничего не ответил.

— Смайк! — заорал Сквирс.

— Хочешь, чтобы тебе еще раз проломили голову, Смайк? — в тон ему осведомилась его любезная супруга.

Снова никакого ответа, и снова Николас стал озираться, так же как и большинство мальчиков, которые к тому времени проснулись.

— Черт бы побрал этого негодяя! — проворчал Сквирс, нетерпеливо колотя тростью по перилам лестницы.— Никльби!

— Да, сэр?

— Пошлите сюда этого упрямого негодяя! Разве вы не слышите, что я его зову?

— Его здесь нет, сэр,— ответил Николас.

— Врете! — заявил школьный учитель.— Он там.

— Нет его здесь,— сердито возразил Николас.— Сами врете!

— Сейчас мы увидим,— сказал мистер Сквирс, взбегая по лестнице.— Я его найду, предупреждаю вас.

С таким заверением мистер Сквирс ворвался в дортуар и, размахивая в воздухе тростью, готовый нанести удар, бросился в тот угол, где обычно было простерто по ночам тощее тело козла отпущения. Трость опустилась, никому не причинив вреда. Там не было никого.

— Что это значит? — спросил Сквирс, поворачиваясь и сильно побледнев.— Куда вы его упрятали?

— Я его не видел со вчерашнего вечера,— ответил Николас.

— Бросьте! — сказал Сквирс, явно испуганный, хотя он и пытался это скрыть.— Этим вы его не спасете. Где он?

— Полагаю, на дне ближайшего пруда,— тихим голосом ответил Николас и в упор посмотрел в лицо учителю.

— Будь вы прокляты! Что вы хотите этим сказать? — в сильном смятении спросил Сквирс.

Не дожидаясь ответа, он осведомился у мальчиков, не знает ли кто-нибудь из них о пропавшем товарище.

Раздался тревожный гул отрицательных ответов, из которого вырвался пронзительный голос, поведавший то, что в сущности думали все:

— Простите, сэр, я думаю, Смайк сбежал, сэр.

— Ха! — воскликнул Сквирс, резко обернувшись.— Кто это сказал?

— Томкинс, сэр,— ответил хор голосов.

Мистер Сквирс нырнул в толпу и сразу поймал очень маленького мальчика. Тот был еще в ночном одеянии, и, когда его вытащили вперед, физиономия у него была недоуменная; она словно говорила, что он пока не уверен, накажут его или наградят за эту догадку.

— Так вы думаете, сэр, что он сбежал? — вопросил Сквирс.

— Простите, сэр, да,— ответил мальчик.

— А какие у вас основания, сэр? — продолжал Сквирс, внезапно хватая мальчика за руки и очень ловко задирая ему рубашку,— какие у вас основания полагать, что какой-нибудь мальчишка захочет убежать из этого заведения? А, сэр?

Вместо ответа ребенок испустил отчаянный вопль, а мистер Сквирс, приняв позу, наиболее благоприятную для экзекуции, стал колотить его, пока мальчуган, извиваясь, буквально не выкатился из его рук, после чего мистер Сквирс милостиво позволил ему откатиться как можно дальше.

— Вот так! — сказал Сквирс.— Если еще кто-нибудь

из мальчиков думает, что Смайк сбежал, я буду рад потолковать с ним.

Разумеется, последовало глубокое молчание, в течение которого лицо Николаса выражало величайшее отвращение.

— Ну-с, Никльби,— сказал Сквирс, злобно на него глядя,— полагаю, и вы думаете, что он сбежал?

— Считаю это в высшей степени вероятным,— спокойно ответил Николас.

— О, вы считаете! — огрызнулся Сквирс.— Может быть, вам известно, что он сбежал?

— Об этом я ничего не знаю.

— Полагаю, он вам не сказал, что уходит? Нет? — издевался Сквирс.

— Не сказал,— ответил Николас.— Я очень рад, что он не сказал, потому что в таком случае моим долгом было бы предупредить вас заранее.

— А это, разумеется, вам было бы чертовски досадно делать,— поддразнивающим тоном сказал Сквирс.

— Разумеется, досадно,— ответил Николас.— Вы очень правильно истолковали мои чувства.

Миссис Сквирс прислушивалась к этому разговору с нижней площадки лестницы, но теперь, потеряв последнее терпение, она поспешила надеть ночную кофточку и явилась на место действия.

— Что тут происходит? — осведомилась леди, когда мальчики шарахнулись направо и налево, чтобы избавить ее от труда расчищать дорогу мускулистыми руками.— О чем ты тут с ним толкуешь, Сквири?

— Видишь ли, дорогая моя,— сказал Сквирс,— дело в том, что пропал Смайк.

— Это я знаю,— сказала леди,— но что же тут удивительного? Если ты держишь шайку чванных учителей, которые мутят щенят, можно ли ждать чего-нибудь другого? Ну-с, молодой человек, будьте так добры убраться в классную и забирайте с собой мальчишек и носа оттуда не показывайте, пока не получите разрешения, а не то у нас с вами произойдет размолвка, от которой пострадает ваша красота,— ведь вы считаете себя красавцем,— так что я вас предупреждаю!

— Да что вы! — отозвался Николас.

— Да, вот вам и «что вы», мистер нахал! — продолжала возбужденная леди.— Будь моя воля, вы бы часу не провели в этом доме!

— И не провел бы, будь моя воля,— ответил Николас.— Идемте, мальчики!

— А! Идемте, мальчики! — сказала миссис Сквирс, передразнивая по мере сил голос и манеру учителя.— Ступайте за своим вожаком, мальчишки, и берите пример со Смайка, если посмеете! Увидите, как ему попадет, когда его приведут назад. И помните: вам попадет не меньше, а вдвое больше, если вы только заикнетесь о нем.

— Если я его поймаю,— сказал Сквирс,— я разве только что шкуру не сдеру с него. Предупреждаю вас, мальчики.

— *Если* ты его поймаешь! — презрительно повторила миссис Сквирс.— Конечно, поймаешь, не можешь не поймать, если как следует примешься за дело. Ну, проваливайте!

С этими словами миссис Сквирс отпустила учеников и после легкой стычки с шедшими позади, которые напирали, чтобы убраться с дороги, но были на несколько секунд задержаны передними, успешно очистила от них комнату и осталась наедине с супругом.

— Он сбежал,— сказала миссис Сквирс.— Коровник и конюшня заперты, значит там он быть не может... И внизу его нигде нет, служанка искала. Он должен был пойти по направлению к Йорку по проезжей дороге.

— Почему — должен? — осведомился Сквирс.

— Болван! — сердито сказала миссис Сквирс.— Деньги у него были или нет?

— Насколько мне известно, у него никогда в жизни не было ни единого пенни,— ответил Сквирс.

— Разумеется,— подхватила миссис Сквирс,— и ничего съестного с собой не взял, за это я ручаюсь. Ха-ха-ха!

— Ха-ха-ха! — захохотал Сквирс.

— Стало быть,— продолжала миссис Сквирс,— он должен просить милостыню, а просить милостыню он может только на проезжей дороге.

— Верно! — воскликнул Сквирс, захлопав в ладоши.

— Верно! Но тебе бы это и в голову не пришло, если бы я не подсказала,— отозвалась жена.— Теперь, если ты сядешь в двуколку и поедешь по одной дороге, а я возьму двуколку у Свалоу и поеду по другой и мы будем смотреть в оба и расспрашивать, кто-нибудь из нас непременно его поймает.

План достойной леди был принят и немедленно приведен в исполнение. После завтрака, наспех приготовленного, и после наведения справок в деревне, результаты коих как будто подавали надежду, что он напал на след, Сквирс тронулся в путь в повозке, запряженной пони, думая лишь о поимке и отмщении. Вскоре после этого миссис Сквирс, облаченная в белое пальто и завернутая в различные шали и платки, отъехала в другой двуколке и в другом направлении, захватив с собой порядочную дубинку, несколько кусков крепкой веревки и дюжего работника. Все это было припасено и взято в дорогу с единственной целью принять участие в поимке злополучного Смайка и, поймав, ни за что уже его не выпустить.

Николас остался дома в сильном волнении, понимая, что чем бы ни кончился побег мальчика, ничего, кроме мучительных и плачевных результатов, последовать не может. Смерть от голода и холода казалась наилучшим исходом, какого можно было ждать после долгих скитаний такого жалкого и беспомощного существа, одинокого, без друзей, по совершенно незнакомым ему местам. Пожалуй, такая судьба была не хуже возвращения к сладким благам йоркширской школы, но бедняга завоевал симпатию и сочувствие Николаса, и сердце у него надрывалось при мысли о тех страданиях, какие предстояло претерпеть Смайку.

Не находя себе места от беспокойства, он томился, рисуя тысячу возможностей, пока на следующий день вечером Сквирс не вернулся один, не добившись успеха.

— Никаких известий о негодяе! — сказал школьный учитель, который за время своего путешествия, видимо, не один раз разминал ноги по старому правилу.— За это я кое от кого получу утешение, Никльби, если миссис Сквирс его не поймает, так что я вас предупреждаю.

— Не в моей власти утешить вас, сэр,— сказал Николас.— Это не мое дело.

— Не ваше? — угрожающим тоном переспросил Сквирс.— Посмотрим!

— Посмотрим! — отозвался Николас.

— Мой пони запарился, и мне пришлось нанять верховую лошадь, чтобы вернуться домой; это обойдется в пятнадцать шиллингов, не считая других расходов,— сказал Сквирс.— Отвечайте, кто за это заплатит?

Николас пожал плечами и промолчал.

— Говорю вам, я кой из кого это выколочу,— продолжал Сквирс, переходя от обычного грубого и лукавого обращения к явному запугиванию.— Хватит вам здесь хныкать и задирать нос, мистер щеголь, отправляйтесь-ка в свою конуру, вам давно пора спать. Ступайте! Вон!

Николас закусил губу и невольно сжал кулаки, потому что концы пальцев у него зудили от желания отомстить за оскорбление: но, вспомнив, что тот пьян и ничего, кроме шума и крика, из этого не выйдет, он удовольствовался презрительным взглядом, брошенным на тирана, и отправился наверх с таким достоинством, на какое только был способен, немало, впрочем, задетый тем, что мисс Сквирс, юный Сквирс и служанка любовались этой сценой из укромного уголка. Двое первых сделали множество назидательных замечаний о дерзости бедных выскочек, что вызвало бурное веселье, в котором приняла участие даже самая жалкая из всех жалких служанок; а в это время жестоко оскорбленный Николас натянул на голову то тряпье, какое у него было, и твердо решил, что сведет счеты с мистером Сквирсом раньше, чем предполагает этот последний.

Настал следующий день, и, едва проснувшись, Николас услышал стук колес подъезжающей к дому двуколки. Она остановилась. Раздался восторженный голос миссис Сквирс, требующей для кого-то стакан виски, а это уже само по себе являлось достаточным показателем того, что случилось нечто из ряда вон выходящее. Николас не решался выглянуть из окна, но он все-таки выглянул, и первое, на что упал его взгляд, был несчастный Смайк, такой грязный и промокший, такой изможденный, изнемогающий и обезумевший, что если бы не его одежда, какой никогда не видывали ни на одном пугале, Николас даже теперь мог бы усомниться, он ли это.

— Вытащите его! — сказал Сквирс, после того как буквально упился в молчании лицезрением преступника.— Внесите его в дом, внесите его в дом!

— Осторожнее! — крикнула миссис Сквирс, когда ее супруг вызвался помогать.— Мы стянули ему ноги под фартуком экипажа и привязали их к двуколке, чтобы он опять не улизнул от нас.

Дрожащими от радости руками Сквирс развязал веревку, и Смайк, по всем признакам скорее мертвый, чем живой, был внесен в дом и заботливо заперт в погребе вплоть до того времени, когда мистер Сквирс сочтет целесообразным расправиться с ним в присутствии всей школы.

При поверхностном рассмотрении обстоятельств коекому может показаться удивительным, что мистер и миссис Сквирс потратили столько труда, чтобы вновь завладеть обузой, на которую имели обыкновение так громко жаловаться. Но удивление рассеется, если станет известно, что многочисленные услуги раба, буде их оказывал бы кто-нибудь другой, стоили бы заведению десять — двенадцать шиллингов жалования в неделю; к тому же, из политических соображений, всех беглецов заставляли в Дотбойс-Холле служить суровым примером для остальных, ибо, ввиду ограниченного запаса привлекательных сторон, мало что, кроме сильного страха, могло побудить любого ученика там оставаться, если ученик был наделен нормальным количеством ног и способностью ими пользоваться.

Весть, что Смайк пойман и с триумфом водворен в Дотбойс-Холл, разнеслась среди голодного населения со сверхъестественной быстротой, и все утро прошло в напряженном ожидании. Однако ему суждено было длиться до середины дня, когда Сквирс, подкрепившись обедом и набравшись сил благодаря внеочередному возлиянию, появился (в сопровождении своей любезной подруги) с физиономией торжественной и внушительной и со страшным орудием бичевания, крепким, гибким, навощенным и новым — короче говоря, купленным в то утро специально для этой цели.

— Все ли мальчишки здесь? — громовым голосом спросил Сквирс.

Все мальчики были здесь, но все мальчики боялись ответить,— посему, чтобы удостовериться, Сквирс грозным оком окинул ряды, а пока он это делал, все глаза опустились и все головы поникли.

— Все мальчишки по местам! — приказал Сквирс, нанося свой излюбленный удар по кафедре и с мрачным удовлетворением наблюдая всеобщее содрогание, которое он неизменно вызывал.— Никльби! На кафедру, сэр!

Не одним маленьким наблюдателем было замечено, что у помощника учителя выражение лица очень странное и необычное,— но он занял свое место, не разжимая губ для ответа.

С торжеством посмотрев на своего помощника и бросив деспотический взгляд на мальчиков, Сквирс вышел из комнаты и вскоре вернулся, волоча Смайка за воротник, или, вернее, за клок куртки, который был ближайшим к тому месту, где надлежало быть воротнику, если бы Смайк мог похвастаться таким украшением.

Во всяком другом месте появление несчастного, изнуренного, отчаявшегося существа вызвало бы ропот сострадания и гнева. Даже здесь оно произвело впечатление: зрители беспокойно заерзали на своих местах, а самые храбрые осмелились украдкой обменяться взглядами, выражавшими негодование и жалость.

Однако эти взгляды остались незамеченными Сквирсом, который, устремив взор на злосчастного Смайка, осведомился, согласно принятому в таких случаях обычаю, имеет ли тот что-нибудь сказать в свою защиту.

— Должно быть, ничего? — с дьявольской усмешкой сказал Сквирс.

Смайк оглянулся, и на секунду взгляд его остановился на Николасе, словно он ждал, что тот вступится; но глаза Николаса были прикованы к кафедре.

— Имеешь что-нибудь сказать? — снова спросил Сквирс, раза два или три взмахнув правой рукой, чтобы испытать ее силу и гибкость.— Отойдите в сторонку, миссис Сквирс, дорогая моя, мне здесь тесновато.

— Пощадите меня, сэр! — вскричал Смайк.

— О! И это все? — сказал Сквирс.— Хорошо, я изобью тебя до полусмерти и тогда пощажу.

— Ха-ха-ха! — захохотала миссис Сквирс.— Вот так потеха!

— Меня до этого довели,— тихо выговорил Смайк и снова с умоляющим видом осмотрелся вокруг.

— Тебя до этого довели? — повторил Сквирс.— О, так это была не твоя вина! Должно быть, моя, а?

— Мерзкий, неблагодарный, тупоголовый, грубый, упрямый, подлый пес! — воскликнула миссис Сквирс, зажав у себя под мышкой голову Смайка и при каждом эпитете наделяя его пощечиной.— Что он хочет этим сказать?

— Отойди в сторонку, дорогая моя,— отозвался Сквирс.— Мы попытаемся узнать.

Миссис Сквирс, задохнувшись от этих упражнений, подчинилась. Сквирс крепко схватил мальчика. Жестокий удар упал на тело Смайка; он задрожал под хлыстом и вскрикнул от боли; снова был занесен хлыст и снова готов был опуститься, когда Николас Никльби, внезапно вскочив, крикнул: «Стойте!» — таким голосом, что загудели стропила.

— Кто крикнул: «Стойте!» — спросил Сквирс, злобно оглядываясь.

— Я! — сказал Николас, выступив вперед.— Больше этого не должно быть!

— Не должно?! — чуть ли не взвизгнул Сквирс.

— Да! — загремел Николас.

Ошеломленный и потрясенный этим дерзким вмешательством, Сквирс выпустил из рук Смайка и, отступив шага на два, впился в Николаса взглядом поистине устрашающим.

— Я говорю — не должно быть! — повторил Николас, ничуть не испугавшись.— И не будет! Я этого не допущу!

Взирающие на него глаза Сквирса едва не выскочили из орбит, от изумления он буквально лишился языка.

— Вы оставили без внимания мое миролюбивое заступничество за этого несчастного юношу,— сказал Николас.— Вы не дали никакого ответа на письмо, в котором я просил простить его и предлагал взять на себя ответственность за то, что он останется здесь и будет вести

себя спокойно. Не упрекайте же меня теперь за это вмешательство на людях. В нем повинны вы, а не я!

— На место, подлец! — завопил Сквирс вне себя от бешенства, снова схватывая при этом Смайка.

— Негодяй! — гневно крикнул в ответ Николас.— Посмейте только его тронуть! Я не буду стоять и смотреть! Больше я не могу терпеть, и у меня хватит силы на десятерых таких, как вы. Берегитесь, иначе, клянусь небом, я вас не пощажу, если вы меня до этого доведете!

— Назад! — крикнул Сквирс, размахивая своим оружием.

— Я должен рассчитаться за оскорбления! — кричал Николас, раскрасневшись от гнева.— Мое негодование все усиливалось при виде подлого, жестокого обращения с беспомощными детьми в этом логове! Берегитесь! Если вы разбудите во мне дьявола, страшные последствия падут на вашу голову!

Не успел он договорить, как Сквирс в порыве неудержимой ярости с криком, напоминающим рев дикого зверя, плюнул на него и ударил его по лицу своим орудием пытки, оставив багровую полосу там, где это орудие опустилось. Почувствовав острую боль от удара и сосредоточив в этом одном мгновении все свое бешенство, гнев и негодование, Николас набросился на Сквирса, вырвал из его рук оружие и, схватив негодяя за горло, стал колотить, пока тот не взвыл, прося пощады.

Мальчики, за исключением юного Сквирса, который, явившись на подмогу отцу, беспокоил противника с тыла, и пальцем не шевельнули, но миссис Сквирс, воплями призывая на помощь, повисла на фалдах фрака своего супруга и пыталась оттащить его от взбешенного врага, в то время как мисс Сквирс, которая смотрела в замочную скважину в ожидании совсем другой сцены, ворвалась в комнату в самом начале атаки и, осыпав голову помощника учителя градом чернильниц, принялась его колотить, к полному своему сердечному удовлетворению; при каждом ударе она воодушевлялась воспоминанием о том, как он отверг предложенную ею любовь, что придавало новую силу руке, которая (ибо в этом отношении мисс Фанни пошла в свою мать) всегда была не из слабых.

В пылу неистовой атаки Николас ощущал удары не больше, чем если бы их наносили перышком, но, устав от шума и гама и к тому же чувствуя, что рука его ослабела, он вложил весь остаток сил в пяток завершающих оплеух и отшвырнул от себя Сквирса с такой энергией, на какую только был способен. Стремительность его падения заставила миссис Сквирс перекувырнуться через ближайшую скамью, а Сквирс, в своем полете ударившись об эту скамью головой, растянулся во весь рост на полу, оглушенный и неподвижный.

Приведя дело к такому счастливому завершению и удостоверившись, к полному своему удовольствию, что Сквирс только оглушен, а не мертв (по этому вопросу у него были сначала кое-какие неприятные сомнения), Николас предоставил семейству возвращать его к жизни и удалился, чтобы рассудить, какую линию поведения надлежит ему избрать. Выходя из комнаты, он с беспокойством озирался в поисках Смайка, но того нигде не было видно.

После недолгих размышлений он уложил в маленький кожаный чемодан свою одежду и, видя, что никто не препятствует ему, смело вышел через парадную дверь и вскоре зашагал по дороге, ведущей в Грета-Бридж.

Когда он достаточно остыл, чтобы обдумать создавшееся положение, оно представилось ему далеко не в розовом свете: в кармане у него было только четыре шиллинга и несколько пенсов, и больше двухсот пятидесяти миль отделяло его от Лондона, куда он решил направить свои стопы, дабы, помимо всего прочего, удостовериться, какой отчет о происшествиях этого дня даст мистер Сквирс его добрейшему дядюшке.

Придя к заключению, что нет никакого способа изменить это прискорбное положение вещей, он поднял глаза и увидел ехавшего ему навстречу всадника, в котором при ближайшем рассмотрении признал, к великому своему огорчению, не кого иного, как мистера Джона Брауди в грубых штанах из вельвета и в кожаных гетрах. Мистер Брауди погонял своего коня толстой ясеневой палкой, по-видимому недавно срезанной с какого-нибудь крепкого молодого деревца.

«Не хочу я больше шума и драк,— подумал Николас,— и, однако, что бы я ни делал, мне придется повздо-

рить с этим честным болваном и, быть может, раза два отведать его посоха».

Действительно, были основания предполагать, что именно таковы будут последствия встречи, так как Джон Брауди, едва завидев приближающегося Николаса, остановил свою лошадь у тропинки и ждал, пока тот подойдет, глядя очень сурово между ушей лошади на Николаса, подходившего не спеша.

— Ваш покорный слуга, молодой джентльмен,— сказал Джон.

— К вашим услугам,— сказал Николас.

— Ну, вот мы, наконец, и встретились,— заметил Джон, заставив стремя зазвенеть от ловкого удара ясеневой палкой.

— Да,— нерешительно отозвался Николас.— Послушайте,— сказал он откровенно после короткой паузы,— в последний раз мы расстались не в очень-то добрых отношениях. Вероятно, это была моя вина, но у меня не было намерения обидеть вас, и я понятия не имел, что обижаю. Потом я очень об этом сожалел. Хотите — пожмем друг другу руку?

— Пожать руку? — воскликнул добродушный йоркширец.— На это я согласен! — Он наклонился с седла и энергически тряхнул руку Николаса.— Но что у вас с лицом, приятель? Оно как будто разбито.

— Рассечено хлыстом,— ответил Николас, густо краснея.— Удар. Но я его вернул, да вдобавок еще с хорошими процентами.

— Да неужто?! — воскликнул Джон Брауди.— Здорово! Вот за это вы мне нравитесь!

— Дело в том,— начал Николас, не зная хорошенько, как приступить к признанию,— дело в том, что со мной дурно обошлись.

— Ну! — вставил Джон Брауди сочувственным тоном, ибо он был гигант по силе и росту, и Николас казался ему карликом.

— Да,— подтвердил Николас,— со мной дурно обошелся этот Сквирс, и я здорово приколотил его, а теперь ухожу отсюда.

— Что?! — вскричал Джон Брауди, испустив такой восторженный вопль, что лошадь в испуге шарахнулась

в сторону.— Приколотил владельца школы! Хо-хо-хо! Приколотил владельца школы! Ну, слыхал ли кто о такой штуке? Еще раз давай руку, приятель! Приколотил владельца школы! Ей-богу, вот молодчина!

Выражая таким образом свой восторг, Джон Брауди хохотал, и хохотал так громко, что эхо по всей округе отзывалось веселыми раскатами смеха, и при этом сердечно пожимал руку Николаса.

Нахохотавшись вдосталь, он осведомился, что думает делать Николас. Когда же тот сообщил ему о своем намерении отправиться прямо в Лондон, он с сомнением покачал головой и спросил, известно ли ему, сколько берут почтовые кареты с пассажиров за такое далекое путешествие.

— Нет, не известно,— ответил Николас,— но для меня это большого значения не имеет, потому что я думаю идти пешком.

— Идти пешком в Лондон? — с изумлением воскликнул Джон.

— Всю дорогу, до последнего шага,— сказал Николас.— За это время я бы уже сделал немало шагов, а потому — прощайте!

— Ну, нет! — возразил честный малый, придерживая нетерпеливую лошадь.— Стой, говорят тебе! А сколько у вас при себе денег?

— Не много,— краснея, ответил Николас,— но я могу устроиться так, чтобы хватило. Сто́ит, знаете ли, захотеть, и способ найдется.

Джон Брауди не дал никакого словесного ответа на это замечание, но, сунув руку в карман, вытащил старый, засаленный кожаный кошелек и настоял на том, чтобы Николас занял у него столько, сколько ему может понадобиться на неотложные нужды.

— Не стесняйся, приятель,— сказал он,— бери столько, чтобы хватило добраться до дому. Знаю, когда-нибудь ты мне их вернешь.

Однако Николас согласился занять только один соверен, каковою ссудой мистер Брауди поневоле должен был удовлетвориться, хотя долго уговаривал взять больше (заметив, с оттенком йоркширской осмотрительности, что если Николас всего не истратит, то излишек может отло-

жить, пока не представится случай переслать бесплатно).

— Прихвати эту дубинку, приятель, будешь на нее опираться,— добавил Джон, всовывая Николасу свою палку и еще раз стискивая ему руку.— Не падай духом, и господь с тобой! Приколотил владельца школы! Ей-богу, двадцать лет не слыхал такой славной штуки!

Говоря это и, с большей деликатностью, чем можно было от него ждать, разражаясь снова оглушительным смехом, чтобы избежать благодарности, которую изливал Николас, Джон Брауди пришпорил свою лошадь и отъехал легким галопом, время от времени оглядываясь на смотревшего ему вслед Николаса и весело махая ему рукой, словно желая его подбодрить. Николас следил за лошадью и всадником, пока они не скрылись за гребнем дальнего холма, а затем тронулся в путь.

В тот день он недалеко ушел, потому что уже почти стемнело, а после сильного снегопада не только идти было утомительно, но и отыскивать дорогу стало делом рискованным и трудным для всех, кроме искушенных путников. Эту ночь он провел в коттедже, где за дешевую плату давали постель бедным путешественникам, и, очень рано встав на следующее утро, добрался к ночи до Боробриджа. Проходя по городу в поисках какого-нибудь дешевого пристанища, он случайно наткнулся на пустой амбар ярдах в двухстах от дороги; здесь, в теплом уголке, он растянулся усталый и скоро заснул.

Проснувшись на следующее утро и пытаясь вспомнить свои сновидения, которые были связаны с Дотбойс-Холлом, он сел, протер глаза и широко их раскрыл; лицо его выразило при этом отнюдь не безмятежное спокойствие — при виде какого-то неподвижного предмета, казалось, застывшего перед ним на расстоянии нескольких ярдов.

— Странно! — воскликнул Николас.— Неужели этот образ вызван ночными сновидениями, от которых я еще не совсем очнулся? Это не может быть наяву, и, однако... однако, я не сплю. Смайк!

Фигура пошевельнулась, встала, приблизилась и упала на колени у его ног. Это и в самом деле был Смайк.

— Почему вы опускаетесь передо мной на колени? — воскликнул Николас, поспешно поднимая его.

— Я хочу идти с вами... куда угодно... всюду... на край света... до могилы,— ответил Смайк, цепляясь за его руку.— О, позвольте мне, позвольте мне! Вы мой родной дом, мой добрый друг... Прошу вас, возьмите меня с собой!

— Друг, который мало что может для вас сделать,— ласково сказал Николас.— Как вы сюда попали?

Оказывается, он шел за ним следом, всю дорогу не терял его из виду, сторожил, пока Николас спал и когда останавливался закусить, и не решался попадаться ему на глаза из боязни, как бы его не отослали назад. Он и сейчас не хотел показываться, но Николас проснулся внезапно, когда он этого не ожидал, и он не успел спрятаться.

— Бедняга! — сказал Николас.— Ваша печальная судьба оставила вам только одного друга, да и тот почти так же беден и беспомощен, как вы.

— Можно мне... можно мне идти с вами? — робко спросил Смайк.— Я буду вашим верным работящим слугой, обещаю вам. Никакой одежды мне не нужно,— добавило жалкое создание, завертываясь в свои лохмотья.— Эта еще годится. Я хочу только быть около вас...

— И будете! — воскликнул Николас.— И мир будет для вас тем же, чем и для меня, пока один из нас или мы оба не покинем его для мира иного. Идем!

С этими словами он взвалил на плечи ношу и, взяв в одну руку палку, другую протянул своему возбужденному от радости спутнику, и они вместе вышли из старого амбара.

ГЛАВА XIV,

к сожалению, повествует только о маленьких людях и, натурально, является малоинтересной и незначительной

В той части Лондона, где расположен Гольдн-сквер, находится заброшенная, поблекшая, полуразрушенная улица с двумя неровными рядами высоких тощих домов, которые уже много лет как будто таращат друг на друга

глаза. Кажется, даже трубы стали унылыми и меланхолическими, потому что за неимением лучшего занятия им остается только смотреть на трубы через дорогу. Верхушки у них потрескавшиеся, разбитые и почерневшие от дыма, а кое-где ряд труб, более высоких, чем остальные, тяжело склоняясь набок и нависая над крышей, словно замышляет отомстить за полувековое пренебрежение и обрушиться на обитателей чердаков.

Куры, отыскивающие себе корм у желобов, передвигаясь с места на место подпрыгивающей походкой, которая свойственна только городским курам и привела бы в недоумение деревенских, вполне под стать ветхим жилищам своих владельцев. Грязные, со скудным оперением, вялые птицы, посланные, как и множество детей по соседству, добывать пропитание на улицах, они прыгают с камня на камень в отчаянных поисках чего-нибудь съестного, затерявшегося в грязи, и едва в силах подать голос. Единственной птицей, обладающей чем-то напоминающим голос, является старый бантамский петух булочника, да и тот охрип от плохой жизни у последнего из своих хозяев.

Судя по величине домов, их когда-то занимали люди более состоятельные, чем нынешние жильцы, а теперь в них сдают понедельно этажи или комнаты, и на каждой двери чуть ли не столько же табличек и ручек от звонков, сколько комнат внутри. По той же причине окна довольно разнообразны, так как украшены всевозможнейшими шторами и занавесками; а каждая дверь загорожена, и в нее едва можно войти из-за пестрой коллекции детей и портерных кружек всех размеров, начиная с грудного младенца и полупинтовой кружки и кончая рослой девицей и бидоном вместительностью в полгаллона *.

В окне гостиной одного из этих домов, который был, пожалуй, чуть-чуть погрязнее своих соседей, выставлял напоказ большее количество ручек от звонков, большее количество детей и портерных кружек и первым ловил во всей их свежести клубы густого черного дыма, извергавшегося днем и ночью из большой пивоварни, находившейся поблизости,— висело объявление, что в стенах этого дома сдается внаем еще одна комната. Но в каком этаже могла быть свободная комната, этот вопрос было

бы не под силу разрешить мальчику, умеющему решать задачи, если принять во внимание, что по всему фасаду виднелись знаки пребывания многочисленных жильцов, начиная с катка для белья в окне кухни и кончая цветочными горшками на парапете.

Общая лестница в доме была не покрыта ковром и неприглядна; любознательный посетитель, которому предстояло взобраться наверх, мог заметить, что здесь немало признаков, указывающих на прогрессирующую бедность жильцов, хотя комнаты и были заперты. Так, например, жильцы второго этажа, имея избыток мебели, держали снаружи, на площадке лестницы, старый стол красного дерева — настоящего красного дерева,— который вносили лишь в случае необходимости. На третьем этаже лишняя мебель состояла из двух старых сосновых стульев, из коих один, предназначенный для задней комнаты, был без ножки и без сиденья. Верхнему этажу нечем было похвалиться, кроме источенного червем умывальника, а на чердачной площадке красовались такие ценные предметы, как два искалеченных кувшина и несколько разбитых банок из-под ваксы.

Вот на этой-то площадке и остановился пожилой оборванный человек с четырехугольным лицом и резкими чертами, чтобы отпереть дверь передней мансарды, куда, с трудом повернув ржавый ключ в еще более ржавом замке, он вошел с видом законного владельца.

Этот субъект носил парик из коротких жестких рыжих волос, который он снял вместе со шляпой и повесил на гвоздь. Надев вместо него грязный ночной колпак из бумажной материи и пошарив в темноте, пока не нашел огарка, он постучал в перегородку, разделявшую две мансарды, и громким голосом осведомился, горит ли у мистера Ногса свет.

Звуки, донесшиеся до него, были приглушены дранками и штукатуркой, и вдобавок казалось, будто говоривший издавал их из глубины кружки или какого-нибудь другого сосуда для питья, но они были произнесены голосом Ньюмена и выражали утвердительный ответ.

— Скверная погода сегодня, мистер Ногс,— сказал человек в ночном колпаке, входя, чтобы зажечь свою свечу.

— Дождь идет? — осведомился Ньюмен.

— Идет ли дождь? — брюзгливо переспросил тот.— Я промок насквозь.

— Не много нужно, чтобы промочить нас с вами насквозь, мистер Кроуль,— сказал Ньюмен, кладя руку на отворот своего изношенного сюртука.

— И потому это еще досаднее,— тем же брюзгливым тоном заметил мистер Кроуль.

Его грубая физиономия выражала все характеристические черты эгоизма; что-то бурча себе под нос, он стал разгребать жалкий огонь, едва не выгребая его из очага, и, осушив стакан, который подвинул к нему Ногс, спросил, где у него уголь.

Ньюмен Ногс указал в глубину кухонного шкафа, а мистер Кроуль, схватив совок, подобрал половину запасов, каковую Ногс преспокойно сбросил обратно, не промолвив при этом ни слова.

— Надеюсь, вы не стали экономным в ваши годы? — сказал Кроуль.

Ньюмен Ногс указал на пустой стакан, словно он был достаточным опровержением этого обвинения, и кратко объявил, что идет вниз ужинать.

— К Кенуигсам? — спросил Кроуль.

Ньюмен кивнул утвердительно.

— Подумать только! — вскричал Кроуль.— А я-то был уверен, что вы не пойдете, ведь вы мне сказали, что не пойдете, и я сказал Кенуигсам, что не приду, и решил провести вечер с вами.

— Я должен пойти,— сказал Ньюмен.— Они настаивали.

— Ну, а что делать мне? — добивался эгоист, который ни о ком другом никогда не думал.— Это все ваша вина! Я вам вот что скажу: я посижу у вашего камелька, пока вы не вернетесь.

Ньюмен бросил скорбный взгляд на скудный запас топлива, но, не имея мужества сказать «нет» (слово, которое за всю свою жизнь он ни разу не сказал вовремя ни себе, ни кому бы то ни было другому), согласился на предложение. Мистер Кроуль немедленно расположился за счет Ногса со всеми удобствами, насколько это позволяли обстоятельства.

Жильцами, коих Кроуль называл «Кенуигсы», были жена и потомство некоего мистера Кенуигса, резчика по слоновой кости, которого считали в доме особой довольно значительной, так как он занимал весь второй этаж, состоявший из двух комнат. Миссис Кенуигс также была по своим манерам настоящей леди и происходила из очень благородной семьи: у нее был дядя — сборщик платы за пользование водопроводом. Помимо этого отличия, ее две старшие дочки посещали дважды в неделю танцкласс в этом квартале, перевязывали голубыми лентами льняные волосы, спускавшиеся по спине роскошными косами, и носили белые панталончики с оборками у лодыжек. По всем этим причинам и другим, не менее основательным, но слишком многочисленным, чтобы о них упоминать, миссис Кенуигс почиталась весьма желательной знакомой и постоянно служила предметом толков по всей улице и даже на расстоянии трех-четырех домов за углом.

Была годовщина того счастливого дня, когда государственная англиканская церковь подарила миссис Кенуигс мистеру Кенуигсу, и в память этого дня миссис Кенуигс пригласила нескольких избранных друзей на ужин с картами, а для их приема надела новое платье. Это платье — цвета пламени и сшитое по фасону для юных девиц — вышло столь удачно, что, по словам мистера Кенуигса, восемь лет супружеской жизни и пять человек детей казались лишь сновидением, а миссис Кенуигс — более молодой и цветущей, чем в то самое первое воскресенье, какое он провел с нею.

Сколь прекрасной ни казалась миссис Кенуигс, когда нарядилась, сколь бы красноречиво величественный ее вид ни убеждал бы вас в том, что у нее есть по крайней мере кухарка и горничная, которыми она командует,— на нее свалилось много хлопот, право же больше, чем она, будучи хрупкого и деликатного сложения, могла вынести, если бы ее не поддерживала гордость домашней хозяйки. Но в конце концов все, что нужно было приготовить, было приготовлено, все, что нужно было прибрать, было прибрано, и сам сборщик платы за водопровод обещал прийти — фортуна на сей раз улыбнулась.

Общество было превосходно подобрано. Присутствовали прежде всего мистер Кенуигс, миссис Кенуигс и

четыре отпрыска Кенуигсов, которые не ложились до ужина,— во-первых, потому, что в такой день они по справедливости должны были получить угощенье, а во-вторых, потому, что укладывать их спать в присутствии гостей было бы неудобно, чтобы не сказать неприлично. Далее, была здесь молодая леди, которая шила платье миссис Кенуигс и, живя в задней комнате на третьем этаже, что было в высшей степени удобно, уступила свою постель младенцу и наняла девочку присматривать за ним. Затем, под стать этой молодой леди, присутствовал молодой человек, который знал мистера Кенуигса в бытность его холостяком и был весьма уважаем дамами за свою репутацию повесы. Была здесь еще чета молодоженов, которая бывала у мистера и миссис Кенуигс в пору ухаживания, а также сестра миссис Кенуигс, писаная красавица, и присутствовал еще один молодой человек, питавший, как полагали, честные намерения относительно последней упомянутой леди, и мистер Ногс, которого приглашать считалось приличным, потому что он когда-то был джентльменом. Здесь присутствовала также пожилая леди из задней комнаты первого этажа и другая леди, помоложе, которая после сборщика являлась, пожалуй, главной приманкой празднества, ибо, будучи дочерью театрального пожарного, «представляла» в пантомиме и отличалась замечательнейшими сценическими способностями, доселе еще невиданными,— пела и декламировала так, что вызывала слезы на глазах миссис Кенуигс. Лишь одно обстоятельство омрачало радость встречи с такими друзьями: леди из задней комнаты первого этажа, очень толстая да к тому же лет шестидесяти, пришла в тонком муслиновом платье с большим декольте и в коротких лайковых перчатках, чем привела в отчаяние миссис Кенуигс; и миссис Кенуигс по секрету уведомила своих гостей, что, если бы в этот самый момент ужин не разогревался на печке в задней комнате первого этажа, она непременно предложила бы владелице комнаты удалиться.

— Дорогая моя,— сказал мистер Кенуигс,— не сыграть ли нам в карты?

— Кенуигс, дорогой мой,— возразила его жена,— ты меня удивляешь. Неужели ты хотел бы начать без моего дяди?

— Я забыл о сборщике,— сказал Кенуигс.— О нет, это никак невозможно!

— Он такой строгий,— сказала миссис Кенуигс, обращаясь к другой замужней леди.— Если бы мы начали без него, я была бы навеки вычеркнута из его завещания.

— Ах, боже мой! — воскликнула замужняя леди.

— Вы понятия не имеете, каков он,— отозвалась миссис Кенуигс,— и все же, это добрейшее создание.

— Добросердечнейший человек,— сказал Кенуигс.

— Должно быть, сердце у него надрывается, когда приходится выключать воду, если люди не платят,— заметил приятель-холостяк, вздумав пошутить.

— Джордж! — торжественно сказал мистер Кенуигс.— Чтобы этого не было, прошу вас!

— Я только пошутил,— сказал пристыженный приятель.

— Джордж,— возразил мистер Кенуигс,— шутка вещь очень хорошая, очень хорошая, но, если эта шутка задевает чувства миссис Кенуигс, я протестую против нее. Человек, занимающий общественный пост, должен быть готов к тому, что его высмеивают: эта вина не его, но высокого его положения. Родственник миссис Кенуигс — лицо общественное, и он это знает, Джордж, и может снести насмешки. Но, оставляя в стороне миссис Кенуигс (если бы в данном случае я *мог* оставить в стороне миссис Кенуигс), я благодаря моему браку имею честь состоять в родстве со сборщиком, и я не могу допустить такие замечания в моем...— мистер Кенуигс хотел сказать «доме», но закруглил фразу словами «в моей квартире».

По окончании этой речи, которая вызвала сильное волнение у миссис Кенуигс и произвела желаемое действие, внушив компании полное представление о достоинстве сборщика, зазвонил колокольчик.

— Это он! — в смятении прошептал мистер Кенуигс.— Морлина, милая, беги вниз, впусти дядю и поцелуй его, как только откроешь дверь... Гм! Давайте беседовать!

Следуя предложению мистера Кенуигса, гости заговорили очень громко, чтобы иметь вид веселый и непри-

нужденный, и, как только они принялись за это дело, невысокий старый джентльмен в коричневом костюме и гетрах, с лицом, словно вырезанным из железного дерева, был весело введен в комнату мисс Морлиной Кенуигс, о необычном имени которой можно здесь заметить, что оно было придумано миссис Кенуигс перед первыми родами, чтобы особо отличить первенца, если таковой окажется дочерью.

— Ах, дядя, я *так* рада вас видеть! — сказала миссис Кенуигс, горячо целуя сборщика в обе щеки.— Так рада!

— Желаю тебе, дорогая моя, еще много раз праздновать этот счастливый день,— сказал сборщик, отвечая на приветствие.

Но вот что было интересно: здесь находился сборщик платы за пользование водопроводом, однако он не принес с собой обычной своей книги, пера и чернил, не постучал дважды в дверь, не наводил трепет и целовал — да, именно, целовал — приятную особу женского пола, и не распространялся о налогах, вызовах в суд, извещениях, и не говорил, что он заходил и что больше уже не зайдет взимать плату за два квартала. Приятно было наблюдать, как смотрели на него гости, поглощенные этим зрелищем, и видеть кивки и подмигиванья, которыми они выражали свою радость по поводу того, что нашли столько человечности у сборщика налогов.

— Где вы хотите сесть, дядя? — спросила миссис Кенуигс, вся сияя от семейной гордости, вызванной приходом знатного родственника.

— Где угодно, дорогая моя,— ответил сборщик.— Я неприхотлив.

Неприхотлив! Какой скромный сборщик! Будь он писателем, знающим свое место, он не мог бы быть более смиренным.

— Мистер Лиливик,— сказал Кенуигс, обращаясь к сборщику,— друзья, присутствующие здесь, сэр, жаждут иметь честь... Благодарю вас... Мистер и миссис Катлер — мистер Лиливик.

— Горжусь знакомством с вами, сэр,— сказал мистер Катлер.— Я очень часто о вас слышал.

Это была не пустая вежливость, ибо мистер Катлер, проживая в приходе мистера Лиливика, и в самом деле

слышал о нем очень часто. Аккуратность, с какой тот наносил визиты, была поистине изумительна.

— Джордж, вы, вероятно, знаете мистера Лиливика,— продолжал Кенуигс.— Леди из нижнего этажа — мистер Лиливик. Мистер Сньюкс — мистер Лиливик. Мисс Грин — мистер Лиливик. Мистер Лиливик — мисс Питоукер из Королевского театра Друри-Лейн. Очень рад познакомить двух выдающихся особ. Миссис Кенуигс, дорогая моя, не рассортируете ли вы фишки?

Миссис Кенуигс с помощью Ньюмена Ногса (так как он всегда был ласков с детьми, то все пошли навстречу его требованию не обращать на него внимания и упоминали о нем только шепотом, как об опустившемся джентльмене) исполнила просьбу, и большинство гостей уселось за карты, тогда как сам Ньюмен, миссис Кенуигс и мисс Питоукер из Королевского театра Друри-Лейн стали накрывать стол к ужину.

Пока леди занимались этим делом, мистер Лиливик углубился в игру, а так как всякий улов хорош для сетей сборщика платы за водопровод, то приятный старый джентльмен не совестился присваивать себе имущество соседей; он прикарманивал его при каждом удобном случае, все время улыбаясь добродушно и с такими снисходительными речами обращаясь к владельцам, что последние были в восторге от его любезности и в глубине души считали его достойным занять пост по крайней мере канцлера казначейства.

После длительных хлопот и многочисленных подзатыльников, розданных малюткам Кенуигс, причем две самые непокорные были быстро изгнаны, стол был накрыт с большой элегантностью и поданы две вареные курицы, большой кусок свинины, яблочный пирог, картофель и зелень; при этом зрелище достойный мистер Лиливик изрек множество острот и удивительно приободрился, к безграничному восторгу и удовольствию всех своих поклонников.

Очень мило и очень быстро прошел ужин, не возникало затруднений более серьезных, чем те, какие были вызваны постоянным требованием чистых ножей и вилок. а это обстоятельство заставило бедную миссис Кенуигс не раз пожелать, чтобы в частном доме усвоили порядок,

принятый в школе, и предлагали каждому гостю приносить свои собственные нож, вилку и ложку; это несомненно было бы весьма удобно, главным образом для хозяйки и хозяина дома, и в особенности — если бы школьный принцип проводился во всей его полноте и упомянутые принадлежности надлежало из деликатности не уносить потом с собой.

Каждый вкусил от всего, со стола было убрано прямотаки с устрашающей быстротой и ужасным шумом, и когда крепкие напитки, при виде которых у Ньюмена Ногса заблестели глаза, были выстроены в строгом порядке вместе с водой, горячей и холодной, общество приготовилось их вкусить. Мистера Лиливика усадили в большое кресло у камина, а четырех маленьких Кенуигс поместили на скамеечке перед гостями таким образом, что их льняные косички были обращены к гостям, а их лица — к огню. Как только завершилось такое размещение, миссис Кенуигс ослабела от наплыва материнских чувств и, утопая в слезах, поникла на левое плечо мистера Кенуигса.

— Они так прелестны! — рыдая, сказала миссис Кенуигс.

— Ах, это правда! — подхватили все леди.— Вполне естественно, что вы гордитесь ими, но не поддавайтесь своим чувствам, не поддавайтесь.

— Я ничего... не могу поделать,— всхлипывала миссис Кенуигс.— О, они слишком прелестны, чтобы жить, слишком, слишком прелестны!

Услыхав о страшном предчувствии, что они обречены на раннюю смерть в расцвете своего младенчества, все четыре девочки испустили жуткий вопль и, зарывшись одновременно головами в колени матери, начали визжать, пока не задрожали восемь косичек; а миссис Кенуигс по очереди прижимала дочерей к своей груди, принимая позы, выражавшие такое отчаяние, что их могла бы перенять сама мисс Питоукер.

Наконец нежная мать позволила привести себя в более спокойное состояние духа, а маленькие Кенуигсы, также утихомиренные, были распределены среди гостей, чтобы воспрепятствовать новому приступу слабости у миссис Кенуигс при виде совместного сияния их красоты.

Когда с этим было покончено, леди и джентльмены принялись предрекать, что малютки проживут много-много лет и что у миссис Кенуигс нет никаких оснований расстраиваться. По правде сказать, их как будто и в самом деле не было, так как очарование детишек отнюдь не оправдывало ее опасений.

— В этот день восемь лет назад...— помолчав, сказал мистер Кенуигс.— Боже мой!.. Ах!

На это замечание откликнулись все присутствующие, сказав сначала «ах», а потом «боже мой».

— Я была тогда моложе,— захихикала миссис Кенуигс.

— Нет! — сказал сборщик.

— Конечно, нет! — подхватили все.

— Я как будто вижу мою племянницу,— сказал мистер Лиливик, с важностью обозревая свою аудиторию,— как будто вижу ее в тот самый день, когда она впервые призналась своей матери в склонности к Кенуигсу. «Мама! — сказала она.— Я люблю его».

— Я сказала «обожаю его», дядя,— вмешалась миссис Кенуигс.

— Кажется мне, «люблю его», дорогая моя,— твердо заявил сборщик.

— Может быть, вы правы, дядя,— покорно согласилась миссис Кенуигс.— Я думаю, что сказала «обожаю».

— «Люблю», дорогая моя,— возразил мистер Лиливик.— «Мама! — сказала она.— Я люблю его».— «Что я слышу?» — восклицает ее мать, и тотчас же у нее начинаются сильные конвульсии.

У всех гостей вырвалось изумленное восклицание.

— Сильные конвульсии! — повторил мистер Лиливик, бросая на них суровый взгляд.— Кенуигс извинит меня, если я скажу в присутствии друзей, что против него выдвигались очень серьезные возражения, так как по своему происхождению он стоял ниже нашего семейства и был для нас пятном. Вы помните, Кенуигс?

— Разумеется,— ответил этот джентльмен, отнюдь не огорченный таким напоминанием, раз оно доказывало, вне всяких сомнений, из какой важной семьи происходит миссис Кенуигс.

— Я разделял это чувство,— сказал мистер Лиливик.— Быть может, оно было натурально, а может быть — нет.

Тихий шепот, казалось, дал понять, что со стороны человека, занимающего такое положение, как мистер Лиливик, возражение было не только натуральным, но и весьма похвальным.

— Со временем я изменил свое отношение,— продолжал мистер Лиливик.— Когда они поженились и уже ничего нельзя было поделать, я был одним из первых, кто сказал, что на Кенуигса следует обратить внимание. В конце концов по моему настоянию семья *обратила* на него внимание, и я должен сказать и говорю с гордостью, что всегда видел в нем честного, благовоспитанного, прямодушного и респектабельного человека. Кенуигс, вашу руку!

— Горжусь этим, сэр,— сказал мистер Кенуигс.

— Я тоже, Кенуигс,— отозвался мистер Лиливик.

— Счастливая была у меня жизнь с вашей племянницей, сэр! — сказал Кенуигс.

— Ваша была бы вина, если бы случилось иначе, сэр,— заметил мистер Лиливик.

— Морлина Кенуигс,— воскликнула в этот торжественный момент ее мать, чрезвычайно растроганная,— поцелуй дядю!

Юная леди исполнила это требование, и три остальные девочки были по очереди подняты к физиономии сборщика и подверглись той же процедуре, каковую затем проделало с ними и большинство присутствующих.

— Ах, миссис Кенуигс,— сказала мисс Питоукер,— пока мистер Ногс приготовляет пунш, чтобы выпить за счастливую годовщину, пусть Морлина исполнит перед мистером Лиливиком тот самый танец с фигурами.

— Нет, нет, дорогая моя! — возразила миссис Кенуигс.— Это только обеспокоит моего дядю.

— Я уверена, что это не может его обеспокоить,— сказала мисс Питоукер.— Ведь вам это доставит большое удовольствие, не правда ли, сэр?

— В этом я не сомневаюсь,— ответил сборщик, следя за приготовлением пунша.

— В таком случае, вот что я вам предложу,— сказала миссис Кенуигс,— Морлина исполнит свое па, если дядя уговорит мисс Питоукер продекламировать нам после этого «Похороны вампира».

Тут раздались громкие рукоплескания, виновница которых несколько раз грациозно склонила голову в благодарность за прием.

— Вы знаете,— укоризненно сказала мисс Питоукер,— что я не люблю выступать как артистка на семейных вечерах.

— Но это к нам не относится! — возразила миссис Кенуигс.— Мы все так дружески расположены к вам, что вы словно у себя дома. К тому же такой случай...

— Перед этим я не могу устоять,— перебила мисс Питоукер.— Я с наслаждением сделаю все, что в моих слабых силах.

Миссис Кенуигс и мисс Питоукер заранее составили вдвоем эту маленькую программу увеселений, порядок которых был определен, но они порешили, что на обе стороны нужно оказать некоторое давление, ибо так будет более естественно.

Когда все притихли в ожидании, мисс Питоукер начала напевать мелодию, а Морлина исполнила танец; перед этим ей так тщательно натерли подошвы башмаков мелом, как будто она собиралась ходить по канату. Это был очень красивый танец с фигурами, требовавший немалой работы рук, и его приняли с великим одобрением.

— Если бы мне посчастливилось иметь... иметь дитя,— зардевшись, сказала мисс Питоукер,— дитя с такими гениальными способностями, я бы немедленно отдала его на оперную сцену.

Миссис Кенуигс вздохнула и посмотрела на мистера Кенуигса, который покачал головой и заметил, что он колеблется.

— Кенуигс боится,— сказала миссис Кенуигс.

— Чего? — осведомилась мисс Питоукер.— Неужели ее провала?

— О нет! — ответила миссис Кенуигс.— Но если, став взрослой, она будет такой же, как теперь... подумайте только о молодых герцогах и маркизах!

— Совершенно верно! — сказал сборщик.

— Однако,— почтительно заметила мисс Питоукер,— если она, знаете ли, будет держать себя с надлежащим достоинством...

— Это очень справедливое замечание,— заявила миссис Кенуигс, посматривая на своего супруга.

— Я знаю только,— заикаясь, промолвила мисс Питоукер,— конечно, это может и не быть общим правилом... но я никогда не сталкивалась с такого рода затруднениями и неприятностями.

Мистер Кенуигс сказал, с подобающей галантностью, что это сразу решает вопрос и что он подвергнет сей предмет серьезному рассмотрению. Когда с этим было покончено, мисс Питоукер уговорили начать «Похороны вампира», для каковой цели молодая леди распустила волосы, стала в другом конце комнаты и, поместив в углу приятеля-холостяка, чтобы тот выбежал при словах «испускаю последний вздох» и подхватил ее в свои объятия, когда она будет умирать в бреду безумия, сыграла свою роль с удивительным одушевлением и к великому ужасу маленьких Кенуигс, с которыми от испуга чуть не сделались судороги.

Восторги, вызванные исполнением, еще не улеглись и Ньюмен (очень, очень давно он не бывал совершенно трезвым в такой поздний час) еще не мог вставить слово и возвестить, что пунш готов, когда послышался торопливый стук в дверь, заставивший взвизгнуть миссис Кенуигс, которая немедленно высказала догадку, что младенец упал с кровати.

— Кто там? — резко спросил мистер Кенуигс.

— Не пугайтесь, это я,— сказал Кроуль, в ночном колпаке заглядывая в комнату.— Младенец чувствует себя прекрасно. Я к нему зашел, спускаясь вниз, и он крепко спал, а также и девочка спала, и я не думаю, чтобы от свечи зажегся полог, разве что в случае сквозняка... Это спрашивают мистера Ногса!

— Меня?! — воскликнул крайне изумленный Ньюмен.

— Да, не правда ли, странно в такой час? — отозвался Кроуль, который был не очень-то доволен перспективой лишиться своего местечка у очага.— И люди очень странные на вид, вымокшие под дождем и все в грязи. Сказать им, чтобы они ушли?

— Нет,— ответил Ньюмен, вставая.— Люди? Сколько их?

— Двое,— сказал Кроуль.

— Спрашивают меня? По фамилии? — осведомился Ньюмен.

— По фамилии,— ответил Кроуль.— Мистера Ньюмена Ногса, буква в букву.

Ньюмен несколько секунд размышлял, а затем поспешно вышел, бормоча, что сейчас вернется. Слово свое он сдержал, ибо через весьма короткое время ворвался в комнату и, схватив без всяких извинений или объяснений горящую свечу и полный стакан горячего пунша, выбежал, как сумасшедший.

— Черт побери, что с ним случилось? — распахнув дверь, воскликнул Кроуль.— Тише! Не слышно ли шума наверху?

Гости в смятении поднялись и, заглядывая друг другу в лицо с большим недоумением и не без страха, вытянули шеи и стали напряженно прислушиваться.

ГЛАВА XV

знакомит читателя с причиной и происхождением помехи, описанной в предшествующей главе, а также с другими событиями, которые знать необходимо

Ньюмен Ногс впопыхах вскарабкался наверх с дымящимся напитком, который он столь бесцеремонно похитил со стола мистера Кенуигса и в сущности из-под самого носа водопроводного сборщика, каковой созерцал содержимое стакана в момент неожиданного его исчезновения с живейшими признаками удовольствия, отражавшимися на физиономии. Ньюмен отнес свою добычу прямо к себе, в заднюю мансарду, где сидели, с израненными ногами и в разваливающихся башмаках, мокрые, грязные, изнуренные, носившие на себе следы утомительного путешествия, Николас и Смайк, его спутник, виновник этого трудного странствия, оба совершенно измученные непривычным для них долгим переходом.

Первое, что сделал Ньюмен,— это принудил Николаса выпить залпом полстакана чуть ли не кипящего пунша, а затем влил оставшееся в горло Смайку, который, ни разу в жизни не отведав ничего более крепкого, чем слабительное, проявлял всевозможные странные признаки изумления и восторга, пока жидкость проходила в горло, и очень выразительно закатил глаза, когда она вся прошла.

— Вы насквозь промокли,— сказал Ньюмен, торопливо проводя рукой по снятому Николасом сюртуку,— а мне... мне даже нечего дать вам переодеться,— добавил он, грустно взглянув на поношенный костюм, который был на нем.

— У меня в свертке есть сухое платье или во всяком случае вещи, которыми я прекрасно могу обойтись,— ответил Николас.— Если вы будете смотреть на меня с таким жалобным видом, вы заставите меня еще сильнее сожалеть о том, что я вынужден посягнуть на ваши скудные средства и обратиться с просьбой о помощи и пристанище на одну ночь.

Лицо Ньюмена отнюдь не прояснилось от таких речей Николаса, но когда молодой его друг горячо пожал ему руку и заявил, что только полная уверенность в искренности его слов и доброжелательстве побудила его, Николаса, осведомить его о своем прибытии в Лондон, мистер Ногс снова просиял и с превеликим проворством занялся всевозможными приготовлениями, какие были ему по силам, чтобы угодить гостям. Они были довольно просты; средства бедного Ньюмена далеко отстали от его желаний, но как бы ни были ничтожны эти приготовления, они сопровождались чрезвычайной суетой и беготней. Николас столь разумно распорядился своим мизерным запасом денег, что они еще не иссякли, и потому на столе вскоре появился ужин, состоящий из хлеба, сыра и холодной говядины, купленной в съестной лавке; поскольку же этим яствам сопутствовали бутылка горячительного и кувшин портера, не было во всяком случае оснований опасаться голода или жажды. Те приготовления, какие во власти Ньюмена было сделать для устройства гостей на ночь, заняли не очень много времени, и, когда он настоял как на срочной и необходимой мере, чтобы Николас пере-

оделся, а Смайк облекся в единственный сюртук Ньюмена (каковой тот для этой цели снял, не слушая никаких уговоров), путешественники принялись за скромную трапезу с бо́льшим удовольствием, чем по крайней мере один из них получал когда-то от лучшего угощения.

Затем они подсели к камину, который Ньюмен растопил так жарко, как только мог после набегов Кроуля на уголь, и Николас, которого до сих пор сдерживали настойчивые просьбы друга подкрепиться после путешествия, принялся осаждать его нетерпеливыми вопросами о матери и сестре.

— Здоровы,— ответил Ньюмен со свойственным ему лаконизмом.— Обе здоровы.

— Они по-прежнему живут в Сити? — осведомился Николас.

— По-прежнему,— сказал Ньюмен.

— А моя сестра,— продолжал Николас,— она по-прежнему занимается той работой, о которой писала мне, что, кажется, она придется ей по душе?

Ньюмен раскрыл глаза несколько шире, чем обычно, но ответил только разеваньем рта, каковое разеванье, в зависимости от движенья головы, его сопровождавшего, истолковывалось друзьями, как да или нет. В данном случае пантомима заключалась в кивке, а не в покачивании головой, поэтому Николас счел ответ благоприятным.

— Теперь выслушайте меня! — сказал Николас, кладя руку на плечо Ньюмена.— Прежде чем попытаться их увидеть, я решил прийти к вам из боязни, что, удовлетворяя свое эгоистическое желание, я причиню им неприятности, которые никогда не в силах буду устранить. Какие сведения из Йоркшира получил мой дядя?

Ньюмен несколько раз открывал и закрывал рот, как будто изо всех сил старался заговорить и ничего у него не выходило, и, наконец, устремил на Николаса мрачный и зловещий взгляд.

— Какие сведения он получил? — краснея, настаивал Николас.— Вы видите, я готов услышать самое худшее, что могла подсказать злоба. Зачем же вам скрывать это от меня? Рано или поздно я все равно узнаю. К чему хранить таинственный вид в течение нескольких минут,

хотя половины этого времени было бы достаточно, чтобы я узнал все, что произошло? Прошу вас, скажите мне сразу.

— Завтра утром,— заявил Ньюмен.— Услышите завтра утром.

— Чего вы этим достигнете? — возразил Николас.

— Вы будете лучше спать,— ответил Ньюмен.

— Я буду хуже спать! — нетерпеливо сказал Николас.— Спать! Как я ни истощен и как ни нуждаюсь в отдыхе, нечего надеяться, чтобы я сомкнул глаза за всю ночь, если вы мне не расскажете всего!

— А если я расскажу вам все? — колеблясь, осведомился Ньюмен.

— Ну что ж, быть может, вы возбудите мое негодование или раните мою гордость,— отозвался Николас,— но сна моего вы не нарушите, потому что, повторись та сцена, я бы не мог поступить иначе. И к каким бы последствиям это не привело меня, я никогда не пожалею о том, что сделал,— никогда, хотя бы умирал с голоду или просил милостыню! Лучше бедность или страданье, но только не позор, порожденный чудовищной и бесчеловечной подлостью! Говорю вам — если бы я смотрел на это спокойно и безучастно, я бы возненавидел себя и заслужил бы презрение всего мира. Гнусный негодяй!

После этого любезного намека на отсутствующего мистера Сквирса Николас подавил нарастающий гнев и, подробно поведав Ньюмену о том, что произошло в Дотбойс-Холле, умолял его рассказать все без дальнейших уговоров. Вняв его мольбе, Ногс достал из старого чемодана лист бумаги, исписанный, казалось, второпях, и, выразив всевозможными изумительными гримасами свою неохоту рассказывать, изрек следующие слова:

— Мой милый юноша, вы не должны поддаваться... это, знаете ли, не годится... вставать на защиту каждого, с кем плохо обращаются... когда хочешь продвинуться в жизни... Черт возьми! Я с гордостью услышал об этом и поступил бы точно так же!

Ньюмен сопроводил эту весьма несвойственную ему вспышку энергическим ударом по столу, словно, разгорячившись, принял его за грудь или ребра мистера Уэкфорда Сквирса. Таким открытым изъявлением чувств

совершенно лишив себя возможности дать совет, исполненный житейской мудрости (а таково было первоначальное его намерение), мистер Ногс приступил прямо к делу.

— Третьего дня,— сказал Ньюмен,— ваш дядя получил это письмо. В его отсутствие я поспешил снять с него копию. Прочесть?

— Прошу вас,— ответил Николас.

И Ньюмен Ногс прочел следующее:

«Дотбойс-Холл. Четверг утром.

Сэр!

Мой папаша просит меня написать вам, потому как доктора сумлеваются, будет ли он когда-нибудь снова владеть ногами, что мешает ему держать перо в руке.

Мы находимся в состоянии духа даже нельзя сказать в каком, и мой папаша — одна сплошная маска из синяков синих и зеленых, а также две парты поломаны. Нам пришлось отнести его вниз в кухню, где он теперь лежит. Поэтому вы можете судить, как низко с ним обошлись.

После того как ваш племянник, которого вы рекомендовали в учителя, учинил это моему папаше и прыгнул на его с ногами и выражался так, что мое перо не выдержит, он с ужасным неистовством напал на мою мамашу, швырнул ее на землю и на несколько дюймов вогнал ей в голову задний гребень. Еще бы немножко, и он вошел бы ей в череп. У нас есть медицинское свидетельство, что если бы это случилось, черепаший гребень повредил бы мозги.

После этого я и мой брат стали жертвами его бешенства, от которого мы очень сильно пострадали, что приводит нас к терзающей мысли, что какие-то повреждения нанесены нашему нутру, в особенности раз никаких знаков снаружи не видно. Я испускаю громкие вопли все время, пока пишу, а также и мой брат, а это отвлекает мое внимание и, надеюсь, извиняет мои ошибки.

Утолив свою кровожадность, чудовище убежало, захватив с собой мальчишку, отъявленного негодяя, которого он подстегнул к мятежу, а также кольцо с гранатом, принадлежащее моей мамаше, и так как его не задержали констебли, то, видно, его подобрала какая-ни-

будь почтовая карета. Мой папаша просит, чтобы кольцо возвратили, если он к вам придет, и чтобы вы отпустили вора и убийцу, потому как если мы подадим на него в суд, его всего-навсего сошлют, а если он останется на свободе, его непременно скоро повесят, а это избавит нас от хлопот и будет гораздо приятнее. В надежде получить ответ, когда вам будет удобно, остаюсь ваша и пр. и пр.

Фанни Сквирс.

P. S. О его невежестве я сожалею, а его презираю».

По прочтении этого изысканного послания наступила глубокая тишина; складывая письмо, Ньюмен Ногс созерцал с какой-то забавной жалостью упомянутого в нем мальчишку, отъявленного негодяя, который, понимая во всем происходящем лишь то, что он явился злосчастной причиной обрушившихся на Николаса неприятностей и клеветы, сидел безмолвный и удрученный, с самым мрачным и унылым видом.

— Мистер Ногс,— сказал Николас после нескольких секунд раздумья,— я должен сейчас же пойти.

— Пойти?! — воскликнул Ньюмен.

— Да,— сказал Николас,— на Гольдн-сквер. Те, кто меня знает, не поверят этой истории с кольцом, но, быть может, для достижения цели или утоления ненависти мистеру Ральфу Никльби удобно притвориться, будто он ей верит. Мой долг — не перед ним, но перед собой — заявить об истинном положении вещей. А кроме того, я должен обменяться с ним двумя-тремя словами, и это дело не ждет.

— Подождет,— сказал Ньюмен.

— Нет, не подождет,— решительно возразил Николас, собираясь идти.

— Выслушайте меня! — сказал Ньюмен, загораживая дорогу своему стремительному молодому другу.— Его там нет. Он уехал из города. Он вернется не раньше чем через три дня. И мне известно, что до своего возвращения он на письмо не ответит.

— Вы в этом уверены? — спросил Николас, волнуясь и быстрыми шагами меряя комнату.

— Совершенно! — ответил Ньюмен.— Он едва успел просмотреть письмо, когда его вызвали. Его содержание никому не известно, кроме него и нас.

— Уверены ли вы? — быстро спросил Николас.— Неизвестно даже моей матери и сестре? Если бы я подумал, что они... Я пойду туда... Я должен их видеть. Куда идти? Где они?

— Послушайтесь моего совета,— сказал Ньюмен, который, разгорячившись, заговорил, как и всякий другой человек,— не пытайтесь увидеться даже с ними, пока он не вернется домой. Я этого человека знаю. Надо, чтобы он не думал, будто вы тайком оказывали давление на кого бы то ни было. Когда он вернется, ступайте прямо к нему и говорите так смело, как только пожелаете. Что касается истинного положения дел, то оно ему известно не хуже, чем вам или мне. В этом можете на него положиться.

— Вы ко мне расположены, а его вы должны знать лучше, чем я,— сказал Николас после недолгого раздумья.— Хорошо, пусть будет так!

Ньюмен, который в течение этого разговора стоял спиной к двери, готовый силой воспрепятствовать — если будет необходимо — любой попытке гостя выйти из комнаты, с большим удовлетворением уселся на прежнее место, а так как вода в чайнике к тому времени закипела, он налил стакан виски с водой Николасу и наполнил треснутую кружку для себя и для Смайка, из которой они и пили вдвоем в полном согласии, тогда как Николас, подперев голову рукой, оставался погруженным в меланхолические размышления.

Тем временем компания внизу внимательно прислушивалась и, не услышав никакого шума, который оправдал бы ее вмешательство ради удовлетворения собственного любопытства, вернулась в комнату Кенуигсов и занялась обсуждением разнообразнейших догадок касательно причины внезапного исчезновения и длительного отсутствия мистера Ногса.

— Ах, я вам вот что скажу! — начала миссис Кенуигс.— Что, если прислали к нему нарочного сообщить, что он снова вступил во владение своим имуществом?

— Боже мой! — сказал мистер Кенуигс.— Это возможно. В таком случае, не послать ли нам к нему наверх спросить, может быть, он хочет еще немного пунша?

— Кенуигс! — громким голосом произнес мистер Лиливик.— Вы меня удивляете.

— Чем же это, сэр? — спросил с подобающей покорностью мистер Кенуигс сборщика платы за пользование водопроводом.

— Тем, что делаете подобное замечание, сэр,— сердито ответил мистер Лиливик.— Он уже получил пунш, не так ли, сэр? Я считаю, что тот способ, каким был перехвачен, если можно так выразиться, этот пунш, крайне невежлив по отношению к нашему обществу. Он возмутителен, просто возмутителен! Может быть, в этом доме принято допускать подобные вещи, но видеть такого рода поведение я не привык, о чем и заявляю вам, Кенуигс! Перед джентльменом стоит стакан пунша, который он уже собирается поднести ко рту, как вдруг приходит другой джентльмен, завладевает этим стаканом пунша, не сказав ни «с вашего разрешения», ни «если вы разрешите», и уносит этот стакан пунша с собой. Может быть, это и хорошие манеры,— полагаю, что так,— но я этого не понимаю, вот и все! Мало того — я не хочу понимать! Такова моя привычка высказывать мое мнение, Кенуигс, а мое мнение таково, и если оно вам не нравится, то час, когда я имею обыкновение ложиться спать, уже прошел, и я могу найти дорогу домой, не засиживаясь дольше.

Это был неприятный казус. Сборщик уже несколько минут сидел пыжась и кипятясь, оскорбленный в своем достоинстве, и теперь взорвался. Великий человек... богатый родственник... дядя-холостяк, в чьей власти сделать Морлину наследницей и упомянуть в завещании даже о младенце, был обижен. Силы небесные, чем же это может кончиться!

— Я очень сожалею, сэр,— смиренно сказал мистер Кенуигс.

— Нечего мне говорить, что вы сожалеете,— обрезал мистер Лиливик.— В таком случае вы должны были этому помешать.

Общество было совершенно парализовано этой домашней бурей. Обитательница задней комнаты сидела с разинутым ртом, оцепенев от ужаса и тупо глядя на сборщика; остальные гости были вряд ли менее ошеломлены гневом великого человека. Не отличаясь ловкостью в таких делах, мистер Кенуигс только раздул пламя, пытаясь его потушить.

— Право же, я об этом не подумал, сэр,— сказал сей джентльмен.— Мне и в голову не пришло, что такой пустяк, как стакан пунша, может вывести вас из себя.

— Вывести из себя! Черт побери, что вы подразумеваете под этими дерзкими словами, мистер Кенуигс? — воскликнул сборщик.— Морлина, дитя, мою шляпу!

— О, вы не уйдете, мистер Лиливик, сэр! — вмешалась мисс Питоукер с самой обворожительной своей улыбкой.

Но мистер Лиливик, невзирая на сирену, кричал упрямо:

— Морлина, мою шляпу!

После четвертого повторения этого требования миссис Кенуигс упала в кресло с воплями, которые могли растрогать водопроводный кран, не говоря уже о водопроводном сборщике, а четыре маленькие девочки (которых потихоньку подучили) обхватили руками короткие темные штаны своего дяди и на весьма небезупречном английском языке умоляли его остаться.

— Зачем мне здесь оставаться, дорогие мои? — вопросил мистер Лиливик.— Во мне здесь не нуждаются!

— О дядя, не говорите таких жестоких слов! — рыдая, воскликнула миссис Кенуигс.— Ведь не хотите же вы меня убить!

— Я бы не удивился, если бы кто-нибудь сказал, что хочу,— ответил мистер Лиливик, сердито посмотрев на Кенуигса.— Вывести из себя!

— О, я не могу перенести, когда он так смотрит на моего мужа! — вскричала миссис Кенуигс.— Это так ужасно в кругу семьи! О!

— Мистер Лиливик,— сказал Кенуигс,— надеюсь, ради вашей племянницы, вы не откажетесь от примирения.

Лицо сборщика разгладилось, когда гости присовокупили свои мольбы к мольбам его племянника. Он отдал шляпу и протянул руку.

— Согласен, Кенуигс,— ответил мистер Лиливик,— и разрешите в то же время заявить вам, чтобы показать, как я был выведен из себя, что, если бы я ушел, не сказав больше ни слова, это не имело бы отношения к тем двум-трем фунтам, которые я оставлю вашим детям, когда умру.

— Морлина Кенуигс! — под наплывом чувств воскликнула ее мать.— Опустись на колени перед твоим дорогим дядей и проси его любить тебя всю жизнь, потому что он ангел, а не человек, и я всегда это говорила!

Когда, повинуясь этому предписанию, мисс Морлина приблизилась для оказания почестей, мистер Лиливик быстро подхватил ее и поцеловал, а вслед за этим миссис Кенуигс рванулась вперед и поцеловала сборщика, и одобрительный шепот вырвался у гостей, которые были свидетелями его великодушия.

Достойный джентльмен снова стал душой общества, заняв прежний пост светского льва, какового высокого звания лишился было вследствие временного смятения присутствующих. Говорят, четвероногие львы свирепы только тогда, когда голодны; двуногие львы склонны дуться лишь до той поры, пока их страсть к почестям не удовлетворена. Мистер Лиливик вознесся выше, чем когда бы то ни было, ибо проявил власть, намекнув на свое богатство и будущее завещание, стяжал славу за бескорыстие и добродетель, а в добавление ко всему получил стакан пунша, вмещавший гораздо больше, чем тот, с которым столь мошеннически скрылся Ньюмен Ногс.

— Послушайте! Прошу вас простить меня за новое вторжение,— сказал Кроуль, заглядывая в комнату в этот счастливый момент.— Какая странная история, не правда ли? Ногс живет в этом доме вот уже пять лет, и ни один из старейших жильцов не запомнит, чтобы ктонибудь хоть раз навестил его.

— Конечно, сэр, это необычный час, чтобы вызывать человека,— сказал сборщик,— а поведение самого мистера Ногса по меньшей мере загадочно.

— Вы совершенно правы,— ответил Кроуль,— и я вам вот что еще скажу: мне кажется, эти два привидения откуда-то сбежали.

— Что заставляет вас так думать, сэр? — осведомился сборщик, который, по молчаливому соглашению, казалось, был выдвинут и избран обществом в качестве его представителя.— Надеюсь, у вас нет оснований предполагать, что они откуда-то сбежали, не уплатив следуемых налогов и пошлин?

Мистер Кроуль с видом довольно презрительным собирался заявить общий протест против уплаты налогов и пошлин при любых обстоятельствах, но ему вовремя помешал шепот Кенуигса и хмурые взгляды и подмигиванье миссис Кенуигс, что, по счастью, его удержало.

— Дело вот в чем...— сказал Кроуль, который изо всех сил подслушивал под дверью Ньюмена.— Дело вот в чем: они разговаривали так громко, что просто не давали мне покоя в моей комнате, и я не мог не расслышать кое-чего; и услышанное мной как будто указывает на то, что они откуда-то удрали. Я бы не хотел тревожить миссис Кенуигс, но я надеюсь, что они пришли не из тюрьмы или больницы и не занесли сюда лихорадки или еще какой-нибудь неприятной болезни, которой могли бы заразиться дети.

Миссис Кенуигс была столь потрясена этим предположением, что понадобились нежные заботы мисс Питоукер из Королевского театра Друри-Лейн, чтобы привести ее в состояние более или менее спокойное, не говоря уже об усердии мистера Кенуигса, который держал у носа своей супруги большой флакон с нюхательной солью, пока не возникли некоторые сомнения, вызваны ли заструившиеся у нее по лицу слезы ее чувствительностью или солью.

Леди, выразив порознь и поочередно свое сочувствие, принялись согласно обычаю повторять хором успокоительные фразы, из коих такие соболезнующие выражения, как: «Бедняжка!», «Будь я на ее месте, я бы чувствовала то же самое!», «Конечно, это тяжелое испытание» и «Никто, кроме матери, не поймет материнских чувств»,— занимали первое место и слышались чаще других. Короче говоря, мнение общества было высказано

столь ясно, что мистер Кенуигс уже готов был отправиться в комнату мистера Ногса потребовать объяснения и, с большою непреклонностью и решительностью, даже выпил перед этим стакан пунша, как вдруг внимание присутствующих было отвлечено новым и ужасным происшествием.

Дело было в том, что неожиданно и внезапно понеслись сверху самые душераздирающие и самые пронзительные вопли, быстро следовавшие один за другим, и понеслись, по-видимому, из той самой задней комнаты, на третьем этаже, где покоился в тот момент младенец Кенуигс. Как только они раздались, миссис Кенуигс, высказав догадку, что, пока девочка спала, забралась чужая кошка и задушила малютку, бросилась к двери, ломая руки и отчаянно визжа, к великому ужасу и смятению компании.

— Мистер Кенуигс, узнайте, что случилось! Скорее! — крикнула сестра, энергически хватая миссис Кенуигс и удерживая ее насильно.— О! Не вырывайся так, дорогая моя, я не могу тебя удержать!

— Мое дитя, мое милое, милое, милое дитя! — визжала миссис Кенуигс, выкрикивая каждое следующее «милое» громче, чем предыдущее.— Мой ненаглядный, дорогой, невинный Лиливик... О, пустите меня к нему! Пустите меня-а-а-а!

Пока раздавались эти безумные вопли, и плач, и жалобы четырех маленьких девочек, мистер Кенуигс бросился наверх, в комнату, откуда вырывались звуки. В дверях ее он натолкнулся на Николаса с ребенком на руках, который выбежал так стремительно, что встревоженный отец был сброшен с шести ступеней и рухнул на ближайшую площадку лестницы, прежде чем успел раскрыть рот и спросить, что случилось.

— Не тревожьтесь! — крикнул Николас, сбегая вниз.— Вот он! Все обошлось. Все кончено. Пожалуйста, успокойтесь, никакой беды не случилось!

И с этими словами и с тысячей других успокоительных слов он вручил младенца (которого второпях нес вниз головой) миссис Кенуигс и побежал назад помогать мистеру Кенуигсу, который изо всей силы растирал себе голову и, казалось, не мог опомниться после падения.

Ободренные этим приятным известием, гости до известной степени оправились от страха, который дал о себе знать некоторыми весьма странными примерами полной потери присутствия духа; так, например, приятель-холостяк долгое время поддерживал, заключив в свои объятия, сестру миссис Кенуигс вместо самой миссис Кенуигс, и было замечено, как достойный мистер Лиливик несколько раз поцеловал за дверью мисс Питоукер с таким спокойствием, как будто ничего не происходило.

— Это пустяки,— сказал Николас, возвращаясь к миссис Кенуигс,— девочка, сторожившая ребенка, должно быть, устала и заснула, и у нее загорелись волосы.

— Ах ты злая, негодная девчонка! — воскликнула миссис Кенуигс, выразительно грозя указательным пальцем злополучной девочке лет тринадцати на вид, которая стояла с подпаленными волосами и испуганным лицом.

— Я услышал ее крики,— продолжал Николас,— и прибежал как раз вовремя, чтобы помешать ей поджечь еще что-нибудь. Можете быть уверены, что ребенок невредим: я сам схватил его с кровати и принес сюда, чтобы вы убедились.

После этого краткого объяснения младенец, который, получив при крещении имя сборщика, имел счастье именоваться Лиливиком Кенуигсом, едва не был задушен поцелуями присутствующих, и его так прижимали к материнской груди, что он снова заревел. Затем внимание общества, натурально, обратилось на девочку, которая имела дерзость поджечь себе волосы; получив несколько легких шлепков и толчков от наиболее энергических леди, она была милостиво отправлена домой; девять пенсов, предназначенные ей в награду, были конфискованы в пользу семейства Кенуигс.

— Право же, я не знаю, как и благодарить вас, сэр! — воскликнула миссис Кенуигс, обращаясь к спасителю юного Лиливика.

— Не стоит говорить об этом,— отвечал Николас.— Уверяю вас, я не сделал ничего, что дало бы мне право притязать на вашу благодарность.

— Если бы не вы, он сгорел бы заживо, сэр,— с жеманной улыбкой сказала мисс Питоукер.

— Вряд ли это могло случиться,— ответил Николас.— Здесь множество людей, которые пришли бы на помощь раньше, чем ему стала бы угрожать опасность.

— Во всяком случае, вы нам разрешите выпить за ваше здоровье, сэр! — сказал мистер Кенуигс, показывая жестом на стол.

— В мое отсутствие, пожалуйста,— с улыбкой ответил Николас.— Я совершил очень утомительное путешествие и окажусь весьма неважным собеседником,— скорее помешаю вашему веселью, чем буду ему способствовать, даже если мне удастся не заснуть, в чем я очень сомневаюсь. С вашего разрешения, я вернусь к моему другу мистеру Ногсу, который ушел наверх, когда убедился, что ничего серьезного не случилось. Спокойной ночи!

Принеся таким образом свои извинения за отказ участвовать в торжестве, Николас очень мило попрощался с миссис Кенуигс и другими леди и удалился, произведя наилучшее впечатление на всю компанию.

— Какой очаровательный молодой человек! — воскликнула миссис Кенуигс.

— Право, это самый настоящий джентльмен,— сказал мистер Кенуигс.— Вы согласны, мистер Лиливик?

— Да,— отозвался сборщик, недоверчиво пожимая плечами.— Он джентльмен, настоящий джентльмен, по крайней мере с виду.

— Надеюсь, вы ничего не имеете сказать против него, дядя? — осведомилась миссис Кенуигс.

— Ничего, дорогая моя,— ответил сборщик,— ничего. Думаю, он не окажется... а впрочем, неважно... Мой нежный привет тебе, дорогая моя, и желаю долгой жизни малютке...

— Вашему тезке,— с милой улыбкой сказала миссис Кенуигс.

— И, надеюсь, достойному тезке,— добавил мистер Кенуигс, желая умилостивить сборщика.— Надеюсь, малютка никогда не обесчестит своего крестного отца и со временем будет походить на Лиливика, чье имя он носит. Я утверждаю — и миссис Кенуигс разделяет мое чувство — и оно в ней столь же сильно, как и во мне,— я утверждаю: то обстоятельство, что он был наречен Ли-

ливиком, является одной из величайших наград и одним из величайших отличий в моей жизни.

— *Самой* великой наградой, Кенуигс,— прошептала супруга.

— *Самой* великой наградой,— поправился мистер Кенуигс.— Наградой, которую я надеюсь... в один из ближайших дней заслужить.

Это был политический ход Кенуигсов, ибо таким путем они делали мистера Лиливика великим фундаментом и источником будущего преуспеяния младенца. Добрый джентльмен почувствовал деликатность и тонкость этого намека и тотчас предложил выпить за здоровье джентльмена, чье имя неизвестно, но который прославил себя в этот вечер своим хладнокровием и расторопностью.

— Я не прочь отметить,— заявил мистер Лиливик, как бы делая большую уступку,— что он производит впечатление довольно миловидного молодого человека, и характер его, надеюсь, не хуже, чем его манеры.

— Действительно, у него очень приятное лицо и осанка,— сказала миссис Кенуигс.

— Несомненно,— добавила мисс Питоукер.— Есть что-то в его наружности очень... боже мой... боже мой, как это слово?..

— Какое слово? — осведомился мистер Лиливик.

— Да это... ах, боже мой, какая я глупая! — запинаясь, сказала мисс Питоукер.— Как это называется, когда лорды сбивают дверные кольца, дерутся с полисменами, играют на чужие деньги и делают всякие такие вещи?

— По-аристократически? — предположил сборщик.

— Да! Аристократически! — ответила мисс Питоукер.— В нем есть что-то очень аристократическое, не правда ли?

Джентльмены промолчали и с улыбкой переглянулись, как бы желая сказать: «Ну что ж! О вкусах не спорят!» Но дамы единодушно решили, что у Николаса вид аристократический, а раз никто не оспаривал этого мнения, то оно и восторжествовало.

Так как пунш к тому времени был выпит, а маленькие Кенуигсы (которым в течение некоторого времени удавалось держать глазки открытыми только с помощью указательных пальчиков) начали капризничать и до-

вольно настойчиво требовали, чтобы их уложили спать, сборщик подал сигнал, достав свои часы и уведомив общество, что уже около двух. При этом иные гости были изумлены, а другие потрясены, и из-под столов извлекли мужские и женские шляпы, а затем их владельцы ушли восвояси после многочисленных рукопожатий и заявлений, что никогда не проводили они такого очаровательного вечера, и как они удивлены, что уже так поздно (а ведь они думали, что сейчас, самое позднее — половина одиннадцатого), и как бы им хотелось, чтобы мистер и миссис Кенуигс каждую неделю праздновали день своей свадьбы, и что они недоумевают, каким таинственным способом удалось миссис Кенуигс устроить все так чудесно, и многое еще было сказано в том же духе. В ответ на эти лестные замечания мистер и миссис Кенуигс благодарили всех леди и джентльменов за приятное общество и выражали надежду, что они получили хотя бы половину тех удовольствий, о каких говорили.

Что до Николаса, нимало не подозревавшего о произведенном им впечатлении, то он давно уже заснул, предоставив мистеру Ньюмену и Смайку осушить вдвоем бутылку виски, и эту обязанность они исполнили с такой великой охотой, что Ньюмен никак не мог решить, то ли он сам напился, то ли он никогда не видел джентльмена, так тяжело, глубоко и окончательно опьяневшего, как его новый знакомый.

ГЛАВА XVI

Николас пробует устроиться на новую должность и, потерпев неудачу, принимает место учителя в частном доме

Первой заботой Николаса на следующее утро было подыскать комнату, в которой он мог бы поселиться, не злоупотребляя гостеприимством Ньюмена Ногса, хотя тот с удовольствием спал бы на лестнице, только бы приютить своего друга.

Пустующее помещение, к которому относилось объявление в окне первого этажа, оказалось маленькой задней

комнатой на третьем этаже, под плоской свинцовой крышей, откуда открывался вид на покрытые сажей черепицы и дымовые трубы. Вести переговоры о сдаче этой части дома понедельно на приемлемых условиях предоставлялось жильцу первого этажа; домохозяин поручил ему сдавать комнаты по мере того, как они освобождались, и зорко следить за тем, как бы жильцы не сбежали. Чтобы обеспечить точное исполнение этой последней обязанности, ему было разрешено не платить за квартиру, и, таким образом, он сам никогда не испытывал соблазна сбежать в свою очередь.

В этой комнате поселился Николас, и, взяв напрокат кое-какую простую мебель у соседнего маклера и заплатив за неделю вперед из маленького фонда, образовавшегося после превращения запасной одежды в наличные деньги, он уселся, чтобы подумать о своих видах на будущее, которые, как и вид из окна, были в достаточной мере ограниченны и тусклы. Они отнюдь не прояснились от более короткого знакомства с ними, и так как подобное знакомство порождает полную апатию и равнодушие, он решил прогнать эти мысли из своей головы с помощью основательной прогулки. И вот, взяв шляпу и предоставив бедному Смайку без конца приводить в порядок комнату с таким восторгом, словно это был роскошный дворец, он вышел на улицу и смешался с наводнявшей ее толпой.

Хотя человек и может утратить сознание собственной значительности, если является лишь ничтожной пылинкой в деловой толпе, не обращающей на него никакого внимания, однако отсюда отнюдь не следует, что ему так уж легко избавиться от прочного сознания важности и грандиозности своих забот. Печальное состояние дел было единственной мыслью, занимавшей Николаса, как быстро он ни шагал, а когда он попытался избавиться от нее, принявшись строить догадки об условиях жизни и перспективах людей, его окружавших, то через несколько секунд поймал себя на том, что сравнивает их со своими и почти незаметно возвращается к прежнему ходу мыслей.

Занятый такими размышлениями, он проходил по одной из самых людных улиц Лондона и, случайно подняв

глаза, заметил голубую доску, на которой золотыми буквами было начертано: «Контора по найму. Обращаться за справками о местах и должностях всех видов». Это была лавка с кисейными занавесками и дверью, ведущей в задние комнаты, а в окне был вывешен длинный и соблазнительный ряд рукописных объявлений о вакантных должностях всех категорий, от секретаря до мальчика на побегушках.

Николас инстинктивно остановился перед этим храмом обетованным и пробежал глазами написанные прописными буквами объявления, в изобилии вывешенные и открывающие дверь в жизнь. Окончив обзор, он пошел дальше, затем вернулся, затем снова продолжал путь. Много раз он останавливался в нерешительности перед дверью конторы по найму и, приняв, наконец, решение, вошел.

Он очутился в маленькой комнате с покрытым вощанкой полом и высокой конторкой за перегородкой в углу. За конторкой сидел тощий юноша с хитрыми глазами и выпяченным подбородком, начертавший прописными буквами эти объявления, которые затемняли окно. Перед ним лежала раскрытая толстая книга, и, заложив пальцы правой руки между страницами и устремив взгляд на очень толстую старую леди в домашнем чепце, очевидно владелицу этого заведения, которая обсушивалась у камина, он, казалось, ждал только ее распоряжений, чтобы навести справку в записях, заключенных в книге с заржавленными застежками.

Так как снаружи висело объявление, возвещавшее публике, что с десяти до четырех здесь всегда можно нанять прислугу «за одну», желающую поступить на место, Николас сразу понял, что пять-шесть здоровых молодых женщин — каждая в патенах * и с зонтом,— сидевших в углу на скамье, присутствовали здесь для этой цели, тем более что у бедняжек был озабоченный и усталый вид. Он был не совсем уверен в призвании и профессии двух нарядных молодых леди, которые беседовали с толстой леди до тех пор, пока сам не уселся в угол и не заявил, что подождет, пока будут удовлетворены другие посетители, после чего толстая леди возобновила разговор, прерванный его приходом.

— Кухарка, Том,— сказала толстая леди, продолжая обсушиваться у камина.

— Кухарка,— сказал Том, перелистывая страницы книги.— Нашел!

— Прочтите о двух-трех хороших местах,— сказала толстая леди.

— Пожалуйста, выберите полегче, молодой человек,— вмешалась элегантная особа в клетчатых матерчатых башмаках, которая была, по-видимому, клиенткой.

— «Миссис Маркер,— начал читать Том,— Рассел-Плейс, Рассел-сквер. Жалованье восемнадцать гиней, чай и сахар. Семья из двух человек, принимают очень редко. Держат пять служанок. Никакой мужской прислуги. Никаких поклонников».

— Ах, боже мой! — захихикала клиентка.— *Это* не подойдет. Пожалуйста, другое место, молодой человек.

— «Миссис Раймаг,— продолжал Том,— Плезент-Плейс, Финсбери. Жалованье двенадцать гиней. Свой чай и сахар. Солидное семейство...»

— Ах, это незачем читать,— перебила клиентка.

— «Три солидных лакея»,— внушительно произнес Том.

— Три? Как вы сказали? — переспросила клиентка, меняя тон.

— «Три солидных лакея,— повторил Том,— кухарка, горничная и няня. По воскресеньям каждая служанка обязана трижды посещать церковь диссидентов * в сопровождении солидного лакея. Если кухарка более солидна, чем лакей, она должна заботиться о нравственности лакея, если лакей более солиден, чем кухарка, он должен заботиться о нравственности кухарки».

— Я возьму адрес,— сказала клиентка.— Кто знает, может быть, это место мне как раз подойдет.

— А вот еще одно,— заметил Том, перевертывая страницы: — «Семья мистера Галленбайла, Ч. П. [1]. Пятнадцать гиней, чай и сахар. Служанкам разрешается принимать кузенов, если они благочестивы. *Примечание:* по воскресеньям холодный обед в кухне, так как мистер Галленбайл строго соблюдает воскресный день. В этот

[1] Ч. П. — член парламента.

день никаких кушаний не готовить, кроме обеда для мистера и миссис Галленбайл; приготовление этого обеда, являющееся трудом благочестивым и вызванным необходимостью, составляет исключение. В день отдыха мистер Галленбайл обедает поздно, дабы помешать кухарке заниматься своим туалетом и тем самым впасть в грех».

— Думаю, что это место мне подходит меньше, чем то,— сказала клиентка, пошептавшись со своей подругой.— Будьте любезны, молодой человек, дайте мне тот адрес. Если не подойдет, я приду еще.

По ее просьбе Том написал адрес, и элегантная клиентка, удовлетворив толстую леди небольшой мздой, удалилась вместе с подругой.

Николас уже раскрыл рот, чтобы попросить молодого человека обратиться к букве «С» и сообщить, какие места секретаря свободны, когда в контору вошла посетительница, которой он немедленно уступил свою очередь и чья наружность и удивила и заинтересовала его.

Это была молодая леди никак не старше восемнадцати лет, стройная и худенькая, но прелестно сложенная, которая, робко подойдя к конторке, осведомилась очень тихим голосом о месте гувернантки или компаньонки у какой-нибудь леди. Задавая этот вопрос, она на секунду приподняла вуаль и открыла лицо удивительной красоты, хотя и омраченное облаком печали, что было особенно заметно у такого юного существа. Получив рекомендательную карточку к какой-то особе, обозначенной в книге, она уплатила установленную сумму и выскользнула из комнаты.

Одета она была опрятно, но очень просто — так просто, что ее платье, пожалуй, показалось бы жалким и поношенным, будь оно надето на ком-нибудь другом, наделенном меньшим обаянием. Ее спутница — ибо с ней была спутница, краснолицая, круглоглазая, неопрятная девушка,— судя по загрубевшим голым рукам, выглядывавшим из-под запачканной по краям шали, и по следам сажи и графита, испещрявшим ее физиономию, явно принадлежала к категории прислуг «за одну», сидевших на скамье; с ними она обменялась всевозможными усмешками и подмигиваньем, свидетельствующим о франкмасонстве их профессии *.

Эта девушка последовала за своей хозяйкой, и не успел Николас опомниться от изумления и восторга, как молодая леди скрылась. Вполне возможно, как бы там ни думали иные трезвые люди, что Николас вышел бы вслед за ними, если бы его не удержал разговор, завязавшийся между толстой леди и ее конторщиком.

— Когда она придет еще раз, Том? — спросила толстая леди.

— Завтра утром,— ответил Том, принимаясь чинить перо.

— Куда вы ее направили? — спросила толстая леди.

— К миссис Кларк,— ответил Том.

— Приятная ожидает ее жизнь, если она пойдет туда,— заметила толстая леди, беря понюшку из оловянной табакерки.

Вместо ответа Том подпер языком щеку и концом пера указал в сторону Николаса, каковое напоминание вызвало у толстой леди вопрос:

— Ну-с, чем можем мы служить *вам,* сэр?

Николас коротко ответил, что хотел бы узнать, не найдется ли место секретаря или переписчика у джентльмена.

— Не найдется ли такое место? — подхватила хозяйка.— Дюжина таких найдется. Не правда ли, Том?

— Еще бы! — ответил молодой джентльмен и с этими словами подмигнул в сторону Николаса не без фамильярности, которую несомненно почитал лестным комплиментом, но которая вызвала у неблагодарного Николаса чувство отвращения.

По наведении справок в книге обнаружилось, что дюжина секретарских мест свелась к одному. Мистер Грегсбери, великий член парламента, проживающий в Манчестер-Билдингс, Вестминстер, нуждался в молодом человеке, который бы содержал в порядке его бумаги и корреспонденцию, а Николас был именно таким молодым человеком, в каком нуждался мистер Грегсбери.

— Я не знаю, каковы условия, так как он сказал, что сам уладит этот вопрос с заинтересованным лицом, но они должны быть очень хороши, потому что он член парламента,— заметила толстая леди.

Несмотря на свою неопытность, Николас не очень поверил в силу этого довода или в справедливость такого

заключения, но, не трудясь его оспаривать, взял адрес и решил посетить мистера Грегсбери безотлагательно.

— Не знаю, какой это номер,— сказал Том,— но Манчестер-Билдингс невелик и в худшем случае у вас не много времени отнимет, если вы будете стучать во все двери по обеим сторонам улицы, пока не отыщете его... Послушайте, а ведь прехорошенькая была здесь девушка!

— Какая девушка? — сурово спросил Николас.

— Вот как! Ну, конечно — какая девушка! — зашептал Том, прикрывая один глаз и задирая вверх подбородок.— Да вы что, не видели ее? Послушайте, вам бы не хотелось быть на моем месте, когда она придет завтра утром?

Николас посмотрел на безобразного клерка так, как будто не прочь был отхлестать его толстой книгой по щекам в награду за его восхищение молодой леди; однако он воздержался и с надменным видом вышел из конторы, в негодовании своем бросив вызов древним законам рыцарства, которые полагали пристойным и уместным для всех добрых рыцарей выслушивать хвалу леди, коим рыцари эти были преданы, и даже предписывали им скитаться по свету и разбивать головы всем трезвым и благонамеренным людям, не желавшим восхвалять превыше всего в мире тех дам, которых им никогда не случалось видеть и слышать — словно это могло служить оправданием!

Перестав размышлять о своих неудачах и стараясь угадать, какие неудачи постигли красивую девушку, которую он видел, Николас, несколько раз свернув не в ту сторону, несколько раз справившись о дороге и почти столько же раз получив неверные указания, направил свои стопы к месту, которое ему было указано.

В пределах древнего города Вестминстера * и на расстоянии одной восьмой мили от древнего его святилища находился узкий и грязный район — святилище менее важных членов парламента в наши дни. Он состоит только из одной улицы с мрачными жилыми домами, из окон которых в каникулярную пору хмуро выглядывают длинные меланхолические ряды объявлений, так же ясно возвещающие: «Сдается внаем», «Сдается внаем»,— как возвещали это физиономии домовладельцев, сидевших на

скамьях правительства и оппозиции во время сессии, ныне отошедшей к праотцам. В более оживленные периоды года объявления исчезают, и дома кишат законодателями. Законодатели — в первом этаже, во втором, в третьем, в четвертом, в мансардах; маленькие помещения пропитаны запахом депутаций и делегатов. В сырую погоду здесь трудно дышать от испарений, исходящих от влажных парламентских актов и затхлых петиций. Почтальоны чувствуют дурноту, вступая в это зараженное место, а жалкие фигуры, охотясь за надписями о даровой доставке письма, беспокойно снуют туда и сюда, словно потревоженные призраки усопших авторов писем, не имеющих права на их даровую пересылку *.

Это и есть Манчестер-Билдингс, и здесь в любой час ночи можно услышать скрип ключа в соответствующей замочной скважине и время от времени, когда порыв ветра, проносясь над водой, омывающей подножие Манчестер-Билдингс, гонит звуки ко входу в улицу,— слабый, но пронзительный голос какого-нибудь молодого члена парламента, репетирующего завтрашнюю речь. Весь день напролет скрежещут шарманки, звенят и гремят музыкальные шкатулки, ибо Манчестер-Билдингс (эта верша для ловли угрей, из которой нет выхода, кроме одного неудобного отверстия) — четырехугольная бутылка с коротким и узким горлышком; в этом отношении он отображает судьбу иных своих наиболее предприимчивых обитателей, которые, протиснувшись в парламент ценою великих усилий и судорог, обнаруживают, что для них парламент — тоже не проезжая дорога, и что, подобно Манчестер-Билдингс, он дальше никуда не выводит, и что они поневоле должны выйти оттуда пятясь, не став ни более мудрыми, ни более богатыми и ничуть не более знаменитыми, чем были, когда вошли в него.

В Манчестер-Билдингс и свернул Николас, держа в руке адрес великого мистера Грегсбери. Так как поток людей вливался в запущенный дом неподалеку от входа, он подождал, пока они не вошли, а затем, подойдя к слуге, осмелился спросить, не знает ли он, где живет мистер Грегсбери.

Слуга был очень бледным оборванным мальчиком, имевшим такой вид, как будто он с младенчества спал в

подвале, что, по всей вероятности, соответствовало действительности.

— Мистер Грегсбери? — переспросил он.— Мистер Грегсбери живет здесь. Входите!

Николас решил войти, раз представляется такая возможность; так он и сделал; а не успел он войти, как мальчик закрыл дверь и удалился.

Это было довольно странно; более затруднительным оказалось то обстоятельство, что вдоль всего коридора и узкой лестницы, заслоняя окно и делая темный вход еще темнее, стояла беспорядочная толпа людей, чьи физиономии выражали важность их миссии и которые, по-видимому, ожидали в молчании какого-то надвигающегося события. Время от времени кто-нибудь шептал что-то соседу, а затем шептавшие энергически кивали друг другу или неумолимо качали головой, как будто решили совершить нечто отчаянное и не намерены уступить, что бы ни случилось.

Так как на протяжении нескольких минут не произошло ничего, что бы объяснило сей феномен, и так как Николас находил свое положение в высшей степени неудобным, то он уже готов был обратиться за разъяснениями к стоявшему рядом с ним человеку, как вдруг на лестнице зашевелились и чей-то голос крикнул:

— Ну-с, джентльмены, будьте добры подняться!

Вместо того чтобы подняться, джентльмены на лестнице принялись спускаться с большим проворством и умолять с исключительной вежливостью, чтобы джентльмены, находившиеся ближе к улице, вошли первые; джентльмены, находившиеся ближе к улице, возразили с не меньшей учтивостью, что они даже помыслить не могут о такой вещи; однако именно так они поступили, хоть и не помышляли о том, ибо другие джентльмены вытолкнули вперед человек шесть (в том числе Николаса) и, сомкнувшись сзади, пропихнули их не только на верхнюю площадку лестницы, но и прямо в гостиную мистера Грегсбери, куда они, таким образом, вошли с весьма непристойной стремительностью и лишенные возможности отступить: толпа, напиравшая сзади, заполнила все помещение.

— Джентльмены,— сказал мистер Грегсбери, — добро пожаловать! Я в восторге, что вижу вас.

Для джентльмена, пришедшего в восторг при виде массы посетителей, мистер Грегсбери имел вид крайне недовольный, но, быть может, это было вызвано сенаторской вежливостью и привычкой государственного деятеля скрывать свои чувства. Это был плотный, массивный, крепкоголовый джентльмен с громким голосом и напыщенным видом, обладавший порядочным запасом фраз, ровно ничего не выражающих,— короче говоря, всем, что необходимо хорошему члену парламента.

— Ну-с, джентльмены,— сказал мистер Грегсбери, бросая большую связку бумаг в стоявшую у его ног плетеную корзинку, откидываясь на спинку кресла и опираясь локтями на его ручки,— я вижу по газетам, что вы не удовлетворены моим поведением.

— Да, мистер Грегсбери, мы не удовлетворены,— с большой горячностью сказал полный старый джентльмен, вырываясь из толпы и останавливаясь перед ним.

— Неужели глаза меня обманывают,— сказал мистер Грегсбери, взглянув на говорившего,— или это и в самом деле мой старый друг Пагстайлс?

— Именно я и никто другой, сэр,— ответил полный старый джентльмен.

— Дайте мне вашу руку, достойный друг,— сказал мистер Грегсбери.— Пагстайлс, дорогой друг, мне очень прискорбно видеть вас здесь.

— Мне очень прискорбно находиться здесь, сэр,— сказал мистер Пагстайлс,— но ваше поведение, мистер Грегсбери, вызвало крайнюю необходимость в этой депутации от ваших избирателей.

— Мое поведение, Пагстайлс,— сказал мистер Грегсбери, с милостивым великодушием окидывая взором депутацию,— мое поведение всегда определялось и будет определяться искренним уважением к подлинным и насущным интересам сей великой и счастливой страны. Обращаю ли я взгляд на то, что есть у нас дома или за границей, созерцаю ли я мирные трудолюбивые общины нашего родного острова — реки его, усеянные пароходами, железные его пути с локомотивами, улицы его с кэбами, его небо с воздушными шарами, величие и мощь

которых доселе неведомы в истории воздухоплавания как у нашего, так и у любого другого народа,— обращаю ли я взгляд только на то, что есть у нас дома, или, устремляя его вдаль, взираю на безграничную перспективу побед и завоеваний, достигнутых британской настойчивостью и британской доблестью, на перспективу, развернувшуюся передо мной,— я сжимаю руки и, подняв взоры к широкому небосводу, над моей головой, восклицаю: «Хвала небу, я — британец!»

Было время, когда этот взрыв энтузиазма вызвал бы оглушительные приветственные возгласы, но теперь депутация встретила его с обескураживающей холодностью. Общее впечатление было, казалось, таково, что это объяснение политического поведения мистера Грегсбери грешит скудностью деталей, и один джентльмен в задних рядах не постеснялся заметить вслух, что, по его мнению, оно, пожалуй, слишком отзывается «пустозвонством».

— Смысл слова «пустозвонство» мне неизвестен,— сказал мистер Грегсбери.— Если оно означает, что, восхваляя мою родину, я становлюсь чуть-чуть слишком пылким или, пожалуй, впадаю в преувеличение, я вполне признаю справедливость такого замечания. Да, я горжусь этой свободной и счастливой страной. Я становлюсь выше ростом, глаза мои сверкают, грудь моя вздымается, сердце мое ширится, душа моя пылает, когда я помышляю о ее величии и славе.

— Мы хотим, сэр, задать вам несколько вопросов,— спокойно заметил мистер Пагстайлс.

— Прошу вас, джентльмены: мое время в распоряжении вашем и моей родины, да, и моей родины...— сказал мистер Грегсбери.

Получив разрешение, мистер Пагстайлс надел очки и обратился к исписанной бумаге, которую извлек из кармана, причем почти все остальные члены депутации в свою очередь достали из карманов исписанные листы, чтобы дополнять мистера Пагстайлса, когда тот будет зачитывать вопросы.

Вслед за этим мистер Пагстайлс приступил к делу:

— Вопрос номер первый. Сэр, не было ли вами взято на себя добровольное обязательство, предшествовавшее вашему избранию, что в случае, если вы будете избраны,

вы немедленно положите конец привычке кашлять и вопить в палате общин? И не подверглись ли вы тому, что при первых же дебатах сессии *вас* заставили замолчать кашлем и воплями и с тех пор вы не сделали ни малейшего усилия, чтобы провести реформу в этой области? Не было ли также взято вами на себя обязательство изумить правительство и заставить его поджать хвост? Изумили вы его и заставили поджать хвост или нет?

— Перейдите к следующему вопросу, дорогой мой Пагстайлс,— сказал мистер Грегсбери.

— Вы намерены дать какое-нибудь объяснение касательно этого вопроса? — спросил мистер Пагстайлс.

— Конечно, нет,— сказал мистер Грегсбери.

Члены депутации свирепо посмотрели друг на друга, а затем на члена парламента. «Дорогой Пагстайлс», очень долго взиравший поверх очков на мистера Грегсбери, вновь обратился к списку вопросов:

— Вопрос номер второй. Сэр, не было ли также взято вами на себя добровольное обязательство поддерживать в любом случае вашего коллегу, и не покинули ли вы его третьего дня вечером, и не голосовали ли против него, потому что жена лидера противной партии пригласила миссис Грегсбери на вечеринку?

— Продолжайте,— сказал мистер Грегсбери.

— На это вы также ничего не имеете ответить, сэр? — спросил представитель депутации.

— Ровно ничего! — ответил мистер Грегсбери.

Депутаты, видевшие его только во время избирательной кампании и во время выборов, были ошеломлены таким хладнокровием. Казалось, это был другой человек: тогда он весь был мед и млеко, теперь он весь был желчь и уксус. Но время так меняет людей!

— Вопрос номер третий и последний,— внушительно произнес мистер Пагстайлс.— Сэр, не заявляли ли вы во время избирательной кампании о своем твердом и неуклонном намерении восставать против любого предложения, требовать голосования в палате по каждому вопросу, требовать пересмотра по всякому поводу, ежедневно вносить запросы,— короче, повторяя ваши собственные достопамятные слова, вносить дьявольский беспорядок везде и всюду?

После этого многообъемлющего вопроса мистер Пагстайлс сложил свой список, что сделали и все его сторонники.

Мистер Грегсбери подумал, высморкался, глубже погрузился в кресло, снова выпрямился и, облокотившись поудобнее на стол, составил треугольник из обоих больших и обоих указательных пальцев и, постукивая себя по носу вершиной этого треугольника, произнес (улыбаясь при эти словах):

— Я отрицаю всё.

При этом неожиданном ответе нестройный ропот вырвался у депутации. И тот самый джентльмен, который высказал мнение касательно пустозвонства вступительной речи, снова сделал краткое заявление, пробурчав: «В отставку!» А это бурчанье было подхвачено его сторонниками и вылилось в форму общего протеста.

— Мне поручено, сэр,— с холодным поклоном сказал мистер Пагстайлс,— выразить надежду, что по получении предписания значительного большинства ваших избирателей вы не откажетесь немедленно сложить с себя обязанности в пользу того кандидата, который, по мнению избирателей, заслуживает большего доверия.

Тогда мистер Грегсбери прочел следующий ответ, каковой он сочинил в форме письма, предвидя подобное требование и заготовив копии, чтобы разослать в газеты:

— «Мой дорогой мистер Пагстайлс!

После блага нашего возлюбленного острова — этой великой, свободной и счастливой страны, чьи возможности и ресурсы, по искреннему моему убеждению, безграничны,— я превыше всего ценю ту благородную независимость, каковая является самой дорогой привилегией англичанина и каковую я горячо надеюсь оставить в наследство моим детям не ущемленной и не утратившей блеска. Движимый отнюдь не личными мотивами, но побуждаемый только высокими и почтенными конституционными соображениями, которые я не буду пытаться объяснить, ибо они поистине недоступны пониманию тех, кто не посвятил себя, подобно мне, сложной и трудной науке политики; я предпочел бы оставить за собой мое место и так и намереваюсь поступить.

Не будете ли вы столь любезны передать мой привет избирателям и познакомить их с этим обстоятельством?

С глубоким уважением, дорогой мистер Пагстайлс, и проч. и проч.».

— Значит, вы ни при каких обстоятельствах не сложите полномочия? — осведомился представитель делегации.

Мистер Грегсбери улыбнулся и покачал головой.

— В таком случае, всего хорошего, сэр! — сердито сказал Пагстайлс.

— Да благословит вас небо! — сказал мистер Грегсбери.

И делегаты, ворча и бросая грозные взгляды, удалились с такой быстротой, с какой позволяла им спускаться узкая лестница.

Когда ушел последний делегат, мистер Грегсбери потер руки и захихикал, как хихикают весельчаки, когда полагают, что откололи какую-нибудь особенно забавную шутку. Он с таким увлечением поздравлял сам себя, что не заметил Николаса, который остался в тени оконной занавески, пока этот молодой джентльмен, опасаясь услышать какой-нибудь монолог, не предназначенный для посторонних ушей, не кашлянул раза два или три с целью привлечь внимание члена парламента.

— Что это? — резко спросил мистер Грегсбери.

Николас шагнул вперед и поклонился.

— Что вы здесь делаете, сэр? — спросил мистер Грегсбери.— Шпионите за мной в моей частной жизни! Спрятавшийся избиратель! Вы слышали мой ответ, сэр? Будьте добры последовать за делегацией.

— Я бы так и сделал, если бы входил в нее, но я не вхожу,— сказал Николас.

— В таком случае, как вы сюда попали, сэр? — задал естественный вопрос мистер Грегсбери, член парламента.— И, черт побери, откуда вы взялись, сэр? — был следующий его вопрос.

— Я пришел к вам с этой карточкой из конторы по найму, сэр,— сказал Николас,— желая предложить вам свои услуги в качестве секретаря и зная, что вы в нем нуждаетесь.

— И вы только для этого и пришли сюда? — сказал мистер Грегсбери, подозрительно в него всматриваясь.

Николас ответил утвердительно.

— У вас нет никаких связей ни с одной из этих подлых газет? — спросил мистер Грегсбери.— Вы проникли сюда не для того, чтобы подслушать, что здесь происходит, а затем напечатать, а?

— К сожалению, должен признаться, что в настоящее время у меня нет никаких связей ни с кем,— сказал Николас вежливо, но тоном вполне независимым.

— О! — сказал мистер Грегсбери.— В таком случае, как же вы пробрались сюда наверх?

Николас рассказал, как делегация заставила его подняться.

— Так вот как было дело! — сказал мистер Грегсбери.— Садитесь.

Николас сел, а мистер Грегсбери долго его разглядывал, словно желая убедиться, прежде чем задавать новые вопросы, что против внешнего его вида нет никаких возражений.

— Значит, вы хотите быть моим секретарем? — спросил он наконец.

— Я бы хотел занять эту должность, сэр,— ответил Николас.

— Так,— сказал мистер Грегсбери.— Что вы умеете делать?

— Полагаю,— с улыбкой ответил Николас,— полагаю, что могу делать то, что обычно приходится делать другим секретарям.

— Что именно? — осведомился мистер Грегсбери.

— Что именно? — повторил Николас.

— Да, что именно? — сказал член парламента, склонив голову набок и устремив на него проницательный взгляд.

— Пожалуй, обязанности секретаря довольно трудно определить,— раздумчиво сказал Николас.— Думаю, сюда входит корреспонденция?

— Верно,— заметил мистер Грегсбери.

— Приведение в порядок бумаг и документов?

— Совершенно верно.

— Иногда, быть может, писание под вашу диктовку и,

вероятно, сэр,— с полуулыбкой добавил Николас,— переписка вашей речи для какого-нибудь органа печати, когда вы произносите сугубо важную речь.

— Несомненно,— ответствовал мистер Грегсбери.— Что еще?

— В данный момент,— подумав, сказал Николас,— признаюсь, я не могу назвать другие обязанности секретаря, если не считать его долга быть по мере сил услужливым, а также полезным своему патрону, не жертвуя при этом собственным достоинством и не выходя за пределы тех обязанностей, какие обычно налагает на него его должность.

Некоторое время мистер Грегсбери пристально смотрел на Николаса, а затем, осторожно окинув взглядом комнату, сказал, понизив голос:

— Все это прекрасно, мистер... как вас зовут?

— Никльби.

— Все это прекрасно, мистер Никльби, и вполне правильно постольку поскольку... постольку поскольку, но этого далеко не достаточно. Есть другие обязанности, мистер Никльби, которые секретарь парламентского деятеля никогда не должен упускать из виду. Я желал бы, чтобы меня начиняли, сэр...

— Простите,— перебил Николас, сомневаясь, правильно ли он расслышал.

— Начиняли, сэр,— повторил мистер Грегсбери.

— Вы меня извините, сэр, если я спрошу, что вы хотите этим сказать? — осведомился Николас.

— Смысл моих слов, сэр, совершенно ясен,— с торжественным видом отозвался мистер Грегсбери.— Мой секретарь должен быть в курсе внешней политики всех стран мира, следя за ней по газетам; просматривать все отчеты о публичных собраниях, все передовые статьи и отчеты о заседаниях различных обществ и отмечать все детали, которые, по его мнению, могут показаться интересными в маленькой речи по вопросу о какой-нибудь поданной петиции или чего-нибудь еще в этом роде. Понимаете?

— Кажется, понимаю, сэр,— ответил Николас.

— Далее,— сказал мистер Грегсбери,— необходимо, чтобы он изо дня в день знакомился с газетными замет-

ками о текущих событиях — ну, например, «Таинственное исчезновение и предполагаемое самоубийство подручного в трактире» или что-нибудь еще в таком роде, на чем я мог бы обосновать запрос, обращенный к министру внутренних дел. Затем он должен переписать запрос и то, что я запомнил из ответа (включив маленький комплимент моему независимому духу и здравому смыслу), и отправить заметку в местную газету, прибавив, быть может, пять-шесть вводных строк, напоминающих, что я всегда нахожусь на своем посту в парламенте, никогда не уклоняюсь от ответственных и тяжелых обязанностей и так далее. Вы понимаете?

Николас ответил поклоном.

— Затем,— продолжал мистер Грегсбери,— я бы хотел, чтобы он время от времени просматривал цифры в напечатанных таблицах и делал некоторые общие выводы; я должен быть хорошо осведомлен, например, по вопросу о государственном доходе от обложения налогом строевого леса, по финансовым вопросам и так далее. И я бы желал, чтобы он подготовил кое-какие доводы против возврата к расплате наличными и обращения звонкой монеты, с указанием на гибельные последствия таковых мероприятий, а также коснулся вывоза золотых и серебряных слитков, упомянул о русском императоре, о банкнотах и тому подобных вещах, о которых достаточно будет сказать вскользь, потому что никто в этом ничего не смыслит. Вы усваиваете мою мысль?

— Как будто понимаю,— сказал Николас.

— Что касается вопросов, не имеющих отношения к политике,— разгорячившись, продолжал мистер Грегсбери,— и таких, к каким нельзя требовать ни малейшего внимания, кроме естественной заботы не допускать, чтобы низшие классы пользовались таким же благосостоянием, как и мы,— иначе что стало бы с нашими привилегиями,— я бы хотел, чтобы мой секретарь составил несколько маленьких парадных речей в патриотическом духе. Так, например, если бы внесли какой-нибудь нелепый билль о предоставлении этим жалким сочинителям — авторам — права на их собственность,— я бы хотел сказать, что лично я всегда буду против возведения непреодолимой преграды к распространению литературы

в народе — понимаете? — я бы сказал, что создания *материальные,* как создания рода человеческого, могут принадлежать отдельному человеку или семье, но создания интеллектуальные, как создания божии, должны, само собой разумеется, принадлежать всему народу. Находясь в приятном расположении духа, я не прочь был бы пошутить на тему о потомстве и сказать, что пишущие для потомства должны довольствоваться такой наградой, как одобрение *потомства.* Это понравилось бы палате, а мне не причинило бы никакого вреда, потому что вряд ли потомство будет знать что-нибудь обо мне и моих шутках? Вы понимаете?

— Понимаю, сэр,— ответил Николас.

— В подобных случаях, когда наши интересы не затронуты,— сказал мистер Грегсбери,— вы всегда должны помнить, что следует энергически упоминать о народе, ибо это производит прекрасное впечатление во время выборной кампании, а над сочинителями можете смеяться сколько угодно, потому что большинство из них, полагаю я, снимает комнаты и не имеет права голоса *. Вот в общих чертах беглое описание тех обязанностей, какие вам предстоит исполнять, если не считать того, что каждый вечер вы должны дежурить в кулуарах, на случай если бы я что-нибудь забыл и нуждался в новой начинке, а иногда, во время горячих прений, садиться в первом ряду галереи и говорить окружающим: «Вы видите этого джентльмена, который поднес руку к лицу и обхватил рукой колонну? Это мистер Грегсбери... знаменитый мистер Грегсбери...» И вам надлежит добавить еще несколько хвалебных слов, которые в тот момент придут вам в голову. А что касается жалованья,— сказал мистер Грегсбери, стремительно приводя к концу свою речь, потому что ему не хватило дыхания,— а что касается жалованья, то во избежание всякого недовольства, я готов сразу назвать круглую сумму, хотя это больше, чем я имею обыкновение платить,— пятнадцать шиллингов в неделю, и — покажите, на что вы способны. Все!

Сделав это блестящее предложение, мистер Грегсбери снова откинулся на спинку кресла с видом человека, который проявил совершенно безрассудную щедрость, но тем не менее решил в этом не раскаиваться.

— Пятнадцать шиллингов в неделю — это не много,— мягко заметил Николас.

— Не много? Пятнадцать шиллингов не много, молодой человек? — вскричал мистер Грегсбери.— Пятнадцать шиллингов...

— Пожалуйста, не думайте, сэр, что я возражаю против этой суммы,— ответил Николас.— Я не стыжусь признаться, что, какова бы ни была она сама по себе, для меня это очень много. Но обязанности и ответственность делают вознаграждение ничтожным, и к тому же они так тяжелы, что я боюсь взять их на себя.

— Вы отказываетесь принять их, сэр? — осведомился мистер Грегсбери, протягивая руку к шнурку колокольчика.

— Я боюсь, сэр, что при всем моем желании они окажутся мне не по силам,— ответил Николас.

— Это равносильно тому, что вы предпочитаете не принимать этой должности, а пятнадцать шиллингов в неделю считаете слишком низкой платой,— позвонив, сказал мистер Грегсбери.— Вы отказываетесь, сэр?

— Другого выхода у меня нет,— ответил Николас.

— Проводи, Мэтьюс! — сказал мистер Грегсбери, когда вошел мальчик.

— Я сожалею, что напрасно вас потревожил, сэр,— сказал Николас.

— Я тоже сожалею,— сказал мистер Грегсбери, поворачиваясь к нему спиной.— Проводи, Мэтьюс!

— Всего хорошего, сэр,— сказал Николас.

— Проводи, Мэтьюс! — крикнул мистер Грегсбери.

Мальчик поманил Николаса и, лениво спустившись впереди него по лестнице, открыл дверь и выпустил его на улицу.

С печальным и задумчивым видом Николас отправился домой.

Смайк собрал на стол закуску из остатков вчерашнего ужина и нетерпеливо ждал его возвращения. События этого утра не улучшили аппетита Николаса, и к обеду он не прикоснулся. Он сидел в задумчивой позе, перед ним стояла нетронутая тарелка, которую бедный юноша наполнил самыми лакомыми кусочками, и тут в комнату заглянул Ньюмен Ногс.

— Вернулись? — спросил Ньюмен.

— Да,— ответил Николас,— смертельно усталый, и что хуже всего, мог бы с таким же успехом остаться дома.

— Нельзя рассчитывать на то, чтобы много сделать за одно утро,— сказал Ньюмен.

— Быть может, и так, но я всегда полон надежд, и я рассчитывал на успех, а стало быть, разочарован,— отозвался Николас.

Затем он дал Ньюмену отчет о своих похождениях.

— Если бы я мог что-то делать,— сказал Николас,— ну хоть что-нибудь, пока не вернется Ральф Никльби и пока я не почувствую облегчения, встретившись с ним лицом к лицу, мне было бы лучше. Небу известно, что я отнюдь не считаю унизительным работать. Прозябать здесь без дела, словно дикий зверь в клетке,— вот что сводит меня с ума!

— Не знаю,— сказал Ньюмен,— есть в виду кое-какие мелочи... этого бы хватило на плату за помещение и еще кое на что... но вам не понравится. Нет! Вряд ли вы на это пойдете... нет, нет!

— На что именно я вряд ли пойду? — спросил Николас, поднимая глаза.— Укажите мне в этой необъятной пустыне, в этом Лондоне, какой-нибудь честный способ зарабатывать еженедельно хотя бы на уплату за эту жалкую комнату, и вы увидите, откажусь ли я прибегнуть к нему. На что я не пойду? Я уже на слишком многое пошел, друг мой, чтобы остаться гордым или привередливым. Я исключаю те случаи,— быстро добавил Николас, помолчав,— когда привередливость является простой честностью, а гордость есть не что иное, как самоуважение. Я не вижу большой разницы, служить ли помощником бесчеловечного педагога, или пресмыкаться перед низким и невежественным выскочкой, хотя бы он и был членом парламента.

— Право, не знаю, говорить ли вам о том, что я слышал сегодня утром,— сказал Ньюмен.

— Это имеет отношение к тому, что вы только что сказали? — спросил Николас.

— Имеет.

— В таком случае, ради самого неба, говорите, добрый мой друг! — воскликнул Николас.— Ради бога, подумайте о моем печальном положении и, раз я вам обещал не делать ни шагу, не посоветовавшись с вами, дайте мне по крайней мере право голоса, когда речь идет о моих же собственных интересах.

Вняв этой мольбе, Ньюмен принялся бормотать всевозможные в высшей степени странные и запутанные фразы, из которых выяснилось, что утром миссис Кенуигс долго допрашивала его касательно его знакомства с Николасом и о жизни, приключениях и родословной Николаса, что Ньюмен, пока мог, уклонялся от ответов, но, наконец, под сильным давлением и будучи загнан в угол, вынужден был сообщить, что Николас — высокообразованный учитель, которого постигли бедствия, о коих Ньюмен не вправе говорить, и который носит фамилию Джонсон. Миссис Кенуигс, уступив чувству благодарности, или честолюбию, или материнской гордости, или материнской любви, или всем четырем побуждениям вместе взятым, имела тайное совещание с мистером Кенуигсом и, наконец, явилась с предложением, чтобы мистер Джонсон обучал четырех мисс Кенуигс французскому языку за еженедельный гонорар в пять шиллингов, то есть по одному шиллингу в неделю за каждую мисс Кенуигс и еще один шиллинг в ожидании того времени, когда младенец окажется способным усваивать грамматику. «Если я не очень ошибаюсь, он не заставит себя ждать,— заметила миссис Кенуигс, делая это предложение,— так как я твердо верю, мистер Ногс, что таких умных детей еще не было на свете».

— Ну, вот и все! — сказал Ньюмен.— Знаю, это недостойно вас, но я подумал, что, быть может, вы согласились бы...

— Соглашусь ли я! — с живостью воскликнул Николас.— Конечно, я согласен! Я не задумываясь принимаю это предложение. Дорогой мой, вы так и скажите, не откладывая, достойной мамаше и передайте, что я готов начать, когда ей будет угодно.

Обрадованный Ньюмен поспешил сообщить миссис Кенуигс о согласии своего друга и вскоре вернулся с ответом, что они будут счастливы видеть его во втором

этаже, как только он найдет это для себя удобным; затем он добавил, что миссис Кенуигс тотчас же послала купить подержанную французскую грамматику и учебник — эти книжки давно уже валялись в шестипенсовом ящике в книжном ларьке за углом — и что семейство, весьма взволнованное этой перспективой, подчеркивающей их аристократичность, желает, чтобы первый урок состоялся немедленно.

И здесь можно отметить, что Николас не был высокомерным молодым человеком в обычном смысле этого слова. Он мог отомстить за оскорбление, ему нанесенное, или выступить, чтобы защитить от обиды другого, так же смело и свободно, как и любой рыцарь, когда-либо ломавший копья; но ему не хватало того своеобразного хладнокровия и величественного эгоизма, которые неизменно отличают джентльменов высокомерных. По правде говоря, мы лично склонны смотреть на таких джентльменов скорее как на обузу в пробивающих себе дорогу семьях, потому что мы знаем многих, чей горделивый дух препятствует им взяться за какую бы то ни было черную работу и проявляет себя лишь в склонности отращивать усы и принимать свирепый вид; но, хотя и усы и свирепость — в своем роде прекрасные вещи и заслуживают всяческих похвал, мы, признаться, предпочитаем, чтобы они выращивались за счет их владельца, а не за счет смиренных людей.

Итак, Николас, не будучи юным гордецом в обычном смысле этого слова и почитая бо́льшим унижением занимать деньги на удовлетворение своих нужд у Ньюмена Ногса, чем преподавать французский язык маленьким Кенуигсам за пять шиллингов в неделю, принял предложение немедля, как было описано выше, и с надлежащей поспешностью отправился во второй этаж.

Здесь он был принят миссис Кенуигс с любезной грацией, долженствовавшей заверить его в ее благосклонности и поддержке, и здесь он застал мистера Лиливика и мисс Питоукер, четырех мисс Кенуигс на скамье и младенца в креслице в виде карликового портшеза с сосновой дощечкой между ручками, забавляющегося игрушечной лошадкой без головы; упомянутая лошадь представляла собой маленький деревянный цилиндр, отчасти

похожий на итальянский утюг * на четырех кривых колышках и замысловатой раскраской напоминающий красную вафлю, опущенную в ваксу.

— Как поживаете, мистер Джонсон? — спросила миссис Кенуигс.— Дядя, познакомьтесь — мистер Джонсон.

— Как поживаете, сэр? — осведомился мистер Лиливик довольно резко, ибо накануне он не знал, кто такой Николас, а быть слишком вежливым с учителем являлось, пожалуй, огорчительным обстоятельством для сборщика платы за водопровод.

— Дядя, мистер Джонсон приглашен преподавателем к детям,— сказала миссис Кенуигс.

— Это ты мне только что сообщила, моя милая,— отозвался мистер Лиливик.

— Однако я надеюсь,— сказала миссис Кенуигс, выпрямившись,— что они не возгордятся, но будут благословлять свою счастливую судьбу, благодаря которой они занимают положение более высокое, чем дети простых людей. Ты слышишь, Морлина?

— Да, мама,— ответила мисс Кенуигс.

— И, когда вы будете выходить на улицу или еще куда-нибудь, я желаю, чтобы вы не хвастались этим перед другими детьми,— продолжала миссис Кенуигс,— а если вам придется заговорить об этом, можете сказать только: «У нас есть преподаватель, который приходит обучать нас на дому, но мы не гордимся, потому что мама говорит, что это грешно». Ты слышишь, Морлина?

— Да, мама,— снова ответила мисс Кенуигс.

— В таком случае, запомни это и поступай так, как я говорю,— сказала миссис Кенуигс.— Не начать ли мистеру Джонсону, дядя?

— Я готов слушать, если мистер Джонсон готов начать, моя милая,— сказал сборщик с видом глубокомысленного критика.— Каков, по вашему мнению, французский язык, сэр?

— Что вы хотите этим сказать? — осведомился Николас.

— Считаете ли вы, что это хороший язык, сэр? — спросил сборщик.— Красивый язык, разумный язык?

— Конечно, красивый язык,— ответил Николас,—

а так как на нем для всего есть названия и он дает возможность вести изящный разговор обо всем, то смею думать, что это разумный язык.

— Не знаю,— недоверчиво сказал мистер Лиливик.— Вы находите также, что это веселый язык?

— Да,— ответил Николас,— я бы сказал — да.

— Значит, он очень изменился, в мое время он был не таким,— заявил сборщик,— совсем не таким.

— Разве в ваше время он был печальным? — осведомился Николас, с трудом скрывая улыбку.

— Очень! — с жаром объявил сборщик.— Я говорю о военном времени, когда шла последняя война. Быть может, это и веселый язык. Мне бы не хотелось противоречить кому бы то ни было, но я могу сказать одно: я слыхал, как французские пленные, которые были уроженцами Франции и должны знать, как на нем объясняются, говорили так печально, что тяжело было их слушать. Да, я их слыхал раз пятьдесят, сэр, раз пятьдесят!

Мистер Лиливик начал приходить в такое раздражение, что миссис Кенуигс нашла своевременным дать знак Николасу, чтобы тот не возражал, и лишь после того как мисс Питоукер ловко ввернула несколько льстивых фраз, дабы умилостивить превосходного старого джентльмена, этот последний соблаговолил нарушить молчание вопросом:

— Как по-французски вода, сэр?

— L'eau,— ответил Николас.

— Вот как! — сказал мистер Лиливик, горестно покачивая головой.— Я так и думал. Ло? Я невысокого мнения об этом языке, совсем невысокого.

— Мне кажется, дети могут начинать, дядя? — спросила миссис Кенуигс.

— О да, они могут начинать, моя милая,— с неудовольствием ответил сборщик.— Я лично не имею ни малейшего желания препятствовать им.

Когда разрешение было дано, четыре мисс Кенуигс с Морлиной во главе уселись в ряд, а все их косички повернулись в одну сторону, Николас, взяв книгу, приступил к предварительным объяснениям. Мисс Питоукер и миссис Кенуигс пребывали в немом восхищении, которое нарушал только шепот сей последней особы, уверявшей, что

Морлина не замедлит выучить все на память, а мистер Лиливик взирал на эту группу хмурым и зорким оком, подстерегая случай, когда можно будет начать новую дискуссию о языке.

ГЛАВА XVII

повествует о судьбе мисс Никльби

С тяжелым сердцем и печальными предчувствиями, которых никакие усилия не могли отогнать, Кэт Никльби в день своего поступления на службу к мадам Манталини вышла из Сити, когда часы показывали без четверти восемь, и побрела одна по шумным и людным улицам в западную часть Лондона.

В этот ранний час много хилых девушек, чья обязанность (так же как и бедного шелковичного червя) — создавать, терпеливо трудясь, наряды, облекающие бездумных и падких до роскоши леди, идут по нашим улицам, направляясь к месту ежедневной своей работы и ловя, как бы украдкой, глоток свежего воздуха и отблеск солнечного света, который скрашивает их однообразное существование в течение длинного ряда часов, составляющих рабочий день. По мере приближения к более фешенебельной части города Кэт замечала много таких девушек, спешивших, как и она, к месту тягостной своей службы, и в их болезненных лицах и в расслабленной походке увидела слишком наглядное доказательство того, что ее опасения не лишены оснований.

Она пришла к мадам Манталини за несколько минут до назначенного часа и, пройдясь взад и вперед, в надежде, что подойдет еще какая-нибудь девушка и избавит ее от неприятной необходимости давать объяснения слуге, робко постучалась в дверь. Немного спустя ей отворил лакей, который надевал свой полосатый жилет, пока поднимался по лестнице, а сейчас был занят тем, что подвязывал фартук.

— Мадам Манталини дома? — запинаясь, спросила Кэт.

— В этот час она редко выходит, мисс,— ответил лакей таким тоном, что слово «мисс» прозвучало почему-то обиднее, чем «моя милая».

— Могу я ее видеть? — спросила Кэт.

— Э? — отозвался слуга, придерживая рукой дверь и удостоив посмотреть на вопрошавшую изумленным взглядом; при этом он улыбнулся во весь рот.— Бог мой, конечно, нет!

— Я пришла потому, что она сама назначила мне прийти,— сказала Кэт.— Я... я буду здесь работать.

— О, вы должны были позвонить в колокольчик для работниц,— сказал лакей, коснувшись ручки колокольчика у дверного косяка.— Хотя, позвольте-ка, я забыл — вы мисс Никльби?

— Да,— ответила Кэт.

— В таком случае, будьте добры подняться наверх,— сказал слуга.— Мадам Манталини желает вас видеть. Вот сюда... Осторожнее, не наступите на эти вещи на полу.

Предупредив ее так, чтобы она не налетела на всевозможные, в беспорядке сваленные лампы, подносы, уставленные стаканами и нагроможденные на легкие скамейки, расставленные по всему вестибюлю и явно свидетельствовавшие о поздно затянувшейся пирушке накануне вечером, слуга поднялся на третий этаж и ввел Кэт в комнату, выходившую окнами во двор и сообщавшуюся двустворчатой дверью с помещением, где она в первый раз увидела хозяйку этого заведения.

— Подождите здесь минутку,— сказал слуга,— я ей сейчас доложу.

Дав весьма приветливо такое обещание, он удалился и оставил Кэт в одиночестве.

Мало было занимательного в этой комнате, главным украшением коей служил поясной портрет маслом мистера Манталини, которого художник изобразил небрежно почесывающим голову, благодаря чему мистер Манталини выгодно выставлял напоказ кольцо с бриллиантом — подарок мадам Манталини перед свадьбой. Но вот из соседней комнаты донеслись голоса, ведущие беседу, а так как разговор был громкий, а перегородка тонкая, Кэт не могла не обнаружить, что голоса принадлежат мистеру и миссис Манталини.

— Если ты будешь так отвратительно, дьявольски возмутительно ревнива, душа моя,— сказал мистер Манталини,— ты будешь очень несчастна... ужасно несчастна... дьявольски несчастна!

А затем раздался такой звук, словно мистер Манталини прихлебнул свой кофе.

— Да, я несчастна,— заявила мадам Манталини, явно дуясь.

— Значит, ты чрезмерно требовательная, недостойная, дьявольски неблагодарная маленькая фея,— сказал мистер Манталини.

— Неправда! — всхлипнув, возразила мадам.

— Не приходи в дурное расположение духа,— сказал мистер Манталини, разбивая скорлупу яйца.— У тебя прелестное, очаровательное, дьявольское личико, и ты не должна быть в дурном расположении духа, потому что это повредит его миловидности и сделает его сердитым и мрачным, как у страшного, злого, дьявольского чертенка.

— Меня не всегда можно обойти таким способом,— сердито заявила мадам.

— Можно обойти любым способом, какой покажется наилучшим, а можно и вовсе не обходить, если так больше нравится,— возразил мистер Манталини, засунув в рот ложку.

— Болтать очень легко,— сказала мадам Манталини.

— Не так-то легко, когда ешь дьявольское яйцо, — отозвался мистер Манталини,— потому что яичный желток стекает по жилету, и, черт побери, он не подходит ни к одному жилету, кроме желтого.

— Ты любезничал с ней весь вечер,— сказала мадам Манталини, явно желая перевести разговор на ту тему, от которой он уклонился.

— Нет, нет, жизнь моя.

— Ты любезничал, я все время не спускала с тебя глаз,— сказала мадам.

— Да благословит небо эти маленькие, мигающие, мерцающие глазки! — с каким-то ленивым упоением воскликнул Манталини.— Неужели они все время смотрели на меня? Ах, черт побери!

— И я еще раз повторяю,— продолжала мадам,— ты не должен вальсировать ни с кем, кроме своей жены,

и я этого не вынесу, Манталини, лучше уж мне сразу принять яд!

— Она не примет яда и не причинит себе ужасной боли, не правда ли? — сказал Манталини, который, судя по изменившемуся голосу, передвинул стул и сел поближе к жене.— Она не примет яда, потому что у нее дьявольски хороший муж, который мог бы жениться на двух графинях и на титулованной вдове...

— На двух графинях? — перебила мадам.— Раньше ты мне говорил об одной!

— На двух! — вскричал Манталини.— На двух дьявольски прекрасных женщинах, настоящих графинях и с огромным состоянием, черт меня побери!

— А почему же ты не женился? — игриво спросила мадам.

— Почему не женился? — отозвался супруг.— А разве я не увидел на утреннем концерте самую дьявольскую маленькую очаровательницу во всем мире? И, пока эта маленькая очаровательница — моя жена, пусть все графини и титулованные вдовы в Англии отправляются...

Мистер Манталини не кончил фразы, а подарил мадам Манталини очень звонкий поцелуй, который мадам Манталини ему вернула, а затем как будто последовали новые поцелуи, сопутствовавшие завтраку.

— А как насчет денег, сокровище моей жизни? — осведомился Манталини, когда эти нежности прекратились.— Сколько у нас наличными?

— Право, очень мало,— ответила мадам.

— Нам нужно побольше! — сказал Манталини.— Мы должны учесть вексель у старого Никльби, чтобы продержаться в тяжелое время, черт меня побери!

— Сейчас тебе больше не понадобится,— вкрадчиво сказала мадам.

— Жизнь и душа моя! — воскликнул супруг.— У Скробса продается лошадь, которую было бы грешно и преступно упустить,— идет просто даром, радость чувств моих!

— Даром! — воскликнула мадам.— Я этому рада.

— Буквально даром,— отозвался Манталини.— Сто гиней наличными — и она наша! Грива и холка, ноги и

хвост — все дьявольской красоты! Я буду разъезжать на ней в парке прямо перед каретами отвергнутых графинь. Проклятая старая титулованная вдова упадет в обморок от горя и бешенства, а две другие скажут: «Он женился, он улизнул, это дьявольская штука, все кончено!» Они возненавидят друг друга и пожелают, чтобы вы умерли и были погребены. Ха-ха! Черт побери!

Благоразумие мадам Манталини, если таковое у нее было, не устояло перед этим зрелищем триумфа: позвякав ключами, она заявила, что посмотрит, сколько денег у нее в столе, и, поднявшись для этой цели, распахнула двустворчатую дверь и вошла в комнату, где сидела Кэт.

— Ах, боже мой, дитя мое! — воскликнула мадам Манталини, в изумлении попятившись.— Как вы сюда попали?

— Дитя! — вскричал Манталини, вбегая в комнату.— Как попали... А!.. О!.. Черт побери, как поживаете?

— Я уже давно жду здесь, сударыня,— сказала Кэт, обращаясь к мадам Манталини.— Мне кажется, слуга позабыл доложить вам, что я здесь.

— Право же, вы должны обратить внимание на этого человека,— сказала мадам, повернувшись к своему мужу.— Он все забывает.

— Я отвинчу ему нос с его проклятой физиономии за то, что он оставил такое прелестное создание в одиночестве! — сказал супруг.

— Манталини! — вскричала мадам.— Ты забываешься!

— Я никогда не забываю о тебе, душа моя, и никогда не забуду и не могу забыть,— сказал Манталини, целуя руку жены и корча гримасу в сторону мисс Никльби, которая отвернулась.

Умиротворенная этим комплиментом, деловая леди взяла со своего письменного стола какие-то бумаги, которые передала Манталини, принявшему их с великим восторгом, затем она предложила Кэт следовать за нею, и после нескольких неудачных попыток мистера Манталини привлечь внимание молодой особы они вышли, а этот джентльмен, взяв газету, растянулся на диване и задрал ноги.

Мадам Манталини повела Кэт в нижний этаж и по коридору прошла в большую комнату в задней половине дома, где много молодых женщин занимались шитьем, кройкой, переделкой и различными другими процедурами, известными лишь тем, кто постиг искусство создавать модные наряды. Это была душная комната с верхним светом, такая скучная и унылая, какою только может быть комната.

Мадам Манталини громко позвала мисс Нэг; появилась невысокая суетливая разряженная женщина, преисполненная сознанием собственной важности, а все молодые леди, на секунду оторвавшись от работы, обменялись шепотом всевозможными критическими замечаниями о добротности ткани и покрое платья мисс Никльби, о цвете и чертах ее лица и обо всем ее облике с такою же благовоспитанностью, какую можно наблюдать в наилучшем обществе в переполненном бальном зале.

— Мисс Нэг,— сказала мадам Манталини,— вот та молодая особа, о которой я вам говорила.

Мисс Нэг посмотрела на мадам Манталини с почтительной улыбкой, которую ловко превратила в милостивую, предназначенную для Кэт, и сказала, что, разумеется, хотя и очень много хлопот с молодыми девицами, совершенно не приученными к делу, однако она уверена, молодая особа будет стараться по мере сил; благодаря такой уверенности она, мисс Нэг, уже почувствовала к ней интерес.

— Я думаю, что во всяком случае первое время лучше будет для мисс Никльби вместе с вами примерять в ателье платья заказчицам,— сказала мадам Манталини.— Сейчас она еще не может приносить много пользы, а ее наружность...

— ...будет прекрасно гармонировать с моей, мадам Манталини! — перебила мисс Нэг.— Совершенно верно, и, конечно, я должна предположить, что вы очень скоро в этом убедитесь: у вас столько вкуса, что, право же, как я часто говорю этим молодым леди, я не знаю, как, когда и где вы могли приобрести все эти знания... гм!.. Мисс Никльби и я — мы как раз под пару, мадам Манталини, только у меня волосы чуть-чуть темнее, чем у мисс Никльби, и... гм!.. мне кажется, у меня нога чуть-чуть

меньше. Я уверена, мисс Никльби не обидится на мои слова, когда узнает, что наша семья всегда славилась маленькими ножками с тех пор, как... гм!.. да, я думаю, с тех пор как у нашей семьи вообще появились ноги. Был у меня, мадам Манталини, дядя, который жил в Челтенхеме и имел превосходное дело — табачную лавку... гм!.. у него были очень маленькие ноги, не больше, чем ступни, какие обычно приделывают к деревянным ногам,— самые симметричные ноги, мадам Манталини, какие вы только можете вообразить.

— Вероятно, мисс Нэг, они походили на спеленатые,— сказала мадам.

— Ах, как это на вас похоже! — воскликнула мисс Нэг.— Ха-ха-ха! Спеленатые! О, чудесно! Я часто говорю этим молодым леди: «Должна сказать, и пусть все это знают, что из всех удачных острот, какие мне приходилось слышать, а слыхала я очень много, потому что при жизни моего дорогого брата (я вела у него хозяйство, мисс Никльби) у нас ужинали раз в неделю два-три молодых человека, славившихся в те дни своим остроумием, мадам Манталини,— из всех удачных острот,— говорю я этим молодым леди,— какие мне приходилось слышать, остроты мадам Манталини — самые замечательные... гм!.. Они такие легкие, такие саркастические и в то же время такие добродушные (как сказала я мисс Симондс не дальше чем сегодня утром), что, когда, как и каким образом она этому научилась, для меня поистине тайна».

Тут мисс Нэг приумолкла, чтобы перевести дыхание; а пока она молчит, не мешает отметить (не тот факт, что она была необычайно разговорчива и необычайно предана мадам Манталини, ибо этот факт не нуждается в комментариях), что она имела привычку то и дело вставлять в поток речи громкое, пронзительное, отчетливое «гм!», значение и смысл коего толковались ее знакомыми различно. Одни утверждали, что мисс Нэг вводила это восклицание, впадая в преувеличения, когда у нее в голове созревала новая выдумка; другие — что, подыскивая нужное слово, она вставляла «гм!», чтобы выиграть время и воспрепятствовать кому-либо другому вмешаться в разговор. Далее можно указать, что мисс Нэг все еще пре-

тендовала на юный возраст, хотя оставила его позади много лет назад, и что она была непостоянна и тщеславна и относилась к категории тех особ, к которым прекрасно подходит правило: доверять вы им можете, пока они у вас на глазах, но и только.

— Вы позаботитесь о том, чтобы мисс Никльби ознакомилась с часами работы и со всем прочим,— сказала мадам Манталини.— Итак, я оставляю ее с вами. Вы не забудете моих распоряжений, мисс Нэг?

Разумеется, мисс Нэг ответила, что забыть какое бы то ни было распоряжение мадам Манталини является невозможным с моральной точки зрения, и, пожелав своим помощницам доброго утра, мадам Манталини выплыла из комнаты.

— Какое она очаровательное создание, не правда ли, мисс Никльби? — сказала мисс Нэг, потирая руки.

— Я ее очень мало видела,— сказала Кэт.— Я еще не могу судить.

— Вы видели мистера Манталини? — осведомилась мисс Нэг.

— Да, его я видела два раза.

— Не правда ли, он — очаровательное создание?

— Право же, на меня он совсем не произвел такого впечатления,— ответила Кэт.

— Как, дорогая моя! — вскричала мисс Нэг, воздев руки.— Господи боже мой, где же ваш вкус? Такой красивый, рослый, видный джентльмен, с такими бакенбардами, с такими зубами и волосами... и... гм!.. Да вы меня изумляете!

— Должно быть, я очень глупа,— отозвалась Кэт, снимая шляпку,— но так как мое мнение имеет очень мало значения для него и для кого бы то ни было, я не жалею о том, что составила его, и, кажется, не скоро его изменю.

— Разве вы не находите, что он очень красивый мужчина? — спросила одна из молодых леди.

— Он может быть и красив, хотя бы я с этим не соглашалась,— сказала Кэт.

— И у него прекрасные лошади, не правда ли? — осведомилась другая.

— Очень возможно, но я их никогда не видела,— ответила Кэт.

— Никогда не видели? — вмешалась мисс Нэг.— О! Теперь все ясно! Как можете вы высказывать мнение о джентльмене... гм!.. если вы не видели его, когда он выезжает в своем экипаже?

Столько было суетного — как ни мало знала свет провинциальная девушка — в этом суждении старой портнихи, что Кэт, стремившаяся по многим основаниям переменить тему разговора, не произнесла больше ни слова и оставила мисс Нэг победительницей на поле битвы.

После недолгой паузы, в продолжение коей молодые девушки рассматривали Кэт и молча обменивались результатами своих наблюдений, одна из них предложила ей свою помощь, чтобы снять шаль, и, получив согласие, осведомилась, не считает ли она, что очень неприятно носить черное платье.

— Да, конечно,— с горьким вздохом ответила Кэт.

— Так пылится и так жарко в нем,— продолжала та же особа, оправляя на ней платье.

Кэт могла бы сказать, что траур бывает иногда самой холодной одеждой, в какую могут облечься смертные; что он не только леденит грудь тех, кто его носит, но и простирает свое влияние на летних друзей, сковывает льдом источники их доброго расположения и ласки и, губя нерасцветшие обещания, которые они когда-то так щедро расточали, не оставляет ничего, кроме сухих и увядших сердец. Мало найдется людей, которые, потеряв друга или родственника, являвшегося их единственной опорой в жизни, не чувствуют глубоко этого леденящего действия черной одежды. Кэт чувствовала его остро и, почувствовав в тот момент, не смогла удержаться от слез.

— Мне очень жаль, что я вас огорчила своими необдуманными словами,— сказала ее собеседница.— Я об этом не подумала. Вы носите траур по какому-нибудь близкому родственнику?

— По отцу,— ответила Кэт.

— По какому родственнику, мисс Симондс? — громко переспросила мисс Нэг.

— По отцу,— тихо отозвалась та.

— По отцу? — сказала мисс Нэг, ничуть не понижая голоса.— А! И долго он болел, мисс Симондс?

— Тише,— отозвалась девушка.— Не знаю.

— Несчастье постигло нас внезапно,— сказала Кэт, отворачиваясь,— иначе я при таких обстоятельствах, как сейчас, быть может перенесла бы его лучше.

У присутствующих в комнате, как всегда при появлении новой «молодой особы», возникло желание узнать, кто такая Кэт и решительно всё о ней; но, хотя это желание весьма естественно могло усилиться благодаря наружности и волнению Кэт, сознания, что расспросы причинят ей боль, оказалось достаточно, чтобы подавить это любопытство. И мисс Нэг, считая в настоящий момент безнадежной всякую попытку извлечь еще какие-нибудь сведения, неохотно призвала к молчанию и предложила приступить к работе.

Все трудились молча до половины второго, а затем на кухне была подана жареная баранья нога с жареным картофелем. Когда обед был кончен и молодые леди в виде дополнительного развлечения вымыли руки, снова началась работа и снова протекала в молчании, пока стук карет, грохотавших по улицам, и громкие двойные удары в двери не возвестили, что более счастливые члены общества в свою очередь приступили к повседневным занятиям.

Один из таких двойных ударов в дверь мадам Манталини дал знать о прибытии экипажа некоей знатной леди — или, вернее, богатой, ибо бывает иногда разница между богатством и знатностью,— которая приехала вместе с дочерью примерить давно заказанные придворные туалеты; и обслуживать их была послана Кэт в сопровождении мисс Нэг и, разумеется, под командой мадам Манталини.

Роль Кэт в этой церемонии была довольно скромной: ее обязанности ограничивались тем, что она должна была держать различные принадлежности туалета, пока они не понадобятся мисс Нэг для примерки, и изредка завязать тесемку или застегнуть крючок. Она могла не без оснований считать себя защищенной от дерзкого обращения и злобы, но случилось так, что в тот день и леди и дочь ее были в дурном расположении духа, и бедная девушка стала жертвой их оскорблений. Она неуклюжа, руки у нее холодные, грязные, шершавые, она ничего не умеет делать; они удивляются, как может

мадам Манталини держать у себя таких людей; требовали, чтобы в следующий раз, когда они приедут, им прислуживала какая-нибудь другая молодая женщина, и так далее.

Этот случай вряд ли заслуживал бы упоминания, если бы не последствия, какие он за собой повлек. Кэт пролила много горьких слез, когда ушли эти леди, и впервые почувствовала унизительность своего труда. Правда, ее пугала перспектива тяжелой и неприятной работы, но она не чувствовала никакого унижения в том, чтобы зарабатывать на хлеб, пока не увидела себя не защищенной от наглости и гордыни. Философия научила бы ее понимать, сколь унизили себя те, которые пали настолько, что давали волю таким свойствам характера по привычке и без причины. Но она была слишком молода, чтобы это служило ей утешением, и ее понятие о честности было оскорблено. Не возникает ли так часто жалоба на то, что простые люди поднимаются выше своего звания, из того факта, что люди «непростые» опускаются ниже своего?

В таких сценках и занятиях тянулось время до девяти часов, когда Кэт, изнуренная и подавленная событиями дня, поспешно выбежала из душной рабочей комнаты, чтобы встретиться с матерью на углу улицы и идти домой. Она еще больше грустила потому, что должна была скрывать свои чувства и притворяться, будто разделяет радужные мечты своей спутницы.

— Ах, боже мой, Кэт! — сказала мисс Никльби.— Я весь день думала о том, как было бы чудесно, если бы мадам Манталини взяла тебя в компаньонки,— знаешь ли, это так естественно. Представь, свояченица кузена твоего бедного папы, мисс Браундок, была принята в компаньонки одной леди, у которой была школа в Хэммерсмите, и сколотила себе состояние буквально в две минуты. Кстати, я забыла, та ли это мисс Браундок, которая выиграла десять тысяч фунтов в лотерею, но мне кажется, это та самая. Да, теперь, подумав, я уверена, что это та самая. «Манталини и Никльби» — как бы это чудесно звучало! И если бы Николас хорошо устроился, мы могли бы жить на одной улице с доктором Никльби, ректором Вестминстерской школы!

— Дорогой Николас! — воскликнула мисс Кэт, вынимая из ридикюля письмо брата из Дотбойс-Холла.— При всех наших затруднениях я так счастлива, мама, зная, что ему хорошо живется и он в таком прекрасном расположении духа. Что бы нам ни пришлось перенести, меня утешает мысль, что он доволен и счастлив.

Бедная Кэт! Она и не подозревала, какое слабое это было утешение и как скоро предстояло ей разочароваться.

ГЛАВА XVIII

Мисс Нэг, в течение трех дней обожавшая Кэт Никльби, намеревается возненавидеть ее навеки. Причины, которые побудили мисс Нэг принять это решение

Жизнь многих людей, полная мучений, тягот, страданий, не представляя никакого интереса ни для кого, кроме тех, кто ее ведет, оставлена без внимания людьми, которые не лишены способности мыслить и чувствовать, но скупы на сострадание и нуждаются в сильных возбуждающих средствах, чтобы оно проснулось.

Немало есть служителей милосердия, которые в своем призвании ищут не меньше искусственного возбуждения, чем любители наслаждений в своем; в результате нездоровая симпатия и сострадание повседневно простираются на дальние объекты, хотя постоянно находится на виду у самого ненаблюдательного человека более чем достаточно объектов, по праву требующих применения тех же добродетелей. Короче говоря, милосердию нужна романтика так же, как нужна она писателю-романисту или драматургу. Вор в бумазейной блузе — заурядный тип, вряд ли заслуживающий внимания людей с тонким вкусом; но оденьте его в зеленый бархат, дайте ему шляпу с высокой тульей и перенесите место его деятельности из густонаселенного города на горную дорогу — и вам откроется в нем дух поэзии и приключений. Так обстоит дело и с великой, основной добродетелью, которая при нормальном ее развитии и упражнении приво-

дит ко всем остальным, если не включает их. Она нуждается в своей романтике, и чем меньше в этой романтике подлинной, трудной жизни с повседневной борьбой и работой, тем лучше.

Жизнь, на которую была обречена бедная Кэт Никльби вследствие непредвиденного хода событий, уже упомянутых в этом повествовании, была тяжелой. Но из боязни, как бы однообразие, нездоровые условия и физическая усталость — а ведь в этом и состояла ее жизнь — не сделали ее неинтересной для людей милосердных и сострадательных, я в данный момент предпочел бы удержать на первом плане самое мисс Никльби и для начала не замораживать их интерес подробным и растянутым описанием заведения, возглавляемого мадам Манталини.

— О, право же, мадам Манталини,— сказала мисс Нэг, когда Кэт устало возвращалась домой в первый вечер своего ученичества,— эта мисс Никльби очень достойная молодая особа... да, очень достойная... гм!.. уверяю вас, мадам Манталини. Даже вашему умению распознавать людей делает честь то обстоятельство, что вы подыскали такую превосходную, такую благовоспитанную, такую... гм!.. такую скромную молодую женщину в помощницы мне при примерке. Я видела, как молодые женщины, когда им выпадал случай покрасоваться перед теми, кто выше их, держали себя так, что... о боже... Да, но вы всегда правы, мадам Манталини, всегда! И я постоянно твержу этим молодым леди: для меня поистине тайна, как вы только ухитряетесь быть всегда правой, когда столько людей так часто ошибаются.

— За исключением того, что мисс Никльби вывела из терпения превосходную заказчицу, ничего особо замечательного она сегодня не сделала, в этом я во всяком случае уверена,— сказала в ответ мадам Манталини.

— Ах, боже мой! — сказала мисс Нэг.— Многое, знаете ли, нужно отнести за счет неопытности.

— И молодости? — осведомилась мадам.

— О, об этом я ничего не говорю, мадам Манталини,— зардевшись, отозвалась мисс Нэг,— потому что, если бы молодость служила оправданием, у вас бы не было...

— ...такой хорошей первой мастерицы, полагаю я,— подсказала мадам.

— Никогда не видывала я такого человека, как вы, мадам Манталини! — весьма самодовольно подхватила мисс Нэг.— Вы знаете, что любой человек хочет сказать, когда слово еще не успело сорваться с уст. О, чудесно! Ха-ха-ха!

— Что касается меня,— заметила мадам Манталини, с притворным равнодушием посмотрев на свою помощницу и втихомолку искренне забавляясь,— то я считаю мисс Никльби самой неуклюжей девушкой, какую мне случалось видеть.

— Бедняжка! — подхватила мисс Нэг.— Это не ее вина, иначе у нас была бы надежда ее исправить, но раз это ее несчастье, мадам Манталини, то... как сказал кто-то о слепой лошади, мы, знаете ли, должны отнестись к ней с уважением.

— Ее дядя говорил мне, что ее считают хорошенькой,— заметила мадам Манталини.— Я нахожу ее одной из самых заурядных девушек, каких мне случалось встречать.

— Конечно, она заурядна! — вскричала мисс Нэг с просиявшей от радости физиономией.— И неуклюжа! Но я могу только сказать, мадам Манталини, что я по-настоящему люблю эту бедную девушку, и будь она вдвое более неуклюжей и некрасивой, я была бы еще более искренним ее другом, и это сущая правда.

Действительно, у мисс Нэг зародилось теплое чувство к Кэт Никльби после того, как она была свидетельницей ее провала утром, а этот короткий разговор с хозяйкой усилил ее милостивое расположение самым изумительным образом, что было особенно примечательно, ибо, когда она в первый раз внимательно обозрела лицо и фигуру молодой леди, у нее появилось предчувствие, что они никогда не поладят.

— Но теперь,— продолжала мисс Нэг, посмотрев на себя в зеркало, находившееся неподалеку,— я ее люблю — я ее по-настоящему люблю, я это утверждаю!

Столь высоким бескорыстием отличалась эта преданная дружба и была она настолько выше маленьких сла-

бостей вроде лести и неискренности, что на следующий день добросердечная мисс Нэг откровенно уведомила Кэт Никльби, что, по-видимому, Кэт никогда не освоится с делом, но ей отнюдь незачем беспокоиться по этому поводу: она, мисс Нэг, удвоив со своей стороны усилия, будет, поскольку возможно, отодвигать ее на задний план, а Кэт надлежит только быть совершенно спокойной в присутствии посторонних и стараться по мере сил не привлекать к себе внимания. Этот последний совет столь соответствовал чувствам и желаниям робкой девушки, что она охотно обещала полагаться безоговорочно на указания превосходной старой девы, не расспрашивая и даже ни на секунду не задумываясь о мотивах, которыми они были продиктованы.

— Честное слово, я отношусь к вам с живейшим участием, моя милочка,— сказала мисс Нэг,— решительно с сестринским участием. Такого удивительного чувства я никогда еще не испытывала.

Несомненно, удивительно было то, что, если мисс Нэг проявляла живейшее участие к Кэт Никльби, оно не было участием девствующей тетки или бабушки, к каковому заключению, естественно, приводила бы разница в годах. Но платья мисс Нэг были сшиты по фасону для молоденьких, и, быть может, того же фасона были и ее чувства.

— Господь с вами! — сказала мисс Нэг, целуя Кэт по окончании второго дня работы.— Какой неловкой были вы весь день!

— Боюсь, что ваше доброе и искреннее слово, заставившее меня еще сильнее почувствовать мои недостатки, не пошло мне на пользу,— вздохнула Кэт.

— Да, пожалуй, не пошло! — подхватила мисс Нэг с весьма несвойственной ей веселостью.— Но гораздо лучше, что вы узнали об этом с самого начала и, стало быть, могли заниматься своим делом просто и спокойно. Вы в какую сторону идете, милочка?

— В сторону Сити,— ответила Кэт.

— В Сити? — воскликнула мисс Нэг, с великим одобрением разглядывая себя в зеркале и завязывая ленты шляпки.— Ах, боже милостивый, да неужели же вы живете в Сити?

— Разве это так уж удивительно? — с полуулыбкой спросила Кэт.

— Я не считала возможным, чтобы какая-нибудь молодая женщина могла прожить там при любых обстоятельствах хотя бы три дня,— ответила мисс Нэг.

— Люди, находящиеся в стесненном положении, то есть бедные люди,— отозвалась Кэт, быстро поправляясь, потому что боялась показаться гордой,— должны жить там, где придется.

— Совершенно верно, должны, совершенно правильно! — подхватила мисс Нэг с тем полувздохом, который в сопровождении двух-трех легких кивков головой служит в обществе разменной монетой жалости.— И это я очень часто говорю моему брату, когда наши служанки заболевают и уходят одна за другой, а он думает, что кухня слишком сырая и что там вредно спать. Эти люди, говорю я ему, рады спать где угодно! Господь приноравливает нашу спину к ноше. Утешительно думать, что это именно так, не правда ли?

— Очень утешительно,— ответила Кэт.

— Я пройду с вами часть пути, моя милая,— сказала мисс Нэг,— потому что вам придется идти чуть ли не мимо нашего дома, и так как сейчас совсем темно, а наша последняя служанка неделю назад легла в больницу — у нее антонов огонь на лице,— я буду рада побыть в вашем обществе.

Кэт охотно отказалась бы от столь лестного предложения, но мисс Нэг, надев, наконец, шляпку вполне, на ее взгляд, изящно, взяла ее под руку с видом, ясно свидетельствующим, сколь глубоко сознает она честь, оказываемую ею Кэт, и они очутились на улице, прежде чем та могла вымолвить слово.

— Боюсь,— нерешительно начала Кэт,— что мама — моя мать, хочу я сказать — ждет меня.

— Вам незачем приносить какие бы то ни было извинения, моя милая,— сказала мисс Нэг, сладко при этом улыбаясь,— я не сомневаюсь, что она весьма почтенная старая леди, и я буду очень... гм!.. очень рада познакомиться с ней.

Так как у бедной миссис Никльби на углу улицы закоченели ноги, да и все тело, Кэт ничего не оставалось

делать, как представить ее мисс Нэг, которая, подражая последней из прибывших в экипаже заказчиц, пошла на новое знакомство со снисходительной вежливостью. Затем они втроем отправились рука об руку — посредине мисс Нэг, в особо милостивом расположении духа.

— Я почувствовала такую симпатию к вашей дочери, миссис Никльби, вы и представить себе не можете,— сказала мисс Нэг, пройдя несколько шагов в молчании, исполненном достоинства.

— Я счастлива это слышать,— отозвалась миссис Никльби,— хотя для меня нет ничего нового в том, что Кэт нравится даже посторонним людям.

— Гм! — сказала мисс Нэг.

— Вы ее еще больше полюбите, когда узнаете, какая она милая,— продолжала миссис Никльби.— Великое утешенье для меня в моих несчастьях иметь дочь, которая не знает, что такое гордость и тщеславие, хотя полученное ею воспитание могло бы до известной степени оправдать эти чувства. Вы не знаете, что значит потерять мужа, мисс Нэг!

Так как мисс Нэг до сих пор еще не знала, что значит приобрести мужа, то, пожалуй, вполне естественно было ей не знать, что значит потерять его. Поэтому она сказала с некоторой поспешностью: «Да, конечно, не знаю»,— и сказала это тоном, дающим понять, что хотела бы она посмотреть, как бы она сделала такую глупость и вышла замуж. Нет, она не так глупа!

— Я не сомневаюсь, что Кэт оказала успехи даже за такое короткое время,— продолжала миссис Никльби, с гордостью взглянув на дочь.

— О, конечно! — подтвердила мисс Нэг.

— И окажет еще большие успехи,— добавила миссис Никльби.

— Ручаюсь, что окажет,— согласилась мисс Нэг, сжимая руку Кэт, чтобы та поняла шутку.

— Она всегда была очень способной,— просияв, сказала бедная миссис Никльби,— всегда, с колыбели. Я припоминаю, когда ей было всего два с половиной года, один джентльмен, который, бывало, частенько нас навещал,— знаешь ли, Кэт, дорогая моя, это мистер Уоткинс, за

которого поручился твой бедный папа, а он потом удрал в Соединенные Штаты и прислал нам пару лыж с таким ласковым письмом, что твой бедный дорогой отец целую неделю плакал. Помнишь это письмо? В нем он писал о том, как он сожалеет, что в данное время не может вернуть пятьдесят фунтов, так как его капитал вложен в дело за проценты и он очень занят наживанием денег, но он не забыл о том, что ты его крестница, и будет очень огорчен, если мы не купим тебе коралла в серебряной оправе и не припишем этой суммы к старому счету. Боже мой, конечно, мы так и сделали, дорогая моя, какая ты глупенькая! И он с такой любовью писал о старом портвейне, которого выпивал, бывало, полторы бутылки каждый раз, когда приходил к нам. Ты, конечно, помнишь, Кэт?

— Да, да, мама! Что же вы хотели сказать о нем?

— Так вот этот самый мистер Уоткинс, дорогая моя,— продолжала миссис Никльби медленно, словно делая огромное усилие, чтобы припомнить нечто в высшей степени важное,— этот самый мистер Уоткинс... пусть мисс Нэг не подумает, что он состоял в какомнибудь родстве с Уоткинсом, державшим в деревне трактир «Старый Боров»... кстати, я не помню, был ли это «Старый Боров» или «Георг Третий», но знаю, что одно из двух, да и разницы особой нет... этот самый мистер Уоткинс сказал, когда тебе было всего два с половиной года, что ты самое изумительное дитя, какое ему случалось видеть. Право же, он так сказал, мисс Нэг, а он совсем не любил детей, и у него не было ни малейших оснований это говорить. Я знаю, что сказал это именно он, потому что помню не хуже, чем если бы это случилось вчера, как он ровно через секунду занял двадцать фунтов у ее бедного дорогого папы.

Приведя это поразительное и совершенно беспристрастное свидетельство в пользу талантливости своей дочери, миссис Никльби остановилась передохнуть, а мисс Нэг, видя, что речь зашла о величии семьи, в свою очередь приступила, не мешкая, к воспоминаниям.

— Не говорите, миссис Никльби, о данных взаймы деньгах,— сказала мисс Нэг,— иначе вы меня с ума сведете, окончательно сведете. Моя мама... гм!.. была самым

очаровательным и прекрасным созданием, с самым удивительным и чудесным... гм!.. я полагаю, с самым чудесным носом, какой когда-либо украшал человеческое лицо, миссис Никльби (тут мисс Нэг с чувством потерла собственный нос). Пожалуй, это была самая прелестная и образованная женщина, какая когда-либо существовала; но был у нее один недостаток — давать деньги взаймы, и она доходила до того, что давала взаймы... гм!.. О! тысячи фунтов! Все наше маленькое состояние. И мало того, миссис Никльби: я не думаю, чтобы мы когда-нибудь получили их обратно, хотя бы дожили до... до.. гм!.. до светопреставления. Право же, не думаю!

Закончив без помех эту вымышленную историю, мисс Нэг перешла к другим воспоминаниям, столь же интересным, сколь и правдивым, по течению коих миссис Никльби, после тщетных попыток запрудить поток, поплыла спокойно, добавляя в виде подводных струй свои собственные воспоминания. Итак, обе леди продолжали говорить одновременно с полным удовольствием; единственная разница между ними заключалась в том, что мисс Нэг обращалась к Кэт и говорила очень громко, а миссис Никльби болтала непрерывно и монотонно, вполне удовлетворенная возможностью говорить и очень мало заботясь о том, слушает ли ее кто-нибудь, или нет.

Так весьма дружелюбно продолжали они путь, пока не подошли к дому, где жил брат мисс Нэг, который держал лавку письменных принадлежностей и маленькую читальню в переулке неподалеку от Тотенхем-Корт-роуд и выдавал на день, на неделю, месяц или год новейшие из старых романов, названия каковых были написаны чернилами на листе картона, висевшем у его двери. Так как мисс Нэг дошла в этот момент как раз до середины повествования о двадцать втором предложении, полученном ею от весьма состоятельного джентльмена, она настояла на том, чтобы они зашли поужинать, и они вошли.

— Не уходи, Мортимер,— сказала мисс Нэг, когда они очутились в лавке.— Это одна из наших молодых леди и ее мать. Миссис и мисс Никльби.

— О, вот как! — сказал мистер Мортимер Нэг.— А!

Произнеся эти восклицания с весьма глубокомысленным и задумчивым видом, мистер Нэг медленно снял нагар с двух кухонных свечей на прилавке и еще с двух в витрине, а затем понюхал табаку из табакерки, хранившейся в жилетном кармане.

Было что-то очень внушительное в том таинственном виде, с каким он все это проделал. Так как мистер Нэг был высокий, тощий джентльмен с важной физиономией, носивший очки и украшенный гораздо менее пышной шевелюрой, чем та, какою обычно может похвалиться джентльмен на пороге сорока лет, то миссис Никльби шепнула дочери, что, должно быть, он литератор.

— Одиннадцатый час,— сказал мистер Нэг, посмотрев на часы.— Томас, закрывай торговое помещение.

Томас был мальчик ростом примерно с половину ставня, а торговое помещение было лавкой величиной с три наемных кареты.

— А! — снова сказал мистер Нэг, испуская глубокий вздох и ставя на полку книгу, которую он читал.— Так... да... я думаю, ужин готов, сестра.

Еще раз вздохнув, мистер Нэг взял с прилавка кухонные свечи и, уныло шагая, повел леди в заднюю гостиную, где поденщица, нанятая на время отсутствия больной служанки и получавшая восемнадцать пенсов вознаграждения. вычитаемых из жалованья этой последней, накрывала на стол к ужину.

— Миссис Блоксон,— укоризненно сказала мисс Нэг,— сколько раз я вас просила не входить в комнату в шляпе!

— Ничего не могу поделать, мисс Нэг! — сказала поденщица, мгновенно вспылив.— Очень уж много уборки было тут в доме, а если вам это не нравится, так потрудитесь поискать кого-нибудь другого, потому что мои труды едва-едва оплачиваются, и это сущая правда, хотя бы меня сию минуту должны были повесить.

— С *вашего* разрешения, я не желаю слушать никаких замечаний,— сказала мисс Нэг, делая сильное ударение на слове «вашего».— Огонь внизу разведен, чтобы подогреть воду?

— Нет там никакого огня, мисс Нэг,— ответила временная служанка,— и я не стану вас обманывать.

— А почему его нет? — спросила мисс Нэг.

— Потому что угля не осталось, и если бы я могла делать уголь, я бы его сделала, но раз я не могу, то я и не делаю, вот что я осмелюсь вам сказать, сударыня,— ответила миссис Блоксон.

— Попридержите язык, женщина! — сказал мистер Мортимер Нэг, с ожесточением врываясь в беседу.

— Прошу прощения, мистер Нэг,— круто поворачиваясь, отозвалась поденщица,— я буду только очень рада не говорить в этом доме, разве что когда ко мне обратятся, сэр; а что касается до женщины, сэр, то хотела бы я знать, кем вы считаете себя?

— Негодная тварь! — воскликнул мистер Нэг, хлопнув себя по лбу.— Негодная тварь!

— Очень рада, что вы называете себя своим настоящим именем, сэр,— сказала миссис Блоксон.— А так как третьего дня моим близнецам исполнилось всего семь недель, а в прошлый понедельник мой маленький Чарли упал с лестницы и вывихнул руку в локте, я буду вам благодарна, если вы пришлете мне завтра на дом девять шиллингов за неделю работы, прежде чем пробьет десять часов.

С этими прощальными словами добрая женщина весьма непринужденно покинула комнату, оставив дверь открытой настежь. В ту же минуту мистер Нэг громко застонал и бросился в «торговое помещение».

— Простите, что случилось с джентльменом? — осведомилась миссис Никльби, крайне встревоженная этими звуками.

— Он не болен? — осведомилась Кэт, серьезно обеспокоившись.

— Тише! — отозвалась мисс Нэг.— Это в высшей степени грустная история. Когда-то он был беззаветно предан... гм!.. мадам Манталини.

— Ах, боже мой! — воскликнула миссис Никльби.

— Да,— продолжала мисс Нэг,— и вдобавок встретил серьезное поощрение и втайне надеялся жениться на ней. У него в высшей степени романтическое сердце, миссис Никльби, да, как и... гм!.. как и у всей нашей семьи, и разочарование явилось жестоким ударом. Он на редкость одаренный человек, изумительно одаренный,

читает... гм!.. читает все выходящие в свет романы. Я хочу сказать — все романы, в которых... гм!.. в которых, конечно, есть нечто великосветское. Дело в том, что в прочитанных им книгах он нашел столько сходного с его собственными несчастьями и себя нашел во всех отношениях столь похожим на героев — он, знаете ли, сознавал свое собственное превосходство, как и все мы сознаем, и это вполне естественно,— что начал презирать все и сделался гением. И я совершенно уверена, что в эту самую минуту он пишет новую книгу.

— Новую книгу? — повторила Кэт, заметив, что пауза сделана для того, чтобы кто-то что-то сказал.

— Да! — подтвердила мисс Нэг, с великим торжеством кивая головой.— Новую книгу, в трех томах! Конечно, у него есть большое преимущество: во всех изящных описаниях он может использовать мой... гм!.. мой опыт, потому что, разумеется, мало кому из авторов, рассказывающих о таких вещах, представлялось столько благоприятных случаев изучить их, сколько мне. Он так поглощен великосветской жизнью, что малейшее упоминание о делах или житейских материях — вот, например, как сейчас с этой женщиной — буквально выводит его из себя. Но я часто ему говорю: его разочарование— счастье для него, потому что, не будь он разочарован, он бы не мог писать о погибших надеждах и тому подобных вещах. И, не случись того, что случилось, я думаю, его гениальность никогда бы не проявилась.

Сколько бы еще могла поведать мисс Нэг при более благоприятных обстоятельствах, угадать невозможно, но так как мрачный субъект находился поблизости, а огонь следовало раздуть, то доверительные ее сообщения на этом оборвались. Судя по всем признакам и по тому, как трудно было подогреть воду, последняя служанка не привыкла иметь дело с каким бы то ни было огнем, кроме антонова, но в конце концов было подано немного бренди с водой, и гости, которых предварительно угостили холодной бараниной, хлебом и сыром, вскоре после этого откланялись.

На обратном пути Кэт забавлялась, припоминая мистера Мортимера Нэга, погрузившегося в глубокомысленные размышления у себя в лавке; а миссис

Никльби рассуждала сама с собой, будет ли в конце концов мастерская модных нарядов называться «Манталини, Нэг и Никльби» или «Манталини, Никльби и Нэг».

На этом высоком уровне оставалось дружеское расположение мисс Нэг в течение целых трех дней, к великому изумлению молодых леди мадам Манталини, которые доселе никогда не наблюдали такого постоянства с ее стороны, но на четвертый день последовал удар, столь же сильный, сколь и неожиданный, а произошло это следующим образом.

Случилось так, что старый лорд знатного рода, собиравшийся жениться на молодой леди, не имевшей никакой родословной, приехал с этой молодой леди и сестрой молодой леди, чтобы присутствовать при церемонии примерки двух шляпок к свадьбе, заказанных накануне. И когда мадам Манталини пронзительным дискантом возвестила об этом в переговорную трубку, через которую она сообщалась с мастерской, мисс Нэг стремительно помчалась вверх, держа по шляпке в обеих руках, и в ателье явилась охваченная очаровательным трепетом, который должен был свидетельствовать о ее энтузиазме. Как только шляпки были благополучно надеты, мисс Нэг и мадам Манталини пришли в неописуемый восторг.

— В высшей степени элегантный вид! — сказала мадам Манталини.

— Никогда в жизни не видела ничего столь восхитительного! — сказала мисс Нэг.

Старый лорд, который был *очень* старым лордом, не сказал ничего, а только забормотал и закудахтал, пребывая в величайшем восторге как от свадебных шляпок и тех леди, на ком они были надеты, так и от собственной ловкости, с какою он заполучил в жены столь очаровательную женщину, а молодая леди, которая была очень бойкой, увидев старого лорда в таком упоении, загнала старого лорда за трюмо и тут же расцеловала его, а мадам Манталини и другая молодая леди скромно отвернулись.

Но во время этой нежной сцены мисс Нэг, которой не чуждо было любопытство, случайно зашла за трюмо и встретилась глазами с бойкой молодой леди как раз в тот момент, когда она целовала старого лорда, после

чего молодая леди, надувшись, прошептала что-то о «старухе» и «величайшей дерзости» и кончила тем, что метнула недовольный взгляд на мисс Нэг и презрительно улыбнулась.

— Мадам Манталини! — окликнула молодая леди.

— Сударыня? — отозвалась мадам Манталини.

— Пожалуйста, позовите сюда ту хорошенькую молодую особу, которую мы видели вчера.

— О да, позовите! — сказала сестра.

— Больше всего на свете, мадам Манталини,— сказала невеста лорда, томно бросаясь на диван,— больше всего на свете я ненавижу, когда мне прислуживают пугала или старухи. Пожалуйста, посылайте мне эту молодую особу всякий раз, когда я бываю здесь.

— Непременно! — сказал старый лорд.— Прелестную молодую особу. Непременно!

— О ней все говорят,— тем же небрежным тоном сказала молодая леди,— и милорд, большой поклонник красоты, обязательно должен ее увидеть.

— Да, она вызывает всеобщее восхищение,— ответила мадам Манталини.— Мисс Нэг, пошлите сюда мисс Никльби. Вы можете не возвращаться.

— Прошу прощения, мадам Манталини, что вы сказали под конец? — трепеща, спросила мисс Нэг.

— Вы можете не возвращаться,— резко повторила ее хозяйка.

Мисс Нэг скрылась, не прибавив больше ни слова, и в скором времени ее заменила Кэт, которая сняла новые шляпки, надела старые и вся зарделась, заметив, что старый лорд и обе молодые леди смотрят на нее во все глаза.

— Ах, как вы краснеете, дитя! — сказала избранница лорда.

— Она еще не совсем привыкла к делу. Через неделю, через две она привыкнет,— со снисходительной улыбкой вмешалась мадам Манталини.

— Боюсь, что вы бросали на нее ваши убийственные взгляды, милорд,— сказала невеста.

— Нет, нет, нет! — ответил старый лорд.— Нет, нет! Я собираюсь жениться и начать новую жизнь! Ха-ха-ха, новую жизнь, новую жизнь! Ха-ха-ха!

Утешительно было слышать, что старый джентльмен собирается начать новую жизнь, так как было совершенно очевидно, что старой ему хватит ненадолго. Усилия, связанные с затянувшимся похохатыванием, привели его к устрашающему приступу кашля и одышке; прошло несколько минут, прежде чем он отдышался и заметил, что девушка слишком красива для модистки.

— Надеюсь, вы не считаете, что миловидность вредит нашему заведению, милорд? — с притворной улыбкой осведомилась мадам Манталини.

— Отнюдь не считаю,— ответил старый лорд,— иначе вы бы давно его бросили.

— Ах вы шалун! — воскликнула бойкая молодая леди, ткнув пэра концом своего зонтика.— Не желаю слушать таких речей! Как вы смеете?

Этот шутливый вопрос сопровождался еще и еще одним тычком, а затем старый лорд поймал зонтик и не хотел его отдавать, что побудило другую леди броситься на помощь, и завязалась премилая игра.

— Мадам Манталини, вы позаботитесь о том, чтобы эти маленькие переделки были сделаны,— сказала леди.— Э, нет, злодей! Вы непременно должны выйти первым! Я и на полсекунды не оставлю вас с этой хорошенькой девушкой. Я вас слишком хорошо знаю. Джейн, милая, пусть он идет впереди, тогда мы будем в нем вполне уверены.

Явно польщенный таким подозрением, старый лорд забавно подмигнул мимоходом Кэт и, получив удар зонтиком за свое предательство, заковылял вниз по лестнице к двери, где его вертлявое тело было водружено в карету двумя дюжими лакеями.

— Уф! — сказала мадам Манталини.— Не понимаю, как может он садиться в карету, не вспомнив о катафалке! Унесите эти вещи, моя милая, унесите их!

Кэт, которая в продолжение всей этой сцены стояла скромно потупившись, была рада воспользоваться разрешением уйти и весело поспешила вниз, во владения мисс Нэг.

Однако за время ее недолгого отсутствия положение дел в маленьком королевстве резко изменилось. Вместо того чтобы восседать на обычном своем месте, сохраняя

все достоинство и величие представительницы мадам Манталини, эта достойная особа, мисс Нэг, покоилась на большом сундуке, омытая слезами, тогда как ухаживающие за ней три-четыре молодые леди, а также появление нашатырного спирта, уксуса и других восстанавливающих силы средств красноречиво свидетельствовали — даже если бы головной ее убор и передний ряд локончиков и не находились в беспорядке — о происшедшем с нею ужасном обмороке.

— Боже мой! — воскликнула Кэт, быстро подходя к ней.— Что случилось?

Этот вопрос вызвал у мисс Нэг бурные симптомы возвращающейся дурноты, а несколько молодых леди, бросая сердитые взгляды на Кэт, снова прибегли к уксусу и нашатырному спирту и сказали, что это «срам».

— Какой срам? — спросила Кэт.— В чем дело? Что случилось? Скажите мне.

— В чем дело! — вскричала мисс Нэг, внезапно выпрямившись, как стрела, к великому ужасу собравшихся девиц.— В чем дело? Стыдитесь, гнусное созданье!

— Ах, боже мой! — воскликнула Кэт, чуть ли не парализованная тем неистовством, с каким этот эпитет вырвался из-за стиснутых зубов мисс Нэг.— Неужели это я вас обидела?

— *Вы* обидели меня! — возразила мисс Нэг.— *Вы!* Девчонка, ребенок, ничтожная выскочка! Ха-ха!

Так как мисс Нэг засмеялась, то было очевидно, что ей это показалось чрезвычайно забавным, а так как молодые леди подражали мисс Нэг — своей начальнице,— все они тотчас же принялись смеяться и слегка покачивали головой и улыбались саркастически друг другу, словно желая сказать: как это здорово!

— Вот она! — продолжала мисс Нэг, поднимаясь с сундука и весьма церемонно и с низкими реверансами представляя Кэт восхищенному обществу,— вот она — все о ней говорят... вот красавица... красотка... Ах вы дерзкая тварь!

В этот критический момент мисс Нэг была не в силах сдержать добродетельную дрожь, которая мгновенно передалась всем молодым леди, после чего мисс Нэг захохотала, а после этого зарыдала.

— Пятнадцать лет! — восклицала мисс Нэг, всхлипывая очень трогательно.— Пятнадцать лет была я достойным украшением этой комнаты и комнаты наверху! Слава богу,— продолжала мисс Нэг, с удивительной энергией топнув сначала правой, а потом левой ногой,— за все это время я еще ни разу не была жертвой интриг, подлых интриг особы, которая позорит всех нас своим поведением и заставляет краснеть порядочных людей! Но я к этому чувствительна, чувствительна, хотя мне это и противно!

Тут мисс Нэг опять ослабела, а молодые леди, вновь принявшись за ней ухаживать, нашептывали, что она должна быть выше таких вещей и что они лично их презирают и считают недостойными внимания, в доказательство чего они воскликнули с еще большей энергией, чем раньше, что это срам и они возмущены и просто не знают, что им делать.

— Неужели я дожила до того, что меня называют пугалом! — воскликнула мисс Нэг, внезапно впадая в конвульсии и делая попытку сорвать накладные волосы.

— О нет, нет! — отозвался хор.— Пожалуйста, не говорите так, не надо!

— Неужели я заслужила, чтобы меня называли старухой! — взвизгнула мисс Нэг, вырываясь из рук статисток.

— Не думайте об этом, дорогая! — ответил хор.

— Я ее ненавижу! — закричала мисс Нэг.— Я ее ненавижу и терпеть не могу! Никогда не позволяйте ей заговаривать со мной! Пусть никто из тех, кто мне друг, не разговаривает с ней! Девчонка, нахалка, бесстыдная, нахальная интриганка!

Обличив в таких выражениях предмет своего гнева, мисс Нэг взвизгнула один раз, икнула три раза, проглотила слюну несколько раз, задремала, вздрогнула, очнулась, встрепенулась, поправила прическу и объявила, что чувствует себя хорошо.

Сначала бедная Кэт смотрела на эту сцену в полном недоумении. Потом она начала краснеть и бледнеть и раза два пыталась что-то сказать; но, когда обнаружились истинные мотивы этого изменившегося к ней отношения, она отступила на несколько шагов и спокойно наблюдала, не удостаивая мисс Нэг ответом. Однако,

хотя она гордо вернулась на свое место и села спиной к группе маленьких спутников, собравшихся вокруг своей планеты, она украдкой пролила несколько горьких слезинок, которые до глубины души порадовали бы мисс Нэг, если бы та могла их видеть.

ГЛАВА XIX,

описывающая обед у мистера Ральфа Никльби и повествующая о том, как развлекалось общество до обеда, во время обеда и после обеда

Раздражение и злоба достойной мисс Нэг отнюдь не утихли до конца недели, но скорее усиливались с каждым часом; праведный гнев всех молодых леди возрастал, или как будто возрастал, пропорционально негодованию славной старой девы, а негодование разгоралось каждый раз, когда мисс Никльби звали наверх; легко себе представить, что повседневная жизнь Кэт была далеко не из самых веселых или завидных. Она приветствовала наступление субботнего вечера, как арестант — несколько блаженных часов передышки после томительной и изнуряющей пытки, и почувствовала, что ничтожная плата за первую неделю труда, будь она даже утроена, была бы слишком тяжело доставшимся заработком.

По обыкновению, присоединившись на углу улицы к матери, она немало удивилась, застав ее беседующей с мистером Ральфом Никльби, но вскоре ее еще больше удивили как предмет их беседы, так и мягкое, изменившееся обращение самого мистера Никльби.

— А, милая моя! — сказал Ральф.— Мы как раз говорили о вас.

— В самом деле? — отозвалась Кэт, ежась, сама не зная почему, под холодным сверкающим взглядом своего дяди.

— Да,— ответил Ральф.— Я хотел зайти за вами, чтобы непременно вас повидать, пока вы не ушли, но мы с вашей матерью разговорились о семейных делах, и время пролетело так быстро...

— Не правда ли? — вмешалась миссис Никльби, совершенно не заметив, каким саркастическим тоном были сказаны последние слова Ральфа.— Честное слово, я бы никогда не поверила, что возможна такая... Кэт, дорогая моя, завтра в половине седьмого ты будешь обедать у твоего дяди.

Торжествуя, что первая сообщила эту изумительную новость, миссис Никльби великое множество раз кивнула головой и улыбнулась, чтобы недоумевающая Кэт уяснила, насколько эта новость удивительна; а затем миссис Никльби сделала крутой поворот, перейдя к обсуждению вопроса о подготовке к визиту.

— Дайте подумать,— сказала славная леди.— Твое черное шелковое платье с этим хорошеньким шарфиком будет вполне приличным нарядом, дорогая моя, простая лента в волосах, черные шелковые чулки... Ах, боже мой, боже мой! — воскликнула миссис Никльби, перескакивая к другому предмету.— Если бы только у меня были эти мои несчастные аметисты... ты их помнишь, Кэт, милочка... знаешь, как они, бывало, сверкали... Но твой папа, твой бедный дорогой папа... Ах, какая жестокость была пожертвовать этими драгоценностями!

Обессиленная этой мучительной мыслью, миссис Никльби меланхолически покачала головой и прижала платок к глазам.

— Право же, мама, они мне не нужны,— сказала Кэт.— Забудьте, что они когда-то у вас были.

— Ах, Кэт, дорогая моя,— с досадой возразила миссис Никльби,— ты рассуждаешь, как дитя! Послушайте, деверь: двадцать четыре серебряных чайных ложки, два соусника, четыре солонки, все аметисты — ожерелье, брошки и серьги — все было спущено сразу! А я-то чуть ли не на коленях умоляла этого бедного доброго человека: «Почему ты ничего не предпримешь, Николас? Почему ты как-нибудь не устроишься?» Я уверена, всякий, кто был в то время около нас, отдаст мне должное и признает, что я это говорила не один, а пятьдесят раз в день. Разве я этого не говорила, Кэт, дорогая моя? Разве я хоть раз упустила случай внушить это твоему бедному папе?

— Нет, мама, никогда,— ответила Кэт.

Нужно отдать справедливость миссис Никльби, она никогда не упускала случая (и нужно отдать справедливость всем замужним леди, они редко упускают случай) внедрять подобные золотые правила, единственным недостатком коих являются некоторая неопределенность и туманность, их окутывающие.

— Ах! — с жаром воскликнула миссис Никльби.— Если бы с самого начала последовали моему совету... Ну что ж, я всегда исполняла свой долг, и в этом есть какое-то утешение.

Придя к такой мысли, миссис Никльби вздохнула, потерла руки, возвела глаза к небу и, наконец, приняла вид спокойный и смиренный, давая этим понять, что ее подвергали гонениям, как святую, но что она не будет утруждать своих слушателей упоминанием об обстоятельствах, которые должны быть известны всем.

— А теперь вернемся к предмету, от которого мы отвлеклись,— сказал Ральф с улыбкой, которая, как и все другие внешние признаки его эмоций, казалось, только пробегала крадучись по лицу, но не играла на нем открыто.— Завтра у меня соберется небольшое общество... джентльмены, с которыми в настоящее время я веду дела, и ваша мать обещала, что вы будете исполнять обязанности хозяйки дома. Я не очень-то привык к званым вечерам, но это связано с делами, и иногда такие пустяки имеют существенное значение. Вы не возражаете против того, чтобы оказать мне услугу?

— Возражает? — воскликнула миссис Никльби.— Кэт, дорогая моя, почему...

— Простите! — перебил Ральф, жестом предлагая ей замолчать.— Я обращался к моей племяннице.

— Конечно, я буду очень рада, дядя,— сказала Кэт,— но боюсь, что я покажусь вам неловкой и застенчивой.

— О нет! — сказал Ральф.— Приезжайте, когда хотите, наймите карету, я за нее заплачу. Спокойной ночи... э... да благословит вас бог!

Казалось, благословение застряло в горле у мистера Ральфа Никльби, как будто эта дорога была ему незнакома и оно не знало, как оттуда выбраться. Но оно все-

таки выкарабкалось, хотя и неловко, и, избавившись от него, Ральф пожал руку своим двум родственницам и быстро ушел.

— Какие резкие черты лица у твоего дяди! — сказала миссис Никльби, совершенно потрясенная взглядом, который он бросил на прощанье.— Я не замечаю ни малейшего сходства с его бедным братом.

— Мама! — укоризненно проговорила Кэт.— Как могла вам прийти в голову такая мысль?

— Да,— задумчиво сказала миссис Никльби.— Право же, нет никакого сходства. Но у него очень честное лицо.

Достойная матрона сделала это замечание без колебаний и весьма выразительно, словно в нем заключалось немало тонкости и проницательности. И в самом деле, оно было достойно того, чтобы отнести его к разряду изумительных открытий этого века. Кэт быстро подняла глаза и так же быстро опустила их снова.

— Скажи, ради бога, дорогая моя, что это ты так притихла? — спросила миссис Никльби, после того как они довольно долго шли молча.

— Я просто задумалась, мама,— отозвалась Кэт.

— Задумалась...— повторила миссис Никльби.— Да, в самом деле, есть о чем подумать. Твой дядя почувствовал к тебе сильное расположение, это совершенно ясно, и, если после этого на твою долю не выпадет какая-нибудь изумительная удача, я буду немножко удивлена, вот и все.

Затем она принялась рассказывать всевозможные истории о молодых леди, которым их эксцентрические дяди совали в ридикюль банкноты в тысячу фунтов, и о молодых леди, которые случайно встречали в доме дяди любезных и необычайно богатых джентльменов и после недолгого, но пламенного ухаживания выходили за них замуж. А Кэт, слушавшая сначала равнодушно, а потом начавшая забавляться, почувствовала, пока они шли домой, что и в ее душе постепенно пробуждаются радужные мечты ее матери, и подумала о том, что, быть может, виды на будущее станут светлее и впереди их ждут лучшие дни. Такова надежда, небесный дар страждущим смертным, подобно тончайшему небесному аромату про-

ницающая все, и хорошее и дурное, вездесущая, как смерть, и более заразительная, чем болезнь!

Бледное солнце,— а зимнее солнце в Лондоне очень бледно,— могло бы просиять, когда, заглянув в тусклые окна большого старого дома, оно стало свидетелем необычной сцены, происходившей в скудно меблированной комнате. В мрачном углу, где в течение многих лет безмолвно громоздилась гора товаров, служа приютом колонии мышей и оставаясь пыльной и неподвижной массой, за исключением тех случаев, когда, отзываясь на грохот тяжелых повозок на улице, она начинала трястись и вздрагивать, а у ее крошечных обитателей блестящие глазки блестели от страха еще ярче, и, внимательно прислушиваясь, с трепещущим сердцем, они замирали, пока не уляжется тревога,— в этом темном углу были разложены с величайшей заботливостью все скромные принадлежности туалета Кэт, предназначавшиеся для этого дня; каждая вещь сохраняла ту неописуемую живость и индивидуальность, какими в глазах, привыкших к красоте обладательницы наряда, отличается еще не надетое платье либо по какой-то ассоциации, либо потому, что оно словно сохраняет ее очарование. На месте тюка с гнилым товаром лежало черное шелковое платье. Туфельки с изящными носками стояли там, где прежде лежала гора железного хлама, а куча жесткой выцветшей кожи, сама того не ведая, уступила место маленьким черным шелковым чулкам, предмету сугубых забот миссис Никльби. Крысы, мыши и прочая мелюзга давно погибли с голоду или переселились на лучшую квартиру, а вместо них появились перчатки, ленты, шарфы, шпильки и другие замысловатые вещицы, не менее изобретательные в способах терзать человечество, чем крысы и мыши. И среди всех этих вещей скользила Кэт, одно из самых прелестных и необычных украшений этого сурового, старого, мрачного дома.

В час добрый или недобрый, пусть судит сам читатель,— нетерпение миссис Никльби далеко опередило часы в этом конце города, и Кэт оделась и воткнула последнюю шпильку в волосы по крайней мере за полтора часа до того, как нужно было бы только начать об этом думать,— в час добрый или недобрый туалет был закон-

чен. Когда же, наконец, настало время, назначенное для отъезда, разносчик молока пошел к ближайшей стоянке за каретой, и Кэт, много раз попрощавшись с матерью и попросив передать много ласковых приветов мисс Ла-Криви, которую ждали к чаю, уселась в экипаж и торжественно отбыла — если случалось кому-нибудь отбывать торжественно в наемной карете. И карета, и кучер, и лошади помчались с грохотом и тарахтели, и щелкали кнутом, и ругались, и бранились, и катили вперед, пока не прибыли на Гольдн-сквер.

Кучер оглушительно постучал двойным ударом в дверь, которая распахнулась задолго до того, как он перестал стучать, с такой быстротой, словно за ней стоял человек с рукой, привязанной к щеколде. Кэт, которая не ждала увидеть что-нибудь более примечательное, чем Ньюмен Ногс в чистой сорочке, очень удивилась, что дверь открыл человек в красивой ливрее и в вестибюле стояли еще два-три лакея. Однако нельзя было предположить, что она попала не в тот дом, так как на двери красовалась фамилия, поэтому она положила руку на обшитый галуном рукав ливреи, подставленный ей, и вошла в дом. Ее повели наверх, в заднюю гостиную, где оставили одну.

Если появление лакея ее удивило, то она была совершенно поражена богатством и роскошью обстановки. Мягкие прекрасные ковры, превосходнейшие картины, самые дорогие зеркала, великолепные безделушки, заставлявшие изумляться той щедрости, с какой они были повсюду расставлены, со всех сторон притягивали к себе ее взгляд. Даже лестница почти до самой наружной двери была заставлена прекрасными и дорогими вещами, словно дом был переполнен сокровищами и достаточно добавить еще какую-нибудь вещицу, чтобы они выплеснулись на улицу.

Вскоре она услышала ряд громких двойных ударов в парадную дверь и после каждого удара — чей-нибудь новый голос в соседней комнате. Сначала легко было отличить голос мистера Ральфа Никльби, но постепенно он потонул в общем гуле, и она могла только установить, что там находится несколько джентльменов с не очень мелодичными голосами, которые беседуют очень громко,

смеются очень весело и вставляют ругательства чаще, чем она считала необходимым. Но это было дело вкуса.

Наконец дверь открылась, и появилась хитрая физиономия самого Ральфа, на этот раз заменившего сапоги черными шелковыми чулками и туфлями.

— Я не мог повидать вас раньше, дорогая моя,— сказал он вполголоса, указывая при этом в сторону соседней комнаты.— Я был занят, принимал их. А теперь повести вас туда?

— Скажите, дядя,— начала Кэт, слегка взволнованная, как нередко волнуются и те, кто гораздо лучше знает свет, если им предстоит выйти к незнакомым людям и у них было время заранее об этом подумать,— там есть какие-нибудь леди?

— Нет,— коротко ответил Ральф.— У меня нет знакомых леди.

— Я должна идти сию минуту? — спросила Кэт, слегка попятившись.

— Как хотите,— пожимая плечами, сказал Ральф.— Все собрались, и сейчас доложат, что обед подан.

Кэт хотелось бы просить о нескольких минутах отсрочки, но, подумав, что, быть может, дядя, уплатив за наемную карету, рассчитывает на ее пунктуальность, рассматривая это как некую сделку, она позволила ему взять себя под руку и вывести.

Когда они вошли, семь-восемь джентльменов стояли полукругом перед камином, и так как разговаривали они очень громко, то не заметили их появления, пока мистер Ральф Никльби, тронув одного за рукав, не сказал резким, внушительным голосом, как бы желая привлечь общее внимание:

— Лорд Фредерик Верисофт — моя племянница мисс Никльби.

Группа расступилась, словно в великом изумлении, а джентльмен, к которому были обращены эти слова, повернулся, представив для обозрения превосходнейший костюм, бакенбарды, отличавшиеся таким же качеством, усы, густую шевелюру и молодое лицо.

— А? — сказал джентльмен.— Как... черт!

Издавая эти отрывистые восклицания, он вставил

монокль и с великим изумлением воззрился на мисс Никльби.

— Моя племянница, милорд,— сказал Ральф.

— Значит, слух меня не обманул и это не восковая фигура,— сказал его лордство.— Как поживаете? Счастлив познакомиться.

А затем его лордство повернулся к другому превосходному джентльмену, немножко постарше, немножко потолще, с лицом немножко покраснее и немножко дольше вращавшемуся в свете, и сказал громким шепотом, что девушка «чертовски мила».

— Представьте меня, Никльби,— сказал этот второй джентльмен, который стоял спиной к камину, положив оба локтя на каминную доску.

— Сэр Мальбери Хоук,— сказал Ральф.

— Иными словами — лучшая карта в коло-оде, мисс Никльби,— сказал лорд Фредерик Верисофт.

— Не пропустите меня, Никльби! — воскликнул джентльмен с резкими чертами лица, который читал газету, сидя ни низком стуле с высокой спинкой.

— Мистер Пайк,— сказал Ральф.

— И меня, Никльби! — воскликнул франтоватый джентльмен с раскрасневшимся лицом, стоявший бок о бок с сэром Мальбери Хоуком.

— Мистер Плак,— сказал Ральф.

Затем, повернувшись на каблуках в сторону джентльмена с шеей аиста и ногами, каких нет ни у одного из животных, Ральф представил его как достопочтенного мистера Снобa, а седовласую особу за столом — как полковника Чоусера. Полковник разговаривал с кем-то, кто, казалось, был приглашен в качестве затычки и потому вовсе не был представлен.

С самого начала два обстоятельства привлекли внимание Кэт, задев ее и вызвав у нее на щеках жгучий румянец: дерзкое презрение, с каким гости несомненно относились к ее дяде, и развязный, наглый тон по отношению к ней самой. Не нужно было слишком острой проницательности, чтобы предугадать, что эта первая особенность в их поведении подчеркнет вторую. И тут мистер Ральф Никльби недооценил своей гостьи. Даже если молодая леди только что приехала из провинции и

мало знакома с обычаями света, может случиться, что у нее такое глубокое врожденное понимание приличий и правил жизни, как будто она провела двенадцать сезонов в Лондоне,— пожалуй, еще более глубокое, ибо известно, что такие чувства притупляются от этой полезной практики.

Закончив церемонию представления, Ральф повел свою зардевшуюся племянницу к креслу. При этом он украдкой посматривал по сторонам, словно желая удостовериться в том, какое впечатление произвел ее внезапный выход.

— Неожиданное удовольствие, Никльби,— сказал лорд Фредерик Верисофт, вынимая монокль из правого глаза, где находился он до сей поры и воздавал должное Кэт, и вставляя в левый, чтобы заставить его обратиться в сторону Ральфа.

— Сюрприз, приготовленный для вас, лорд Фредерик,— сказал мистер Плак.

— Недурная мысль,— сказал его лордство,— она могла бы почти оправдать лишние два с половиной процента.

— Никльби,— сказал сэр Мальбери Хоук,— подловите его на слове и прибавьте эти проценты к двадцати пяти или сколько их там, а половину дайте мне за совет.

Сэр Мальбери приукрасил эту речь хриплым смехом и закончил любезным проклятьем с упоминанием о руках и ногах мистера Никльби, причем мистеры Пайк и Плак неудержимо захохотали.

Джентльмены еще не успели вдоволь посмеяться над этой шуткой, как было доложено, что обед подан, а затем они снова пришли в экстаз, ибо сэр Мальбери Хоук, чересчур развеселившийся, ловко прошмыгнул мимо лорда Фредерика Верисофта, собиравшегося вести Кэт вниз, и продел ее руку под свою до самого локтя.

— Черт возьми, Верисофт,— сказал сэр Мальбери,— самое главное — это вести игру честно, а мы с мисс Никльби договорились при помощи взглядов десять минут тому назад.

— Ха-ха-ха! — захохотал достопочтенный мистер Сноб.— Превосходно, превосходно!

Сделавшись еще более остроумным после этой похвалы, сэр Мальбери Хоук весьма игриво подмигнул друзьям и повел Кэт вниз с фамильярным видом, от которого ее кроткое сердце загорелось таким жгучим негодованием, что ей почти немыслимым казалось подавить его. И это чувство отнюдь не ослабело, когда ее поместили во главе стола между сэром Мальбери Хоуком и лордом Фредериком Верисофтом.

— О, вы нашли местечко по соседству с нами, вот как? — сказал сэр Мальбери, когда его лордство уселся.

— Разумеется! — ответил лорд Фредерик, устремляя взгляд на мисс Никльби.— Стоит ли задавать такой вопрос?

— Займитесь-ка обедом,— сказал сэр Мальбери,— и не обращайте внимания на мисс Никльби и на меня, потому что мы, полагаю я, окажемся очень рассеянными собеседниками.

— Хотел бы я, чтобы вы вмешались в это дело, Никльби,— сказал лорд Фредерик.

— Что случилось, милорд? — осведомился Ральф с другого конца стола, где его соседями были мистеры Пайк и Плак.

— Этот Хоук присваивает себе исключительные права на вашу племянницу,— ответил лорд Фредерик.

— Он получает порядочную долю во всем, на что вы предъявляете свои права, милорд,— с усмешкой сказал Ральф.

— Ей-богу, это верно! — отозвался молодой человек.— Черт меня подери, если я знаю, кто хозяин у меня в доме — он или я!

— Зато я знаю,— пробормотал Ральф.

— Кажется, придется мне от него отделаться, оставив ему по завещанию один шиллинг,— пошутил молодой аристократ.

— Э, нет, будь я проклят! — сказал сэр Мальбери.— Когда вы дойдете до шиллинга — до последнего шиллинга, я от вас быстро отстану, но до той поры я ни за что не покину вас, можете мне поверить.

Эта остроумная реплика (основанная на непреложном факте) была встречена общим смехом, не заглушившим,

однако, взрыв хохота мистера Пайка и мистера Плака, которые, очевидно, были присяжными льстецами при сэре Мальбери. Действительно, нетрудно было заметить, что большинство присутствующих избрали своей жертвой злополучного молодого лорда, который, хотя и был безволен и глуп, казался наименее порочным из всей компании. Сэр Мальбери Хоук отличался уменьем разорять (самостоятельно и с помощью своих прихлебателей) богатых молодых джентльменов — благородная профессия, среди представителей которой он несомненно занимал первое место. Со всею дерзостью прирожденного гения он изобрел новую систему, совершенно противоположную старому методу: когда он утверждал свою власть над теми, кого забирал в руки, он скорее угнетал их, чем давал им волю, и упражнял над ними свое остроумие открыто и безоговорочно. Таким образом, его жертвы служили ему в двояком смысле: с большим искусством осушая их, как бочку, он в то же время заставлял их гудеть от всевозможных щелчков, ловко наносимых для увеселения общества.

Великолепием и совершенством деталей обед был так же примечателен, как и дом, а гости были примечательны тем, что, не скупясь, воздавали ему должное, в чем особенно отличались мистеры Пайк и Плак. Эти два джентльмена отведали каждое кушанье и пили из каждой бутылки, обнаружив вместимость и прилежание, поистине изумительные. И, несмотря на этот великий труд, они были поразительно бодры, ибо с появлением десерта снова принялись за дело, как будто с самого завтрака ничего существенного в рот не брали.

— Ну-с,— сказал лорд Фредерик, смакуя первую рюмку портвейна,— если этот обед дан по случаю учета векселя, я могу только сказать — черт меня побери! — что хорошо было бы учитывать их ежедневно.

— Придет время, и у вас будет немало подобных поводов,— заметил сэр Мальбери Хоук.— Никльби вам это подтвердит.

— Что скажете, Никльби? — осведомился молодой человек.— Буду ли я хорошим клиентом?

— Все зависит от обстоятельств, милорд,— отвечал Ральф.

— От обстоятельств, в каких будет находиться ваше лордство,— вмешался полковник милиции * Чоусер,— и от ипподрома.

Доблестный полковник бросил взгляд на мистеров Пайка и Плака, как бы ожидая, что они захохочут, услышав его остроту; но эти джентльмены, нанятые хохотать только для сэра Мальбери Хоука, остались, к вящему разочарованию полковника, серьезными, как два гробовщика. В довершение беды сэр Мальбери, считая подобные попытки нарушением его собственных привилегий, посмотрел на противника в упор сквозь свою рюмку, как бы изумленный его самонадеянностью, и высказал вслух мнение, что это «чертовская вольность»; эти слова послужили сигналом для лорда Фредерика, который в свою очередь поднял рюмку и обозрел предмет, достойный порицания, словно тот был каким-то необыкновенным диким зверем, впервые выставленным напоказ. Само собой разумеется, мистеры Пайк и Плак уставились на субъекта, на которого взирал сэр Мальбери Хоук; чтобы скрыть смущение, бедный полковник принужден был поднести свою рюмку портвейна к правому глазу и притвориться, будто с живейшим интересом изучает его цвет.

Кэт все время молчала, поскольку это было возможно, едва осмеливаясь поднять глаза из боязни встретить восхищенный взгляд лорда Фредерика Верисофта или, что было еще неприятнее, дерзкий взор его друга сэра Мальбери. Сей последний джентльмен был столь предупредителен, что привлек к ней всеобщее внимание.

— А мисс Никльби удивляется,— заметил сэр Мальбери,— почему, черт побери, никто за ней не ухаживает.

— О нет! — быстро сказала Кэт, подняв глаза.— Я...— и тут она запнулась, чувствуя, что лучше было бы ничего не говорить.

— Я готов с кем угодно биться об заклад на пятьдесят фунтов, что мисс Никльби не посмеет посмотреть мне в глаза и опровергнуть мои слова,— сказал сэр Мальбери.

— Идет! — крикнул аристократический болван.— Срок — десять минут.

— Идет! — ответил сэр Мальбери.

Деньги были предъявлены обеими сторонами, и досточтенный мистер Сноб взял на себя обязанности счетчика и хранителя ставок.

— Прошу вас,— в великом смущении сказала Кэт, пока шли эти приготовления,— прошу вас, не держите из-за меня никаких пари. Дядя, право же, я не могу...

— Почему, дорогая моя? — отозвался Ральф, чей скрипучий голос звучал, однако, необычно хрипло, словно он говорил против воли и предпочел бы, чтобы такое предложение не было сделано.— Это всего одна секунда, ничего особенного тут нет. Если джентльмены на этом настаивают...

— Я не настаиваю,— с громким смехом сказал сэр Мальбери.— Иными словами, я отнюдь не настаиваю, чтобы мисс Никльби отрицала этот факт, ибо в таком случае я проиграю, но я буду рад увидеть ее ясные глазки, в особенности потому, что она оказывает такое предпочтение этому столу красного дерева.

— Верно, и это слишком пло-о-хо с вашей стороны, мисс Никльби,— сказал знатный молодой человек.

— Прямо-таки жестоко! — сказал мистер Пайк.

— Ужасно жестоко! — сказал мистер Плак.

— Я не боюсь проиграть,— сказал сэр Мальбери,— потому что стоит заплатить вдвое больше за то, чтобы заглянуть в глаза мисс Никльби.

— Больше, чем вдвое! — сказал мистер Пайк.

— Гораздо больше! — сказал мистер Плак.

— Что показывают злодейские часы, Сноб? — спросил сэр Мальбери Хоук.

— Прошло четыре минуты.

— Браво!

— Быть может, вы сделаете над собой усилие ради меня, мисс Никльби? — спросил лорд Фредерик после небольшой паузы.

— Не трудитесь задавать такие вопросы, мой милый франт,— сказал сэр Мальбери.— Мисс Никльби и я понимаем друг друга: она принимает мою сторону и этим доказывает, что у нее есть вкус... Вам не везет, старина! Сколько, Сноб?

— Прошло восемь минут.

— Готовьте деньги,— сказал сэр Мальбери,— скоро вы мне их вручите.

— Ха-ха-ха! — захохотал мистер Пайк.

Мистер Плак, всегда запаздывавший, но старавшийся превзойти приятеля, пронзительно засмеялся.

Бедная девушка, от смущения едва ли понимавшая, что делает, решила оставаться совершенно спокойной, но, испугавшись, как бы не подумали, что, поступая таким образом, она одобряет похвальбу сэра Мальбери, выраженную очень грубым и пошлым тоном, она подняла глаза и посмотрела ему в лицо. Было что-то столь гнусное, столь наглое, столь отталкивающее во взгляде, встретившем ее взгляд, что, не в силах выговорить ни слова, она встала и выбежала из комнаты. С большим трудом она удерживалась от слез, пока не очутилась одна наверху, и тогда дала им волю.

— Превосходно! — сказал сэр Мальбери Хоук, пряча в карман ставки.— Это девушка с характером, и мы выпьем за ее здоровье.

Незачем говорить, что Пайк и К^0 с жаром поддержали его предложение и что тост сопровождался многочисленными намеками от имени фирмы, имевшими отношение к полной победе сэра Мальбери. Пока внимание гостей было сосредоточено на главных участниках предшествующей сцены, Ральф смотрел на них волком и, казалось, вздохнул свободнее, когда ушла его племянница. Графины быстро заходили по кругу. Он откинулся на спинку стула и, по мере того как собеседники разгорячались от вина, смотрел то на одного, то на другого таким взглядом, который словно проникал в их сердца и открывал его нечистому любопытству каждую их суетную мысль.

Между тем Кэт, предоставленная самой себе, несколько успокоилась. Она узнала от служанки, что дядя хочет повидать ее перед уходом, а также получила приятные сведения, что джентльмены будут пить кофе в столовой. Перспектива больше не встретиться с ними немало способствовала тому, что волнение ее улеглось, и, взяв книгу, она принялась за чтение.

Время от времени она вздрагивала, когда внезапно открывалась дверь столовой, откуда вырывался дикий гул

буйной пирушки, и не раз привставала в великой тревоге, если почудившиеся ей шаги на лестнице внушали страх, что кто-то из гостей, отбившись от общества, направляется сюда один. Но поскольку ничего оправдывающего ее опасения не случалось, она постаралась сосредоточить внимание на книге, которой мало-помалу заинтересовалась так, что прочла несколько глав, забыв о времени и месте, как вдруг с ужасом услышала свое имя, произнесенное мужским голосом над самым ее ухом.

Книга выпала у нее из рук. Рядом с ней на диване, совсем близко от нее, развалился сэр Мальбери Хоук, которому явно не пошло на пользу вино: оно никогда не идет на пользу негодяю.

— Какое восхитительное прилежание! — сказал сей превосходный джентльмен.— Оно неподдельно или цель его — показать во всей прелести ресницы?

Кэт, с тревогой бросив взгляд на дверь, ничего не ответила.

— Я созерцал их пять минут,— сказал сэр Мальбери.— Клянусь душой, они безупречны. Ах, зачем я заговорил и испортил такую прелестную картину!

— Будьте любезны замолчать, сэр,— отозвалась Кэт.

— Полно! — сказал сэр Мальбери, подкладывая себе под локоть свой складной цилиндр и еще ближе придвигаясь к молодой леди.— Вы не должны этого говорить такому верному вашему рабу, мисс Никльби... Клянусь душой, это дьявольски жестокое обращение.

— Я бы хотела, чтобы вы поняли, сэр,— сказала Кэт, не в силах подавить дрожь, но говоря с великим возмущением,— ваше поведение оскорбляет меня и вызывает отвращение. Если сохранилась у вас хоть искра благородства, оставьте меня.

— Но почему? — осведомился сэр Мальбери.— Почему вы, нежное мое создание, представляетесь такой суровой? Ну, будьте же более непосредственны... милая моя мисс Никльби, будьте более непосредственны... прошу вас.

Кэт быстро встала, но, когда она поднималась, сэр Мальбери ухватился за ее платье и насильно удержал ее.

— Сейчас же отпустите меня, сэр! — воскликнула она в негодовании.— Вы слышите? Сейчас же! Сию минуту!

— Ну, сядьте же, сядьте,— сказал сэр Мальбери.— Я хочу поговорить с вами.

— Сию же минуту отпустите меня, сэр! — вскричала Кэт.

— Ни за что на свете! — откликнулся сэр Мальбери.

С этими словами он наклонился, как бы желая снова ее усадить, но молодая леди с силой рванулась, стараясь освободиться, а он потерял равновесие и во весь рост растянулся на полу. Когда Кэт бросилась вон из комнаты, в дверях показался Ральф и очутился лицом к лицу с ней.

— Что это значит? — спросил Ральф.

— Это значит, сэр,— в страшном волнении ответила Кэт,— что в этом доме, где я, беспомощная девушка, дочь вашего покойного брата, могла бы, казалось, найти защиту, мне нанесли такие оскорбления, которые должны заставить вас содрогнуться. Дайте мне уйти!

Ральф содрогнулся, когда девушка устремила на него негодующий взор, однако он не подчинился ее требованию: он повел ее к стоявшему в глубине комнаты креслу, а затем, подойдя к сэру Мальбери Хоуку, который тем временем встал, указал ему рукой на дверь.

— Ступайте, сэр! — сказал Ральф приглушенным голосом, который сделал бы честь любому дьяволу.

— Что вы хотите этим сказать? — свирепо спросил его друг.

На морщинистом лбу Ральфа веревками вздулись вены, и мускулы вокруг рта задергались, словно от нестерпимого волнения. Но он презрительно улыбнулся и снова указал на дверь.

— Да вы что̀, не знаете меня, сумасшедший старик? — воскликнул сэр Мальбери.

— Знаю,— сказал Ральф.

Элегантный негодяй на секунду струсил под пристальным взглядом более старого грешника и, бормоча что-то, двинулся к двери.

— Вам нужен был лорд? — сказал он, внезапно останавливаясь у порога, как будто его осенила новая мысль,

и снова поворачиваясь к Ральфу.— Черт подери, я встал поперек дороги, да?

Ральф снова улыбнулся, но ничего не ответил.

— Кто привел его к вам,— продолжал сэр Мальбери,— как бы вы могли без меня заполучить его в свои сети?

— Сети большие и, пожалуй, полным-полны,— сказал Ральф.— Берегитесь, как бы кто не задохся в петлях.

— За деньги вы готовы отдать свою плоть и кровь и самого себя, если бы не заключили раньше договора с чертом! — возразил тот.— И вы хотите мне внушить, что ваша хорошенькая племянница была доставлена сюда не для того, чтобы служить приманкой для этого пьяного мальчишки там, внизу?

Хотя и тот и другой вели этот диалог негромко, Ральф невольно озирался, желая удостовериться, что Кэт не пересела на другое место, где она могла бы их слышать. Противник его заметил свое преимущество и воспользовался им.

— И вы хотите мне внушить, что это не так? — спросил он снова.— Вы хотите мне сказать, что, проберись он сюда наверх вместо меня, вы бы не были чуточку более слепым, и чуточку более глухим, и чуточку менее наглым, чем сейчас? Ну-ка, Никльби, ответьте мне на это!

— Я вам вот что скажу,— ответил Ральф,— я привел ее сюда в интересах дела...

— Ах, вот оно то самое слово! — со смехом вставил сэр Мальбери.— Вот сейчас вы опять становитесь самим собой.

— ...в интересах дела,— продолжал Ральф, говоря медленно и твердо, как человек, решивший не говорить лишних слов,— так как думал, что, быть может, она произведет впечатление на глупого юнца, которого вы прибрали к рукам и по мере сил толкаете к гибели. Но я был уверен,— зная его,— что немало времени пройдет, прежде чем он оскорбит ее девические чувства, а если он не оскорбит их из-за фатовства или по легкомыслию, то будет относиться с уважением и к полу и к характеру даже племянницы своего ростовщика. Но, если в мои замыслы входило незаметно завлечь его с помощью этой

затеи, я не думал о том, чтобы подвергнуть девушку распутным и наглым выходкам такого человека, как вы. Теперь мы понимаем друг друга.

— Тем более что так вы ничего не выигрываете? — огрызнулся сэр Мальбери.

— Вот именно,— сказал Ральф.

Он отвернулся и, давая этот ответ, бросил взгляд через плечо. В глазах обоих негодяев было такое выражение, как будто каждый понимал, что ему от другого не спрятаться. Сэр Мальбери пожал плечами и медленно вышел из комнаты.

Его друг закрыл дверь и с беспокойством посмотрел в ту сторону, где его племянница все еще сохраняла позу, в которой он ее оставил. Она бросилась на диван и, опустив голову на подушку, закрыв лицо руками, казалось, все еще плакала от мучительного стыда и обиды.

Ральф мог войти в дом нищего должника и указать на него бейлифу *, хотя бы этот должник сидел у смертного ложа ребенка; он мог поступить так не задумываясь, потому что считал это делом обычным и повседневным, а должник являлся нарушителем его единственного кодекса морали. Но эта молодая девушка ничего плохого не сделала, кроме того, что родилась на свет, она терпеливо подчинялась всем его желаниям, старалась угодить ему и, что важнее всего, не была должна ему денег, и потому он чувствовал смущение и беспокойство.

Ральф сел на стул поодаль, потом на другой стул, поближе, потом еще чуточку ближе, потом придвинулся еще ближе и, наконец, присел на тот же диван и положил руку на руку Кэт.

— Успокойтесь, дорогая моя,— сказал он, когда она отдернула руку и снова разрыдалась.— Успокойтесь, успокойтесь! Не вспоминайте, не думайте сейчас об этом!

— О, сжальтесь, отпустите меня домой! — вскричала Кэт.— Позвольте мне уйти отсюда и вернуться домой.

— Да, да,— сказал Ральф,— вы поедете домой. Но сначала вы должны осушить слезы и успокоиться. Дайте я приподниму вам голову. Вот так, вот так.

— О дядя! — стиснув руки, воскликнула Кэт.— Что я вам сделала, что я такое сделала? Почему вы так со мной поступаете? Если бы я вас оскорбила мыслью, сло-

вом или делом, то и в таком случае ваш поступок был бы жесток по отношению ко мне и к памяти того, кого вы когда-то, должно быть, любили! Но...

— Вы только послушайте меня минутку,— перебил Ральф, не на шутку встревоженный взрывом ее чувств.— Я не думал, что это случится, я никак не мог это предвидеть. Я сделал все, что мог... Давайте пройдемся. Вам стало дурно оттого, что здесь душно и жарко от этих ламп. Сейчас вам будет лучше, если вы только сделаете над собой самое маленькое усилие.

— Я сделаю что угодно,— отозвалась Кэт,— только отпустите меня домой.

— Да, да, отпущу,— сказал Ральф,— но сначала вы должны прийти в себя, потому что в таком виде вы всех напугаете, а об этом никто знать не должен, кроме вас и меня. Ну, давайте еще пройдемся. Вот так. Вот у вас уже и вид стал лучше.

С этими ободряющими словами Ральф Никльби прохаживался взад и вперед с племянницей, опиравшейся на его руку, и буквально трепетал от ее прикосновения.

Так же точно, когда он счел возможным ее отпустить, он поддерживал ее, спускаясь по лестнице, после того как оправил на ней шаль и оказал другие мелкие услуги — по всей вероятности, в первый раз в жизни. Ральф провел ее через вестибюль, затем вниз по ступеням и не отнимал своей руки, пока она не села в карету.

Когда дверца экипажа с силой захлопнулась, гребень с головы Кэт упал к ногам ее дяди; он поднял его и подал ей; лицо ее было освещено фонарем. Вьющаяся прядь волос, упавшая ей на лоб, следы едва высохших слез, раскрасневшиеся щеки, печальный взгляд — все это зажгло какие-то воспоминания, тлеющие в груди старика; и лицо умершего брата словно явилось перед ним, совсем такое, каким оно было однажды, в минуту детского горя, и мельчайшие подробности вспыхнули в его памяти так ярко, как будто это случилось вчера.

Ральф Никльби, который оставался непроницаемым для всех кровных и родственных чувств, который был глух ко всем призывам скорби и отчаяния, пошатнулся, смотря на это лицо, и вернулся в свой дом как человек, узревший привидение.

ГЛАВА XX

Николас встречается, наконец, с дядей, которому он выражает свои чувства с большою откровенностью. Его решение

Ранним утром в понедельник — на следующий день после званого обеда — маленькая мисс Ла-Криви бодро пробиралась по улицам к Вест-Энду, получив важное поручение уведомить мадам Манталини, что мисс Никльби слишком расхворалась, чтобы выйти сегодня, но завтра, надеется она, будет в силах вновь приняться за исполнение своих обязанностей. А пока мисс Ла-Криви шла, мысленно перебирая разные изящные выражения и элегантные обороты с целью выбрать наилучшие и воспользоваться ими для своего сообщения, она очень много размышляла о причинах недомогания своей юной приятельницы.

«Не знаю, что и думать,— говорила себе мисс Ла-Криви.— Вчера вечером глаза у нее были несомненно красные. Она сказала, что у нее голова болит, но от головной боли глаза не краснеют. Должно быть, она плакала».

Придя к такому заключению, которое она, собственно говоря, вывела, к полному своему удовлетворению, еще накануне вечером, мисс Ла-Криви продолжала гадать,— а занималась она этим почти целую ночь,— какая новая причина грустить могла появиться у ее юной приятельницы.

— Ничего не могу придумать,— сказала маленькая художница.— Решительно ничего, разве что поведение этого старого медведя... Вероятно, был груб с ней. Противное животное!

Она успокоилась, высказав это мнение, хотя оно и было брошено на ветер, и затем бодро продолжала путь к мадам Манталини. Узнав, что верховная власть находится еще в постели, она потребовала свидания с ее представительницей, после чего явилась мисс Нэг.

— Поскольку дело касается меня,— сказала мисс Нэг, когда поручение было передано в цветистых выражениях,— я всегда готова обойтись без мисс Никльби.

— О, вот как, сударыня! — отозвалась мисс Ла-Криви, крайне разобиженная.— Но вы отнюдь не хозяйка этого заведения, и, стало быть, это большого значения не имеет.

— Прекрасно, сударыня,— сказала мисс Нэг.— У вас есть еще какие-нибудь поручения?

— Нет, никаких, сударыня,— заявила мисс Ла-Криви.

— В таком случае, до свиданья, сударыня,— сказала мисс Нэг.

— Да, сударыня, до свиданья, и очень вам признательна за вашу чрезвычайную вежливость и прекрасные манеры,— ответила мисс Ла-Криви.

Закончив таким образом переговоры, на протяжении которых обе леди очень сильно дрожали и были изумительно вежливы — явные показатели, что они находились на дюйм от самой отчаянной ссоры,— мисс Ла-Криви выскочила из комнаты и затем на улицу.

«Интересно, кто это такая? — подумала маленькая чудачка.— Что и говорить, приятная особа! Хотела бы я написать ее портрет: уж я бы ей воздала должное!»

И вот, вполне удовлетворенная этим язвительным замечанием по адресу мисс Нэг, мисс Ла-Криви от души рассмеялась и в превосходном расположении духа вернулась домой к завтраку.

Таково одно из преимуществ долгой одинокой жизни! Маленькая, суетливая, деятельная, бодрая женщина жила исключительно в самой себе, разговаривала сама с собой, была своей собственной наперсницей, про себя высмеивала по мере сил тех, кто ее обижал, угождала себе и никому не причиняла зла. Если ей нравились сплетни, ничья репутация от этого не страдала, а если ей доставляла удовольствие маленькая месть, ни одной живой душе не было от этого ни на йоту хуже. Одна из многих, для кого Лондон такая же пустыня, как равнины Сирии,— ибо, находясь в стесненных обстоятельствах, эти люди не могут заводить знакомств, которые им желательны, и не склонны бывать в том обществе, какое им доступно,— скромная художница многие годы жила одиноко, но всем довольная. Пока злоключения семейства Никльби не привлекли ее внимания, она не имела друзей, хотя и была

преисполнена самыми дружелюбными чувствами ко всему человечеству. Много есть добрых сердец, таких же одиноких, как сердце бедной маленькой мисс Ла-Криви.

Впрочем, в данный момент это к делу не относится. Она отправилась домой завтракать и едва успела отведать чаю, как служанка доложила о приходе какого-то джентльмена, после чего мисс Ла-Криви, тотчас представив себе нового заказчика, восхитившегося витриной у парадной двери, пришла в ужас при виде чайной посуды на столе.

— Ну-ка, унесите ее, бегите с нею в спальню, куда угодно! — воскликнула мисс Ла-Криви.— Боже мой, боже мой! Подумать только, что как раз сегодня я встала поздно, хотя три недели подряд бывала одета в половине девятого и ни один человек не подходил к дому!

— Пожалуйста, не беспокойтесь,— сказал голос, знакомый мисс Ла-Криви.— Я сказал служанке, чтобы она не называла моей фамилии, потому что мне хотелось вас удивить.

— Мистер Николас! — вскричала мисс Ла-Криви, привскочив от изумления.

— Вижу, что вы меня не забыли! — ответил Николас, протягивая руку.

— Мне кажется, что я бы вас узнала, даже если бы встретила на улице,— с улыбкой сказала мисс Ла-Криви.— Ханна, еще одну чашку и блюдце. А теперь вот что я вам скажу, молодой человек: попрошу вас не повторять той дерзкой выходки, какую вы себе позволили в утро вашего отъезда.

— А вы бы не очень рассердились? — спросил Николас.

— Не очень! — воскликнула мисс Ла-Криви.— Я вам одно скажу: попробуйте только!

С подобающей галантностью Николас немедленно поймал на слове мисс Ла-Криви, которая слабо взвизгнула и шлепнула его по щеке,— но, по правде сказать, шлепнула не слишком сильно.

— Никогда еще не видывала такого грубияна! — воскликнула мисс Ла-Криви.

— Вы мне сказали, чтобы я попробовал,— ответил Николас.

— Да, но я говорила иронически,— возразила мисс Ла-Криви.

— О, это другое дело,— заметил Николас.— Вам бы следовало предупредить.

— Ну еще бы! Вы этого не знали! — парировала мисс Ла-Криви.— Но вот теперь я присмотрелась к вам, и вы мне кажетесь худее, чем когда мы в последний раз виделись, и лицо у вас измученное и бледное. Как это случилось, что вы уехали из Йоркшира?

Тут она запнулась. В изменившемся ее тоне и обращении столько было сердечности, что Николас был растроган.

— Не удивительно, что я немного изменился,— сказал он, помолчав.— С тех пор как я уехал из Лондона, я перенес и душевные и телесные страдания. Вдобавок я очень бедствовал и страдал от безденежья.

— Боже милостивый, мистер Николас! — воскликнула мисс Ла-Криви.— Что это вы мне говорите!

— Ничего такого, из-за чего вам стоило бы расстраиваться,— сказал Николас более веселым тоном.— И сюда я пришел не для того, чтобы оплакивать свою долю, но по делу более важному: я хочу встретиться с моим дядей. Об этом я бы хотел сообщить вам прежде всего...

— В таком случае, я могу ответить на это только одно,— перебила мисс Ла-Криви,— я вашему вкусу не завидую. Мне достаточно побыть в одной комнате хотя бы с его сапогами, чтобы это испортило мне расположение духа на две недели.

— Что до этого,— сказал Николас,— то в основном мы с вами, быть может, и не очень расходимся во мнении, но я хочу встретить его, чтобы оправдать себя и бросить ему в лицо обвинения в подлости и коварстве.

— Это совсем другое дело,— заявила мисс Ла-Криви.— Да простит мне небо, но если бы его задушили, я бы себе глаз не выплакала.

— С той целью, о которой я сказал, я зашел к нему сегодня утром. В город он вернулся в субботу, и только вчера поздно вечером я узнал о его приезде.

— И вы его видели? — спросила мисс Ла-Криви.

— Нет,— ответил Николас.— Его не было дома.

— А! — сказала мисс Ла-Криви.— Должно быть,

ушел по какому-нибудь доброму, благотворительному делу.

— Я могу предположить, на основании того, что мне сообщил один из моих друзей, которому известны его дела, что он собирался навестить сегодня мою мать и сестру и рассказать им на свой лад обо всем случившемся со мной. Я хочу встретить его там.

— Правильно! — потирая руки, сказала мисс Ла-Криви.— А впрочем, не знаю,— добавила она,— о многом надо подумать... Не надо забывать о других.

— Я не забываю,— ответил Николас,— но раз дело идет о чести и порядочности, меня ничто не остановит.

— Вам виднее,— сказала мисс Ла-Криви.

— В данном случае надеюсь, что виднее,— ответил Николас.— И единственное, о чем мне хочется вас просить: подготовьте их к моему приходу. Они думают, что я очень далеко отсюда, и я могу их испугать, появись я совсем неожиданно. Если вы можете улучить минутку и предупредить их, что вы меня видели и что я у них буду через четверть часа, вы мне окажете большую услугу.

— Хотела бы я оказать вам или любому из вашей семьи услугу посерьезнее,— сказала мисс Ла-Криви.— Но я считаю, что возможность услужить так же редко сочетается с желаньем, как и желанье с возможностью.

Болтая очень быстро и очень много, мисс Ла-Криви поспешила покончить с завтраком, спрятала чайницу, а ключ засунула под каминную решетку, надела шляпку и, взяв под руку Николаса, немедленно отправилась в Сити. Николас оставил ее у двери дома матери и обещал вернуться через полчаса.

Случилось так, что Ральф Никльби, найдя, наконец, своевременным и отвечающим собственным его целям сообщить о тех возмутительных поступках, в которых был повинен Николас, отправился (вместо того чтобы пойти сначала в другую часть города по делу, как предполагал Ньюмен Ногс) прямо к своей невестке. Поэтому, когда мисс Ла-Криви, впущенная девушкой, убиравшей в доме, прошла в гостиную, она застала миссис Никльби и Кэт в слезах: Ральф только что закончил рассказ о провинностях племянника. Кэт знаком попросила ее не уходить, и мисс Ла-Криви молча села.

«Вы уже здесь, вот как, сэр! — подумала маленькая женщина.— В таком случае он сам о себе доложит, и мы посмотрим, какое это произведет на вас впечатление».

— Прекрасно! — сказал Ральф, складывая письмо мисс Сквирс.— Прекрасно! Я его порекомендовал — вопреки своему убеждению, ибо знал, что никакого толку от него не будет,— порекомендовал его человеку, с которым он, ведя себя прилично, мог бы прожить годы. Каковы же результаты? За такое поведение его могут притянуть к суду Олд-Бейли! *

— Никогда я этому не поверю! — с негодованием воскликнула Кэт.— Никогда! Это какой-то гнусный заговор и ложь!

— Милая моя,— сказал Ральф,— вы несправедливы к достойному человеку. Это вовсе не выдумки. Человек подвергся нападению, вашего брата не могут найти, мальчик, о котором пишут, ушел вместе с ним. Подумайте-ка об этом.

— Это немыслимо! — сказала Кэт.— Николас — вор! Мама, как можете вы сидеть и слушать такие слова?

Бедная миссис Никльби, которая никогда не отличалась ясностью ума, а теперь, после недавних перемен в денежных делах, пребывала в крайнем замешательстве, не дала никакого ответа на этот серьезный упрек и воскликнула из-за носового платка, что ни за что бы она этому не поверила, тем самым весьма искусно заставив слушателей предполагать, что она этому верит.

— Если бы он встретился мне на пути, мой долг, мой прямой долг — отдать его в руки правосудия,— продолжал Ральф.— Другой линии поведения я как человек, знающий жизнь, и как делец не мог бы избрать. И, однако,— продолжал Ральф очень внушительно, посматривая украдкой, но зорко на Кэт,— однако, я бы этого не сделал. Я бы пощадил чувства его... его сестры... и, разумеется, его матери,— добавил Ральф, как бы спохватившись, но уже не столь выразительно.

Кэт прекрасно поняла, что ей указали на еще одно основание молчать о событиях прошлого вечера. Она невольно посмотрела на Ральфа, когда тот замолчал, но он отвел глаза в сторону и на секунду как будто совсем забыл о ее присутствии.

— Все вкупе,— заговорил Ральф после долгого молчания, нарушаемого только всхлипываниями мисс Никльби,— все вкупе доказывает правдивость этого письма, даже если бы была какая-нибудь возможность его оспаривать. Разве невинный человек бежит с глаз честных людей и бог знает где скрывается, словно находящийся вне закона? Разве невинный человек сманивает безродных бродяг и рыщет с ними по стране, как грабитель? Нападение, буйство, кража — как вы это назовете?

— Ложью! — раздался голос.

Дверь распахнулась, и в комнату вбежал Николас.

В первый момент Ральф от удивления и, быть может, от испуга вскочил и попятился на несколько шагов, застигнутый врасплох этим неожиданным появлением. Через секунду он уже стоял неподвижно и невозмутимо, сложив руки и хмуро глядя на племянника, в то время как Кэт и мисс Ла-Криви бросились между ними, чтобы предотвратить драку, чего заставляло опасаться страшное возбуждение Николаса.

— Николас, дорогой! — воскликнула сестра, цепляясь за него.— Успокойся, рассуди!..

— Рассудить, Кэт! — вскричал Николас, в пылу гнева сжимая ей руки с такой силой, что она едва могла вытерпеть боль.— Когда я рассуждаю и думаю обо всем, что произошло, я должен быть железным, чтобы сохранять спокойствие.

— Или бронзовым,— тихо вставил Ральф.— У человека из плоти и крови не хватит для этого наглости и бесстыдства.

— Ах, боже мой, боже мой! — воскликнула миссис Никльби.— Кто бы сказал, что могут произойти такие вещи!

— Кто говорит таким тоном, будто я поступил дурно и навлек позор на семью? — сказал Николас, оглядываясь.

— Ваша мать, сэр! — ответил Ральф, показывая на нее рукой.

— Чей слух был отравлен вами! — воскликнул Николас.— Вами — кто под предлогом заслужить благодарность, которую она вам расточала, обрушил на мою го-

лову всевозможные оскорбления, обиды и унижения! Вами, кто послал меня в логово, где буйствует гнусная жестокость, достойная вас самих, и преждевременно гибнет жалкая, несчастная юность. Где беззаботность детства гаснет под тяжестью лет, где каждая его надежда отравлена и где оно увядает. Призываю небо в свидетели,— воскликнул Николас, с волнением озираясь,— что я все это видел своими глазами и что он обо всем этом знал!

Опровергни клевету,— сказала Кэт,— и будь терпеливей, чтобы не давать клеветникам никаких преимуществ. Скажи нам, что именно ты сделал, и докажи, что они лгут!

— В чем меня обвиняют? — спросил Николас.

— Прежде всего в том, что вы напали на вашего начальника и были на волосок от того, чтобы вас судили как убийцу,— вмешался Ральф.— Я говорю начистоту, молодой человек! Можете буянить сколько вам угодно.

— Я вступился за несчастное существо, чтобы спасти его от возмутительной жестокости! При этом я подверг негодяя такому наказанию, какое он не скоро позабудет, хотя оно значительно меньше того, что он заслуживает. Если бы та же сцена снова разыгралась сейчас на моих глазах, я принял бы в ней такое же участие, но удары наносил бы более тяжелые и заклеймил бы его так, что это клеймо он донес бы до самой могилы, когда бы он туда ни отправился!

— Вы слышите? — сказал Ральф, поворачиваясь к миссис Никльби.— Вот это раскаяние!

— Ах, боже мой! — воскликнула миссис Никльби.— Я не знаю, что думать, право не знаю!

— Помолчите сейчас, мама, умоляю вас,— сказала Кэт.— Дорогой Николас, я тебе говорю это только для того, чтобы ты знал, что может измыслить злоба, но они обвиняют тебя... пропало кольцо, и они осмеливаются утверждать, что...

— Женщина, жена человека, от которого исходят эти обвинения,— гордо сказал Николас,— подбросила, думаю я, ничего не стоящее кольцо в мои вещи рано утром в тот день, когда я покинул дом. Во всяком случае, я знаю,

что она была в спальне, где они лежали, и терзала там какого-то несчастного ребенка, а нашел я кольцо, когда развернул мой сверток в дороге. Я немедленно вернул его с почтовой каретой, и теперь кольцо у них.

— Я это знала! — сказала Кэт, бросая взгляд на дядю.— Дорогой мой, а этот мальчик, с которым, говорят, ты оттуда ушел?

— Мальчик от жестокого обращения и побоев превратился в слабоумное, беспомощное создание, и сейчас со мной,— ответил Николас.

— Вы слышите? — сказал Ральф, снова обращаясь к матери.— Все доказано, даже на основании его собственного признания. Намерены ли вы вернуть этого мальчика, сэр?

— Нет, не намерен,— ответил Николас.

— Не намерены? — злобно усмехнулся Ральф.

— Нет! — повторил Николас.— Во всяком случае, не тому человеку, у которого я его нашел. Хотел бы я знать, кому он обязан своим рождением. Я бы выжал из него каплю стыда, даже если в нем погасли все чувства, свойственные человеку...

— Вот как! — сказал Ральф.— А теперь, сэр, можете вы выслушать два-три слова?

— Говорите, что и сколько вам угодно,— ответил Николас, привлекая к себе сестру.— Мне совершенно безразлично, что вы говорите или чем угрожаете.

— Прекрасно, сэр! Но, быть может, это касается других, которые сочтут не лишним выслушать и обдумать то, что я им скажу. Я буду обращаться к вашей матери, сэр, которая знает свет.

— Ах, как бы хотела я не знать его! — всхлипнув, сказала миссис Никльби.

Право же, славной леди вовсе незачем было так огорчаться именно по этому поводу, так как ее знание света было по меньшей мере весьма сомнительно; по-видимому, так думал и Ральф, ибо он улыбнулся в ответ на ее слова. Затем он посмотрел в упор на нее и на Николаса и произнес такую речь:

— О том, что я сделал или намеревался сделать для вас, сударыня, и для моей племянницы, я не обмолвлюсь ни словом. Я не давал никаких обещаний и предоставляю

судить вам самой. Сейчас я не угрожаю ничем, но говорю, что этот мальчишка, упрямый, своевольный и распущенный, не получит ни одного пенни моих денег и ни одной корки моего хлеба, и я пальцем не пошевельну, чтобы спасти его от самой высокой виселицы в Европе. Я не желаю видеть его, где бы он ни был, и не желаю слышать его имя. Я не желаю помогать ни ему, ни тем, кто ему помогает. С присущим ему эгоизмом и ленью, хорошо зная, что́ он этим на вас навлекает, он вернулся сюда, чтобы еще увеличить вашу нужду и быть обузой для своей сестры, живя на ее скудное жалованье. Мне жаль покидать вас и еще больше жаль ее, но я не намерен поощрять такую низость и жестокость, а так как я не хочу просить вас, чтобы вы отреклись от него, то больше я вас не увижу.

Если бы Ральф не знал и не чувствовал своего умения оскорблять тех, кого ненавидел, его взгляд, устремленный на Николаса, показал бы ему это умение во всей его полноте, когда он произносил приведенную выше речь. Хотя молодой человек был ни в чем не повинен, каждое лукавое обвинение причиняло боль, каждое хорошо обдуманное саркастическое замечание задевало за живое; и, видя его бледное лицо и дрожащие губы, Ральф поздравил себя с тем, как удачно выбирал он свои насмешки, рассчитанные на то, чтобы глубоко ранить юную и пылкую душу.

— Я ничего не могу поделать! — воскликнула миссис Никльби.— Я знаю, вы были очень добры к нам и много хотели сделать для моей дочери. Я в этом совершенно уверена; я знаю, что так было, и вы были очень любезны, пригласив ее к себе, и все такое... И, конечно, это имело бы огромное значение для нее, да и для меня. Но, знаете, деверь, я не могу, не могу отречься от родного сына, даже если он сделал все то, о чем вы говорите. Это немыслимо, я бы не могла на это пойти. И вот, Кэт, дорогая моя, придется нам испытать страдания и нищету. Думаю, что я это вынесу.

Изливая эти сожаления, а также изумительный поток других бессвязных замечаний, которые ни один смертный, кроме миссис Никльби, никогда не мог бы извергнуть, эта леди стала ломать руки, и слезы ее потекли быстрее.

— Почему вы сказали: «Если Николас сделал то, о чем вы говорите?» — с благородным негодованием спросила Кэт.— Вы знаете, что он этого не делал.

— Я не знаю, что думать, дорогая моя,— сказала миссис Никльби.— Николас в таком гневе, а твой дядя так хладнокровен, что я могу расслышать только его слова, а не то, что говорит Николас. Все равно, не будем больше толковать об этом! Я думаю, мы можем пойти в работный дом, или в богадельню, или в странноприимный дом святой Марии Магдалины, и чем скорее мы туда отправимся, тем лучше.

Перебрав как попало благотворительные учреждения, миссис Никльби снова залилась слезами.

— Стойте! — сказал Николас, когда Ральф повернулся к выходу.— Вам незачем уходить отсюда, потому что через минуту вы будете избавлены от моего присутствия, и не скоро, очень не скоро появлюсь я снова здесь.

— Николас, не говори так! — вскричала Кэт, бросаясь на шею брату.— Ты разобьешь мне сердце, дорогой мой брат! Мама, скажите же ему! Не обращай на нее внимания, Николас: она этого не думает, ты должен был бы знать ее лучше. Дядя, кто-нибудь, ради бога поговорите с ним!

— У меня никогда не было намерения, Кэт,— нежно сказал Николас,— остаться с вами; думайте обо мне лучше и не допускайте такой возможности. Я могу уйти из этого города на несколько часов раньше, чем предполагал,— не все ли равно? В разлуке мы друг друга не забудем, и настанут лучшие дни, когда мы больше не расстанемся. Будь женщиной, Кэт,— гордо прошептал он,— и не делай женщину из меня, когда *он* на нас смотрит!

— Да, да, не буду! — с жаром отозвалась Кэт.— Но ты нас не покинешь! О, подумай о тех счастливых днях, какие мы провели вместе, прежде чем обрушились на нас эти ужасные несчастья, подумай о благополучии, о счастье родного дома и о тех испытаниях, которые нам приходится теперь переносить, подумай о том, что у нас нет защитника от всех обид и оскорблений, на какие обречена бедность,— и у тебя не хватит сил оставить нас, чтобы мы терпели все это одни, когда никто не протянет нам руку помощи.

— Вам будут помогать, когда меня здесь не будет,— быстро сказал Николас.— Я вам не помощник, не защитник; я не принес бы вам ничего, кроме скорби, нужды и страданий. Моя родная мать понимает это, и ее любовь к тебе и страх за тебя указывают путь, какой я должен избрать. Пусть все ангелы хранят тебя, Кэт, пока я не могу дать тебе приют у себя, в своем доме, где мы снова узнаем счастье, в котором сейчас нам отказано, и будем говорить об этих испытаниях как о далеком прошлом. Не удерживай меня здесь, позволь мне уйти немедля. Вот так. Дорогая моя, дорогая!

Руки, обхватившие его, ослабели, и Кэт лишилась чувств в его объятиях. Несколько секунд Николас стоял, склонившись над нею, потом, осторожно опустив ее в кресло, поручил сестру заботам их верной приятельницы.

— Мне не нужно взывать к вашему сочувствию,— сказал он, пожимая ей руку,— потому что я вас знаю. Вы их никогда не покинете.

Он подошел к Ральфу, который стоял в одной и той же позе в течение всего свидания и даже пальцем не пошевельнул.

— Что бы вы ни предприняли, сэр,— сказал он тихо, чтобы их никто не слышал,— я буду вести точный счет всему. По вашему желанию, я оставляю их на ваше попечение. Рано или поздно настанет день расплаты, и этот день будет для вас тяжелым, если вы причините им зло!

Ральф не позволил ни одному мускулу лица дрогнуть, словно он не слышал ни слова из этой прощальной речи. Вряд ли он понял, что она уже окончена, а миссис Никльби еще не приняла решения удержать сына в случае необходимости насильно, как Николас исчез.

Пока он быстро шагал по улицам к своему скромному жилищу, как будто стараясь приноровить шаг к стремительному бегу нахлынувших на него дум, много сомнений и колебаний возникло у него и едва не побудило вернуться. Но что можно было бы благодаря этому выиграть? Если предположить, что он бросил бы вызов Ральфу Никльби и ему даже посчастливилось бы занять какую-нибудь скромную должность, его пребывание с ними могло лишь ухудшить теперешнее их положение и значительно повредить их видам на будущее, ибо его

мать говорила о каком-то новом благодеянии, оказанном Кэт, чего та не отрицала. «Нет,— думал Николас,— я поступил правильно».

Но не успевал он пройти и пятисот ярдов, как совсем другое чувство охватывало его, и тогда он замедлял шаги и, надвинув на глаза шляпу, отдавался меланхолическим мыслям, осаждавшим его. Не знать за собой никакой вины и, однако, остаться совсем одиноким в мире, разлучиться с единственными людьми, которых он любил, и быть изгнанным, как преступник, когда лишь полгода назад он жил в полном благополучии и его считали надеждой семьи,— это было трудно перенести. И он этого не заслужил. Что ж, последняя мысль являлась утешением, и бедный Николас снова обретал бодрость, чтобы снова впасть в уныние, когда быстро сменявшиеся мысли мелькали перед ним во всем разнообразии света и тени.

Претерпевая эти переходы от надежды к страху, которых не может избежать ни один человек, переносящий повседневные испытания, Николас добрался, наконец, до своей убогой комнаты, где, уже не черпая сил из того возбуждения, которое до сих пор его поддерживало, обессиленный, бросился на кровать и, повернувшись лицом к стене, дал волю чувствам, так долго подавляемым.

Он не слышал, как кто-то вошел в комнату, и не ведал о присутствии Смайка, пока, подняв случайно голову, не увидел, что тот стоит в другом конце комнаты и грустно на него смотрит. Смайк отвел глаза, когда заметил, что за ним наблюдают, и притворился, будто занят какими-то приготовлениями к скудному обеду.

— Ну, Смайк,— сказал Николас, стараясь говорить как можно веселее,— послушаем, какие новые знакомства вы завели сегодня утром и какие новые чудеса открыли в пределах этой улицы и соседней.

— Нет,— сказал Смайк, горестно покачивая головой,— сегодня я должен поговорить о другом.

— Говорите о чем угодно,— добродушно отозвался Николас.

— Вот что,— начал Смайк.— Я знаю, что вы несчастны и что, взяв меня оттуда, вы навлекли на себя беду. Я должен был это знать и остаться там, и я бы остался, если бы в то время об этом подумал. Вы... вы небогаты:

вам на себя не хватает, и мне нельзя быть здесь. Вы худеете,— продолжал мальчик, робко кладя руку на руку Николаса,— вы худеете с каждым днем, щеки у вас побледнели и глаза ввалились. Право, у меня нет сил видеть вас таким и думать, какая я для вас обуза! Сегодня я пытался уйти, но воспоминание о вашем добром лице заставило меня вернуться. Я не мог оставить вас, не сказав ни слова.

Бедняга больше не мог говорить, потому что глаза его наполнились слезами, а голос прервался.

— Слово, которое разлучит нас,— сказал Николас, дружески беря его за плечо,— никогда не будет сказано мною, потому что вы единственное мое утешение и опора. Ни за какие блага в мире не согласился бы я потерять вас теперь, Смайк. Мысль о вас поддерживала меня во всех моих сегодняшних испытаниях и еще пятьдесят раз поддержит во всяких бедах. Дайте мне вашу руку. Я привязался к вам всем сердцем. Еще до конца недели мы вместе уйдем из этих мест. Я беден — ну так что ж? Вы облегчаете мне бремя бедности, и мы будем нести его вдвоем.

ГЛАВА XXI

Мадам Манталини остается в довольно затруднительном положении, а мисс Никльби остается без всякого положения

Волнение, испытанное Кэт Никльби, три дня не давало ей возможности вновь приступить к работе у портнихи; по истечении этого срока она в обычный час направилась усталыми шагами к храму моды, где правила самодержавно мадам Манталини.

За это время недоброжелательство мисс Нэг отнюдь не потеряло своей силы. По-прежнему молодые леди добросовестно избегали всякого общения с опороченной товаркой, а эта примерная особа, мисс Нэг, нимало не потрудилась скрыть неудовольствие по поводу возвращения Кэт.

— Честное слово,— сказала она, когда ее поклонницы столпились вокруг, помогая ей снять шляпку и шаль,—

я думала, что у иных людей должно хватить духу удалиться окончательно, раз они знают, какой помехой является их присутствие для порядочных особ. Но странный у нас мир, ох, какой странный!

Высказав это суждение о мире таким тоном, каким обычно высказывают суждение о мире люди, находящиеся в дурном расположении духа,— то есть так, словно они не имеют к нему никакого отношения,— мисс Нэг испустила глубокий вздох, как бы смиренно сокрушаясь о греховности рода человеческого.

Свита не замедлила повторить этот вздох, и мисс Нэг готовилась одарить ее еще некоторыми моральными поучениями, но тут голос мадам Манталини, дошедший по переговорной трубке, потребовал мисс Никльби наверх привести в порядок выставку моделей — честь, заставившая мисс Нэг так сильно тряхнуть головой и так крепко закусить губы, что способность вести разговор была временно ею утрачена.

— Ну как, мисс Никльби? — спросила мадам Манталини, когда Кэт предстала перед ней.— Вы совсем выздоровели, дитя?

— Мне гораздо лучше, благодарю вас,— ответила Кэт.

— Хотела бы я сказать то же самое о себе,— заметила мадам Манталини, садясь с усталым видом.

— Вы больны? — спросила Кэт.— Меня это очень огорчает.

— Собственно, не больна, дитя, а встревожена... встревожена,— ответила мадам.

— Это меня огорчает еще больше,— кротко сказала Кэт.— Физическую боль гораздо легче выносить, чем душевную.

— Да, а еще легче говорить, чем выносить ту или другую,— заявила мадам с величайшей досадой, потирая себе нос.— Принимайтесь за работу, дитя, и приведите все в порядок.

Пока Кэт размышляла о том, что могут предвещать эти симптомы необычного раздражения, мистер Манталини просунул в полуоткрытую дверь сначала кончики бакенбардов, а затем голову и нежным голосом осведомился:

— Здесь ли моя жизнь и душа?

— Нет,— ответила его жена.

— Можно ли так говорить, если она цветет здесь в салоне, словно маленькая роза в дьявольском цветочном горшке! — настаивал Манталини.— Можно ли ее крошке войти и побеседовать?

— Разумеется, нет,— ответила мадам.— Ты знаешь, что я тебя никогда не пускаю сюда. Уходи!

Однако крошка, ободренный, быть может, более мягким тоном ответа, осмелился взбунтоваться и, прокравшись в комнату, на цыпочках направился к мадам Манталини, посылая ей на ходу воздушный поцелуй.

— Почему она себя мучает и кривит свое личико, превращая его в очаровательного щелкунчика? — вопросил Манталини, левой рукой обвивая талию своей жизни и души, а правой притягивая ее к себе.

— О, я тебя не выношу! — ответила жена.

— Не выно... как, не выносить *меня*? — воскликнул Манталини.— Выдумки, выдумки! Этого быть не может. Нет женщины на свете, которая могла бы сказать такую вещь мне в лицо — в лицо мне!

Говоря это, мистер Манталини погладил свой подбородок и самодовольно посмотрел в зеркало.

— Какая пагубная расточительность! — тихо промолвила жена.

— Все это от радости, что я завоевал такое прелестное создание, такую маленькую Венеру, такую чертовски очаровательную, обворожительную, обаятельную, пленительную маленькую Венеру,— сказал Манталини.

— Подумай, в какое положение ты меня поставил! — упорствовала мадам.

— Никакой беды не будет, никакой беды не может быть с милочкой,— возразил мистер Манталини.— Все прошло, ничего плохого не случится, деньги будут получены, а если они заставят ждать, старому Никльби придется снова приковылять сюда, а не то ему вскроют вены на шее, если он осмелится мучить и обижать маленькую...

— Тише! — перебила мадам.— Разве ты не видишь?

Мистер Манталини, который под влиянием горячего желания уладить дело с женой либо не замечал до сих

пор, либо притворился, будто не замечает мисс Никльби, понял намек и, приложив палец к губам, понизил голос еще больше. Тогда началось перешептывание, продолжавшееся долгое время, в течение коего мадам Манталини, по-видимому, не раз упоминала о некоторых долгах, сделанных мистером Манталини до того дня, как она очутилась под покровительством мужа, а также о непредвиденных издержках на уплату указанных долгов; и, наконец, о некоторых приятных слабостях этого джентльмена, вроде пристрастия к картам, мотовства, лени и любви к лошадям. Каждый из этих пунктов мистер Манталини опровергал одним или несколькими поцелуями, в зависимости от степени важности. Результатом всего этого было то, что мадам Манталини осталась в восторге от своего супруга, и они отправились наверх завтракать.

Кэт занималась своим делом и молча размещала всевозможные уборы, по мере своих сил самым лучшим образом, как вдруг вздрогнула, услышав в комнате незнакомый голос, и вздрогнула снова, когда, оглянувшись, обнаружила, что некая белая шляпа, красный галстук, широкая круглая физиономия, большая голова и часть зеленого пальто также находятся в комнате.

— Не пугайтесь, мисс,— сказал обладатель вышеописанной наружности.— Послушайте, здесь торговля модным товаром?

— Да,— с величайшим изумлением ответила Кэт.— Что вам нужно?

Незнакомец ничего не ответил, но, сначала оглянувшись, словно для того, чтобы поманить кого-то за дверью, преспокойно вошел в комнату, а за ним по пятам следовал маленький человечек в коричневом костюме, чрезвычайно пострадавшем от времени, который принес с собой смешанный запах затхлого табака и свежего лука. Костюм этого джентльмена был весь в пуху, а башмаки, чулки и нижняя половина одеяния, от пяток до пуговиц на спине фрака включительно, были густо разрисованы брызгами грязи, попавшей сюда две недели назад, когда еще не установилась хорошая погода.

У Кэт мелькнула догадка, что эти привлекательные субъекты явились с целью завладеть незаконным образом теми удобоносимыми вещами, какие поразят их вообра-

жение. Она не пыталась скрыть свои опасения и сделала шаг к двери.

— Подождите минутку,— сказал человек в зеленом пальто, тихо прикрывая дверь и прислоняясь к ней спиной.— Это дело неприятное. Где ваш главный?

— Мой — кто, как вы сказали? — дрожа, спросила Кэт, ибо ей пришло в голову, что «главный» может означать на воровском жаргоне часы или деньги.

— Мистер Мунтльхини,— сказал пришедший.— Где он обретается? Он дома?

— Кажется, он наверху,— ответила Кэт, слегка успокоенная этим вопросом.— Он вам нужен?

— Нет,— ответил посетитель.— Он мне, собственно, не нужен. Вы только передайте ему вот эту карточку и скажите, что если *он* хочет поговорить *со мной* и избежать хлопот, так я здесь,— вот и все.

С этими словами незнакомец сунул в руку Кэт квадратную карточку из плотной бумаги и, повернувшись к своему приятелю, заметил с развязным видом, что «комнаты здорово высокие», с чем приятель согласился, добавив в виде иллюстрации, что «здесь за глаза хватит места мальчику вырасти в мужчину, не опасаясь, что он когда-нибудь заденет головой потолок».

Позвонив в колокольчик, чтобы вызвать мадам Манталини, Кэт взглянула на карточку и увидела, что на ней красуется фамилия «Скели» и еще какие-то сведения, с которыми она не успела ознакомиться, так как ее внимание было привлечено самим мистером Скели, который, подойдя к одному из трюмо, сильно ткнул его в середину своею тростью с таким хладнокровием, словно оно было сделано из чугуна.

— Хорошее зеркало, Тикс,— сказал мистер Скели своему другу.

— Да,— отозвался мистер Тикс, оставляя следы четырех пальцев и двойной отпечаток большого пальца на куске небесно-голубого шелка.— И заметьте, сделать эту штуку тоже денег стоило.

С шелка мистер Тикс перенес свое восхищение на некоторые элегантные принадлежности туалета, а мистер Скели не спеша поправил галстук перед зеркалом, а затем с помощью того же зеркала приступил к тщательному

исследованию прыщика на подбородке. Он еще занимался этим увлекательным делом, когда мадам Манталини, войдя в комнату, испустила изумленный возглас, который привлек его внимание.

— О! Так это хозяйка? — осведомился Скели.

— Это мадам Манталини,— сказала Кэт.

— В таком случае,— сказал мистер Скели, извлекая из кармана какой-то небольшой документ и медленно его разворачивая,— вот приказ о наложении ареста на имущество, и, если вы не уплатите, мы сейчас же обойдем весь дом и составим опись.

Бедная мадам Манталини в горе начала ломать руки и позвонила, призывая мужа; покончив с этим, она упала в кресло и в обморок одновременно. Однако джентльмены отнюдь не были обескуражены этим событием, и мистер Скели, облокотившись на манекен в нарядном платье (плечи мистера Скели были видны над ним, как видны были бы плечи леди, для которой предназначалось платье, если бы она его надела), сдвинул шляпу набекрень и почесал голову с полным равнодушием; его друг, мистер Тикс, воспользовавшись случаем обозреть помещение. прежде чем приступить к делу, стоял с инвентарной книгой под мышкой и со шляпой в руке, мысленно определяя цену каждой вещи, находившейся в поле зрения.

Таково было положение дел, когда в комнату вбежал мистер Манталини. А так как сей отменный джентльмен в дни своей холостой жизни поддерживал близкое общение с собратьями мистера Скели и вдобавок отнюдь не был застигнут врасплох только что случившимся волнующим событием, то он только пожал плечами, засунул руки поглубже в карманы, поднял брови, просвистал дватри такта, изрыгнул два-три проклятия и, усевшись верхом на стул, с великим спокойствием и выдержкой постарался наилучшим образом встретить такой оборот дел.

— Сколько всего, черт побери? — был первый заданный им вопрос.

— Тысяча пятьсот двадцать семь фунтов четыре шиллинга девять пенсов и полпенни,— ответил мистер Скели, оставаясь совершенно неподвижным.

— К черту полпенни! — нетерпеливо сказал мистер Манталини.

— Разумеется, если вам угодно,— отозвался мистер Скели,— а также и девять пенсов.

— Нам-то все равно, хотя бы и тысяча пятьсот двадцать семь фунтов отправились туда же,— заметил мистер Тикс.

— Нам наплевать,— подтвердил Скели.

— Ну-с,— помолчав, продолжал этот джентльмен,— что нам предпринять? Что это — только маленький крах или полное разорение? Банкротство — вот что это такое. Прекрасно! В таком случае, мистер Том Тикс, эсквайр, вы должны уведомить вашего ангела-жену и любезное семейство, что три ночи не будете ночевать дома и займетесь своим делом здесь. И зачем только леди так терзается? — продолжал мистер Скели.— Вероятно, за добрую половину того, что здесь есть, не уплачено, а это должно послужить ей утешением!

С такими замечаниями, в которых приятная шутливость сочеталась с разумной моральной поддержкой в затруднительных обстоятельствах, мистер Скели приступил к описи имущества, и в этой деликатной работе ему существенно помогли необыкновенный такт и опытность мистера Тикса, оценщика.

— Усладительная чаша моего счастья! — вымолвил мистер Манталини, с покаянным видом подходя к жене.— Согласна ли ты слушать меня в течение двух минут?

— О, не говори со мной! — рыдая, ответила жена.— Ты меня разорил, и этого достаточно!

Едва услышав эти слова, произнесенные тоном скорбным и суровым, мистер Манталини, который несомненно хорошо обдумал свою роль, отступил на несколько шагов, придал своему лицу выражение беспредельной душевной муки и опрометью выбежал из комнаты, а вскоре после этого услышали, как наверху, в туалетной комнате, с силой захлопнулась дверь.

— Мисс Никльби! — вскричала мадам Манталини, когда этот звук коснулся ее слуха.— Ради бога, скорее! Он покончит с собой! Я говорила с ним сурово, и он этого не перенесет! Альфред, мой ненаглядный Альфред!

С такими возгласами она бросилась наверх, а следом за ней Кэт, которая хотя и не вполне разделяла опасения

нежной жены, была тем не менее слегка встревожена. Когда они быстро распахнули дверь туалетной комнаты, их взорам предстал мистер Манталини с симметрично отвернутым воротничком сорочки, точивший столовый нож о ремень для правки бритв.

— Ах! — воскликнул мистер Манталини.— Помешали! — И столовый нож мгновенно исчез в кармане халата мистера Манталини, в то время как глаза мистера Манталини дико выкатились, а волосы, развевавшиеся в диком беспорядке, перепутались с бакенбардами.

— Альфред! — вскричала жена, обвивая его руками.— Я не то хотела сказать, не то!

— Разорил! — вскричал мистер Манталини.— Неужели я довел до разорения самое лучшее и чистое создание, какое когда-либо благословляло жизнь проклятого бродяги? Проклятье! Пустите меня!

В порыве безумия мистер Манталини снова полез за столовым ножом, а когда жена удержала его, схватив за руку, он сделал попытку размозжить себе голову о стену, хорошенько позаботившись о том, чтобы находиться от нее на расстоянии по крайней мере шести футов.

— Успокойся, мой ангел,— сказала мадам.— Никто в этом не виноват, это столько же моя вина, сколько и твоя. Мы еще поживем хорошо. Приди в себя, Альфред, приди в себя!

Мистер Манталини не считал удобным прийти в себя сразу, но, после того как несколько раз потребовал яду и попросил какую-нибудь леди или какого-нибудь джентльмена пустить ему пулю в лоб, более нежные чувства нахлынули на него, и он трогательно расплакался. В таком размягченном состоянии духа он отдал нож — от которого, сказать по правде, пожалуй, рад был избавиться, как от предмета неудобного и опасного для кармана халата,— и в конце концов позволил нежной спутнице жизни увести его.

По прошествии двух или трех часов молодым леди сообщили, что без их услуг будут обходиться вплоть до особого распоряжения, а по истечении двух дней фамилия Манталини появилась в списке банкротов. В то же утро мисс Никльби получила уведомление по почте, что в даль-

нейшем фирма будет значиться под фамилией мисс Нэг и что в ее помощи больше не нуждаются,— известие, которое заставило миссис Никльби заявить, едва эта славная леди о нем узнала, что она все время этого ждала, и привести ряд никому неведомых случаев, когда она предсказывала именно такие последствия.

— И я повторяю,— заявила миссис Никльби (вряд ли нужно упоминать, что раньше она никогда этого не говорила),— я повторяю, Кэт, что ремесло портнихи или модистки — тот род занятий, за который тебе следовало бы браться в самую последнюю очередь. Я тебя не упрекаю, моя милая, но все-таки я должна сказать, что если бы ты посоветовалась с родной матерью...

— Хорошо, мама, хорошо,— кротко сказала Кэт.— А что бы вы мне теперь посоветовали?

— Что бы я посоветовала! — воскликнула миссис Никльби.— Ну, разве не очевидно, дорогая моя, что из всех занятий для молодой леди и при таких обстоятельствах, в каких находишься ты, быть компаньонкой у какой-нибудь приятной леди — самая подходящая должность, к которой ты прекрасно подготовлена благодаря твоему образованию, манерам, наружности и всему прочему? Разве ты никогда не слыхала, как твой бедный дорогой папа рассказывал об одной молодой леди, которая была дочерью одной старой леди, жившей в том самом пансионе, где жил когда-то он в бытность свою холостяком... Ах, как ее фамилия?.. Начинается на «Б», а кончается на «г». Не Уотерс ли это, или... нет, тоже не то! Но как бы ее там ни звали, разве ты не знаешь, что эта молодая леди поступила компаньонкой к замужней даме, которая вскоре после этого умерла, а она вышла замуж за ее мужа, и у нее родился прелестный мальчик,— и все это за полтора года?

Кэт прекрасно знала, что этот поток воспоминаний вызван какими-то перспективами, реальными или воображаемыми, которые открыла ее мать на жизненной стезе компаньонки. Поэтому она очень терпеливо ждала, пока не были исчерпаны все воспоминания и анекдоты, имевшие и не имевшие отношения к делу, и, наконец, осмелилась полюбопытствовать, какое было сделано открытие. И тогда истина обнаружилась.

В то утро миссис Никльби взяла в трактире, откуда приносили портер, вчерашнюю газету, отличавшуюся величайшей респектабельностью, и в этой вчерашней газете было помещено объявление, изложенное на самом чистом и грамматически безупречном английском языке, возвещавшее, что замужняя леди ищет в компаньонки молодую леди из хорошей семьи и что фамилию и адрес замужней леди можно узнать, обратившись в библиотеку в Вест-Энде, упомянутую в этом объявлении.

— И я скажу, что стоит попробовать! — воскликнула миссис Никльби, с торжеством откладывая газету.— Если у твоего дяди нет возражений.

Кэт была слишком обескуражена жестоким столкновением с жизнью и в сущности в тот момент слишком мало интересовалась тем, какая судьба ей уготована, чтобы приводить какие бы то ни было возражения.

Мистер Ральф Никльби не привел никаких, напротив — весьма одобрил эту мысль. Не выразил он и особого удивления по случаю внезапного банкротства мадам Манталини, да и странно было бы, если бы он его выразил, поскольку банкротство было подготовлено и подстроено главным образом им самим. Итак, не теряя времени, узнали фамилию и адрес, и мисс Никльби в то же утро отправилась со своей матушкой на поиски миссис Уититерли, Кэдоген-Плейс, Слоун-стрит.

Кэдоген-Плейс служит единственным легким мостиком, соединяющим две великие крайности,— связующим звеном между аристократическими тротуарами Бельгрев-сквера и варварством Челси. Кэдоген-Плейс вливается в Слоун-стрит, но сторонится ее. Обитатели Кэдоген-Плейс смотрят сверху вниз на Слоун-стрит и считают Бромтон вульгарным. Они притворяются людьми великосветскими и делают вид, будто не знают, где находится Нью-роуд. Нельзя сказать, чтобы они притязали быть на равной ноге с аристократами Бельгрев-сквера и Гровенор-Плейс, но по отношению к ним они занимают приблизительно то же положение, что незаконные дети знати, которые довольствуются тем, что хвастают своей родней, хотя она от них отрекается. Подражая по мере сил виду и манерам знатных особ, обитатели Кэдоген-Плейс принадлежат к среднему классу. Кэдоген-Плейс — проводник, передаю-

щий электрическую искру гордыни, рожденной происхождением и званием, населению других районов,— искру, ему не принадлежащую, но заимствованную из чужого источника; или же, подобно связке, соединяющей сиамских близнецов *, он содержит частицу жизненной сущности обоих тел, но не принадлежит ни тому, ни другому.

В этом сомнительном районе проживала миссис Уититерли, и в дверь миссис Уититерли постучала дрожащей рукой Кэт Никльби. Дверь открыл дюжий лакей с головой, посыпанной мукой или мелом, а может быть выкрашенной (похоже на то, что напудренной она не была), и дюжий лакей, взяв визитную карточку, передал ее маленькому пажу — такому маленькому, что на нем не могли поместиться в должном порядке пуговицы, необходимые для костюма пажа, и поэтому они были пришиты в четыре ряда. Сей юный джентльмен понес карточку на подносе наверх, а в ожидании его возвращения Кэт и ее мать были проведены в столовую, довольно неопрятную и запущенную и так удобно устроенную, что она годилась для любых занятий, кроме принятия пищи.

Как полагается и согласно всем достоверным описаниям светской жизни, которые мы находим в книгах, миссис Уититерли надлежало быть в своем будуаре, но возможно, что в то время в будуаре брился мистер Уититерли. Как бы там ни было, несомненно одно: миссис Уититерли дала аудиенцию в гостиной, где было все, что требуется и что необходимо, включая занавески и обивку розового цвета — дабы придавать мягкий оттенок лицу миссис Уититерли, а также маленькую собачку — чтобы хватать посетителей за ноги для развлечения миссис Уититерли, и упомянутого выше пажа — чтобы подавать шоколад для услаждения миссис Уититерли.

У леди вид был нежный и томный, а лицо отличалось интересной бледностью; было что-то увядшее и в ней, и в мебели, и в самом доме. Она полулежала на диване в такой естественной позе, что ее можно было принять за актрису, совсем готовую для первой сцены в балете и ожидавшую только поднятия занавеса.

— Подайте стулья.

Паж подал.

— Выйдите, Альфонс.

Альфонс вышел; но если у какого-нибудь Альфонса было ясно написано на лице «Билл», то именно таким мальчуганом был этот паж.

— Увидев ваше объявление, я взяла на себя смелость зайти к вам, сударыня,— сказала Кэт после нескольких секунд неловкого молчания.

— Да,— отозвалась миссис Уититерли,— кто-то из моих людей поместил его в газете... Да.

— Я подумала,— скромно продолжала Кэт,— быть может, если вы еще не приняли окончательного решения, вы простите, что я вас потревожила своей просьбой...

— Да-а-а,— снова протянула миссис Уититерли.

— Если вы уже сделали выбор...

— Ах, боже мой, нет! — перебила леди.— Меня не так легко удовлетворить. Право, не знаю, что вам сказать. Вы еще никогда не занимали места компаньонки?

Миссис Никльби, нетерпеливо подстерегавшая удобный случай, ловко вмешалась, прежде чем Кэт успела ответить.

— У чужих людей никогда, сударыня,— сказала славная леди,— но моей компаньонкой она была в течение нескольких лет. Я — ее мать, сударыня.

— О! — сказала миссис Уититерли.— Я вас понимаю.

— Уверяю вас, сударыня,— продолжала миссис Никльби,— было время, когда я и не помышляла о том, что моей дочери придется идти в услужение, так как ее бедный дорогой папа был джентльменом с независимыми средствами и оставался бы им и теперь, если бы он только вовремя внял моим неустанным мольбам и...

— Милая мама,— тихо сказала Кэт.

— Милая моя Кэт,— возразила миссис Никльби,— если ты позволишь мне говорить, я возьму на себя смелость объяснить этой леди...

— Мне кажется, мама, в этом нет необходимости.

И несмотря на сдвинутые брови и подмигивания, коими миссис Никльби давала понять, что имеет сообщить нечто, долженствующее немедленно решить дело, Кэт, бросив на нее выразительный взгляд, настояла на своем. И на сей раз миссис Никльби должна была остановиться на пороге торжественной речи.

— Что вы умеете делать? — закрыв глаза, спросила миссис Уититерли.

Кэт, краснея, начала перечислять основные свои таланты, а миссис Никльби отсчитывала их один за другим по пальцам, заранее подведя итог. К счастью, оба вычисления совпали, так что у миссис Никльби не оказалось повода заговорить.

— У вас хороший характер? — спросила миссис Уититерли, приоткрыв на секунду глаза и снова их закрыв.

— Надеюсь,— ответила Кэт.

— И у вас есть вполне респектабельная рекомендация, подтверждающая все, что вы говорите?

Кэт ответила утвердительно и положила на стол визитную карточку своего дяди.

— Будьте добры, придвиньте свой стул поближе и дайте мне посмотреть на вас,— сказала миссис Уититерли.— Я так близорука, что плохо различаю черты вашего лица.

Кэт, хотя и не без смущения, исполнила эту просьбу, и миссис Уититерли принялась томно рассматривать ее лицо, что продолжалось минуты две или три.

— Ваша наружность мне нравится,— сказала она, позвонив в маленький колокольчик.— Альфонс, попросите сюда вашего хозяина.

Паж вышел исполнить поручение и после короткого промежутка, в течение которого обе стороны не обмолвились ни словом, распахнул двери перед напыщенным джентльменом лет тридцати восьми, с простоватой физиономией и очень скудной растительностью на голове, который на минуту наклонился к миссис Уититерли и заговорил с ней шепотом.

— О! — сказал он, затем обернувшись: — Да! Это чрезвычайно важно. Миссис Уититерли — натура очень чувствительная, очень деликатная, очень хрупкая: оранжерейное растение, экзотическое растение...

— О Генри, дорогой мой! — перебила миссис Уититерли.

— Это так, любовь моя, ты знаешь, что это так. Одно дуновение,— сказал мистер Уититерли, сдувая воображаемую пушинку,— пфу! — и тебя нет.

Леди вздохнула.

— Душа твоя слишком велика для твоего тела,— продолжал мистер Уititерли.— Твой ум изнуряет тебя — это утверждают все медики; как тебе известно, нет ни одного врача, который не гордился бы тем, что его приглашают к тебе. Каково их единодушное заявление? «Дорогой мой доктор,— сказал я сэру Тамли Снафиму в этой самой комнате, когда он недавно был здесь,— дорогой мой доктор, каким недугом страдает моя жена? Скажите мне все. Я могу это вынести. Нервы?» — «Дорогой мой,— сказал он,— гордитесь этой женщиной, лелейте ее: для лучшего общества и для вас она служит украшением. Ее недуг — душа. Она растет, расцветает, ширится, кровь закипает, ускоряется пульс, усиливается возбуждение... Фью!»

Тут мистер Уититерли, который, увлекшись своим описанием, размахивал правой рукой на расстоянии меньше одного дюйма от шляпки миссис Никльби, поспешно отдернул руку и высморкался столь энергически, как будто это было проделано какой-нибудь мощной машиной.

— Ты изображаешь меня хуже, чем я на самом деле, Генри,— со слабой улыбкой сказала миссис Уититерли.

— Нет, Джулия, нет! — возразил мистер Уититерли.— Общество, в котором ты вращаешься — вращаешься по необходимости, в силу своего положения, связей и достоинств,— представляет собой водоворот и вихрь, действующий страшно возбуждающе. Силы небесные! Могу ли я когда-нибудь забыть тот вечер, когда ты танцевала с племянником баронета на балу избирателей в Эксетере! Это было потрясающе.

— Я всегда расплачиваюсь за такие триумфы,— сказала миссис Уититерли.

— И по этой-то причине,— отозвался ее супруг,— ты должна иметь компаньонку, которая была бы очень кротка, очень отзывчива, отличалась бы мягкостью характера и полным спокойствием.

Тут и мистер и миссис Уититерли, обращавшиеся скорее к обеим Никльби, чем друг к другу, прервали разговор и посмотрели на своих слушательниц с таким видом, будто хотели сказать: «Что вы обо всем этом думаете?»

— Знакомства с миссис Уититерли,— сказал ее супруг, адресуясь к миссис Никльби,— ищут и добиваются в высшем свете и в ослепительных кругах. На нее действует возбуждающе опера, драма, изящные искусства и... и... и...

— Аристократическое общество, дорогой мой,— вставила миссис Уититерли.

— Да, вот именно, аристократическое общество,— сказал мистер Уититерли.— И военные. Она составляет и высказывает множество разнообразнейших мнений о множестве разнообразнейших предметов. Если бы некоторые великосветские особы знали подлинное мнение о них миссис Уититерли, пожалуй, они так бы не задирали нос, как задирают сейчас.

— Полно, Генри,— сказала леди,— нехорошо так говорить.

— Я не называю имен, Джулия,— возразил мистер Уититерли,— и никто не будет в обиде. Я упоминаю об этом обстоятельстве лишь с целью показать, что ты — особа незаурядная, что между твоим духом и плотью происходят постоянные столкновения и что тебя нужно покоить и лелеять. А теперь я выслушаю беспристрастно и хладнокровно, какими качествами обладает молодая леди, претендующая на это место.

В результате его просьбы были снова перечислены все достоинства Кэт, причем мистер Уититерли часто перебивал и переспрашивал. В конце концов было решено, что наведут справки и не позже чем через два дня мисс Никльби будет дан окончательный ответ на адрес ее дяди. Когда эти условия были приняты, паж проводил их до окна на лестнице, а дюжий лакей, сменив здесь караул, довел их в целости и сохранности до двери на улицу.

— Очевидно, это люди из лучшего общества,— сказала миссис Никльби, взяв под руку дочь.— Какая выдающаяся особа миссис Уититерли!

— Вы так думаете, мама? — вот все, что ответила Кэт.

— Да разве можно думать иначе, милая моя Кэт? — возразила ее мать.— Она очень бледна и кажется изнуренной. Надеюсь, она не доведет себя до полного истощения, но я этого сильно опасаюсь.

Эти мысли привели дальновидную леди к вычислениям, сколько может продлиться жизнь миссис Уititерли и велики ли шансы, что безутешный вдовец предложит свою руку ее дочери. Еще не дойдя до дому, она освободила душу миссис Уititерли от всех телесных уз, с большой помпой выдала замуж Кэт в церкви Сент Джордж на Ганновер-сквере и оставила нерешенным только менее важный вопрос: где поставить предназначавшуюся ей самой великолепную кровать красного дерева, крытую французским лаком,— в задней ли половине дома на Кэдоген-Плейс, во втором этаже, или же в третьем, окнами на улицу. Преимущества каждого из этих помещений она не могла как следует взвесить, а посему покончила с этим вопросом, решив предложить его на рассмотрение своему зятю.

Справки были наведены. Ответ — нельзя сказать, чтобы к большой радости Кэт,— оказался благоприятным, и к концу недели она перебралась со всем своим движимым имуществом и драгоценностями в дом миссис Уititерли, где мы и оставим ее на время.

ГЛАВА XXII

Николас в сопровождении Смайка отправляется на поиски счастья. Он встречает мистера Винсента Крамльса, а кто он такой — здесь объясняется

Весь капитал, находившийся в распоряжении Николаса — на руках, по праву наследования и в перспективе — после уплаты за квартиру и расчета с маклером, у которого он брал напрокат жалкую мебель, превышал не больше чем на несколько полупенсов сумму в двадцать шиллингов. И все-таки Николас с легким сердцем приветствовал рассвет того дня, когда решил покинуть Лондон, и вскочил с постели с тою бодростью, какая, по счастью, является уделом молодежи, а иначе в мире не было бы стариков.

Была ранняя весна — холодное, сухое, туманное утро. Несколько тощих теней сновало по мглистым улицам,

и изредка вырисовывались сквозь густой пар грубые очертания какой-нибудь возвращающейся домой наемной кареты, которая, медленно приближаясь, дребезжала и, проезжая мимо, сбрасывала тонкий слой инея с побелевшей крыши и вскоре снова скрывалась в дымке. Иногда слышались шарканье стоптанных башмаков и зябкий крик бедного трубочиста, пробиравшегося к месту утренней своей работы, тяжелые шаги ночного сторожа, медленно маршировавшего взад и вперед и проклинавшего томительные часы, которые еще отделяли его от сна, грохот тяжелых повозок и подвод, стук более легких экипажей, доставлявших на различные рынки покупателей и торговцев, удары в дверь, не доносившиеся до тех, кто крепко спал. Все эти звуки время от времени касались слуха, но все казались приглушенными туманом и почти такими же расплывчатыми, каким был каждый предмет для глаза. С наступлением дня ленивая мгла сгущалась, и те, у кого хватило мужества встать и из-за оконной занавески посмотреть на сумрачную улицу, забирались обратно в постель и свертывались клубочком, чтобы снова заснуть.

Еще до появления в суетливом Лондоне этих предвестников приближающегося утра Николас отправился один в Сити и остановился под окнами дома, где жила его мать. Дом был хмурый и невзрачный, но для него в нем были свет и жизнь, потому что в этих старых стенах билось по крайней мере одно сердце, в котором от оскорблений и унижения закипала та же кровь, какая текла и в его жилах.

Он перешел через дорогу и поднял глаза на окно комнаты, где, как он знал, спала его сестра. Темное окно было закрыто. «Бедная девушка! — подумал Николас.— Она и не подозревает, кто стоит под этим окном».

Снова он поднял глаза и на секунду почувствовал чуть ли не досаду, что нет здесь Кэт, чтобы обменяться с ней хоть словом на прощанье. «Боже мой,— подумал он, вдруг опомнившись.— Какой я еще мальчик!»

— Так лучше, как сейчас,— сказал Николас, пройдя несколько шагов и вернувшись на прежнее место.— Когда я в первый раз их покинул — и мог бы тысячу раз с ними

попрощаться, если бы захотел,— я их избавил от муки расставанья. Почему не поступить так же и теперь?

В эту минуту ему почудилось, будто шевельнулась занавеска; он почти поверил, что Кэт стоит у окна, и под влиянием странных противоречивых чувств, свойственных всем нам, невольно спрятался в каком-то подъезде, чтобы она его не заметила. Затем он улыбнулся своей слабости, сказал: «Да благословит их бог»,— и удалился более легкими шагами.

Смайк нетерпеливо поджидал его, когда он вернулся в свое старое жилище; поджидал его и Ньюмен, который истратил дневной заработок на кружку рома и молока, чтобы приготовить их к путешествию. Они связали вещи в узел, Смайк взвалил его на плечо, и они тронулись в путь в сопровождении Ньюмена Ногса, который настоял накануне, что проводит их как можно дальше.

— Куда? — озабоченно спросил Ньюмен.

— Сначала в Кингстон,— ответил Николас.

— А потом куда? — спросил Ньюмен.— Почему вы не хотите мне сказать?

— Потому что вряд ли я и сам знаю, мой друг,— отозвался Николас, кладя руку ему на плечо.— А если бы и знал, то у меня нет еще ни планов, ни проектов, и я могу сто раз перебраться в другое место, прежде чем вы успеете прислать мне весть.

— Боюсь, что у вас какая-то хитрая затея на уме,— недоверчиво сказал Ньюмен.

— Такая хитрая, что даже я ее не понимаю,— ответил его молодой друг.— На что бы я ни решился, будьте уверены, что я вам скоро напишу.

— Вы не забудете? — спросил Ньюмен.

— Вряд ли это может случиться,— возразил Николас.— У меня не так много друзей, чтобы я их перепутал и забыл самого лучшего.

Занимаясь такими разговорами, они шли часа два и могли бы идти и два дня, если бы Николас не уселся на придорожный камень и не заявил решительно о своем намерении не трогаться с места, пока Ньюмен Ногс не повернет обратно. После безуспешных попыток добиться позволения пройти еще хоть полмили, еще хоть четверть мили Ньюмен поневоле подчинился и пошел по направ-

лению к Гольдн-скверу, предварительно обменявшись на прощанье многочисленными сердечными пожеланиями и все оглядываясь, чтобы помахать шляпой двум путникам даже тогда, когда те стали крохотными точками в пространстве.

— Теперь слушайте меня, Смайк,— сказал Николас, когда они скрепя сердце побрели дальше.— Мы идем в Портсмут.

Смайк кивнул головой и улыбнулся, но больше никаких эмоций не выразил, ибо шли они в Портсмут или в Порт-Рояль — было ему безразлично, раз они шли вдвоем.

— В этих делах я мало понимаю,— продолжал Николас,— но Портсмут — морской порт, и если никакого другого места не удастся получить, я думаю, мы можем устроиться на борту какого-нибудь судна. Я молод, энергичен и во многих отношениях могу быть полезен. И вы также.

— Да, надеюсь,— ответил Смайк.— Когда я был... вы знаете, где...

— Да, знаю,— сказал Николас.— Вам незачем называть это место.

— Так вот, когда я был там,— продолжал Смайк, у которого глаза загорелись при мысли о возможности проявить свои способности,— я не хуже всякого другого мог доить корову и ходить за лошадью.

— Гм!..— сказал Николас.— Боюсь, что не много таких животных держат на борту судна, Смайк, а если у них и есть лошади, то вряд ли там особенно заботятся о том, чтобы их чистить, но вы можете научиться делать что-нибудь другое. Была бы охота, а выход найдется.

— А охоты у меня очень много,— сказал Смайк, снова просияв.

— Богу известно, что это так,— отозвался Николас.— А если ничего у вас не выйдет, нам будет нелегко, но я могу работать за двоих.

— Мы доберемся сегодня до места? — спросил Смайк после недолгого молчания.

— Это было бы слишком суровым испытанием, как бы охотно ни шагали ваши ноги,— с добродушной улыбкой сказал Николас.— Нет. Годэльминг находится в тридцати с чем-то милях от Лондона,— я посмотрел по

карте, которую мне дали на время. Там я думаю отдохнуть. Завтра мы должны идти дальше, потому что мы не настолько богаты, чтобы мешкать. Дайте я возьму у вас этот узел, давайте!

— Нет, нет! — возразил Смайк, отступив на несколько шагов.— Не просите меня, я не отдам.

— Почему? — спросил Николас.

— Позвольте мне хоть что-нибудь для вас сделать,— сказал Смайк.— Вы никогда не позволяете мне служить вам так, как нужно. Вы никогда не узнаете, что я день и ночь думаю о том, как бы вам угодить.

— Глупый вы мальчик, если говорите такие вещи, ведь я это прекрасно знаю и вижу, иначе я был бы слепым и бесчувственным животным,— заявил Николас.— Ответьте-ка мне на один вопрос, раз я об этом сейчас подумал и с нами никого нет,— добавил он, пристально глядя ему в лицо,— у вас хорошая память?

— Не знаю,— сказал Смайк, горестно покачивая головой.— Я думаю, когда-то была хорошая, но теперь совсем пропала, совсем пропала.

— Почему вы думаете, что когда-то была хорошая? — спросил Николас, быстро поворачиваясь к нему, словно этот ответ как-то удовлетворил его.

— Потому что я мог припомнить многое, когда был ребенком,— сказал Смайк,— но это было очень-очень давно, или по крайней мере мне так кажется. Всегда у меня голова кружилась и мысли путались в том месте, откуда вы меня взяли, я никогда не помнил, а иногда даже не понимал, что они мне говорили. Я... постойте-ка... постойте!

— Вы не бредите? — сказал Николас, тронув его за руку.

— Нет,— ответил его спутник, дико озираясь.— Я только думал о том, как...— При этих словах он невольно задрожал.

— Не думайте больше о том месте, потому что с ним покончено,— сказал Николас, глядя прямо в глаза своему спутнику, на лице которого появилось бессмысленное, тупое выражение, когда-то ему свойственное и все еще временами возвращавшееся.— Вы помните первый день, когда вы попали в Йоркшир?

— А? — воскликнул юноша.

— Вы знаете, это было до той поры, когда вы начали терять память,— спокойно продолжал Николас.— Погода была теплая или холодная?

— Сырая,— ответил Смайк,— очень сырая. Я всегда говорил, когда шел сильный дождь, что так было в вечер моего приезда. А они, бывало, толпились вокруг меня и смеялись, видя, как я плачу, когда льет дождь. Они говорили, что я — как ребенок, и тогда я стал больше об этом думать. Иной раз я весь холодел, потому что видел себя таким, каким был тогда, когда входил в ту самую дверь.

— Каким был тогда,— с притворной небрежностью повторил Николас.— Каким же?

— Таким маленьким,— сказал Смайк,— что, вспомнив об этом, они могли бы сжалиться и пощадить меня.

— Ведь вы же пришли туда не один,— заметил Николас.

— Нет, о нет! — отозвался Смайк.

— Кто был с вами?

— Мужчина, смуглый худой мужчина. Я слышал — так говорили в школе, да и я раньше это помнил. Я рад был расстаться с ним: я его боялся; но их я стал бояться еще больше, и обращались они со мной хуже.

— Посмотрите на меня,— сказал Николас, желая сосредоточить на себе его внимание.— Вот так, не отворачивайтесь. Не помните ли вы женщины, доброй женщины, которая когда-то склонялась над вами, целовала вас и называла своим ребенком?

— Нет,— сказал бедняга, покачав головой,— нет, никогда этого не было.

— И никакого дома не помните, кроме того дома в Йоркшире?

— Нет,— с грустным видом ответил мальчик.— Комнату помню. Я спал в комнате, в большой пустой комнате под самой крышей, и там был люк в потолке. Часто я закрывался с головой, чтобы не видеть его, потому что он меня пугал: маленький ребенок ночью, совсем один. И я себя спрашивал, что может быть по ту сторону люка. Были там еще часы, старые часы в углу. Это я помню. Я никогда не забывал этой комнаты, потому что, когда

мне снятся страшные сны, она появляется точь-в-точь такой, как была. Я вижу в ней людей и вещи, которых никогда там не видел, но комната остается точь-в-точь такой, как прежде: *она* никогда не меняется.

— Теперь вы дадите мне понести узел? — спросил Николас, резко переменив тему.

— Нет,— сказал Смайк,— нет! Ну, пойдемте дальше.

С этими словами он ускорил шаги, находясь, видимо, под впечатлением, будто они стояли неподвижно в продолжение всего предшествующего диалога. Николас внимательно присматривался к нему, и каждое слово, произнесенное во время этой беседы, запечатлелось в его памяти.

Было одиннадцать часов утра, и хотя густая мгла все еще окутывала покинутый ими город, словно дыхание деловых людей нависло над их проектами, связанными с наживой и прибылью, и предпочитало оставаться там, не поднимаясь в спокойные верхние слои атмосферы,— в открытой сельской местности было светло и ясно. Изредка в ложбинах они видели клочья тумана, которых еще не выгнало солнце из их твердыни, но вскоре они их миновали, а когда поднялись на холмы, приятно было смотреть вниз и наблюдать, как тяжелая клубящаяся масса медленно отступала перед благодатным днем. Большое, прекрасное солнце озаряло зеленые пастбища и тронутую рябью воду , напоминая о лете, но не лишая путешественников бодрящей свежести этой ранней поры года. Земля казалась упругой под их стопами, звон овечьих колокольчиков ласкал их слух, как музыка, и, оживленные ходьбой и возбужденные надеждой, они шли вперед, неутомимые, как львы.

День клонился к вечеру, яркие краски угасли и приняли более тусклый оттенок, подобно тому как юные надежды укрощаются временем, а юношеские черты постепенно обретают спокойствие и безмятежность старости. Но в своем медленном угасании они были вряд ли менее прекрасны, чем во всем блеске, ибо каждому часу и каждой поре года природа дарит свою особую красоту, и от рассвета до заката, так же как с колыбели до могилы, перемены следуют одна за другой столь мягко и легко, что мы едва их замечаем.

Наконец пришли они в Годэльминг. Здесь они заплатили за две скромные постели и крепко заснули. Утром они встали, хотя и не так рано, как солнце, и продолжали путь пешком, если и не со вчерашней бодростью, то все же с надеждой и мужеством, достаточными, чтобы весело идти вперед.

Путешествие оказалось тяжелее, чем накануне, потому что здесь дорога долго и утомительно шла в гору, а в путешествиях, как и в жизни, гораздо легче спускаться, чем подниматься. Однако они шли с неумолимой настойчивостью, а нет еще на свете такого холма, вершины которого настойчивость в конце концов не достигнет.

Они шли по краю Пуншевой Чаши Дьявола, и Смайк с жадным любопытством слушал, как Николас читал надпись на камне, который воздвигнут в этом пустынном месте, вещая об убийстве, совершенном в ночи. Трава, на которой они стояли, была когда-то окрашена кровью, и кровь убитого стекала капля за каплей в пропасть, от которой это место получило свое название. «В Чаше Дьявола,— подумал Николас, наклоняясь над бездной,— никогда не было более подходящего напитка».

С твердой решимостью продолжали они путь и очутились, наконец, среди широко раскинувшихся открытых возвышенностей, зеленеющую поверхность которых разнообразили холмики и ложбины. Здесь вздымалась почти перпендикулярно к небу вершина, такая крутая, что вряд ли она была доступна кому бы то ни было, кроме овец и коз, которые паслись на склонах, а там поднимался зеленый холм, выраставший так незаметно и сливавшийся с равниной так мягко, что едва можно было определить его границы. Холмы, поднимавшиеся один выше другого, волнистые возвышенности, красиво очерченные или бесформенные, приглаженные или суровые, изящные или неуклюжие, брошенные небрежно бок о бок, заслоняли горизонт со всех сторон. Часто с неожиданным шумом взмывала над землей стая ворон, которые, каркая и кружа над ближними холмами, словно ища пути, вдруг скользили вниз, со скоростью света, к открывающейся перед ними вытянутой долине.

Постепенно кругозор расширился с обеих сторон, и если прежде от них были скрыты широкие пространства, то теперь они снова вышли на открытую равнину. Сознание, что они приближаются к цели своего путешествия, придало им новые силы. Но дорога была тяжелая, они замешкались в пути, и Смайк устал. Сумерки уже сгустились, когда они свернули с тропинки к двери придорожной гостиницы, не дойдя двенадцати миль до Портсмута.

— Двенадцать миль,— сказал Николас, опираясь обеими руками на палку и нерешительно глядя на Смайка.

— Двенадцать длинных миль,— повторил хозяин гостиницы.

— Дорога хорошая? — осведомился Николас.

— Очень плохая,— ответил хозяин гостиницы. Конечно, так и должен был он ответить, будучи хозяином.

— Мне нужно идти дальше,— колеблясь, сказал Николас.— Не знаю, что делать.

— Не хочу вас уговаривать,— заметил хозяин гостиницы,— но, будь я на вашем месте, я бы не пошел.

— Не пошли бы? — все так же неуверенно переспросил Николас.

— Не пошел бы, если бы знал, где мне будет хорошо,— сказал хозяин.

С этими словами он подвернул передник, засунул руки в карманы и, шагнув за дверь, посмотрел на темную дорогу якобы с величайшим равнодушием.

Взгляд на измученное лицо Смайка положил конец колебаниям Николаса, и без дальнейших размышлений он решил остаться.

Хозяин повел их в кухню и, так как здесь ярко пылал огонь, заметил, что погода очень холодная. Если бы огонь угасал, он сказал бы, что погода очень теплая.

— Что вы нам дадите на ужин? — был естественный вопрос Николаса.

— А чего бы вы хотели? — был не менее естественный вопрос хозяина.

Николас заговорил о холодной говядине, но холодной говядины не было; о вареных яйцах, но яиц не было; о бараньих котлетах, но бараньих котлет не было и за три мили отсюда, хотя на прошлой неделе их было

столько, что не знали, куда их девать, и послезавтра их будет получено чрезвычайно много.

— В таком случае,— сказал Николас,— предоставляю решать вам, что я хотел сделать с самого начала, если бы вы мне позволили.

— Так вот что я вам скажу,— отозвался хозяин,— в гостиной сидит джентльмен, который заказал к девяти часам горячий мясной пудинг и картофель. Приготовлено больше, чем он может съесть, и я почти не сомневаюсь, что, если я попрошу у него разрешения, вы можете поужинать вместе с ним. Я это устрою в одну минуту.

— Нет,— возразил Николас, удерживая его.— Мне бы не хотелось. Я... по крайней мере... э, да почему бы мне не сказать прямо? Так вот, вы видите, что я путешествую очень скромно и сюда пришел пешком. Мне кажется более чем вероятным, что джентльмен не останется доволен такой компанией, и хотя я, как видите, весь в пыли, но я слишком горд, чтобы навязывать ему свою особу.

— Господь с вами! — сказал трактирщик.— Ведь это только мистер Крамльс, уж *он*-то неприхотлив.

— Неприхотлив? — переспросил Николас, на которого, по правде сказать, произвело некоторое впечатление упоминание о вкусном пудинге.

— Конечно, нет! — ответил хозяин.— Я знаю, ему понравится ваша манера вести разговор. Но мы скоро все это выясним. Вы только минуту подождите.

Хозяин поспешил в гостиную, не дожидаясь разрешения Николаса, а тот не пытался его задержать, мудро рассудив, что при данных обстоятельствах ужин — дело слишком серьезное, чтобы этим шутить. Очень скоро хозяин вернулся в чрезвычайном возбуждении.

— Готово! — сказал он тихим голосом.— Я знал, что он согласится. Вы там увидите такое, на что стоит посмотреть. Ей-богу, здорово они это проделывают!

Некогда было осведомляться, к чему относилось это замечание, сделанное восторженным тоном, так как он уже распахнул дверь комнаты, куда и направился Николас в сопровождении Смайка с узлом на плече (он таскал его с таким тщанием, словно это был мешок золота).

Николас приготовился увидеть нечто странное, однако же не столь странное, как зрелище, представившееся его

глазам. В дальнем конце комнаты два подростка, один весьма рослый, а другой малорослый, оба одетые матросами — или по крайней мере театральными матросами, с поясами, пряжками, косицами и пистолетами,— были погружены в занятие, которое на афишах называется страшным поединком: они орудовали двумя короткими палашами, какими обычно пользуются в наших второстепенных театрах. Малорослый одерживал верх над рослым, который очутился в смертельной опасности, и за обоими наблюдал большой грузный мужчина, примостившийся на углу стола; мужчина энергически заклинал их выбивать побольше искр из палашей, и тогда они на первом же представлении не преминут потрясти весь зал.

— Мистер Винсент Крамльс,— с величайшим почтением сказал хозяин гостиницы,— вот этот молодой джентльмен.

Мистер Винсент Крамльс поздоровался с Николасом легким кивком — это было нечто среднее между приветствием римского императора и кивком собутыльника — и предложил хозяину закрыть дверь и удалиться.

— Вот это картина! — сказал мистер Крамльс, жестом предлагая Николасу не приближаться и не портить ее.— Маленький его загнал. Если большой не поразит его через три секунды, ему конец! Повторите-ка это, ребята!

Двое сражающихся снова принялись за работу и рубились, пока не высекли из палашей сноп искр, к великому удовольствию мистера Крамльса, который, по-видимому, считал это очень важным достижением. Схватка началась примерно с двухсот ударов палашом, наносимых то малорослым, то рослым матросом без каких-либо решительных результатов, пока малорослый не опустился под ударом на одно колено; но для него это были пустяки, ибо и на одном колене он продолжал обороняться, пустив в ход левую руку, и дрался отчаянно, пока рослый матрос не выбил у него из рук палаша. Казалось, малорослый, доведенный до крайности, немедленно сдастся и запросит пощады; но вместо этого он внезапно выхватил из-за пояса большущий пистолет и приставил его ко лбу рослого матроса, который был этим так ошарашен (от неожиданности), что дал время малорослому поднять

палаш и начать сначала. Битва возобновилась, и обеими сторонами были нанесены всевозможные и невероятные удары, как то — удары левой рукой, и из-под колена, и через правое плечо, и через левое; когда же малорослый матрос энергически полоснул по ногам рослого,— причем ноги были бы начисто сбриты, если бы удар возымел действие,— рослый перепрыгнул через палаш малорослого, а затем, чтобы сравнять шансы и честно вести игру, нанес малорослому матросу такой же удар по ногам, а малорослый перепрыгнул через его палаш. После этого долго занимались ложными выпадами и подтягиванием «невыразимых»,— вследствие отсутствия подтяжек,— а затем малорослый (который несомненно был добродетельным персонажем, ибо всегда одерживал верх) начал неистовое наступление и сошелся с рослым грудь с грудью, а рослый после безуспешного сопротивления упал и в страшных мучениях испустил дух, в то время как малорослый поставил ногу ему на грудь и просверлил в нем дыру насквозь.

— Вас будут не один раз вызывать на бис, если вы, ребята, постараетесь,— сказал мистер Крамльс.— А теперь отдышитесь и переоденьтесь.

Обратившись с такими словами к участникам поединка, он приветствовал затем Николаса, который обнаружил, что лицо у мистера Крамльса вполне отвечало размерам его тела, что у него очень толстая нижняя губа, хриплый голос, словно он имел привычку очень много кричать, и очень короткие черные волосы, обритые почти до самой макушки,— для того (как узнал он впоследствии), чтобы легче было надевать характерные парики любой формы и фасона.

— Что вы об этом скажете, сэр? — осведомился мистер Крамльс.

— Очень хорошо, превосходно! — ответил Николас.

— Верно, вы не часто видите таких ребят, как эти,— сказал мистер Крамльс.

Николас согласился, добавив, что если бы они были больше под пару...

— Под пару? — воскликнул мистер Крамльс.

— Я хочу сказать — если бы они были приблизительно одного роста,— пояснил Николас.

— Одного роста! — повторил мистер Крамльс.— Да ведь вся суть поединка в том, чтобы разница между ними была один-два фута! Как можете вы без надувательства завоевать симпатию зрителей, если малорослый не сражается против верзилы или — еще лучше — если не сражается один против пятерых? Но для этого у нас в нашей труппе не хватает людей!

— Понимаю,— ответил Николас.— Прошу прощения. Признаюсь, мне это не пришло в голову.

— В этом все дело,— сказал мистер Крамльс.— Послезавтра я начинаю выступать в Портсмуте. Если вы направляетесь туда, загляните в театр и посмотрите, как идут дела.

Николас обещал это исполнить в случае возможности и, придвинув стул поближе к очагу, тотчас завязал разговор с директором. Тот был очень разговорчив и общителен, быть может не только по природным наклонностям, но и под влиянием больших глотков виски с водой и больших понюшек табаку, который он доставал из бурого бумажного пакета, находившегося в жилетном кармане. Он без всяких умолчаний поведал о своих делах и пространно сообщил о достоинствах своей труппы и о талантах своей семьи: оба подростка с палашами являлись почтенными членами той и другой. По-видимому, разные леди и джентльмены должны были собраться завтра в Портсмуте, куда направлялись и отец с сыновьями (не на весь сезон, но как бродячая труппа), с величайшим успехом закончив выступления в Гильдфорде.

— Вы держите путь туда же? — спросил директор.

— Д-да,— сказал Николас.— Да, туда же.

— Вы хоть немного знаете город? — осведомился директор, который как будто полагал, что имеет право требовать такого же доверия, какое он сам оказывал.

— Нет,— ответил Николас.

— Никогда не бывали там?

— Никогда.

Мистер Винсент Крамльс отрывисто, сухо кашлянул, как бы желая сказать: «Не хотите говорить откровенно, не говорите»,— и взял из бумажного пакетика столько понюшек табаку, одну за другой, что Николас подивился, где они все поместились.

Занимаясь этим делом, мистер Крамльс время от времени посматривал с величайшим интересом на Смайка, который как будто с первой же минуты произвел на него сильное впечатление. Сейчас Смайк задремал и клевал носом, сидя на стуле.

— Простите, пожалуйста,— сказал директор, наклоняясь к Николасу и понижая голос,— но какое замечательное лицо у вашего друга!

— Бедняга! — слабо улыбнувшись, сказал Николас.— Хотел бы я, чтобы оно было немножко полнее и не такое измученное.

— Полнее?! — с неподдельным ужасом воскликнул директор.— Вы бы его навеки испортили!

— Вы так думаете?

— Думаю ли я так, сэр! — вскричал директор, энергически хлопнув себя по колену.— Да ведь таков, как он есть, без всяких толщинок на теле и разве что с одним мазком краски на лице, он был бы таким актером на роли умирающих с голоду, каких у нас в стране еще не видывали! Наденьте на него костюм аптекаря в «Ромео и Джульетте», положите чуть-чуть красной краски на кончик носа, и его непременно встретят тремя овациями, как только он просунет голову в дверь против суфлерской будки.

— Вы на него смотрите с профессиональной точки зрения,— смеясь, сказал Николас.

— Ну еще бы! — отозвался директор.— С той поры, как я занялся этой профессией, мне не доводилось видеть молодого человека, который бы так подходил для этой роли. А я играл толстых детей, когда мне было полтора года.

Мясной пудинг, появившийся одновременно с младшими Крамльсами, перевел разговор на другие темы и, собственно говоря, совсем прервал его на время. Эти два молодых джентльмена орудовали ножами и вилками едва ли с меньшей ловкостью, чем палашами, и так как у всей компании аппетит оказался не менее острым, чем любой вид оружия, для разговоров не было времени, пока не покончили с ужином.

Не успели младшие Крамльсы проглотить последний оставшийся на столе кусок, как обнаружили приглушен-

ными зевками и потягиваньем явное желание отойти ко сну, каковое желание Смайк проявлял еще более энергически: за ужином он несколько раз засыпал в процессе еды. Поэтому Николас предложил немедленно разойтись, но директор и слышать об этом не хотел, клянясь, что он предвкушал удовольствие предложить своему новому знакомому разделить с ним чашу пунша, и, если тот откажется, он будет это рассматривать как весьма неблаговидный поступок.

— Пусть они уходят,— сказал мистер Винсент Крамльс,— а мы с вами уютно и приятно посидим вдвоем у камелька.

Николаса не особенно клонило ко сну,— по правде говоря, он был слишком озабочен,— поэтому, помявшись сначала, он принял предложение и обменялся рукопожатием с юными Крамльсами; и когда директор, со своей стороны, отпустил, сердечно благословив, Смайка, Николас уселся против этого джентльмена у камина, чтобы помочь осушить чашу, которая вскоре появилась, дымясь так, что было радостно ее созерцать, и распространила чрезвычайно приятный и соблазнительный аромат.

Но, несмотря на пунш и на директора, который рассказывал разнообразнейшие истории, курил трубку и нюхал табак в невероятном количестве, Николас был рассеян и угнетен. Мысли его вращались вокруг родного дома, а когда они сосредоточивались на теперешнем его положении, неуверенность в завтрашнем дне приводила его в уныние, которое он не мог побороть, несмотря на все свои усилия. Внимание его было отвлечено: он слышал голос директора, но был глух к тому, что тот говорил. И когда мистер Винсент Крамльс закончил длинный рассказ о каком-то приключении громким смехом и вопросом, что бы при таких обстоятельствах сделал Николас, тот принужден был принести искреннее извинение и признаться в полном своем неведении, о чем шла речь.

— Да, я это заметил,— сказал мистер Крамльс.— У вас есть что-то на душе. В чем дело?

Николас невольно улыбнулся, услышав столь прямой вопрос, но, не считая нужным уклоняться от ответа, признался, что у него есть опасения, достигнет ли он цели, какая привела его в эти края.

— Что это за цель? — спросил директор.

— Получить какую-нибудь работу, которая обеспечила бы мне и моему бедному спутнику самое необходимое для жизни,— ответил Николас.— Вот вам вся правда. Конечно, вы давно уже ее угадали, но все же я могу льстить себя мыслью, что любезно открыл вам ее.

— А что вы можете найти в Портсмуте скорее, чем в другом месте? — осведомился мистер Винсент Крамльс, растапливая в огне свечи сургуч на мундштуке своей трубки и разминая его мизинцем.

— Я думаю, из порта выходит много судов,— ответил Николас.— Я попытаюсь получить место на каком-нибудь корабле. Во всяком случае, там будет что есть и пить.

— Солонина и разбавленный ром, гороховое пюре и сухари из мякины,— сказал директор, затянувшись трубкой, чтобы она не потухла, и снова принимаясь украшать ее.

— Бывает и хуже,— сказал Николас.— Думаю, я могу все это перенести так же, как и другие юноши моих лет и в моем положении.

— Придется переносить, если вы попадете на борт судна,— сказал директор.— Но только вы никаким образом не попадете.

— Почему?

— Потому что нет такого шкипера или штурмана, который нашел бы, что вы стоите полагающейся вам соли, если он может нанять опытного парня вместо вас. А их там столько же, сколько устриц продается на улицах.

— Что вы хотите сказать? — осведомился Николас, встревоженный этим предсказанием и уверенным тоном, которым оно было произнесено.— Люди не рождаются опытными моряками. Я думаю, их нужно обучать?

Мистер Винсент Крамльс кивнул головой.

— Нужно, но не в вашем возрасте и не таких джентльменов, как вы.

Наступило молчание. У Николаса вытянулась физиономия, и он мрачно смотрел на огонь.

— Вам не приходило на ум никакой другой профессии, которой легко мог бы заняться молодой человек с

вашей наружностью и манерами, и при этом посмотреть мир с бо́льшими удобствами? — осведомился директор.

— Нет,— ответил Николас, покачав головой.

— В таком случае, я вам назову одну,— вытряхивая пепел из трубки в камин, громко сказал мистер Крамльс.— Сцена!

— Сцена?! — воскликнул Николас едва ли не так же громко.

— Театральная профессия! — сказал мистер Винсент Крамльс.— Я сам занимаюсь театральной профессией, моя жена занимается театральной профессией, мои дети занимаются театральной профессией. У меня была собака, которая, вступив на это поприще щенком, жила и умерла на этой работе. Мой пони выступает в «Тимуре Татарине». Я вас выведу в люди, а также и вашего друга. Скажите только слово. Мне нужна новинка.

— Я в этом ничего не понимаю,— ответил Николас, у которого дух захватило от неожиданного предложения.— Ни разу в жизни я не играл на сцене, разве что в школе.

— Есть нечто от благородной комедии в вашей походке и манерах, нечто от юношеской трагедии в вашем взгляде и нечто от животрепещущего фарса в вашем смехе,— сказал мистер Винсент Крамльс.— Вы будете преуспевать не хуже, чем если бы с первого дня рождения не мечтали ни о чем, кроме рампы.

Николас подумал о скудном запасе мелкой монеты, какой останется у него в кармане после уплаты по трактирному счету, и начал колебаться.

— Вы можете быть нам полезны,— продолжал мистер Крамльс.— Подумайте, какие великолепные афиши на все лады может сочинять человек с вашим образованием.

— С этим делом я, пожалуй, могу справиться.— сказал Николас.

— Конечно, можете,— подтвердил мистер Крамльс.— Подробности в программах — в каждую из них мы можем вместить с полкнижки. А затем пьесы: вы могли бы написать пьесу, когда она понадобится, чтобы показать труппу во всем блеске.

— В этом я не так уверен,— возразил Николас.— но, пожалуй, иногда я бы мог набросать что-нибудь для вас подходящее.

— Мы немедленно поставим новый великолепный спектакль,— сказал директор.— Позвольте-ка припомнить... только в нашем театре... новые превосходные декорации... Вам придется как-нибудь ввести настоящий насос и две лохани для стирки.

— В пьесу? — осведомился Николас.

— Да,— ответил директор.— Я их купил на днях по дешевке с торгов, и они произведут прекрасное впечатление. Это по примеру Лондона. Там достают костюм, обстановку и заказывают пьесу, которая бы подходила к этим вещам. Большинство театров держит для этой цели автора.

— Неужели? — воскликнул Николас.

— Да, да,— подтвердил директор.— Самое обычное дело. Это будет иметь превосходный вид на афишах, отдельными строчками: «Настоящий насос! Великолепные лохани! Замечательный аттракцион!» Быть может, вы немножко художник, а?

— Этого таланта у меня нет,— ответил Николас.

— Ну, в таком случае ничего не поделаешь,— сказал директор.— А то бы мы могли сделать для афиши большую гравюру, изображающую всю сцену в последнем акте, с насосом и лоханями посредине. Но раз вы не художник, значит ничего не поделаешь.

— Сколько я мог бы получать за все это? — спросил Николас, несколько секунд подумав.— На это можно было бы жить?

— Жить! — воскликнул директор.— Как принц! С вашим жалованьем, с жалованьем вашего друга и вашими писаньями вы могли бы зарабатывать... да, вы могли бы зарабатывать фунт в неделю.

— Вы шутите?

— Нисколько. А если у нас будут хорошие сборы, то почти вдвое больше.

Николас пожал плечами; но впереди он видел буквально нищету, и если бы у него даже хватило силы духа переносить величайшие лишения и тяжкий труд, то стоило ли ему спасать своего беспомощного спутника только ради того, чтобы Смайку выпала такая же суровая доля, от какой он его избавил? Легко считать семьдесят миль пустяком, когда ты находишься в одном городе с че-

ловеком, столь жестоко с тобою поступившим и пробудившим у него самые горькие мысли, но теперь это расстояние казалось немалым. Что же будет, если он отправится в плаванье, а за это время умрет его мать или Кэт?

Без долгих размышлений он поспешил заявить, что сделка заключена, и скрепил ее, подав руку мистеру Винсенту Крамльсу.

ГЛАВА XXIII

*повествует о труппе мистера Винсента Крамльса и о его делах, домашних и театральных**

Так как у мистера Крамльса стояло в конюшне гостиницы странное четвероногое животное, которое он называл пони, и экипаж неведомого образца, каковой он удостаивал наименования четырехколесного фаэтона, то на следующее утро Николас отправился в путь с бо́льшими удобствами, чем ожидал: директор и сам он занимали переднее сиденье, а юные Крамльсы и Смайк ютились в обществе плетеной корзинки, защищенной от сырости прочной клеенкой, в каковой корзинке находились палаши, пистолеты, косички, матросские костюмы и прочие необходимые профессиональные принадлежности упомянутых молодых джентльменов.

В дороге пони действовал не спеша и — быть может, вследствие своего театрального воспитания — то и дело обнаруживал явную наклонность лечь. Впрочем, мистер Винсент Крамльс неплохо удерживал его в стоячем положении, дергая вожжами и пуская в ход кнут, а когда эти средства не достигали цели и животное останавливалось, старший сын Крамльса вылезал и давал ему пинка. Благодаря таким поощрениям пони время от времени соглашался двигаться дальше, и они трусили к вящему удовольствию всех заинтересованных сторон (как справедливо заметил мистер Крамльс).

— По существу своему он хороший пони,— сказал мистер Крамльс, повернувшись к Николасу.

Он мог быть таким по существу, но уж никак не по виду, ибо шкура у него была самая грубая и безобразная. Поэтому Николас заметил только, что его это не удивляет.

— Много и много турне совершил этот пони,— сказал мистер Крамльс, ловко хлестнув его по глазу в знак старого знакомства.— Он все равно что один из членов нашей труппы. Его мать выступала на сцене.

— Вот как! — отозвался Николас.

— Свыше четырнадцати лет она ела в цирке яблочный пирог,— сообщил директор,— стреляла из пистолета, ложилась спать в ночном чепце — короче говоря, вела весь водевиль. А отец его был танцором.

— Он как-нибудь отличился?

— Не сказал бы,— ответил директор.— Он был довольно вульгарным пони. Дело в том, что поначалу его брали напрокат поденно, и он так до конца и не отвык от старых привычек. Он был хорош в мелодраме, но слишком груб, слишком груб. Когда умерла мать, он перешел на портвейн.

— На портвейн? — воскликнул Николас.

— Распивал портвейн с клоуном,— пояснил директор.— Но он был жаден и однажды вечером разгрыз стеклянную чашу и подавился; таким образом его вульгарность в конце концов привела его к гибели.

Потомок этого злополучного животного по мере выполнения своей дневной работы требовал удвоенного внимания со стороны мистера Крамльса, а потому у джентльмена оставалось мало времени для разговоров. Таким образом, Николас мог на досуге развлекаться собственными мыслями, пока они не подъехали к подъемному мосту в Портсмуте, где мистер Крамльс остановил пони.

— Мы здесь вылезем,— сказал директор,— а мальчики отведут его в конюшню и принесут багаж к нам на квартиру. Пусть и ваши вещи отнесут пока туда.

Поблагодарив мистера Винсента Крамльса за его любезное предложение, Николас выпрыгнул из экипажа и, подав руку Смайку, отправился в сопровождении директора по Хай-стрит к театру, чувствуя себя немного взволнованным и смущенным перспективой немедленно вступить в столь новый для него мир.

Они прошли мимо великого множества афиш, расклеенных на стенах и выставленных в окнах (на афишах имена мистера Винсента Крамльса, миссис Винсент Крамльс, Крамльса 2-го, Крамльса 3-го и мисс Крамльс были напечатаны очень крупными буквами, а все остальные очень мелкими), и, свернув, наконец, в подъезд, где сильно пахло апельсинными корками и лампадным маслом и примешивался запах опилок, ощупью пробрались темным коридором, а затем, спустившись с двух-трех ступенек, вступили в маленький лабиринт холщовых экранов и горшков с краской и очутились на сцене портсмутского театра.

— Вот и пришли,— сказал мистер Крамльс.

Было довольно темно, но Николас мог разглядеть, что стоит на грязных подмостках у первой кулисы со стороны будки суфлера, среди голых стен, пыльных декораций, заплесневевших облаков и густо размалеванных драпировок. Он осмотрелся вокруг: потолок, партер, ложи, галерея, место для оркестра и всевозможные украшения — все казалось грубым, холодным, мрачным и жалким.

— Неужели это театр? — с изумлением прошептал Смайк.— Я думал — он весь сверкает огнями и роскошью.

— Да, это верно,— ответил Николас, едва ли меньше удивленный,— но не днем, Смайк, не днем.

Голос директора помешал ему более тщательно осмотреть помещение, его отозвали в другой конец авансцены, где за овальным красного дерева столиком на тонких ножках сидела тучная, осанистая женщина, по-видимому в возрасте от сорока до пятидесяти лет, в потускневшем шелковом плаще — шляпка ее болталась на лентах на руке, а волосы (их было очень много) были уложены крупными фестонами на обоих висках.

— Мистер Джонсон,— сказал директор (Николас назвался именем, которым наделил его Ньюмен Ногс в разговоре с миссис Кенуигс),— позвольте вас познакомить с миссис Винсент Крамльс.

— Рада вас видеть, сэр,— замогильным голосом сказала миссис Крамльс.— Очень рада вас видеть и еще более счастлива приветствовать вас как многообещающего члена нашей корпорации.

Обращаясь в таких выражениях к Николасу, леди пожала ему руку. Он заметил, что рука большая, но все-таки не ждал такого сильного пожатия, каким она его удостоила.

— А это,— сказала леди, шествуя к Смайку, как шествуют трагические актрисы, исполняя указания режиссера,— а это второй. Приветствую и вас, сэр.

— Мне кажется, он подойдет, моя дорогая? — спросил директор, беря понюшку табаку.

— Он великолепен,— ответила леди.— Просто находка.

Когда миссис Винсент Крамльс прошествовала обратно к столу, на сцену из какого-то таинственного закоулка выпрыгнула девочка в грязной белой юбке в складках, доходящей до колен, в коротких панталончиках, в сандалиях, белой жакетке, розовом газовом чепце, зеленой вуали и папильотках, которая сделала пируэт, два антраша, еще один пируэт, затем, взглянув на противоположные кулисы, взвизгнула, прыгнула вперед, остановившись в шести дюймах от рампы, и упала в красивой позе, выражающей ужас, когда появился, проделав энергическое глиссе, оборванный джентльмен в старых туфлях из буйволовой кожи и, скрежеща зубами, стал свирепо размахивать тростью.

— Они репетируют «Дикаря-индейца и девушку»,— сказала миссис Крамльс.

— О! Маленький балет-интермедия,— сказал директор.— Прекрасно, продолжайте. Пожалуйста, подвиньтесь немного, мистер Джонсон. Вот так. Ну-с!

Директор хлопнул в ладоши, давая сигнал приступить, и дикарь, рассвирепев, сделал глиссе в сторону девушки, но девушка ускользнула от него при помощи шести пируэтов и в конце последнего замерла на самых кончиках пальцев. Это как будто произвело некоторое впечатление на дикаря, потому что, побесновавшись еще немного и погоняв девушку из угла в угол, он начал смягчаться и несколько раз погладил себя по лицу всеми пятью пальцами правой руки, давая этим понять, что приведен в восторг ее красотой. Действуя под влиянием страсти, он (дикарь) принялся колотить себя кулаком в грудь и обнаруживать другие признаки отчаянной влюбленности, но

эта процедура, будучи довольно прозаической, по всей вероятности, привела к тому, что девушка заснула. Это ли послужило причиной, или что другое, но она заснула крепко, как сурок, на отлогом склоне насыпи, а дикарь, заметив это, прижал левую ладонь к левому уху и покивал головой, давая понять всем, кого это могло касаться, что она действительно спит, а не притворяется. Предоставленный самому себе, дикарь один-одинешенек исполнил танец. Не успел он кончить, как девушка проснулась, протерла глаза, поднялась с насыпи и тоже исполнила танец одна-одинешенька — такой танец, что дикарь все время смотрел на нее в экстазе, а по окончании его сорвал с ближайшего дерева какую-то ботаническую диковинку, похожую на маленький кочан кислой капусты, и поднес ее девушке, которая сначала не хотела брать, но при виде проливающего слезы дикаря смягчилась. Потом дикарь подпрыгнул от радости; потом девушка подпрыгнула от восторга, вдыхая сладкий аромат кислой капусты. Потом дикарь и девушка исполнили вдвоем бешеный танец, и, наконец, дикарь упал на одно колено, а девушка стала одной ногой на другое его колено, закончив таким образом балет и оставив зрителей в состоянии приятной неуверенности, выйдет ли она замуж за дикаря, или вернется к своим друзьям.

— Очень хорошо,— сказал Крамльс.— Браво!

— Браво! — крикнул Николас, решив видеть все в наилучшем свете.— Превосходно!

— Сэр,— сказал мистер Винсент Крамльс, выдвигая вперед девушку,— это дитя-феномен — мисс Нинетта Крамльс.

— Ваша дочь? — осведомился Николас.

— Моя дочь, моя дочь,— подтвердил мистер Винсент Крамльс,— идол всех мест, какие мы посещаем, сэр. Об этой девочке, сэр, мы получили лестные письменные отзывы от знати и дворянства чуть ли не всех городов Англии.

— Меня это не удивляет,— сказал Николас.— Должно быть, она настоящий прирожденный гений.

— Настоящий, э...— Мистер Крамльс запнулся: не было слов, достаточно сильных для изображения дитяти-феномена.— Я вам вот что скажу, сэр,— продолжал он.—

талант этого ребенка вообразить немыслимо. Ее нужно видеть, сэр, видеть, чтобы хоть в слабой степени оценить. Ну, иди к маме, дорогая моя.

— Могу ли я спросить, сколько ей лет? — осведомился Николас.

— Можете, сэр,— ответил мистер Крамльс, в упор глядя в лицо собеседника, как смотрят иные люди, когда сомневаются, будет ли безоговорочно принято на веру то, что они намерены сказать.— Ей десять лет, сэр.

— Не больше?

— Ни на один день.

— Боже мой! — сказал Николас.— Это поразительно.

Да, поразительно, ибо у дитяти-феномена, несмотря на маленький рост, лицо было довольно старообразное, и дитя оставалось все в том же возрасте — если и не на памяти старейших из зрителей, то во всяком случае добрых лет пять. Но девочку заставляли поздно ложиться спать и с младенческих лет отпускали ей в неограниченном количестве джин с водой, чтобы воспрепятствовать росту; быть может, такая система воспитания породила у дитяти-феномена эти добавочные феноменальные явления.

Пока происходил этот короткий диалог, джентльмен, игравший дикаря, подошел, обутый в башмаки и с туфлями в руке, и остановился в нескольких шагах, как бы желая принять участие в разговоре. Найдя момент благоприятным, он вставил слово.

— Вот это талант, сэр! — сказал дикарь, кивая в сторону мисс Крамльс.

Николас с этим согласился.

— Ах! — сказал актер, сжимая зубы и со свистом втягивая воздух.— Ей нельзя оставаться в провинции. Нельзя!

— Что вы хотите этим сказать? — спросил директор.

— Хочу сказать,— с жаром ответил тот,— что она слишком хороша для провинциальной сцены и что она должна быть в одном из больших театров в Лондоне или нигде! И я вам больше скажу, напрямик: если бы не ревность и не зависть со стороны особ, вам известных, она была бы уже там. Может быть, вы меня представите, мистер Крамльс?

— Мистер Фолер,— сказал директор, представляя его Николасу.

— Счастлив познакомиться с вами, сэр.— Мистер Фолер прикоснулся указательным пальцем к полям шляпы, а затем пожал Николасу руку.— Новый коллега, сэр, насколько я понимаю?

— Недостойный этого звания,— ответил Николас.

— Видали вы когда-нибудь такую приманку? — прошептал актер, отводя в сторону Николаса, когда директор отошел от них, чтобы поговорить с женой.

— Какую именно?

Мистер Фолер скорчил забавную гримасу из своей пантомимной коллекции и указал через плечо.

— Неужели вы имеете в виду феноменального ребенка?

— Обман, а не феномен! — заявил мистер Фолер.— Любая приютская девочка с самыми заурядными способностями сыграла бы лучше, чем эта. Она может поблагодарить свою счастливую звезду, что родилась дочерью директора.

— Вы как будто принимаете это близко к сердцу,— с улыбкой заметил Николас.

— Да, клянусь богом! Еще бы не принимать! — сказал мистер Фолер, беря его под руку и прогуливаясь с ним взад и вперед по сцене.— Есть от чего человеку раздражаться, если он видит, как эта неуклюжая девчонка каждый вечер выступает в лучших ролях и буквально лишает театр сборов, потому что ею насильно пичкают публику, а других актеров обходят. Не удивительно ли, что проклятое семейное тщеславие ослепляет человека до такой степени, что он жертвует собственными интересами? Мне точно известно, что в прошлом месяце в Саутгемптоне явилось однажды вечером зрителей на пятнадцать шиллингов шесть пенсов, чтобы посмотреть, как я исполняю шотландский танец, а каковы были последствия? С тех пор меня ни разу — ни единого разу! — не выпускали с этим танцем, а дитя-феномен каждый вечер сквозь букеты искусственных цветов ухмылялось пяти взрослым и одному младенцу в партере и двум мальчишкам на галерке!

— Поскольку я могу судить на основании того, что видел,— сказал Николас,— вы являетесь достойным членом труппы.

— О! — отозвался мистер Фолер, похлопывая одной туфлей о другую, чтобы выколотить из них пыль.— Я недурно справляюсь — пожалуй, лучше всех в моем жанре,— но при таком отношении, как здесь, это все равно что подвешивать свинец к подошвам, вместо того чтобы натирать их мелом, и танцевать в кандалах без всякой от того прибыли. Алло, старина, как поживаете?

Джентльмен, к которому относились эти последние слова, был человек со смуглым, почти желтым лицом, с длинными густыми черными волосами и явными намеками (хотя он был гладко выбрит) на такую же темную жесткую бороду и бакенбарды. На вид ему было не больше тридцати лет, хотя в первый момент многие сочли бы его значительно старше, так как лицо у него было очень бледное от постоянного применения грима. На нем была рубашка в клетку, старый зеленый фрак с новыми позолоченными пуговицами, галстук с широкими красными и зелеными полосами и просторные синие брюки; к тому же при нем была простая ясеневая трость, служившая скорее для парада, чем для полезного употребления, так как он размахивал ею, держа рукоятью вниз, за исключением тех случаев, когда поднимал ее на несколько секунд и, став в позицию, делал два-три выпада в кулисы или в какой-нибудь иной предмет, одушевленный или неодушевленный, представлявший в тот момент удобную мишень.

— Ну, Томми, что нового? — сказал этот джентльмен, делая выпад тростью, который его друг ловко парировал туфлей.

— Новое лицо, вот и все,— ответил мистер Фолер, смотря на Николаса.

— Познакомьте же, Томми, познакомьте,— сказал другой джентльмен, укоризненно похлопывая его тростью по тулье шляпы.

— Это мистер Ленвил, наш первый трагик, мистер Джонсон,— сказал пантомимист.

— За исключением тех случаев, когда старому кирпичу приходит в голову самому быть трагиком, могли бы

вы добавить, Томми,— заметил мистер Ленвил.— Полагаю, вам известно, сэр, кто такой кирпич?

— Нет, право же, нет,— ответил Николас.

— Так мы называем Крамльса, потому что у него манера игры тяжеловесная и грузная,— пояснил мистер Ленвил.— А впрочем, мне шутить некогда, у меня тут роль на двенадцати страницах, в которой я должен выступить завтра вечером, а я еще не успел заглянуть в нее. Я чертовски быстро заучиваю — это единственное утешение.

Успокоив себя таким соображением, мистер Ленвил достал из кармана засаленную, измятую рукопись и, сделав еще один выпад в сторону своего друга, начал шагать взад и вперед, зазубривая роль и изредка позволяя себе принимать соответствующие позы, какие ему подсказывало его воображение и текст.

К тому времени собралась почти вся труппа. Кроме мистера Ленвила и его приятеля Томми, здесь присутствовали стройный молодой джентльмен с подслеповатыми глазами, который играл несчастных влюбленных и вел теноровые арии, и рука об руку с ним комический поселянин, человек со вздернутым носом, большим ртом, широкой физиономией и выпученными глазами. С дитятей-феноменом любезничал подвыпивший пожилой джентльмен, оборванный донельзя, который играл умиротворенных и добродетельных старцев, а за миссис Крамльс старательно ухаживал другой пожилой джентльмен, чуточку более респектабельного вида, который играл вспыльчивых старцев — тех забавных чудаков, чьи племянники служат в армии и которые вечно гоняются за ними с толстыми палками, принуждая их жениться на богатых наследницах. Затем здесь был субъект в мохнатом пальто, походивший на бродягу, который шагал взад и вперед перед рампой, размахивая тросточкой и что-то без умолку бормоча вполголоса для увеселения воображаемой аудитории. Он был уже не так молод, как в прежние времена, и фигура его, пожалуй, изменилась к худшему, но было в нем что-то преувеличенно-щегольское, свойственное герою благородной комедии. Была здесь еще небольшая группа из трех-четырех молодых людей со впалыми щеками и густыми бровями, беседовавших в углу, но они

как будто не играли особой роли и смеялись и болтали, не привлекая к себе ни малейшего внимания.

Леди собрались особой стайкой вокруг вышеупомянутого расшатанного стола. Здесь была мисс Сневелличчи — она могла исполнять что угодно, начиная с любого танца и кончая леди Макбет, а в свой бенефис всегда играла какую-нибудь роль в голубых шелковых штанишках до колен. Из глубин своей соломенной шляпки, похожей на ящик для угля, она посматривала на Николаса и делала вид, будто поглощена сообщением занимательной истории своей подруге мисс Ледрук, которая принесла с собой рукоделие и самым натуральным образом мастерила гофрированный воротничок. Здесь была мисс Бельвони, которая редко притязала на роль с текстом и обычно играла пажа в белых шелковых чулках: стояла, согнув одну ногу, и созерцала публику или входила и выходила вслед за мистером Крамльсом в высоких трагедиях; сейчас она подвивала локончики красавицы мисс Бравасса, чей портрет в одной из ролей, сделанный когда-то учеником гравера, выставлялся на продажу в витрине кондитера и зеленщика, а также в библиотеке и в кассе каждый раз, когда появлялись афиши, возвещавшие о ее ежегодном бенефисе. Здесь была миссис Ленвил в помятой шляпке с вуалью, как раз в том интересном положении, в каком ей, верно, хотелось быть, если она по-настоящему любила мистера Ленвила. Здесь была мисс Гейзинджи в боа из поддельного горностая, небрежно завязанном вокруг шеи, обоими концами которого она шутливо подхлестывала мистера Крамльса-младшего. И, наконец, здесь была миссис Граден в коричневом суконном пальто с пелериной и в касторовой шляпе; она помогала миссис Крамльс по хозяйству, получала деньги у входа, одевала леди, подметала театр, бралась за тетрадь суфлера, когда все прочие были заняты в последней сцене, исполняла в случае необходимости любую роль, никогда ее не разучивая, и появлялась на афишах под любой фамилией, которая, по мнению мистера Крамльса, производила впечатление.

Мистер Фолер, любезно сообщивший эти сведения Николасу, покинул его, чтобы присоединиться к друзьям; церемония взаимного знакомства была завершена мисте-

ром Винсентом Крамльсом, который представил нового актера как чудо гениальности и учености.

— Простите,— сказала мисс Сневелличчи, бочком прокрадываясь к Николасу,— вы никогда не играли в Кентербери?

— Никогда,— ответил Николас.

— Припоминаю,— продолжала мисс Сневелличчи,— в Кентербери я видела джентльмена,— правда, всего несколько секунд, потому что я уходила из труппы, когда он поступал в нее,— джентльмена, до такой степени похожего на вас, что я была почти уверена, что вы и он — одно лицо.

— Я вас вижу впервые,— возразил Николас с подобающей галантностью.— Я уверен, что раньше никогда вас не видел: этого я бы не мог забыть.

— О, разумеется, вы мне очень льстите,— с милостивым поклоном ответствовала мисс Сневелличчи.— Теперь, когда я смотрю на вас, я вижу, что у джентльмена в Кентербери глаза были не такие, как у вас... Я вам кажусь очень глупой, потому что обращаю внимание на такие вещи, не правда ли?

— О нет! Могу ли я не быть польщенным вашим вниманием? — ответил Николас.

— Ах, вы, мужчины, такие тщеславные существа! — воскликнула мисс Сневелличчи.

После чего она очаровательно сконфузилась и, вынув носовой платок из выцветшего розового шелкового ридикюля с позолоченной застежкой, окликнула мисс Ледрук.

— Лед, милая моя! — воскликнула мисс Сневелличчи.

— Что случилось? — отозвалась мисс Ледрук.

— Это не тот.

— Кто не тот?

— Тот, из Кентербери... вы знаете, что я хочу сказать. Идите сюда. Я хочу поговорить с вами.

Но мисс Ледрук не захотела подойти к мисс Сневелличчи; поэтому мисс Сневелличчи принуждена была пойти к мисс Ледрук и поспешила к ней вприпрыжку, что было поистине очаровательно, а мисс Ледрук, по-видимому, стала подшучивать, будто Николас произвел неотразимое впечатление на мисс Сневелличчи, так как мисс Сневел-

личчи, весело пошептавшись с мисс Ледрук, пребольно ударила ее по рукам и отошла в приятном смущении.

— Леди и джентльмены,— сказал мистер Винсент Крамльс, писавший что-то на клочке бумаги,— мы репетируем «Смертельную борьбу» завтра в десять. В процессии участвуют все. Интрига, содержание и взаимоотношения персонажей известны всем, стало быть нам нужна только одна репетиция. Все к десяти, пожалуйста.

— Все к десяти,— повторила миссис Граден, озираясь вокруг.

— В понедельник утром мы будем читать новую пьесу,— объявил мистер Крамльс.— Роли еще не распределены, но у каждого будет хорошая роль. Об этом позаботится мистер Джонсон.

— Как? — встрепенувшись, вскричал Николас.— Я...

— В понедельник утром,— повторил мистер Крамльс, дабы заглушить возражения злополучного мистера Джонсона.— Вот и всё, леди и джентльмены.

Леди и джентльмены не нуждались во вторичном разрешении уйти, и через несколько минут в театре не осталось никого, кроме семейства Крамльсов, Николаса и Смайка.

— Уверяю вас,— сказал Николас, отводя в сторону директора,— вряд ли я могу приготовиться к понедельнику.

— Вздор, вздор! — отозвался мистер Крамльс.

— Но, право же, я не могу,— возразил Николас.— Моя фантазия не приучена к таким требованиям, в противном случае я, быть может...

— Фантазия! Черт побери, да какое она имеет к этому отношение? — воскликнул директор.

— Большое, дорогой мой сэр.

— Ровно никакого, дорогой мой сэр! — с явным нетерпением отрезал директор.— Вы французский язык знаете?

— Да, в совершенстве.

— Очень хорошо,— сказал директор, доставая из ящика стола свернутые в трубку бумаги и протягивая их Николасу.— Вот! Вы только переведите это на английский и поставьте свою фамилию на титульном листе. Будь я проклят,— сердито продолжал мистер Крамльс,— если не

говорил много раз, что не хочу держать у себя в труппе никого, кто не владеет этим языком: тогда бы они могли заучивать с оригинала и играть по-английски, а я был бы избавлен от всех этих хлопот и расходов.

Николас улыбнулся и положил в карман пьесу.

— Как вы полагаете устроиться с жильем? — спросил мистер Крамльс.

Николас невольно подумал, что на первую неделю было бы совсем неплохо получить раскладную кровать в партере, но в ответ сказал только, что еще не обращал своих мыслей на сей предмет.

— В таком случае, пойдемте со мной,— сказал мистер Крамльс,— а после обеда мои мальчики отправятся с вами и покажут вам подходящее помещение.

От такого предложения нельзя было отказываться. Николас и мистер Крамльс подали руку миссис Крамльс и вышли на улицу в величественном строю. Смайк, мальчики и феномен пошли домой кратчайшей дорогой, а миссис Граден осталась, чтобы подкрепиться в билетной кассе холодной тушеной бараниной с луком и картофелем и пинтой портера.

Миссис Крамльс шагала по тротуару, как будто шла на казнь, воодушевляемая сознанием своей невинности, и с той героической стойкостью, какую дарует только добродетель. Мистер Крамльс, со своей стороны, напоминал осанкой и поступью бесчувственного тирана, но оба привлекали некоторое внимание многочисленных прохожих, и, когда слышался шепот: «Мистер и миссис Крамльс!» — или какой-нибудь мальчуган забегал вперед посмотреть им в лицо, строгие их физиономии смягчались, ибо они чувствовали, что это — слава.

Мистер Крамльс жил на Сент-Томас-стрит, в доме лоцмана, некоего Бульфа, который мог похвастать корабельного зеленого цвета дверью и того же цвета оконными рамами, а на каминной полке в его гостиной красовался мизинец утопленника рядом с другими диковинками моря и суши. Он мог похвастать также бронзовым дверным кольцом, бронзовой табличкой и бронзовой ручкой звонка, блестящими и сверкающими, а на заднем дворе у него была мачта с флюгером на верхушке.

— Добро пожаловать,— сказала миссис Крамльс, об-

ращаясь к Николасу, когда они вошли в комнату во втором этаже с полукруглыми окнами на улицу.

Николас поклонился в знак признательности и непритворно обрадовался при виде накрытого стола.

— У нас только баранья лопатка с луковым соусом,— сказала миссис Крамльс все тем же загробным голосом,— но каков бы ни был наш обед, мы просим вас откушать с нами.

— Вы очень добры,— ответил Николас,— я воздам ему должное.

— Винсент,— сказала миссис Крамльс,—который час?

— Обеденный час пробил пять минут назад,— отозвался мистер Крамльс.

Миссис Крамльс позвонила в колокольчик.

— Пусть подают баранину и луковый соус.

Раба, прислуживавшая жильцам мистера Бульфа, ушла и вскоре вновь появилась с пиршественными яствами. Николас и дитя-феномен сели друг против друга за раскладной стол, а Смайк и юные Крамльсы обедали на диване, служившем кроватью.

— Любят здесь театр? — спросил Николас.

— Нет,— ответил мистер Крамльс.— Отнюдь нет, отнюдь нет.

— Я их жалею,— заметила миссис Крамльс.

— Я тоже,— сказал Николас,— если они не питают никакого пристрастия к театральным увеселениям, устроенным надлежащим образом.

— Не питают ни малейшего, сэр,— отозвался мистер Крамльс.— В прошлом году, в бенефис феномена, когда она сыграла три самые популярные свои роли, а также появилась во вновь созданной ею роли в «Волшебном дикобразе», билетов продали не больше, чем на четыре фунта двенадцать шиллингов.

— Может ли это быть?! — вскричал Николас.

— Да из них — на два фунта в кредит, папаша,— сказал феномен.

— Да из них — два фунта в кредит,— повторил мистер Крамльс.— Самой миссис Крамльс случалось играть перед горсточкой зрителей.

— Но они всегда живо откликаются, Винсент,— сказала жена директора.

— Почти все зрители откликаются, если видят хорошую игру... действительно хорошую игру... настоящую,— внушительно ответил мистер Крамльс.

— Вы даете уроки, сударыня? — осведомился Николас.

— Даю,— сказала миссис Крамльс.

— Но, полагаю, здесь учеников нет?

— Были,— сказала миссис Крамльс.— Я принимала здесь учеников. Я обучала дочь поставщика судового провианта, но потом обнаружилось, что она была не в своем уме, когда в первый раз пришла ко мне. В высшей степени странно, что она пришла при таких обстоятельствах.

Не будучи в этом столь уверен, Николас счел наилучшим промолчать.

— Позвольте-ка,— сказал директор, предавшись послеобеденным размышлениям,— вы бы не хотели сыграть какую-нибудь маленькую приятную роль, имея своим партнером феномена?

— Вы очень любезны,— поспешил ответить Николас,— но, мне кажется, пожалуй, лучше будет, если я сначала сыграю с кем-нибудь, кто одного роста со мной, чтобы я не показался неловким. Быть может, я бы себя чувствовал более непринужденно.

— Правда,— сказал директор.— Может быть, и так. А со временем вы будете в силах играть с феноменом.

— Несомненно,— ответил Николас, от всей души надеясь, что пройдет очень много времени, прежде чем он удостоится этой чести.

— Теперь я вам скажу, что мы сделаем,— сказал мистер Крамльс.— Вы будете разучивать Ромео, когда кончите ту пьесу,— кстати, не забудьте ввести насос и лохани. Джульеттой будет мисс Сневелличчи, старая Граден — кормилицей. Да, так выйдет прекрасно. Вот еще Пират — вы можете заучить Пирата, раз уж вы займетесь ролями, а также Кассио и Джереми Дидлера *. Вы их без труда одолеете: одна роль очень помогает другой. Вот они — и реплики и все прочее.

Торопливо дав эти общие указания, мистер Крамльс сунул в трепещущие руки Николаса несколько маленьких книжек и, приказав старшему сыну проводить его и по-

казать, где можно снять помещение, пожал ему руку и пожелал спокойной ночи.

В Портсмуте нет недостатка в комфортабельно меблированных комнатах, нетрудно найти и такие, которые доступны человеку с весьма скудными средствами; но первые были слишком хороши, а последние слишком плохи, и они обошли столько домов и ушли такими неудовлетворенными, что Николас начал всерьез подумывать, как бы не пришлось ему все-таки просить разрешения провести эту ночь в театре.

Впрочем, в конце концов они наткнулись на две маленькие комнатки в третьем этаже (со второго этажа туда вела наружная лестница) у владельца табачной лавки на Коммон-Хард, грязной улице, идущей к пристани. Их и снял Николас, радуясь, что к нему не обратились с требованием уплатить за неделю вперед.

— Ну вот, кладите здесь наши вещи, Смайк,— сказал он, проводив юного Крамльса вниз.— Странное случилось с нами происшествие, и только небу известно, чем оно кончится. Но я устал от событий этих трех дней и хочу отложить размышления до завтра, если удастся.

ГЛАВА XXIV

О великолепном спектакле, заказанном для мисс Сневелличчи, и о первом появлении Николаса на сцене

На следующее утро Николас встал рано; однако он едва начал одеваться, когда на лестнице послышались шаги, и вскоре его приветствовали голоса мистера Фолера, пантомимиста, и мистера Ленвила, трагика.

— Вы дома? — орал мистер Фолер.

— Эй! Хо! Дома? — восклицал басом мистер Ленвил.

«Черт бы их побрал! — подумал Николас.— Должно быть, они пришли завтракать».

— Подождите минутку, сейчас я открою дверь.

Джентльмены просили его не спешить и, чтобы скоротать время, принялись фехтовать тросточками на кро-

хотной лестничной площадке, к невыразимому смятению всех нижних жильцов.

— Входите! — сказал Николас, закончив свой туалет.— Ради всех чертей, не поднимайте такой шум за дверью.

— Удивительно уютная маленькая ложа,— сказал мистер Ленвил, входя в первую комнату и предварительно сняв шляпу, дабы иметь возможность войти.— Чертовски уютная.

— Для человека хоть сколько-нибудь привередливого она была бы чуточку слишком уютной,— сказал Николас.— Хотя это несомненно большое удобство — доставать, не вставая со стула, все, что угодно, с потолка, с пола и из любого угла комнаты, но такими преимуществами можно пользоваться только в помещении крайне ограниченных размеров.

— Здесь вполне достаточно места для холостяка,— возразил мистер Ленвил.— Кстати, это мне напомнило... моя жена, мистер Джонсон... надеюсь, она получит хорошую роль в этой вашей пьесе.

— Вчера вечером я просмотрел французский текст,— сказал Николас.— Мне кажется, роль очень хороша.

— А для меня что вы думаете сделать, старина? — осведомился мистер Ленвил, потыкав тростью в разгорающийся огонь, а затем вытерев трость полой сюртука.— Что-нибудь такое грубое и ворчливое?

— Вы выгоняете из дому жену с ребенком,— сообщил Николас,— и в припадке бешенства и ревности закалываете в кабинете своего старшего сына.

— Да неужели! — воскликнул мистер Ленвил.— Вот это здорово!

— Затем,— сказал Николас,— вас терзают угрызения совести вплоть до последнего акта, и тогда вы решаете покончить с собой. Но как раз в тот момент, когда вы приставляете пистолет к голове, часы бьют... десять...

— Понимаю! — закричал Ленвил.— Очень хорошо!

— Вы замираете,— продолжал Николас.— Вы припоминаете, что еще в младенчестве слышали, как часы били десять. Пистолет падает из вашей руки... Вы обессилены... Вы разражаетесь рыданиями и становитесь добродетельным и примерным человеком.

— Превосходно! — сказал мистер Ленвил.— Эта картина выигрышная, очень выигрышная. Опустите занавес в такой трогательный момент — и успех будет потрясающий.

— А для меня есть что-нибудь хорошее? — с беспокойством спросил мистер Фолер.

— Позвольте-ка припомнить...— сказал Николас.— Вы играете роль верного и преданного слуги, вас выгоняют из дому вместе с вашей хозяйкой и ее ребенком.

— Вечно я в паре с этим проклятым феноменом! — вздохнул мистер Фолер.— И, не правда ли, мы идем в убогое жилище, где я не хочу получать никакого жалованья и говорю чувствительные слова?

— Мм... да,— ответил Николас,— так получается по ходу пьесы.

— Мне, знаете ли, нужен какой-нибудь танец,— сказал мистер Фолер.— Вам все равно придется ввести танец для феномена, так что лучше вам сделать pas de deux [1] и сберечь время.

— Нет ничего легче,— сказал мистер Ленвил, увидев, что молодой драматург смутился.

— Честное слово, я не знаю, как это сделать,— заявил Николас.

— Да ведь это же ясно! — возразил мистер Ленвил.— Черт подери, разве не ясно, как это сделать! Вы меня изумляете. У вас налицо несчастная леди, маленький ребенок и преданный слуга в убогом жилище, понимаете? Так вот слушайте. Несчастная леди опускается в кресло и прячет лицо в носовой платок. «Почему ты плачешь, мама? — говорит ребенок.— Не плачь, мама, а то я тоже заплачу».— «И я!» — говорит верный слуга, растирая себе глаза рукавом. «Что нам делать, чтобы подбодрить тебя, дорогая мама?» — говорит дитя. «Да, что нам делать?» — говорит верный слуга. «О Пьер! — говорит несчастная леди.— Как бы я хотела избавиться от этих мучительных мыслей!» — «Постарайтесь, сударыня,— говорит верный слуга,— приободритесь, сударыня, отвлекитесь».— «Да,— говорит леди,— да, я хочу научиться страдать мужественно. Вы помните тот танец, который в дни более

---

[1] Танец одной пары *(франц.)*.

счастливые вы, верный мой друг, исполняли с этим милым ангелом? Он неизменно действовал успокоительно на мою душу. О, дайте мне увидеть его еще раз, пока я жива!» Ну вот, «пока я жива» — сигнал оркестру, и они пускаются в пляс. Это как раз то, что нужно, не правда ли, Томми?

— Совершенно верно,— ответил мистер Фолер.— Несчастная леди падает в обморок по окончании танца, живая картина и занавес.

Извлекая пользу из этих и других уроков, являвшихся результатом личного опыта обоих актеров, Николас охотно угостил их наилучшим завтраком, какой только мог предложить, и, наконец, избавившись от них, приступил к работе, не без удовольствия убедившись, что она значительно легче, чем он предполагал. Он усердно трудился весь день и не покидал своей комнаты до самого вечера, а затем отправился в театр, куда Смайк ушел до него, чтобы «представлять» вместе с другим джентльменом всеобщее восстание.

Здесь все люди так изменились, что он едва мог их узнать. Фальшивые волосы, фальшивый цвет лица, фальшивые икры, фальшивые мускулы — люди превратились в новые существа. Мистер Ленвил был полным сил воином грандиозных размеров; мистер Крамльс, с пышной черной шевелюрой, затеняющей его широкую физиономию,— шотландским изгнанником с величественной осанкой; один из старых джентльменов — тюремщиком, а другой — почтенным патриархом; комический поселянин — доблестным воином, не лишенным искры юмора; оба юных Крамльса — принцами, а несчастный влюбленный — отчаявшимся пленником. Все было уже приготовлено для роскошного банкета в третьем акте, а именно: две картонные вазы, тарелка с сухарями, черная бутылка и бутылочка из-под уксуса; короче говоря, все было готово и поистине великолепно.

Николас стоял спиной к занавесу, то созерцая декорации первой сцены, изображающие готическую арку фута на два ниже мистера Крамльса, который должен был, пройдя под этой аркой, совершить свой первый выход, то прислушиваясь к двум-трем зрителям, которые щелкали орехи на галерке и рассуждали, есть ли еще кто-

нибудь, кроме них, в театре, когда к нему запросто обратился сам директор.

— Были сегодня в зале? — спросил мистер Крамльс.

— Нет,— ответил Николас,— еще нет. Но я собираюсь смотреть представление.

— Билеты шли недурно,— сказал мистер Крамльс,— четыре передних места в середине и целая ложа.

— Вот как! — сказал Николас.— Должно быть, для семьи?

— Да,— ответил мистер Крамльс.— Это очень трогательно. Там шестеро детей, и они приходят только в том случае, если играет феномен.

Трудно было кому-нибудь — кто бы он ни был — посетить театр в тот вечер, когда бы феномен не играл, поскольку он ежевечерне исполнял по меньшей мере одну, а нередко две или три роли; но Николас, щадя отцовские чувства, не стал упоминать об этом пустячном обстоятельстве, и мистер Крамльс продолжал говорить, не встретив возражений.

— Шестеро! — сказал этот джентльмен.— Папа и мама — восемь, тетка — девять, гувернантка — десять, дедушка и бабушка — двенадцать. Потом еще лакей, который стоит за дверью с мешком апельсинов и кувшином воды, настоенной на сухарях *, и бесплатно смотрит спектакль через окошечко в двери ложи. И за всех одна гинея — им выгодно брать ложу.

— Удивляюсь, зачем вы пускаете столько народу,— заметил Николас.

— Ничего не поделаешь,— отозвался мистер Крамльс,— так принято в провинции. Если детей шестеро, то приходят шестеро взрослых, чтобы держать их на коленях. В семейной ложе всегда помещается двойное количество. Дайте звонок оркестру, Граден.

Эта незаменимая леди выполнила приказ, и вскоре можно было услышать, как настраивают три скрипки. Эта процедура растянулась на столько времени, на сколько предположительно могло хватить терпения у публики; конец ей положил второй звонок, являвшийся сигналом начинать всерьез, после чего оркестр заиграл всевозможные популярные мелодии с неожиданными вариациями.

Если Николас был поражен переменой к лучшему, происшедшей с джентльменами, то превращения леди оказались еще более изумительными. Когда из уютного уголка директорской ложи он узрел мисс Сневелличчи в ослепительно-белом муслине с золотой каймой, и миссис Крамльс во всем величии жены изгнанника, и мисс Бравасса во всей прелести наперсницы мисс Сневелличчи, и мисс Бельвони в белом шелковом костюме пажа, исполнявшего свой долг всюду и клявшегося жить и умереть на службе у всех и каждого, он едва мог сдержать свой восторг, выразившийся в громких аплодисментах и глубочайшем внимании к происходящему на сцене.

Сюжет пьесы был в высшей степени интересен. Неизвестно было, в каком веке, среди какого народа и в какой стране он развертывается, и, быть может, благодаря этому он был еще восхитительнее, так как, за неимением предварительных сведений, никто не мог догадаться, что из всего этого получится.

Некий изгнанник что-то и где-то совершил с большим успехом и вернулся домой с триумфом, встреченный приветственными кликами и звуками скрипок, вернулся, дабы приветствовать свою жену — леди с мужским складом ума, очень много говорившую о костях своего отца, которые, по-видимому, остались непогребенными, то ли по своеобразной причуде самого старого джентльмена, то ли вследствие предосудительной небрежности его родственников — это осталось невыясненным. Жена изгнанника находилась в каких-то отношениях с патриархом, жившим очень далеко в за́мке, а этот патриарх был отцом многих из действующих лиц, но он хорошенько не знал, кого именно, и не был уверен, своих ли детей воспитал у себя в замке, или не своих. Он склонился к последнему и, находясь в замешательстве, развлек себя банкетом, во время коего некто в плаще сказал: «Берегись!» — но ни один человек (кроме зрителей) не знал, что этот некто и был сам изгнанник, который явился сюда по невыясненным причинам, но, может быть, с целью стащить ложки.

Были также приятные маленькие сюрпризы в виде любовных диалогов между удрученным пленником и мисс Сневелличчи и между комическим воином и мисс Бравасса; кроме того, у мистера Ленвила было несколько

очень трагических сцен в темноте во время его кровожадных экспедиций, потерпевших неудачу благодаря ловкости и смелости комического воина (который подслушивал все, что говорилось на протяжении всей пьесы) и неустрашимости мисс Сневелличчи, которая облачилась в трико и в таком виде отправилась в темницу к своему пленному возлюбленному, неся корзиночку с закусками и потайной фонарь. Наконец обнаружилось, что патриарх и был тем самым человеком, который так неуважительно обошелся с костями тестя изгнанника, и по этой причине жена изгнанника отправилась в замок патриарха, чтобы убить его, и пробралась в темную комнату, где после долгих блужданий в потемках все сцепились друг с другом и вдобавок принимали одного за другого, что вызвало величайшее смятение, а также пистолетные выстрелы, смертоубийство и появление факелов. После этого вперед выступил патриарх и, заметив с многозначительным видом, что теперь он знает все о своих детях и сообщит им это, когда они вернутся, заявил, что не может быть более благоприятного случая для сочетания браком молодых людей. Затем он соединил их руки, с полного согласия неутомимого пажа, который (будучи, кроме этих троих, единственным оставшимся в живых) указал своей шапочкой на облака, а правой рукой на землю, тем самым призывая благословение и давая знак опускать занавес, что и было сделано при дружных рукоплесканиях.

— Ну, как по-вашему? — осведомился мистер Крамльс, когда Николас снова прошел на сцену.

Мистер Крамльс был очень красен и разгорячен, потому что эти изгнанники — отчаянные люди, когда дело доходит до крика.

— По-моему, великолепно,— ответил Николас.— В особенности мисс Сневелличчи была необычайно хороша.

— Это гений! — сказал мистер Крамльс.— Эта девушка — настоящий гений! Кстати, я подумываю о том, чтобы поставить вашу пьесу в ее заказанный вечер.

— Когда? — переспросил Николас.

— В ее вечер, заранее заказанный. В ее бенефис, когда ее друзья и патроны заказывают спектакль,— пояснил мистер Крамльс.

— А, понимаю,— отозвался Николас.

— Видите ли,— сказал мистер Крамльс,— в такой день пьеса несомненно пройдет, и если даже она не будет пользоваться тем успехом, на какой мы рассчитываем, то, знаете ли, мы ничем не рискуем.

— То есть вы,— поправил Николас.

— Я и сказал — я,— возразил мистер Крамльс.— В понедельник на будущей неделе. Что вы на это скажете? Пьесу вы сделаете задолго до этого и, конечно, успеете разучить роль любовника.

— Не могу сказать, что «задолго до этого»,— ответил Николас,— но к тому времени я, пожалуй, берусь приготовиться.

— Прекрасно,— продолжал мистер Крамльс.— Итак, будем считать вопрос решенным. Теперь я хочу просить вас еще кое о чем. В таких случаях проводится маленькая... как бы это выразиться... маленькая кампания по сбору голосов.

— Вероятно, среди патронов? — осведомился Николас.

— Среди патронов. Но у Сневелличчи было столько бенефисов в этом году, что она нуждается в приманке. У нее был бенефис, когда умерла ее свекровь, и еще бенефис, когда умер ее дядя; у миссис Крамльс и у меня были бенефисы в день рождения феномена, в годовщину нашей свадьбы и по случаю других такого же рода событий, так что, собственно говоря, хороший бенефис связан с некоторыми трудностями. Мистер Джонсон, не согласитесь ли вы помочь бедной девушке? — сказал Крамльс, присаживаясь на барабан, взяв большую понюшку табаку и пристально поглядев в лицо своему собеседнику.

— Что вы имеете в виду? — спросил Николас.

— Как вы думаете, не можете ли вы уделить завтра утром полчасика, чтобы зайти вместе с ней к двум-трем патронам? — вкрадчивым голосом прошептал директор.

— Знаете ли...— сказал Николас с видом явно протестующим,— мне бы этого не хотелось!

— Феномен будет ее сопровождать,— сказал мистер Крамльс.— Когда мне это предложили, я тотчас разрешил феномену пойти. Ровно ничего неприличного в этом нет: мисс Сневелличчи — воплощение чести, сэр. Это при-

несло бы существенную пользу: джентльмен из Лондона... автор новой пьесы... актер, выступающий в новой пьесе... первое появление на подмостках — это дало бы нам великолепный бенефис, мистер Джонсон!

— Мне очень грустно омрачать надежды кого бы то ни было, и в особенности леди,— ответил Николас,— но, право же, я бы хотел решительно отказаться от участия в кампании!

— Что сказал мистер Джонсон, Винсент? — раздался голос над самым его ухом.

Оглянувшись, он увидел, что за его спиной стоят миссис Крамльс и сама мисс Сневелличчи.

— У него есть возражения, дорогая моя,— ответил мистер Крамльс, смотря на Николаса.

— Возражения! — воскликнула миссис Крамльс.— Возможно ли это?

— О, надеюсь, что нет! — вскричала мисс Сневелличчи.— Конечно, вы не столь жестоки. О боже мой! О, я... подумать только, сколько надежд я возлагала на вас!

— Мистер Джонсон не станет упорствовать, дорогая моя,— сказала миссис Крамльс.— Будьте о нем лучшего мнения и не думайте этого. Галантность, человечность, все лучшие чувства, свойственные его натуре, должны оказать поддержку этому замечательному начинанию.

— Которое растрогало даже директора,— улыбаясь, сказал мистер Крамльс.

— И жену директора,— добавила миссис Крамльс привычным трагическим тоном.— Полно, полно, вы смягчитесь, знаю, что смягчитесь.

— Не в моей натуре,— сказал Николас, тронутый этими мольбами,— противиться каким бы то ни было просьбам, разве что с ними связано что-нибудь дурное; а кроме гордости, я не нахожу ничего, что бы мешало мне это сделать! Я здесь никого не знаю, и меня никто не знает. Пусть будет по-вашему. Я сдаюсь.

Мисс Сневелличчи тотчас залилась румянцем и рассыпалась в выражениях благодарности; на этот последний товар отнюдь не поскупились также и мистер и миссис Крамльс. Было условлено, что Николас зайдет к ней на квартиру завтра в одиннадцать часов утра, и вскоре после этого они расстались: он — чтобы вернуться домой к

своим писаниям, мисс Сневелличчи — переодеться для следующей пьесы, а бескорыстный директор и его жена — подсчитать возможный доход от предстоящего бенефиса, так как, согласно торжественному договору, им надлежало получить две трети всей прибыли.

На следующее утро в назначенный час Николас отправился на квартиру мисс Сневелличчи, находившуюся на улице, именуемой Ломберд-стрит, в доме портного. В маленьком коридорчике сильно пахло утюгом, а дочь портного, открывшая дверь, находилась в том возбужденном состоянии духа, в каком так часто пребывают семьи в день стирки белья.

— Кажется, здесь живет мисс Сневелличчи? — спросил Николас, когда дверь открылась.

Дочь портного ответила утвердительно.

— Не будете ли вы так добры уведомить ее, что пришел мистер Джонсон? — сказал Николас.

— О, пожалуйста, поднимитесь наверх,— с улыбкой ответила дочь портного.

Николас последовал за молодой леди, и его ввели в маленькую комнату во втором этаже, сообщавшуюся с задней комнатой, где, как предположил он, судя по приглушенному зову чашек и блюдец, мисс Сневелличчи в тот момент завтракала в постели.

— Вам придется подождать, будьте так добры,— сказала дочь портного после недолгого отсутствия, во время которого звон прекратился и уступил место шепоту.— Она скоро выйдет.

С этими словами она подняла штору и (как думала она) отвлекла таким путем внимание мистера Джонсона от комнаты и привлекла его к улице, после чего схватила какие-то вещи, сушившиеся на каминной решетке и имевшие большое сходство с чулками, и убежала.

Так как за окном было не очень много предметов, представляющих интерес, то Николас осмотрел комнату с большим вниманием, чем уделил бы ей при других обстоятельствах. На диване лежала старая гитара, какие-то скомканные ноты и кучка папильоток вместе с кипой афиш и парой грязных белых атласных туфель с большими голубыми розетками. На спинке стула висел еще не дошитый муслиновый передник с карманчиками, украшенными

красной лентой,— такие передники носят на сцене горничные, и, следовательно, нигде в другом месте их не увидишь. В одном углу стояли миниатюрные сапожки с отворотами; в сапожках мисс Сневелличчи обычно изображала маленького жокея, а тут же на стуле лежал сверток, имевший подозрительное сходство с короткими штанишками под стать сапожкам.

Но, пожалуй, самым интересным предметом был раскрытый альбом газетных вырезок, красовавшийся среди разбросанных по столу театральных либретто в двенадцатую долю листа. В этот альбом были вклеены всевозможные критические отзывы об игре мисс Сневелличчи, извлеченные из различных провинциальных газет, а также дифирамбы в ее честь, начинавшиеся так:

Пой, бог любви, и почему, ответь,
Талантливая Сневелличчи снизошла на землю?
Чтоб нас пленять, играть, а также петь?
Пой, бог любви, и торопись, тебе я жадно внемлю!

Помимо этого излияния, здесь было множество лестных намеков, также извлеченных из газет, например: «Из объявления, помещенного на другой странице сегодняшнего номера нашей газеты, мы узнаем, что бенефис очаровательной и высокоталантливой мисс Сневелличчи назначен на среду и по этому случаю ею составлена программа, которая может зажечь восторгом даже сердце мизантропа. Пребывая в уверенности, что наши сограждане не утратили той высокой способности ценить как дела общеполезные, так и личные достоинства, каковою способностью они издавна одарены столь изумительно, мы предсказываем этой очаровательной актрисе восторженный прием». «*Ответы подписчикам.* Дж. С. введен в заблуждение, если он полагает, что высокоодаренная и прекрасная мисс Сневелличчи, каждый вечер пленяющая все сердца в нашем изящном и уютном маленьком театре, не является той самой леди, которой недавно сделал честные предложения чрезвычайно богатый молодой джентльмен, проживающий в ста милях от славного города Йорка. У нас есть основания предполагать, что мисс Сневелличчи является той леди, которая играла роль в этой таинственной и романической истории и чье по-

ведение при таких обстоятельствах делает честь ее уму и сердцу не меньше, чем театральные триумфы ее сверкающему гению». Альбом мисс Сневелличчи был заполнен богатой коллекцией таких заметок, как приведенные выше, и пространными программами бенефисов, кончавшимися призывом, напечатанным крупным шрифтом: «Приходите заблаговременно».

Николас прочел множество этих вырезок и был поглощен подробным и меланхолическим отчетом о ходе событий, которые привели к тому, что мисс Сневелличчи вывихнула себе лодыжку, поскользнувшись на апельсинной корке, брошенной на сцену в Винчестере каким-то чудовищем в образе человека (так сообщала газета), когда сама молодая леди в шляпке, напоминавшей ящик для угля, и в полном выходном костюме впорхнула в комнату, принося тысячу извинений, что заставила его ждать так долго после назначенного часа.

— Но уверяю вас,— сказала мисс Сневелличчи,— моя дорогая Лед, которая живет вместе со мной, так разнемоглась ночью, что я боялась, как бы она не испустила дух в моих объятиях.

— Такая судьба почти достойна зависти,— заявил Николас,— но тем не менее мне очень грустно это слышать.

— Как вы умеете льстить! — сказала мисс Сневелличчи, в большом смущении застегивая перчатку.

— Если лестью называть восхищение вашими чарами и талантами,— возразил Николас, кладя руку на альбом вырезок,— то здесь вы имеете лучшие образцы.

— О жестокое создание, как вы могли читать такие вещи! После этого мне стыдно смотреть вам в лицо, право же стыдно! — воскликнула мисс Сневелличчи, хватая книгу и пряча ее в шкаф.— Какая небрежность со стороны Лед! Как могла она поступить так нехорошо!

— Я думал, вы любезно оставили ее здесь, чтобы я почитал,— сказал Николас. Это в самом деле казалось правдоподобным.

— Ни за что на свете я бы не хотела, чтобы вы ее видели,— возразила мисс Сневелличчи.— Никогда еще я не была так раздосадована, никогда! Но Лед такое небрежное существо, ей нельзя доверять.

Тут разговор был прерван приходом феномена, который до сей поры скромно оставался в спальне, а теперь появился с большой грацией и легкостью, держа в руке очень маленький зеленый зонтик с широкой бахромой и без ручки. Обменявшись несколькими словами, приличествующими случаю, они вышли на улицу.

Феномен оказался довольно докучливым спутником, ибо сначала у него свалилась правая сандалия, а потом левая, а когда эту беду поправили, обнаружилось, что белые панталончики с одной стороны спускаются ниже, чем с другой; помимо этих происшествий, зеленый зонтик провалился сквозь железную решетку и был выужен с большим трудом и после многих усилий. Однако немыслимо было бранить ее, так как она была дочкой директора; посему Николас принимал все это с невозмутимым добродушием и шествовал под руку с мисс Сневелличчи, в то время как надоедливое дитя шло с другой стороны.

Первый дом, куда они направили свои стопы, стоял на улице респектабельного вида. В ответ на скромный стук мисс Сневелличчи вышел лакей, который, выслушав ее вопрос, дома ли миссис Кэрдль, очень широко раскрыл глаза, очень широко улыбнулся и сказал, что не знает, но справится. Затем он провел их в приемную, где заставил их ждать, пока там под каким-то предлогом не побывали две служанки, чтобы поглазеть на актеров; поделившись с ними впечатлениями в коридоре и приняв участие в долгом перешептывании и хихиканье, лакей, наконец, отправился наверх доложить о мисс Сневелличчи.

Миссис Кэрдль, по признанию тех, кто был наилучшим образом осведомлен в такого рода делах, обладала поистине лондонским вкусом во всем, имеющем отношение к литературе и театру, а что до мистера Кэрдля, то он написал брошюру в шестьдесят четыре страницы в одну восьмую листа о характере покойного супруга кормилицы в «Ромео и Джульетте», разбиравшую вопрос, был ли он действительно «весельчаком» при жизни, или же только пристрастие любящей вдовы побудило ее отзываться о нем подобным образом. Доказал он также, что если отступить от принятой системы пунктуации, то любую из шекспировских пьес можно переделать наново и совершенно изменить ее смысл. Посему нет надобности гово-

рить, что он был великим критиком и весьма глубоким и в высшей степени оригинальным мыслителем.

— Ну, как вы поживаете, мисс Сневелличчи? — осведомилась миссис Кэрдль, входя в приемную.

Мисс Сневелличчи сделала грациозный реверанс и выразила надежду, что миссис Кэрдль здорова, равно как и мистер Кэрдль, появившийся одновременно. Миссис Кэрдль была в утреннем капоте и маленьком чепчике, сидевшем на макушке. На мистере Кэрдле был широкий халат, а указательный палец правой его руки приложен ко лбу в соответствии с портретами Стерна, с которым, как однажды кто-то заметил, он имел разительное сходство.

— Я осмелилась нанести вам визит, сударыня, с целью спросить, не подпишетесь ли вы на мой бенефис,— сказала мисс Сневелличчи, доставая бумаги.

— О, право, не знаю, что сказать,— отозвалась миссис Кэрдль.— Нельзя утверждать, чтобы сейчас театр находился на высоте величия и славы... Что же вы стоите, мисс Сневелличчи?.. Драма погибла, окончательно погибла.

— Как восхитительное воплощение видений поэта и как материализация человеческой интеллектуальности, золотящая своим сиянием наши грезы и открывающая перед умственным взором новый и волшебный мир, драма погибла, окончательно погибла,— сказал мистер Кэрдль.

— Где найти человека из живущих ныне, который может изобразить нам все меняющиеся цвета спектра, в какие облечен образ Гамлета! — воскликнула миссис Кэрдль.

— Да, где найти такого человека... на сцене? — сказал мистер Кэрдль, делая маленькую оговорку в свою пользу.— Гамлет! Фу! Смешно! Гамлет погиб, окончательно погиб.

Совершенно подавленные этими горестными соображениями, мистер и миссис Кэрдль вздохнули и некоторое время сидели безгласные. Наконец леди, повернувшись к мисс Сневелличчи, осведомилась, в какой пьесе та намерена выступить.

— В новой,— сказала мисс Сневелличчи,— автором которой является этот джентльмен и в которой он будет

играть: это его первое выступление на подмостках. Джентльмена зовут мистер Джонсон.

— Надеюсь, вы сохранили единства, сэр? — спросил мистер Кэрдль.

— Эта пьеса — перевод с французского,— сказал Николас.— В ней много всевозможных происшествий, живых диалогов, ярко очерченных действующих лиц...

— Все это бесполезно без строгого соблюдения единств, сэр,— возразил мистер Кэрдль.— Единства драмы — прежде всего.

— Разрешите вас спросить,— сказал Николас, колеблясь между уважением, которое должен был оказывать хозяину, и желанием позабавиться,— разрешите вас спросить, что такое единства?

Мистер Кэрдль кашлянул и призадумался.

— Единства, сэр,— сказал он,— это завершение... нечто вроде всеобщей взаимосвязи по отношению к месту и времени... своего рода универсальность, если мне разрешат воспользоваться столь сильным выражением. Это я и считаю драматическими единствами, поскольку я имел возможность уделить им внимание, а я много читал об этом предмете и много размышлял. Перебирая в памяти роли, исполняемые этим ребенком,— продолжал мистер Кэрдль, повернувшись к феномену,— я нахожу единство чувства, широту кругозора, свет и тень, теплоту окраски, тон, гармонию, художественное развитие первоначальных замыслов, что́ я тщетно ищу у взрослых актеров. Не знаю, понятно ли я изъясняюсь.

— Вполне,— ответил Николас.

— Вот именно,— сказал мистер Кэрдль, подтягивая галстук.— Таково мое определение единств драмы.

Миссис Кэрдль сидела и слушала это столь исчерпывающее объяснение с великим самодовольством. По окончании его она осведомилась, что думает мистер Кэрдль по поводу подписки.

— Не знаю, дорогая моя, честное слово, не знаю,— сказал мистер Кэрдль.— Если мы подпишемся, то надлежит ясно дать понять, что мы не гарантируем качества исполнения. Пусть публика знает, что за *них* мы своим именем не поручимся, но что эту честь мы оказываем только мисс Сневелличчи. Когда это будет ясно установ-

лено, я сочту своим долгом распространить наше покровительство на пришедший в упадок театр хотя бы ради тех ассоциаций, с которыми он для меня связан. У вас найдется два шиллинга шесть пенсов разменять полукрону, мисс Сневелличчи? — сказал мистер Кэрдль. доставая четыре полукроны.

Мисс Сневелличчи обшарила все уголки розового ридикюля, но ни в одном из них ничего не оказалось. Николас пробормотал шутливо, что он автор, и решил вовсе обойтись без формальной процедуры обшаривания своих карманов.

— Позвольте-ка,— сказал мистер Кэрдль,— дважды четыре восемь,— по четыре шиллинга за место в ложе, мисс Сневелличчи, чрезвычайно дорого при теперешнем положении театра; три полукроны — это семь шиллингов шесть пенсов. Полагаю, мы не будем спорить из-за шести пенсов? Шесть пенсов нас не поссорят, мисс Сневелличчи?

Бедная мисс Сневелличчи с улыбками и поклонами взяла три полукроны, а миссис Кэрдль, сделав несколько дополнительных замечаний на тему о том, чтобы места были им оставлены, с сидений стерта пыль и присланы две афиши, как только они будут выпущены, позвонила в колокольчик, давая сигнал, что совещание кончено.

— Странные люди,— сказал Николас, когда они вышли из дому.

— Уверяю вас,— отозвалась мисс Сневелличчи, беря его под руку,— я почитаю себя счастливой, что они недодали шести пенсов... Они могли пока ничего не заплатить. Теперь в случае вашего успеха они дадут понять публике, что всегда вам покровительствовали, а в случае вашего провала — что они были в этом уверены с самого начала.

В следующем доме, какой они посетили, их приняли восторженно, ибо здесь обитали шесть человек детей, которые восхищались публичными выступлениями феномена, и, когда их призвали из детской, чтобы они насладились лицезрением этой юной леди в интимной обстановке, они принялись тыкать пальцами ей в глаза, наступать на ноги и оказывать другие маленькие знаки внимания, свойственные их возрасту.

— Я непременно уговорю мистера Борума взять отдельную ложу,— сказала хозяйка дома после самой любезной встречи.— Я прихвачу с собой только двух детей, а остальное общество будет состоять из джентльменов — ваших поклонников, мисс Сневелличчи. Огастес, гадкий мальчик, не приставай к девочке!

Это относилось к молодому джентльмену, который щипал девочку-феномена сзади, очевидно с целью установить, настоящая ли она.

— Вероятно, вы очень устали,— сказала мамаша, обращаясь к мисс Сневелличчи.— Я никак не могу отпустить вас, пока вы не выпьете рюмку вина. Фи, Шарлотта, мне стыдно за тебя! Мисс Лейн, милая моя, пожалуйста, присмотрите за детьми.

Мисс Лейн была гувернантка, а эта просьба была вызвана неожиданной выходкой младшей мисс Борум, которая, стащив зеленый зонтик феномена, хотела дерзко его унести, в то время как ошеломленный феномен беспомощно взирал на это.

— Где вы могли научиться так играть, как вы играете? — спросила добродушная миссис Борум, снова обращаясь к мисс Сневелличчи.— Право же, я понять не могу (Эмма, не таращи глаза): в одном месте вы плачете, а в другом смеетесь, и все это так естественно, ах, боже мой!

— Я счастлива слышать столь благоприятное мнение,— сказала мисс Сневелличчи.— Восхитительно думать, что вам нравится моя игра.

— Нравится! — вскричала миссис Борум.— Кому же она может не нравиться? Будь у меня возможность, я бы ходила в театр два раза в неделю: я без ума от него. Только иногда вы бываете слишком трогательны. Вы доводите меня до такого состояния, до таких судорожных рыданий! Господи боже мой, мисс Лейн, почему вы позволяете им так мучить это бедное дитя?

Девочке-феномену и в самом деле грозила опасность быть разорванной на части, так как два здоровых мальчугана, ухватившись каждый за ее руку, тянули в противоположные стороны, пробуя свою силу. Однако мисс Лейн (которая сама была слишком занята созерцанием взрослых актеров, чтобы обращать должное внимание на

происходящее) в критический момент спасла злосчастного младенца, который подкрепился рюмкой вина и вскоре был уведен своими друзьями, не потерпев особо серьезных повреждений, если не считать того, что розовый газовый чепчик был приплюснут, а белое платьице и панталончики порядочно измяты.

Это было изнурительное утро, потому что пришлось сделать множество визитов и у всех вкусы были разные. Одни хотели трагедий, а другие комедий; одни возражали против танцев, другие только танцев и хотели. Одни считали комического певца решительно вульгарным, а другие надеялись, что у него дела будет больше, чем обычно. Одни не обещали прийти, потому что другие не обещали прийти, а иные вовсе не хотели идти, потому что другие придут. Наконец мало-помалу, в одном месте что-нибудь вычеркивая, а в другом что-нибудь добавляя, мисс Сневелличчи поручилась за программу, которая другими достоинствами, может быть, и не отличалась, но зато была достаточно обширна, (среди прочих безделок она включала четыре пьесы, различные песни, несколько поединков и много танцев), и они вернулись домой, не на шутку измученные трудами этого дня.

Николас корпел над пьесой, которую быстро начали репетировать, а затем корпел над своей ролью, которую разучивал с большой настойчивостью и исполнил, как заявила вся труппа, безупречно. И, наконец, настал великий день. Утром был послан в обход глашатай, звоном колокольчиков возвещавший на всех людных улицах о представлении; специально выпущенные афиши длиной в три фута и шириной в девять дюймов были рассеяны повсюду, разбросаны по всем подвальным лестницам, подсунуты под все дверные кольца и развешены во всех лавках. Были они также вывешены на всех стенах, хотя и не с полным успехом, ибо по случаю болезни постоянного расклейщика афиш эту обязанность исполняло лицо неграмотное, и часть афиш была развешена косо, а остальные вверх ногами.

В половине шестого в дверь галерки ломились четыре человека; без четверти шесть их было по крайней мере дюжина; в шесть часов колотили ногами в дверь устрашающим образом, а когда старший сынок Крамльса

открыл ее, ему пришлось спрятаться за ней, спасая собственную жизнь. В первые же десять минут миссис Граден собрала пятнадцать шиллингов.

За кулисами царило такое же беспримерное возбуждение. Мисс Сневелличчи вспотела так, что румяна едва держались у нее на лице. Миссис Крамльс была так нервна, что с трудом могла припомнить свою роль. Локончики мисс Бравасса развились от жары и волнения; даже сам мистер Крамльс все время смотрел в дырочку в занавесе и то и дело прибегал возвестить, что еще один человек пришел в партер.

Наконец оркестр умолк, и занавес поднялся. Первая сцена, в которой не участвовал никто примечательный, прошла довольно спокойно, но когда во второй появилась мисс Сневелличчи, сопровождаемая феноменом в роли дитяти, какой раздался гром аплодисментов! В ложе Борума все встали, как один человек, размахивая шляпами и носовыми платками и крича: «Браво!». Миссис Борум и гувернантка бросали венки на сцену, из коих некоторые опустились на лампы, а один увенчал чело толстого джентльмена, который, жадно смотря на сцену, остался в неведении об оказанной ему чести; портной и его семейство колотили ногами в переднюю стенку верхней ложи, грозя вывалиться наружу; даже мальчик, разносивший имбирное пиво, застыл на месте посреди зрительного зала; молодой офицер, которого считали влюбленным в мисс Сневелличчи, вставил в глаз монокль, как бы желая скрыть слезу. Снова и снова мисс Сневелличчи приседала все ниже и ниже, и снова и снова аплодисменты раздавались все громче и громче. Наконец, когда феномен взял один из дымящихся венков и косо нахлобучил на самые глаза мисс Сневелличчи, овация достигла своего апогея, и представление продолжалось.

Но когда появился Николас в своей блестящей сцене с миссис Крамльс, какие раздались рукоплескания! Когда миссис Крамльс (которая была его недостойной матерью) насмехалась над ним и назвала его «самонадеянным мальчишкой», а он отказал ей в повиновении, какая была буря аплодисментов! Когда он поссорился с другим джентльменом из-за молодой леди и, достав ящик с пистолетами, сказал, что если его соперник — джентльмен,

то он будет драться с ним здесь, в этой гостиной, пока мебель не оросится кровью одного из них, а может быть, и обоих, как слились в едином оглушительном вопле ложи, партер и галерка! Когда он бранил свою мать за то, что она не хотела вернуть достояние молодой леди, а та, смягчившись, побудила и его смягчиться, упасть на одно колено и просить ее благословения, как рыдали леди в зрительном зале! Когда он спрятался в темноте за занавес, а злой родственник тыкал острой шпагой всюду, но только не туда, где ясно видны были его ноги, какой трепет неудержимого страха пробежал по залу! Его осанка, его фигура, его походка, его лицо — все, что он говорил или делал, вызывало похвалу. Аплодисменты раздавались каждый раз, когда он начинал говорить. А когда, наконец, в сцене с насосом и лоханью миссис Граден зажгла бенгальский огонь, а все незанятые члены труппы вышли и разместились повсюду — не потому, что это имело какое-нибудь отношение к пьесе, но для того, чтобы закончить ее живой картиной,— зрители (которых к тому времени стало значительно больше) испустили такой восторженный крик, какого не слыхали в этих стенах много и много дней.

Короче — успех и новой пьесы и нового актера был полный, и, когда мисс Сневелличчи вызвали в конце пьесы, ее вел Николас и делил с ней аплодисменты.

ГЛАВА XXV,

касающаяся молодой леди из Лондона, которая присоединяется к труппе, и пожилого поклонника, который следует в ее свите; трогательная церемония, последовавшая за их прибытием

Новая пьеса, будучи явной удачей, была анонсирована на все вечерние представления впредь до особого извещения, а по вечерам театр оставался закрытым два раза в неделю вместо трех. И это были не единственные признаки необычайного успеха, ибо в ближайшую субботу Николас получил через посредство неутомимой мис-

сис Граден ни больше ни меньше как тридцать шиллингов; помимо такой существенной награды, он был удостоен немалой чести и славы, получив на адрес театра экземпляр брошюры мистера Кэрдля с автографом этого джентльмена на первой странице (само по себе бесценное сокровище), в сопровождении записки. Записка содержала многочисленные похвалы и непрошенное заверение в том, что мистер Кэрдль с величайшим удовольствием будет каждое утро читать с ним Шекспира три часа перед завтраком во время его пребывания в этом городе.

— У меня есть еще одна новинка, Джонсон,— весело объявил однажды утром мистер Крамльс.

— Что именно? — спросил Николас.— Пони?

— Нет, к пони мы обращаемся только в тех случаях, когда все остальное провалилось,— сказал мистер Крамльс.— Думаю, что в этом сезоне нам вообще не придется пользоваться им. Нет, нет, не пони.

— Быть может, мальчик-феномен? — предположил Николас.

— Есть только один феномен, сэр,— внушительно ответил мистер Крамльс,— и это — девочка.

— Совершенно верно,— сказал Николас.— Прошу прощенья. В таком случае я, право же, не знаю, что это может быть.

— Что бы вы сказали по поводу молодой леди из Лондона? — осведомился мистер Крамльс.— Мисс такая-то из Королевского театра Друри-Лейн?

— Сказал бы, что она будет очень хороша на афишах,— отозвался Николас.

— В этом вы правы,— заметил мистер Крамльс,— и если бы вы сказали, что она будет очень хороша также и на сцене, вы бы не ошиблись. Посмотрите-ка, что вы об этом думаете?

Задав такой вопрос, мистер Крамльс развернул красную афишу, синюю афишу и желтую афишу, вверху которых было начертано гигантскими буквами: «Первое выступление несравненной мисс Питоукер из Королевского театра Друри-Лейн».

— Ах, боже мой, я знаю эту леди! — воскликнул Николас.

— Стало быть, вы знакомы с самым большим талантом, каким когда-либо была наделена молодая особа,— заявил мистер Крамльс, снова свертывая афиши.— Собственно, с талантом особого рода... особого рода. «Кровопийца»,— с пророческим вздохом добавил мистер Крамльс,— «Кровопийца» умрет, когда умрет эта девушка; она — единственная из всех сильфид, виденных *мною,* которая может, стоя на одной ноге, бить бубном о колено другой подобно сильфиде.

— Когда же она приезжает? — спросил Николас.

— Мы ждем ее сегодня,— ответил мистер Крамльс.— Она старая приятельница миссис Крамльс. Миссис Крамльс поняла, на что она способна,— знала это с самого начала. В сущности, она обучила ее почти всему, что та знает. Первой «кровопийцей» была миссис Крамльс.

— Да неужели?

— Да! Но она принуждена была отказаться от этого.

— Ей пришлось не по нраву? — осведомился Николас.

— Не столько ей, сколько публике,— ответил мистер Крамльс.— Никто не мог выдержать. Это было слишком потрясающе. Вы еще не знаете, какова миссис Крамльс!

Николас осмелился намекнуть, что, кажется, он это знает.

— Нет, нет, не знаете,— возразил мистер Крамльс,— конечно, не знаете! Даже я толком не знаю, и это факт. Не думаю, что страна это узнает, пока она не умрет. Ежегодно у этой изумительной женщины расцветает какой-нибудь новый талант. Посмотрите на нее — мать шестерых детей, из них трое живы, и все на сцене.

— Поразительно! — воскликнул Николас.

— Да, поразительно,— подтвердил мистер Крамльс, самодовольно беря понюшку табаку и с важностью покачивая головой.— Даю вам мое честное слово актера, я даже не знал, что она умеет танцевать, до последнего ее бенефиса (она тогда играла Джульетту и Элен МакГрегор *, а между пьесами исполнила матросский танец со скакалкой). В первый раз, когда я увидел эту превосходную женщину, Джонсон,— сказал мистер Крамльс, придвигаясь ближе и говоря тоном конфиденциальным и

дружеским,— она стояла на голове на тупом конце копья, а кругом сверкал фейерверк.

— Вы меня изумляете! — воскликнул Николас.

— Она *меня* изумила! — заявил мистер Крамльс с очень серьезной миной.— Такая грация, соединенная с таким достоинством! С того момента я начал ее обожать.

Появление даровитого объекта этих замечаний резко положило конец панегирику мистера Крамльса. Почти немедленно вслед за этим вошел юный Перси Крамльс с письмом, прибывшим по почте и адресованным его любезной матери; при виде надписи на нем миссис Крамльс воскликнула: «Честное слово, от Генриетты Питоукер!» — и тотчас погрузилась в его содержание.

— Разве она...— нерешительно осведомился мистер Крамльс.

— О нет, все в порядке,— ответила миссис Крамльс, предваряя вопрос.— Право, какой это для нее чудесный случай!

— Я думаю, наилучший, о каком я когда-либо слышал,— сказал мистер Крамльс.

А затем мистер Крамльс, миссис Крамльс и юный Перси Крамльс принялись неудержимо смеяться. Николас предоставил им веселиться и отправился к себе, недоумевая, какая тайна, связанная с мисс Питоукер, могла вызвать такое веселье, а еще более задумываясь о том крайнем изумлении, с каким эта леди отнесется к его неожиданному выбору профессии, столь славным и блистательным украшением которой она являлась.

Но в этом последнем пункте он ошибся, ибо — то ли мистер Винсент Крамльс подготовил почву, то ли у мисс Питоукер были особые причины обращаться с ним даже с большею любезностью, чем прежде,— встреча их на следующий день в театре скорее носила характер встречи двух дорогих друзей, не разлучавшихся с детства, чем леди и джентльмена, которые виделись раз пять, да и то случайно. Мало того: мисс Питоукер шепнула, что в разговоре с семьей директора она вовсе не упоминала о Кенуигсах и изобразила дело так, будто встречала мистера Джонсона в самых высших и фешенебельных кругах. Когда же Николас принял это сообщение с не-

скрываемым удивлением, она добавила, бросив нежный взгляд, что имеет теперь право полагаться на его доброту и, быть может, в скором времени подвергнет ее испытанию.

В тот вечер Николас имел честь играть в маленькой пьеске вместе с мисс Питоукер и не мог не заметить, что теплый прием, ей оказанный, следовало приписать главным образом весьма настойчивому зонту в одной из верхних лож; видел он также, что обворожительная актриса часто бросала нежные взгляды в ту сторону, откуда доносился стук зонта, и что каждый раз, когда она это делала, зонт снова принимался за работу. Один раз ему показалось, что оригинальной формы шляпа в том же углу зала ему как будто знакома, но, будучи поглощен своей ролью на сцене, он мало внимания обратил на это обстоятельство, и воспоминание о нем улетучилось окончательно к тому времени, как он дошел до дому. Он только что сел ужинать со Смайком, когда один из жильцов дома подошел к его двери и объявил, что какой-то джентльмен внизу желает поговорить с мистером Джонсоном.

— Ну что ж, если он этого желает, предложите ему подняться, вот все, что я могу сказать,— отозвался Николас.— Должно быть, один из нашей голодной братии, Смайк.

Его сожитель посмотрел на холодную говядину, молча вычисляя, сколько останется к завтрашнему обеду, и положил обратно кусок, отрезанный им для себя, чтобы вторжение посетителя оказалось менее устрашающим по своим результатам.

— Это не из тех, кто бывал здесь раньше,— сказал Николас,— потому что он спотыкается на каждой ступеньке. Входите, входите. Вот чудеса! Мистер Лиливик?

Действительно, это был сборщик платы за водопровод, физиономия его хранила полную неподвижность, и, глядя на Николаса остановившимся взглядом, он пожал ему руку с торжественной важностью и занял место в углу у камина.

— Когда же вы сюда приехали? — спросил Николас.

— Сегодня утром, сэр,— ответил мистер Лиливик.

— О, понимаю! Так, значит, сегодня вечером вы были в театре, и это ваш зо...

— Вот этот зонт,— сказал мистер Лиливик, показывая толстый зеленый бумажный зонт с погнутым железным наконечником.— Какого вы мнения об этом спектакле?

— Поскольку я мог судить, находясь на сцене,— ответил Николас,— мне он показался очень милым.

— Милым! — вскричал сборщик.— А я говорю, сэр, что он был восхитителен.

Мистер Лиливик наклонился вперед, чтобы с наибольшим ударением произнести последнее слово, и, справившись с этим, выпрямился, нахмурился и несколько раз кивнул головой.

— Я говорю, что спектакль был восхитительный,— повторил мистер Лиливик.— Ошеломляющий, волшебный, потрясающий!

И снова мистер Лиливик выпрямился, и снова он нахмурился и кивнул головой.

— Вот как! — сказал Николас, слегка удивленный этими проявлениями восторженного одобрения.— Да, она способная девушка.

— Она божественна,— заявил мистер Лиливик, ударив упомянутым зонтом в пол двойным ударом, как это делают сборщики налогов.— Я знавал божественных актрис, сэр,— бывало, я собирал... вернее я *заходил*, и заходил очень часто, чтобы получить за воду, в дом к одной божественной актрисе, которая больше четырех лет жила в моем приходе,— но никогда, никогда, сэр, среди всех божественных созданий, актрис и не актрис, не видывал я создания такого божественного, как Генриетта Питоукер.

Николасу много труда стоило удержаться от смеха; не решаясь заговорить, он только кивал, сообразуясь с кивками мистера Лиливика, и безмолвствовал.

— Разрешите сказать вам два слова конфиденциально,— сказал мистер Лиливик.

Николас добродушно взглянул на Смайка, который, поняв намек, скрылся.

— Холостяк — жалкое существо, сэр,— сказал мистер Лиливик.

— Что вы! — сказал Николас.

— Да,— ответил сборщик.— Вот уже скоро шестьдесят лет, как я живу на свете, и я должен знать, что это такое.

«Разумеется, вы *должны* знать,— подумал Николас,— но знаете вы или нет — это другой вопрос».

— Если холостяку случится отложить немного денег,— сказал мистер Лиливик,— его сестры и братья, племянники и племянницы думают об этих деньгах, а не о нем; даже если, будучи должностным лицом, он является старейшиной рода или, скорее, тем основным стволом, от которого ответвляются все прочие маленькие ветви, они тем не менее все время желают ему смерти и приходят в уныние всякий раз, когда видят его в добром здравии, потому что хотят вступить во владение его маленьким имуществом. Вы понимаете?

— О да,— ответил Николас.— Несомненно это так.

— Главный довод против женитьбы — расходы, вот что меня удерживало, а иначе — о боже! — сказал мистер Лиливик, щелкнув пальцами,— я мог бы иметь пятьдесят женщин.

— Красивых женщин? — спросил Николас.

— Красивых женщин, сэр! — ответил сборщик.— Конечно, не таких красивых, как Генриетта Питоукер, ибо она — явление необычное, но таких женщин, какие не каждому мужчине встречаются на пути, смею вас заверить. Теперь предположим, что человек может получить богатство не в виде приданого жены, но в ней самой! А?

— Ну, в таком случае это счастливчик,— ответил Николас.

— То же самое и я говорю,— заявил сборщик, благосклонно похлопывая его зонтом по голове,— как раз то же самое. Генриетта Питоукер, талантливая Генриетта Питоукер, в себе самой заключает богатство, и я намерен...

— Сделать ее миссис Лиливик,— подсказал Николас.

— Нет, сэр, не сделать ее миссис Лиливик,— возразил сборщик,— актрисы, сэр, всегда сохраняют свою девичью фамилию, таково правило, но я намерен жениться на ней, и жениться послезавтра.

— Поздравляю вас, сэр,— сказал Николас.

— Благодарю вас, сэр,— отозвался сборщик, застегивая жилет.— Разумеется, я буду получать за нее жалованье, и в конце концов я надеюсь, что содержать двоих почти так же дешево, как одного. В этом есть утешение.

— Но, право же, вы не нуждаетесь в утешении в такой момент,— заметил Николас.

— Не нуждаюсь,— сказал мистер Лиливик, нервически покачивая головой,— нет... конечно, не нуждаюсь.

— Но зачем же вы оба приехали сюда, если собираетесь вступить в брак, мистер Лиливик? — спросил Николас.

— Да я для того-то и пришел, чтобы объяснить вам,— ответил сборщик платы за водопровод.— Дело в том, что мы сочли наилучшим сохранить это в тайне от семейства.

— От семейства? — повторил Николас.— Какого семейства?

— Конечно, от Кенуигсов,— сказал мистер Лиливик.— Если бы моя племянница и ее дети услыхали об этом хоть словечко до моего отъезда, они валялись бы в судорогах у моих ног и не пришли бы в себя, пока я не поклялся бы ни на ком не жениться. Или они собрали бы комиссию, чтобы признать меня сумасшедшим, или сделали бы еще что-нибудь ужасное,— добавил сборщик, даже задрожав при этих словах.

— Совершенно верно,— сказал Николас,— да, несомненно они бы ревновали.

— Дабы этому воспрепятствовать,— продолжал мистер Лиливик,— Генриетта Питоукер (так мы с ней условились) должна была приехать сюда, к своим друзьям Крамльсам, под предлогом ангажемента, а я должен был выехать накануне в Гильдфорд, чтобы там пересесть к ней в карету. Так я и сделал, и вчера мы вместе приехали из Гильдфорда. Теперь, опасаясь, что вы будете писать мистеру Ногсу и можете сообщить что-нибудь о нас, мы сочли наилучшим посвятить вас в тайну. Сочетаться браком мы отправимся с квартиры Крамльсов и будем рады видеть вас либо перед церковью, либо за завтраком, как вам угодно. Завтрак, понимаете ли, будет скромный,— сказал сборщик, горя желанием предотвратить всякие недоразумения по этому поводу,—

всего-навсего булочки и кофе и, понимаете ли, быть может, креветки или что-нибудь в этом роде как закуска.

— Да, да, понимаю,— ответил Николас.— О, я с великой радостью приду, мне это доставит величайшее удовольствие. Где остановилась леди? У миссис Крамльс?

— Нет,— сказал сборщик,— им негде было бы устроить ее на ночь, а потому она поместилась у одной своей знакомой и еще одной молодой леди: обе имеют отношение к театру.

— Вероятно, у мисс Сневелличчи? — спросил Николас.

— Да, так ее зовут.

— И, полагаю, обе будут подружками? — спросил Николас.

— Да,— с кислой миной сказал сборщик,— они хотят четырех подружек. Боюсь, что они это устроят несколько по-театральному.

— О нет, не думаю! — отозвался Николас, делая неловкую попытку превратить смех в кашель.— Кто же могут быть эти четыре? Конечно, мисс Сневелличчи, мисс Ледрук...

— Фе...феномен,— простонал сборщик.

— Ха-ха! — вырвалось у Николаса.— Прошу прощенья, не понимаю, почему я засмеялся... Да, это будет очень мило... феномен... Кто еще?

— Еще какая-то молодая женщина,— ответил сборщик, вставая,— еще одна подруга Генриетты Питоукер. Итак, вы ни слова об этом не скажете, не правда ли?

— Можете всецело на меня положиться,— отозвался Николас.— Не хотите ли закусить или выпить?

— Нет,— сказал сборщик,— у меня нет ни малейшего аппетита. Я думаю, это очень приятная жизнь — жизнь женатого человека?

— Я в этом нимало не сомневаюсь,— ответил Николас.

— Да,— сказал сборщик,— разумеется. О да! Несомненно. Спокойной ночи.

С этими словами мистер Лиливик, в чьем поведении на протяжении всей этой беседы изумительнейшим образом сочетались стремительность, колебания, доверчивость и сомнения, нежность, опасения, скаредность и

напыщенность, повернулся к двери и оставил Николаса хохотать в одиночестве, если он был к тому расположен.

Не трудясь осведомляться, показался ли Николасу следующий день состоящим из полагающегося ему числа часов надлежащей длительности, можно отметить, что для сторон, непосредственно заинтересованных, этот день пролетел с удивительной быстротой, в результате чего мисс Питоукер, проснувшись утром в спальне мисс Сневелличчи, заявила, что ничто не убедит ее в том, будто это тот самый день, при свете коего должна произойти перемена в ее жизни.

— Я никогда этому не поверю,— сказала мисс Питоукер,— просто не могу поверить. Что бы там ни говорили, я не могу решиться пройти через такое испытание!

Услыхав эти слова, мисс Сневелличчи и мис Ледрук, очень хорошо знавшие, что вот уже три или четыре года, как их прекрасная подруга приняла решение и в любой момент беззаботно прошла бы через ужасное испытание, если бы только могла найти подходящего джентльмена, не возражавшего против этого рискованного предприятия,— мисс Сневелличчи и мисс Ледрук начали проповедовать спокойствие и мужество и говорить о том, как должна она гордиться своей властью осчастливить на многие годы достойного человека, и о том, сколь необходимо для блага всего человечества, чтобы женщины выказывали в таких случаях стойкость и смирение; хотя сами они видят истинное счастье в одинокой жизни, которой не изменили бы по своей воле,— да, не изменили бы по каким бы то ни было суетным соображениям,— но (благодарение небесам!), *если бы* настало такое время, они надеются, что знают свой долг слишком хорошо, чтобы возроптать, но с кротостью и покорностью подчинятся судьбе, для которой их явно предназначило провидение, дабы утешить и вознаградить их ближних.

— Я понимаю, что это страшный удар,— сказала мисс Сневелличчи,— порвать старые связи и тому подобное, как оно там называется, но я бы этому подчинилась, дорогая моя, право же, подчинилась.

— Я тоже,— сказала мисс Ледрук.— Скорее я бы

приветствовала ярмо, чем бежала от него. Мне случалось разбивать сердца, и я очень сожалею об этом. Это ужасно, если подумать!

— Да, конечно,— сказала мисс Сневелличчи.— А теперь, Лед, дорогая моя, мы, право же, должны заняться ею, не то мы опоздаем, непременно опоздаем.

Такие благочестивые соображения, а быть может, боязнь опоздать, поддерживали невесту во время церемонии одевания, после чего крепкий чай и бренди предлагались попеременно как средства для укрепления ее ослабевших ног и с целью придать большую твердость ее поступи.

— Как вы себя чувствуете сейчас, милочка? — осведомилась мисс Сневелличчи.

— О Лиливик! — воскликнула невеста.— Если б вы знали, что я претерпеваю ради вас!

— Конечно, он знает, милочка, и никогда не забудет,— сказала мисс Ледрук.

— Вы думаете, он не забудет? — воскликнула мисс Питоукер, проявляя и в самом деле недюжинные способности к сценическому искусству.— О, вы думаете, он не забудет? Вы думаете, Лиливик будет помнить всегда... всегда, всегда, всегда?

Неизвестно, чем мог закончиться этот взрыв чувств, если бы мисс Сневелличчи не возвестила в тот момент о прибытии экипажа. Это известие столь поразило невесту, что она избавилась от всевозможных тревожных симптомов, проявлявшихся очень бурно, подбежала к зеркалу и, оправив платье, спокойно заявила, что готова принести себя в жертву.

Затем ее почти внесли в карету и там «поддерживали» (как выразилась мисс Сневелличчи), непрестанно давая нюхать ароматические соли, глотать бренди и прибегая к другим легким возбуждающим средствам, пока не подъехали к двери директора, которую уже распахнули оба юных Крамльса, нацепившие белые кокарды и нарядившиеся в наилучшие и ослепительнейшие жилеты из театрального гардероба. Благодаря совместным усилиям этих молодых джентльменов и подружек и с помощью извозчика мисс Питоукер была, наконец, доставлена в состоянии крайнего изнеможения на второй этаж,

где, едва успев увидеть молодого жениха, она упала в обморок с величайшей благопристойностью.

— Генриетта Питоукер! — воскликнул сборщик.— Мужайтесь, моя красавица.

Мисс Питоукер схватила сборщика за руку, но волнение лишило ее дара речи.

— Разве вид мой столь ужасен, Генриетта Питоукер? — сказал сборщик.

— О нет, нет, нет! — отозвалась невеста.— Но все мои друзья, милые друзья моей юности, покинуть их всех — это такой удар!

Выразив таким образом свою скорбь, мисс Питоукер принялась перечислять милых друзей своей юности и призывать тех из них, кто здесь присутствовал, чтобы они подошли и поцеловали ее. Покончив с этим, она вспомнила, что миссис Крамльс была для нее больше, чем мать, а затем, что мистер Крамльс был для нее больше, чем отец, а затем, что юные Крамльсы и мисс Нинетта Крамльс были для нее больше, чем братья и сестры. Эти разнообразные воспоминания, из которых каждое сопровождалось объятиями, заняли немало времени, и в церковь они должны были ехать очень быстро, опасаясь, как бы не опоздать.

Процессия состояла из двух одноконных экипажей; в первом ехали мисс Бравасса (четвертая подружка). миссис Крамльс, сборщик и мистер Фолер, которого выбрали шафером сборщика. Во втором ехали невеста, мисс Снивелличчи, мисс Ледрук и феномен. Наряды были великолепны. Подружки были сплошь покрыты искусственными цветами, а феномен оказался почти невидимым благодаря портативной зеленой беседке, в которую был заключен. Мисс Ледрук, отличавшаяся слегка романтическим складом ума, нацепила на грудь миниатюру какого-то неведомого офицера, которую не так давно купила по дешевке. Другие леди выставили напоказ драгоценные украшения из поддельных камней, почти не уступавших настоящим, а миссис Крамльс выступала с суровым и мрачным величием, которое вызвало восторг всех присутствующих.

Но вид мистера Крамльса, пожалуй, еще более соответствовал торжественности церемонии и поражал

больше, чем вид других членов компании. Этот джентльмен, представлявший отца невесты, возымел счастливую и оригинальную мысль «приготовиться» к своей роли, и надел парик особого фасона, известный под названием «коричневый Георг» *, и вдобавок облачился в табачного цвета костюм прошлого века с серыми шелковыми чулками и башмаками с пряжками. Для наилучшего исполнения роли он решил быть глубоко потрясенным, и в результате, когда они вошли в церковь, рыдания любящего родителя были столь душераздирающими, что церковный сторож предложил ему удалиться в ризницу и до начала церемонии выпить для успокоения стакан воды.

Шествие по проходу между скамьями было великолепно: невеста и четыре подружки, выступавшие тесной группой, что было заранее обдумано и прорепетировано; сборщик в сопровождении своего шафера, подражавшего его поступи и жестам, к неописуемому удовольствию театральных друзей на хорах; мистер Крамльс с его немощной и расслабленной походкой; миссис Крамльс, подвигавшаяся театральной поступью (шаг вперед и остановка),— это было самое великолепное зрелище, какое когда-либо случалось наблюдать. С церемонией покончили очень быстро, и, когда присутствующие расписались в метрической книге (для этой цели мистер Крамльс, когда дошла до него очередь, старательно протер и надел огромные очки), все в прекрасном расположении духа вернулись домой завтракать. И здесь они встретили Николаса, дожидавшегося их возвращения.

— Ну-с, завтракать, завтракать! — сказал Крамльс, помогавший миссис Граден, которая занималась приготовлениями, оказавшимися более внушительными, чем могло быть приятно сборщику.

Вторичного приглашения не понадобилось. Гости сбились в кучу, по мере сил протискались к столу и приступили к делу; мисс Питоукер очень краснела, когда кто-нибудь на нее смотрел, и очень много ела, когда на нее никто не смотрел, а мистер Лиливик принялся за работу, как бы преисполнившись холодной решимости: раз уже все равно придется платить за все эти вкусные вещи, то он постарается оставить как можно меньше Крамльсам, которые будут доедать после.

— Очень быстро проделано, сэр, не правда ли? — осведомился мистер Фолер у сборщика, перегнувшись к нему через стол.

— Что быстро проделано, сэр? — спросил мистер Лиливик.

— Завязан узел, прикреплена к человеку жена,— отвечал мистер Фолер.— Немного на это времени нужно, правда?

— Да, сэр,— краснея, отозвался мистер Лиливик.— На это не нужно много времени. А дальше что, сэр?

— О, ничего! — сказал актер.— И немного нужно времени человеку, чтобы повеситься, а? Ха-ха!

Мистер Лиливик положил нож и вилку и с негодующим изумлением обвел взглядом сидевших за столом.

— Чтобы повеситься? — повторил мистер Лиливик.

Воцарилось глубокое молчание, ибо величественный вид мистера Лиливика был неописуем.

— Повеситься! — снова воскликнул мистер Лиливик.— Сделана ли здесь, в этом обществе, попытка провести параллель между женитьбой и повешеньем?

— Петля, знаете ли,— сказал мистер Фолер, слегка приуныв.

— Петля, сэр! — подхватил мистер Лиливик.— Кто осмеливается говорить мне о петле и одновременно о Генриетте Пи...

— Лиливик,— подсказал мистер Крамльс.

— ...и одновременно о Генриетте Лиливик? — вопросил сборщик.— В этом доме, в присутствии мистера и миссис Крамльс, которые воспитали талантливых и добродетельных детей, дабы они были для них благословением и феноменами и мало ли чем еще, мы должны слушать разговоры о петлях?

— Фолер, вы меня изумляете,— сказал мистер Крамльс, считая, что приличие требует быть задетым этим намеком на него и на спутницу его жизни.

— За что вы на меня так накинулись? — вопросил злополучный актер.— Что я такое сделал?

— Что сделали, сэр! — вскричал мистер Лиливик.— Нанесли удар, потрясающий основы общества!

— И наилучшие, нежнейшие чувства,— присовокупил Крамльс, снова входя в роль старика.

— И самые святые и почтенные общественные узы,— сказал сборщик.— Петля! Словно человек, вступающий в брак, был пойман, загнан в западню, схвачен за ногу, а не по собственному желанию пошел и не гордится своим поступком!

— Я вовсе не хотел сказать, что вас поймали, и загнали, и схватили за ногу,— ответил актер.— Я очень сожалею; больше я ничего не могу добавить.

— Вы и должны сожалеть, сэр! — заявил мистер Лиливик.— И я рад слышать, что для этого у вас еще хватает чувства.

Так как последней репликой спор, по-видимому, закончился, миссис Лиливик нашла, что это самый подходящий момент (внимание гостей уже не было отвлечено) залиться слезами и прибегнуть к помощи всех четырех подружек, каковая была оказана немедленно; впрочем, это вызвало некоторое смятение, так как комната была маленькая, а скатерть длинная, и при первом же движении целый отряд тарелок был сметен со стола. Однако, невзирая на это обстоятельство, миссис Лиливик отказывалась от утешений, пока воюющие стороны не поклянутся оставить спор без дальнейших последствий, что они и сделали, предварительно проявив в достаточной мере свою неохоту; и начиная с этого времени мистер Фолер сидел погруженный в мрачное молчание, довольствуясь тем, что щипал за ногу Николаса, когда кто-нибудь начинал говорить, и тем выражал свое презрение как к оратору, так и к чувствам, которые тот демонстрировал.

Было произнесено великое множество спичей: несколько спичей Николасом, и Крамльсом, и сборщиком, два — юными Крамльсами, приносившими благодарность за оказанную им честь, и один феноменом — от имени подружек, причем миссис Крамльс пролила слезы. Немало также и пели благодаря мисс Ледрук и мисс Бравасса и, весьма вероятно, пели бы еще больше, если бы кучер экипажа, ждавшего, чтобы отвезти счастливую чету туда, где она предполагала сесть на пароход, отходивший в Райд, не прислал грозного извещения, что, если они не выйдут немедленно, он не преминет потребовать восемнадцать пенсов сверх условленной платы.

Эта ужасная угроза положила конец веселью.

После весьма патетического прощания мистер Лиливик и новобрачная отбыли в Райд, где должны были провести два дня в полном уединении и куда с ними отправлялась девочка-феномен, избранная сопровождающей подружкой по особому настоянию мистера Лиливика, ибо пароходное общество, введенное в заблуждение ее ростом, согласилось взять за нее (в этом он удостоверился заранее) половинную плату.

Так как спектакля в тот вечер не было, мистер Крамльс заявил о своем намерении не отходить от стола, пока не будет покончено со спиртными напитками, но Николас, которому завтра предстояло в первый раз играть Ромео, ухитрился улизнуть благодаря временному замешательству, вызванному поведением миссис Граден, у которой неожиданно обнаружились резкие симптомы опьянения.

К бегству побудило его не только собственное желание, но и беспокойство за Смайка, который, получив роль аптекаря, до сей поры ровно ничего не мог вбить себе в голову, кроме общей идеи, что он очень голоден, каковую — быть может, по старой памяти — он усвоил с удивительной легкостью.

— Не знаю, что делать, Смайк,— сказал Николас, положив книгу.— Боюсь, что вы, бедняжка, не сможете это заучить.

— Боюсь, что так,— отозвался Смайк, покачивая головой.— Я думаю, если бы вы... но это причинит вам столько хлопот...

— Что такое? — спросил Николас.— Обо мне не беспокойтесь.

— Я думаю,— сказал Смайк,— если бы вы повторяли мне роль по маленьким кусочкам снова и снова, я мог бы ее запомнить с вашего голоса.

— Вы так думаете? — воскликнул Николас.— Прекрасная мысль! Ну-ка, посмотрим, кто раньше устанет. Во всяком случае, не я, Смайк, можете мне поверить. Ну-с, начнем. «Кто так громко зовет?»

— «Кто так громко зовет?» — сказал Смайк.

— «Кто так громко зовет?» — повторил Николас.

— «Кто так громко зовет?» — закричал Смайк.

Так продолжали они снова и снова спрашивать друг друга: «Кто так громко зовет?», а когда Смайк заучил это наизусть, Николас перешел к следующей фразе, а потом сразу к двум, а потом к трем, и так далее, пока около полуночи Смайк не обнаружил, к невыразимой радости, что он и в самом деле начинает припоминать кое-что из роли.

Рано утром они снова принялись за работу, и Смайк, обретя уверенность благодаря сделанным им успехам, усваивал быстрее и веселее. Когда он начал неплохо произносить слова, Николас показал ему, как он должен выходить, держась растопыренными пальцами за живот, и потирать его время от времени, согласно обычному приему, следуя которому актеры на сцене всегда дают понять, что им хочется есть. После утренней репетиции они снова принялись за работу, прервав ее только для того, чтобы наскоро пообедать, и трудились до самого вечера, пока не настало время отправляться в театр.

Никогда еще не бывало у учителя более старательного, смиренного, послушного ученика. Никогда еще не бывало у ученика более терпеливого, неутомимого, заботливого, доброжелательного учителя.

Как только они оделись, Николас возобновил свои уроки, продолжая их в перерывах между выходами на сцену. Успех был полный. Ромео заслужил дружные аплодисменты и величайшее одобрение, а Смайк был единодушно провозглашен как зрителями, так и актерами чудом и первым среди аптекарей.

ГЛАВА XXVI,

чреватая опасностями, угрожающими спокойствию духа мисс Никльби

Место действия — прекрасные апартаменты на Риджент-стрит; время — три часа пополудни для унылых и корпящих над работой и первый утренний час для веселых и жизнерадостных; действующие лица — лорд Фредерик Верисофт и его друг сэр Мальбери Хоук.

Эти два отменных джентльмена лениво развалились на двух диванах, разделенные столом, на котором был сервирован обильный завтрак, оставшийся, однако, нетронутым. Газеты были разбросаны по комнате, но и они, подобно трапезе, оставались незамеченными и в пренебрежении. Однако отнюдь не беседа мешала искать развлечения в чтении газет, ибо ни единым словом не обменялись эти двое и не произносили ни звука, за исключением тех случаев, когда один из них, начиная метаться в поисках более удобного местечка для раскалывавшейся от боли головы, издавал нетерпеливое восклицание и, казалось, заражал своим беспокойством другого.

Уже одни эти признаки в достаточной мере подтверждали догадку о размерах дебоша прошедшей ночи, даже если бы не было других указаний на то, в каких увеселениях прошла эта ночь. Два грязных бильярдных шара, две продавленные шляпы, бутылка из-под шампанского с обернутой вокруг горлышка запачканной перчаткой, чтобы крепче можно было сжимать ее в руке в качестве наступательного оружия, сломанная трость, карточная коробка без крышки, пустой кошелек, разорванная цепочка от часов, горсть серебра, перемешанного с сигарными окурками, сигарный пепел — все эти и многие другие следы разгула ясно свидетельствовали о том, какой характер носили прошлой ночью проказы джентльменов.

Первым заговорил лорд Верисофт. Спустив ноги в туфлях на пол и протяжно зевнув, он с трудом принял сидячее положение и обратил тусклый, томный взгляд на своего друга, которого окликнул сонным голосом.

— Ну? — отозвался сэр Мальбери, повернувшись.

— Мы весь де-ень будем здесь лежать? — спросил лорд.

— Вряд ли мы годимся на что-нибудь другое,— ответил сэр Мальбери,— во всяком случае, в ближайшее время. Сегодня утром во мне нет ни искры жизни.

— Жизни! — воскликнул лорд Фредерик.— Я чувствую себя так, как будто ничего не может быть уютнее и приятнее смерти.

— Так почему же вы не умираете? — сказал сэр Мальбери.

Задав такой вопрос, он отвернулся и, казалось, сделал попытку заснуть.

Его неунывающий друг и ученик придвинул стул к столу и попробовал поесть, но, убедившись, что это невозможно, поплелся к окну, затем начал слоняться по комнате, приложив руку к пылающему лбу, и, наконец, снова бросился на диван и снова разбудил своего друга.

— В чем дело, черт побери? — простонал сэр Мальбери, садясь на своем ложе.

Хотя сэр Мальбери произнес это довольно недоброжелательно, однако он, по-видимому, не считал себя вправе хранить молчание. Несколько раз потянувшись и заявив с содроганьем, что «дьявольски холодно», он приступил к эксперименту за столом, накрытым для завтрака; здесь он преуспел больше, чем его менее выносливый ученик, а потому за этим столом и остался.

— А не вернуться ли нам,— протянул сэр Мальбери, помедлив с куском, наткнутым на вилку,— а не вернуться ли нам к малютке Никльби, а?

— К какой малютке Никльби, — к ростовщику или к девице? — спросил лорд Фредерик.

— Вы меня поняли, я вижу,— отозвался сэр Мальбери.— Разумеется, к девице.

— Вы мне обещали отыскать ее,— сказал лорд Фредерик.

— Совершенно верно,— подтвердил его друг,— но с той поры я передумал. В делах вы мне не доверяете — отыскивайте ее сами.

— Не-ет,— возразил тот.

— А я говорю — да! — заявил друг.— Вы ее отыщете сами. Не думайте, что я хочу сказать — когда вам это удастся! Я не хуже вас знаю, что без меня вам ее в глаза не видать. Да. Я говорю, что вы можете ее отыскать — *можете,*— а я вам укажу путь.

— Ах, будь я проклят, если вы не истинный, дьявольски честный, несравненный друг! — сказал молодой лорд, на которого эта речь произвела весьма живительное действие.

— Я вам скажу — *как,*— продолжал сэр Мальбери.— На том обеде она была приманкой для вас.

— Не может быть! — вскричал молодой лорд.— Какой чер...

— Приманкой для вас,— повторил его друг.— Старый Никльби сам мне это сказал.

— Что за славный малый! — воскликнул лорд Фредерик.— Благородный мошенник!

— Да,— сказал сэр Мальбери,— он знал, что она миленькое создание...

— Миленькое! — перебил молодой лорд.— Клянусь душой, Хоук, она безупречная красавица... э... картинка, статуя... э... клянусь душой, это так!

— Что ж,— отозвался сэр Мальбери, пожимая плечами и подчеркивая свое равнодушие, подлинное или притворное,— это дело вкуса. Если у нас с вами вкусы несходные, тем лучше.

— Проклятье! — воскликнул лорд.— В тот вечер вы от нее не отставали. Я едва мог сказать слово.

— Для одного раза она совсем недурна, совсем недурна,— сказал сэр Мальбери,— но не стоит того, чтобы еще раз стараться ей понравиться. Если вы желаете всерьез приударить за племянницей, скажите дядюшке, что вы хотите знать, где она живет, и как она живет, и с кем, иначе вы отказываетесь быть его клиентом. Он не замедлит вам сообщить.

— Почему же вы мне этого раньше не сказали, вместо того чтобы заставлять меня целую ве-ечность пылать, чахнуть, влачить жалкое существование? — спросил лорд Фредерик.

— Во-первых, я этого не знал,— небрежно ответил сэр Мальбери,— а во-вторых, я не думал, что для вас это так важно.

Истина, однако, заключалась в том, что за время, истекшее со дня обеда у Ральфа Никльби, сэр Мальбери Хоук тайком использовал все имевшиеся в его распоряжении средства, чтобы обнаружить, откуда столь внезапно появилась Кэт и куда она скрылась. Однако без помощи Ральфа, с которым он не поддерживал никаких отношений, после того как они столь недружелюбно расстались тогда, все его усилия были тщетны, а потому он принял решение сообщить молодому лорду о признании, которое выудил у достойного ростовщика. К сему побу-

ждали его различные соображения; среди них отнюдь не последнее место занимало намерение узнать то, что могло стать известно слабохарактерному молодому человеку, а желание встретить снова племянницу ростовщика и прибегнуть к любым хитростям, чтобы сломить ее гордость и отомстить за презрение, преобладало над всеми его помыслами. Это был хитроумный план, который не мог не соответствовать его интересам с любой точки зрения, ибо даже то обстоятельство, что он вырвал у Ральфа Никльби признание, с какой целью тот ввел свою племянницу в такое общество, а также его полная личная незаинтересованность, раз он столь откровенно сообщил об этом своему другу, должны были показать его в самом лучшем свете и чрезвычайно облегчить переход монет (и без того частый и быстрый) из кармана лорда Фредерика Верисофта в карман сэра Мальбери Хоука.

Так рассуждал сэр Мальбери, и, руководствуясь этими соображениями, он и его друг вскоре отправились к Ральфу Никльби, чтобы осуществить план, задуманный сэром Мальбери и якобы благоприятствующий целям его друга, но в действительности способствующий достижению его собственных целей.

Ральфа они застали дома, и одного. Когда он ввел их в гостиную, ему как будто пришла на память сцена, здесь происшедшая, потому что он бросил на сэра Мальбери странный взгляд, на который тот никак не ответил, если не считать небрежной улыбки.

Они приступили к короткому собеседованию о денежных делах, и едва с этими делами было покончено, как одураченный лорд (следуя указаниям своего друга) не без замешательства попросил разрешения поговорить наедине с Ральфом.

— Наедине... вот как!..— воскликнул сэр Мальбери, притворяясь изумленным.— О, превосходно! Я пойду в соседнюю комнату. Но только не заставляйте меня долго ждать.

С этими словами сэр Мальбери подхватил свою шляпу и, напевая какую-то песенку, скрылся за дверью между двумя гостиными и закрыл ее за собой.

— Ну-с, милорд, в чем дело? — спросил Ральф.

— Никльби,— сказал его клиент, растягиваясь на диване, на котором он сидел, чтобы приблизить свои губы к уху старика,— какое прелестное создание ваша племянница!

— Неужели, милорд? — отозвался Ральф.— Может быть, может быть. Я себе не забиваю головы такими вещами.

— Вы знаете, что она чертовски хорошенькая девушка,— сказал клиент.— Вы это должны знать, Никльби. Полно, не отрицайте!

— Да, ее как будто считают хорошенькой,— ответил Ральф.— Пожалуй, я это и сам знаю, а если бы я и не знал, то вы — знаток в таких вещах, и ваш вкус, милорд... всегда бесспорно хорош.

Никто, кроме молодого человека, к которому были обращены эти слова, не остался бы глух к тому ироническому тону, каким они были произнесены, и не остался бы слеп при виде презрительного взгляда, их сопровождающего. Но лорд Фредерик Верисофт был и глух и слеп и принял их за комплимент.

— Быть может, вы чуточку правы и чуточку не правы — и то и другое, Никльби. Я хочу знать, где живет эта красотка, чтобы еще раз глянуть на нее хоть одним глазком, Никльби.

— В самом деле...— начал обычным своим тоном Ральф.

— Не говорите так громко,— воскликнул лорд, превосходно повторяя преподанный ему урок.— Я не хочу, чтобы Хоук слышал.

— Вы знаете, что он ваш соперник? — спросил Ральф, зорко посмотрев на него.

— Всегда он мой соперник, черт его побери,— сказал клиент,— а сейчас я хочу его обскакать. Ха-ха-ха! Как он взбесится, Никльби, оттого, что мы здесь разговариваем без него! Одно только слово, Никльби: где она живет? Вы только скажите мне, где она живет, Никльби.

«Идет на приманку,— подумал Ральф,— идет на приманку».

— Ну, Никльби, ну! — настаивал клиент.— Где она живет?

— Право же, милорд,— сказал Ральф, медлительно потирая руки.— я должен подумать, прежде чем ответить.

— К чему, Никльби? Вам вовсе не нужно думать. Где?

— Ничего не получится, если вы даже узнаете,— ответил Ральф.— Ее воспитывали добродетельной и порядочной девушкой. Конечно, она хорошенькая, бедная, беззащитная! Бедняжка, бедняжка!

Ральф сделал краткий обзор положения Кэт, как будто эти мысли промелькнули у него в голове и он не имел намерения высказывать их вслух, но проницательный лукавый взгляд, устремленный на собеседника во время этой речи, обличал его в гнусном притворстве.

— Да говорю же вам, что я только увидеть ее хочу! — воскликнул его клиент.— Может же че-еловек смотреть на хорошенькую женщину, не причиняя ей никакого вреда? А? Ну, так где же она живет? Вы заработали на мне состояние, Никльби, и, клянусь душой, никто не затащит меня к кому-нибудь другому, если вы только ответите мне.

— Раз вы мне это обещаете, милорд,— сказал Ральф с притворной неохотой,— и так как я очень хочу оказать вам услугу, а никакого вреда от этого не будет — никакого вреда,— то я вам скажу. Но лучше сохраните это в тайне, милорд, в строжайшей тайне!

При этих словах Ральф указал на смежную комнату и выразительно мотнул головой.

Молодой лорд притворился, будто и сам признает необходимость такой предосторожности, и Ральф сообщил адрес и занятие своей племянницы, заметив, что, судя по слухам, дошедшим до него о семействе, где служит Кэт, оно чрезвычайно дорожит знакомствами со знатными людьми и что лорд несомненно может представиться без всяких затруднений, буде он того пожелает.

— Если единственным вашим намерением является увидеть ее еще раз,— сказал Ральф,— вы можете таким путем осуществить его в любое время.

Лорд Фредерик ответил на этот совет, много раз пожав грубую, мозолистую руку Ральфа, и, прошептав, что

лучше им сейчас закончить разговор, позвал сэра Мальбери.

— Я думал, вы заснули,— сказал сэр Мальбери, появляясь с недовольным видом.

— Простите, что задержал вас,— ответил простак,— но Никльби был так удивительно за-абавен — ну просто не оторвешься.

— О нет, это не милорд,— сказал Ральф.— Вы знаете, какой остроумный, веселый, элегантный, превосходный человек лорд Фредерик. Осторожнее, милорд, ступенька... Сэр Мальбери, пожалуйста, посторонитесь.

Учтиво разговаривая, низко кланяясь и усмехаясь, Ральф заботливо провожал своих посетителей вниз по лестнице и, если не считать едва заметного подергивания уголков его рта, не давал ровно никакого ответа на восхищенный взгляд, которым сэр Мальбери Хоук поздравлял его с тем, что он такой законченный и ловкий негодяй.

За несколько секунд до этого зазвонил колокольчик, и на звонок вышел Ньюмен Ногс, как раз в тот момент, как они показались в холле. При обычном ходе дел Ньюмен либо впустил бы вновь прибывшего молча, либо предложил постоять в сторонке, пока джентльмены выйдут, но, едва увидев, кто пришел, он, очевидно по какимто своим соображениям, дерзко отступил от правил, установленных в доме Ральфа для деловых часов, и, взглянув на почтенное трио, к нему приближающееся, провозгласил громким и звучным голосом:

— Миссис Никльби.

— Миссис Никльби? — вскричал сэр Мальбери Хоук, а приятель его повернулся и уставился ему прямо в лицо.

Да, действительно это была та самая благонамеренная леди, которая, получив предложение сдать незанятый дом в Сити — предложение, адресованное к квартирохозяину,— явилась впопыхах, чтобы незамедлительно сообщить о нем мистеру Никльби.

— Эту особу вы не знаете,— сказал Ральф.— Войдите в контору, моя... моя... дорогая. Я сейчас приду к вам.

— Эту особу я не знаю! — вскричал сэр Мальбери Хоук, подходя к изумленной леди.— Да разве это не мис-

сис Никльби... мать мисс Никльби... этого очаровательного создания, которое я имел счастье встретить в этом доме, когда последний раз здесь обедал? А впрочем, нет,— сказал сэр Мальбери, запнувшись,— нет, быть того не может! Это те же черты лица, то же неописуемое выражение... Но нет! Эта леди слишком моложава.

— Мне кажется, вы можете сказать этому джентльмену, деверь, если ему интересно знать,— промолвила миссис Никльби, отвечая на комплимент грациозным поклоном,— что Кэт Никльби — моя дочь.

— Ее дочь, милорд! — вскричал сэр Мальбери, поворачиваясь к своему другу.— Дочь этой леди, милорд!

«Милорд! — мысленно произнесла миссис Никльби.— Ну, никогда бы я не подумала...»

— Итак, милорд,— сказал сэр Мальбери,— это та самая леди, чьему удачному замужеству мы обязаны таким счастьем. Эта леди — мать прелестной мисс Никльби. Вы замечаете изумительное сходство, милорд? Никльби, представьте нас.

Ральф это исполнил как бы с отчаянием.

— Клянусь моей душой, это превосходнейший случай! — сказал лорд Фредерик, выдвигаясь вперед.— Как вы поживаете?

Миссис Никльби была слишком взбудоражена этими необычайно дружескими приветствиями и собственными сожалениями по поводу того, что не надела другой шляпки, чтобы дать немедленно какой-нибудь ответ; поэтому она только кланялась и улыбалась и казалась очень возбужденной.

— А... а как поживает мисс Никльби? — осведомился лорд Фредерик.— Надеюсь, хорошо?

— Очень вам признательна, милорд, она совсем здорова,— ответила миссис Никльби, оправившись.— Совсем здорова. Несколько дней ей нездоровилось, после того как она здесь обедала, и я склонна думать, что она схватила простуду в наемном кэбе, когда возвращалась домой. Наемные кэбы, милорд, такая неприятная штука, что лучше всего ходить пешком, потому что, хотя кучера наемного кэба, по-моему, и следовало бы осуждать на вечную каторгу за разбитое стекло, но все-таки они так неосторожны, что у них почти у всех разбиты стекла. Как-то я

полтора месяца ходила с распухшим лицом, милорд, проехавшись в наемном кэбе... кажется, это был наемный кэб,— подумав, сказала миссис Никльби,— хотя я не совсем уверена, не была ли это двухместная карета. Во всяком случае, знаю, что она была темно-зеленая, с очень длинным номером, начинавшимся с нуля и кончавшимся девятью... нет, начинавшимся с девяти и кончавшимся нулем, и, разумеется, в почтовом ведомстве сразу узнали бы, наемный это кэб или двухместная карета, если бы навести там справки... Как бы то ни было, стекло в карете было разбито, а я шесть недель ходила с распухшим лицом. Кажется, у этой кареты, как потом обнаружилось, верх был откинут, а мы бы этого даже никогда и не узнали, если бы с нас не взяли по лишнему шиллингу в час за то, что он откинут. Потому что есть, оказывается, такой закон, или тогда был, и, на мой взгляд, самый возмутительный закон; я в этих делах не понимаю, но я бы сказала, что хлебные законы * — ничто по сравнению с *этим* постановлением парламента!

Порядком задохнувшись, миссис Никльби остановилась так же внезапно, как начала, и повторила, что Кэт совсем здорова.

— Право же,— продолжала она,— я думаю, Кэт никогда не чувствовала себя лучше с той поры, как выздоровела после коклюша, скарлатины и кори, всего сразу, и это сущая правда.

— Это письмо мне? — проворчал Ральф, указывая на маленький пакет, который миссис Никльби держала в руке.

— Вам, деверь,— ответила миссис Никльби,— и я шла сюда всю дорогу пешком, чтобы передать его вам.

— Всю дорогу! — воскликнул сэр Мальбери, пользуясь случаем узнать, откуда пришла миссис Никльби.— Как дьявольски далеко! Какое это, на ваш взгляд, расстояние?

— Какое на мой взгляд расстояние? — повторила миссис Никльби.— Дайте прикинуть. От этой двери до Олд-Бейли ровно миля.

— Нет, нет, меньше,— возразил сэр Мальбери.

— О, право же, миля! — сказала миссис Никльби.— Пусть скажет его лордство!

— Я бы решительно сказал, что миля будет,— с торжественным видом заметил лорд Фредерик.

— Несомненно. Ни на ярд меньше,— сказала миссис Никльби.— Пройти всю Ньюгет-стрит, весь Чипсайд, всю Ломберд-стрит, по Грейсчерч-стрит и по Темз-стрит до самой верфи Спигуифин. О, это не меньше мили!

— Да, пожалуй, я бы сказал, что миля будет,— отозвался сэр Мальбери.— Но не намерены же вы и весь обратный путь пройти пешком?

— О нет! — ответила миссис Никльби.— Обратно я поеду в омнибусе. Я не ездила в омнибусах, деверь, когда был жив мой бедный дорогой Николас. Но теперь, знаете ли...

— Да, да,— нетерпеливо перебил Ральф,— и лучше бы вам вернуться засветло.

— Благодарю вас, деверь, я так и сделаю,— ответила миссис Никльби.— Пожалуй, я сейчас распрощаюсь.

— Не хотите посидеть... отдохнуть? — спросил Ральф, который редко предлагал угощение, если ему не было от того никакой выгоды.

— Ах, боже мой, нет! — сказала миссис Никльби, бросив взгляд на часы.

— Лорд Фредерик,— заметил сэр Мальбери,— нам по дороге с миссис Никльби. Не усадим ли мы ее в омнибус?

— Разумеется.

— О, право же, я не могу на это согласиться! — сказала миссис Никльби.

Но сэр Мальбери Хоук и лорд Фредерик в учтивости своей были настойчивы и, расставшись с Ральфом, который, казалось, считал, и довольно разумно, что будет не так смешон в качестве простого зрителя, чем в роли участника всего происходящего, они покинули дом, шагая по правую и по левую руку миссис Никльби. Эта добрая леди была в полном восторге как от внимания, оказанного ей двумя титулованными джентльменами, так и от уверенности в том, что теперь Кэт может сделать выбор по крайней мере между двумя солидными состояниями и двумя безукоризненными супругами.

Пока ее уносил неудержимый поток мыслей, связанных с великолепным будущим ее дочери, сэр Мальбери Хоук и его друг переглядывались поверх ее шляпки —

той самой шляпки, которая, к столь большому сожалению бедной леди, не осталась дома,— и с великим восторгом, но в то же время с не меньшим почтением, распространялись о многочисленных совершенствах мисс Никльби.

— Какой радостью, каким утешением, каким счастьем должно быть для вас это милое создание,— сказал сэр Мальбери, придавая своему голосу интонации, указывающие на самые теплые чувства.

— Истинная правда, сэр,— отозвалась миссис Никльби.— Она — самое кроткое, самое доброе создание, и как умна!

— Она и выглядит умницей,— сказал лорд Фредерик Верисофт с видом знатока по части ума.

— Уверяю вас, она такова и есть, милорд,— заявила миссис Никльби.— Когда она училась в школе в Девоншире, она была, по всеобщему признанию, самой умной девочкой, без всяких исключений, а там было множество очень умных, и это сущая правда — двадцать пять молодых леди, пятьдесят гиней в год, не считая дополнительной платы, а обе мисс Даудльс — в высшей степени образованные, элегантные, очаровательные создания... Ах, боже мой! Никогда не забуду, какое удовольствие доставляла она мне и своему бедному дорогому папе, пока училась в этой школе, никогда... Такое чудесное письмо каждые полгода, сообщавшее нам, что она первая ученица во всем заведении и сделала больше успехов, чем кто-нибудь другой! Я и теперь волнуюсь, когда вспоминаю об этом! Девочки все письма писали сами,— добавила миссис Никльби,— а учитель чистописания подправлял их потом с помощью лупы и серебряного пера; по крайней мере я думаю, что они писали их сами, хотя Кэт никогда не была в этом вполне уверена, так как не могла узнать потом своего почерка, но во всяком случае я знаю, что у них был образец, с которого они все списывали, и, конечно, это было очень утешительно... очень утешительно...

Подобными воспоминаниями миссис Никльби скрашивала однообразный путь, пока они не дошли до остановки омнибуса, откуда величайшая учтивость новых ее друзей не позволила им уйти. пока омнибус не отъехал, после

чего они сняли шляпы, «сняли их совсем»,— как торжественно уверяла миссис Никльби впоследствии своих слушателей,— и целовали кончики своих пальцев, затянутых в лайковые перчатки соломенного цвета, пока не скрылись из виду.

Миссис Никльби откинулась на спинку сидения в дальнем углу экипажа и, закрыв глаза, предалась приятнейшим размышлениям. Кэт не сказала ни слова о встрече с этими джентльменами. «Это доказывает,— подумала миссис Никльби,— что она весьма расположена в пользу одного из них». Тогда возник вопрос, который это мог быть. Лорд был моложе и титул его, разумеется, выше, однако Кэт не такая девушка, чтобы на нее могли повлиять подобные соображения. «Я никогда не буду противиться ее склонностям,— сказала себе миссис Никльби,— но, честное слово, мне кажется, что никакого сравнения быть не может между его лордством и сэром Мальбери. Сэр Мальбери такой внимательный джентльмен, такие прекрасные манеры, такая приятная внешность... Многое говорит за него. Я надеюсь, что это сэр Мальбери; мне кажется, это должен быть сэр Мальбери».

И мысли ее обратились к ее давним прорицаниям и к тем временам, когда она столько раз говорила, что Кэт, не имея никакого состояния, сделает лучшую партию, чем дочери других людей, располагающие тысячами. И когда она, со всею живостью материнского воображения, представила себе красоту и грацию бедной девушки, которая так бодро пробивала себе дорогу в этой новой жизни труда и испытаний, сердце ее переполнилось и по лицу заструились слезы.

Тем временем Ральф прохаживался из угла в угол в своем маленьком заднем кабинете, обеспокоенный только что происшедшим. Утверждать, что Ральф любил когонибудь или был расположен — в самом обычном смысле этого слова — к кому-нибудь, было бы нелепейшей выдумкой. Однако время от времени к нему каким-то образом подкрадывалась мысль о племяннице, окрашенная сочувствием и жалостью. Прорываясь сквозь густое облако неприязни или равнодушия, чернившее в его глазах мужчин и женщин, появлялся теперь слабый проблеск света — очень бледный и чахлый луч, не больше, но все-таки

появлялся,— и бедная девушка представала перед ним в образе более прекрасном и чистом, чем все человеческие образы, какие он до сих пор видел.

«Лучше бы я этого не делал,— подумал Ральф.— Однако это удержит мальчишку при мне, пока на нем можно нажиться. Продать девушку... толкнуть ее на путь соблазна, оскорблений, непристойных речей... Но зато уже сейчас почти две тысячи фунтов прибыли от него. Ба! Матери-свахи проделывают то же самое каждый день».

Он сел и принялся на пальцах подсчитывать шансы *за* и *против*.

«Не направь я их сегодня на след,— подумал Ральф,— глупая женщина все равно бы это сделала. Ну что ж? Если ее дочь останется верна себе,— а так и должно быть, судя по тому, что я видел,— то какой от этого может быть ущерб? Немножко досады, немножко унижения, несколько слезинок».

— Да! — вслух сказал Ральф, запирая свой несгораемый шкаф.— На такую жертву она должна пойти. На такую жертву она должна пойти.

ГЛАВА XXVII

Миссис Никльби знакомится с мистерами Пайком и Плаком, чье расположение и интерес к ней превосходят все границы

Давно не чувствовала себя миссис Никльби такой гордой и важной, чем в те часы, когда, вернувшись, отдалась приятным видениям, которые сопровождали ее на обратном пути. Леди Мальбери Хоук — эта идея преобладала. Леди Мальбери Хоук! В прошлый вторник в церкви Сент Джордж епископ Лендафский сочетал браком сэра Мальбери Хоука из Мальбери-Касл, Норт-Уэльс, с Кэтрин, единственной дочерью покойного Николаса Никльби, эсквайра, из Девоншира.

— Честное слово,— это звучит очень неплохо! — воскликнула миссис Никльби.

Покончив, к полному своему душевному удовлетворению, с церемонией и сопутствующими ей празднествами, сангвиническая мамаша принялась рисовать в своем воображении длинную вереницу почестей и отличий, которые не преминут сопровождать Кэт в этой новой и блестящей сфере. Конечно, она будет представлена ко двору. В день ее рождения, девятнадцатого июля («ночью, десять минут четвертого,— подумала в скобках миссис Никльби,— помню, я спросила, который час»), сэр Мальбери устроит пиршество для всех своих арендаторов и подарит им три с половиной процента от их последней полугодовой арендной платы, что будет полностью отражено в газетных столбцах, посвященных фешенебельному обществу, к безграничному удовольствию и восхищению всех читателей. И портрет Кэт появится по меньшей мере в полудюжине альманахов, а на обратной стороне будет напечатано мелким шрифтом: «Стихи, сочиненные при созерцании портрета леди Мальбери Хоук сэром Дингльби Дэбером». Быть может, в одном каком-нибудь ежегоднике, более объемистом, будет помещен даже портрет матери леди Мальбери Хоук и стихи отца сэра Дингльби Дэбера. Случались вещи и более невероятные. Помещались портреты и менее интересные. Когда эта мысль мелькнула в голове славной леди, лицо ее, помимо ее воли, расплылось в глупой улыбке и одновременно стало сонным, каковое выражение, общее всем подобным портретам, быть может, и является единственной причиной, почему они всегда столь очаровательны и приятны.

Такими шедеврами воздушной архитектуры увлекалась миссис Никльби весь вечер после случайного знакомства с титулованными друзьями Ральфа, и сновидения, не менее пророческие и столь же многообещающие, преследовали ее в ту ночь. На следующий день она готовила свой скромный обед, по-прежнему поглощенная все теми же мечтами,— пожалуй, слегка потускневшими после сна и при дневном свете,— когда девушка, которая ей прислуживала, отчасти чтобы составить компанию, а отчасти чтобы помочь в домашних делах, с необычным волнением ворвалась в комнату и доложила, что в коридоре ждут два джентльмена, которые просят разрешения подняться к ней.

— Господи помилуй! — воскликнула миссис Никльби, поспешно приводя в порядок волосяную накладку и чепец.— А что, если это... Ах, боже мой, стоят все время в коридоре!.. Почему же вы, глупая, не попросите их подняться?

Пока девушка ходила исполнять поручение, миссис Никльби второпях сунула в буфет все, что напоминало о еде и питье. Едва она с этим покончила и уселась с таким спокойным видом, какой только могла принять, как явились два джентльмена, оба совершенно ей незнакомые.

— Как *поживаете?* — сказал один джентльмен, делая сильное ударение на последнем слове.

— *Как* поживаете? — сказал другой джентльмен, перемещая ударение, словно бы с целью разнообразить приветствие.

Миссис Никльби сделала реверанс и улыбнулась и снова сделала реверанс и заметила, потирая при этом руки, что, право же, она... не имеет... чести...

— ...знать нас,— закончил первый джентльмен.— Потеряли от этого мы, миссис Никльби. Потеряли от этого мы, не так ли, Пайк?

— Мы, Плак,— ответил второй джентльмен.

— Мне кажется, мы очень часто об этом сожалели, Пайк? — сказал первый джентльмен.

— Очень часто, Плак,— ответил второй.

— Но теперь,— сказал первый джентльмен,— теперь мы вкушаем счастье, по которому вздыхали и томились. Вздыхали и томились мы по этому счастью, Пайк, или нет?

— Вы же знаете, что вздыхали и томились, Плак,— укоризненно сказал Пайк.

— Вы слышите, сударыня? — осведомился мистер Плак, оглядываясь.— Вы слышите неопровержимое свидетельство моего друга Пайка... Кстати, это напомнило мне... формальности, формальности... ими не следует пренебрегать в цивилизованном обществе. Пайк — миссис Никльби.

Мистер Пайк прижал руку к сердцу и низко поклонился.

— Представлюсь ли я с соблюдением таких же формальностей,— сказал мистер Плак,— сам ли я скажу, что

моя фамилия Плак, или попрошу моего друга Пайка (который, будучи теперь надлежащим образом представлен, вправе исполнить эту обязанность) объявить за меня, миссис Никльби, что моя фамилия Плак, или я буду добиваться знакомства с вами на том простом основании, что питаю глубокий интерес к вашему благополучию, или же я представлюсь вам как друг сэра Мальбери Хоука — об этих возможностях и соображениях, миссис Никльби, я предлагаю судить вам.

— Для меня друг сэра Мальбери Хоука не нуждается в лучшей рекомендации,— милостиво заявила миссис Никльби.

— Восхитительно слышать от вас эти слова! — сказал мистер Плак, близко придвигая стул к миссис Никльби и усаживаясь.— Утешительно знать, что вы считаете моего превосходного друга сэра Мальбери заслуживающим столь большого уважения. Одно слово по секрету, миссис Никльби: когда сэр Мальбери об этом узнает, он будет счастлив — повторяю, миссис Никльби, счастлив. Пайк, садитесь.

— *Мое* доброе мнение,— сказала миссис Никльби, и бедная леди ликовала при мысли о том, как она удивительно хитра,— мое доброе мнение может иметь очень мало значения для такого джентльмена, как сэр Мальбери.

— Мало значения! — воскликнул мистер Плак.— Пайк, какое значение имеет для нашего друга сэра Мальбери доброе мнение миссис Никльби?

— Какое значение? — повторил Пайк.

— О! — сказал Плак.— Великое значение, не так ли?

— Величайшее значение,— ответил Пайк.

— Миссис Никльби не может не знать,— сказал мистер Плак,— какое огромное впечатление произвела эта прелестная девушка...

— Плак,— сказал его друг,— довольно!

— Пайк прав,— пробормотал после короткой паузы мистер Плак.— Об этом я не должен был упоминать. Пайк совершенно прав. Благодарю вас, Пайк.

«Ну, право же,— подумала миссис Никльби,— такой деликатности я никогда еще не встречала!»

В течение нескольких минут мистер Плак притворялся, будто находится в крайнем замешательстве, после чего

возобновил разговор, умоляя миссис Никльби не обращать ни малейшего внимания на его опрометчивые слова — почитать его неосторожным, несдержанным, безрассудным. Единственное, о чем он просит,— чтобы она не сомневалась в наилучших его намерениях.

— Но когда,— сказал мистер Плак,— когда я вижу, с одной стороны, такую прелесть и красоту, а с другой — такую пылкость и преданность, я... Простите, Пайк, у меня не было намерения возвращаться к этой теме. Поговорите о чем-нибудь другом, Пайк.

— Мы обещали сэру Мальбери и лорду Фредерику,— сказал Пайк,— зайти сегодня осведомиться, не простудились ли вы вчера вечером.

— Вчера вечером? Нисколько, сэр,— ответила миссис Никльби.— Передайте мою благодарность его лордству и сэру Мальбери за то, что они оказали мне честь и справляются об этом. Нисколько не простудилась — и это тем более странно, что в сущности я очень подвержена простуде, очень подвержена. Однажды я схватила простуду,— сказала миссис Никльби,— кажется, это было в тысяча восемьсот семнадцатом году... позвольте-ка, четыре и пять — девять... и — да, в тысяча восемьсот семнадцатом! — и я думала, что никогда от нее не избавлюсь. Совершенно серьезно, я думала, что никогда от нее не избавлюсь. В конце концов меня излечило одно средство, о котором, не знаю, приходилось ли вам когда-нибудь слышать, мистер Плак. Нужно взять галлон воды, такой горячей, как только можно вытерпеть, фунт соли и лучших отрубей на шесть пенсов и каждый вечер, перед самым сном, держать двадцать минут в этой воде голову, то есть я хотела сказать не голову, а ноги. Это изумительное средство, изумительное! Помню, в первый раз я прибегла к нему на второй день после рождества, а к середине апреля простуда прошла. Если подумать, это кажется просто чудом, потому что она у меня была с начала сентября.

— Ну, что за напасть! — сказал мистер Пайк.

— Поистине ужасно! — воскликнул мистер Плак.

— Но о ней стоило услышать хотя бы только для того, чтобы узнать, что миссис Никльби выздоровела. Не так ли, Плак? — воскликнул мистер Пайк.

— Именно это обстоятельство и придает делу живейший интерес,— отозвался мистер Плак.

— Но позвольте, миссис Никльби,— сказал Пайк, как бы внезапно вспомнив,— несмотря на эту приятную беседу, мы не должны забывать о нашей миссии. Мы явились с поручением.

— С поручением! — воскликнула эта славная леди, мысленному взору которой тотчас предстало в ярких красках брачное предложение, адресованное Кэт.

— От сэра Мальбери,— ответил Пайк.— Должно быть, вы здесь очень скучаете?

— Признаюсь, бывает скучновато,— сказала миссис Никльби.

— Мы передаем приветы от сэра Мальбери Хоука и тысячу просьб присутствовать сегодня вечером в театре, в отдельной ложе,— сказал мистер Плак.

— Ах, боже мой! — сказала миссис Никльби.— Я никогда не выхожу, никогда.

— Тем больше оснований выйти сегодня, дорогая миссис Никльби,— возразил мистер Плак.— Пайк, умоляйте миссис Никльби.

— О, прошу вас! — сказал Пайк.

— Вы должны! — настаивал Плак.

— Вы очень любезны,— нерешительно сказала миссис Никльби,— но...

— В данном случае не может быть никаких «но», дорогая моя миссис Никльби,— заявил мистер Плак,— нет такого слова в словаре. Ваш деверь будет с нами, лорд Фредерик будет с нами, сэр Мальбери будет с нами, Пайк будет с нами — об отказе не может быть и речи. Сэр Мальбери пришлет за вами карету ровно без двадцати минут семь. Не будете же вы столь жестоки, чтобы огорчить всю компанию, миссис Никльби?

— Вы так настойчивы, что, право же, я не знаю, что сказать,— ответила достойная леди.

— Не говорите ничего. Ни слова, ни слова, сударыня! — убеждал мистер Плак.— Миссис Никльби,— продолжал этот превосходный джентльмен, понизив голос,— в том, что я собираюсь сейчас сказать, есть самое пустячное, самое извинительное нарушение чужой тайны, и, однако, если бы мой друг Пайк это услышал, он по-

ссорился бы со мной еще до обеда — таково утонченное чувство чести у этого человека, миссис Никльби.

Миссис Никльби бросила опасливый взгляд на воинственного Пайка, который отошел к окну, а мистер Плак, сжав ее руку, продолжал:

— Ваша дочь одержала победу — победу, с которой я могу вас поздравить. Сэр Мальбери, сударыня, сэр Мальбери — преданный ее раб! Гм!..

— Ах! — воскликнул в этот критический момент мистер Пайк, театральным движением схватив что-то с каминной полки.— Что это? Что я вижу?

— Что вы видите, дружище? — спросил мистер Плак.

— Это то лицо, тот образ, то выражение! — вскричал мистер Пайк, падая с миниатюрой в руке на стул.— Портрет неважный, сходства маловато, но все-таки это *то* лицо, *тот* образ, *то* выражение.

— Я узнаю его отсюда! — воскликнул мистер Плак восторженно.— Не правда ли, сударыня, это слабое подобие...

— Это портрет моей дочери,— с великой гордостью сказала миссис Никльби.

И действительно, это был он. Маленькая мисс Ла-Криви принесла показать его всего два дня назад.

Едва мистер Пайк убедился в правильности своего заключения, как рассыпался в самых неумеренных похвалах божественному оригиналу и в пылу восторга тысячу раз поцеловал портрет, в то время как мистер Плак прижимал к сердцу руку миссис Никльби и поздравлял ее со счастьем иметь такую дочь, проявляя столько жара и чувства, что слезы выступили, или как будто выступили, у него на глазах. Бедная миссис Никльби, которая сначала слушала с завидным самодовольством, была, наконец, совершенно ошеломлена этими знаками внимания и привязанности к ней и ее семейству, и даже служанка, заглянувшая в дверь, осталась пригвожденной к месту от изумления при виде экстаза этих двух столь дружески расположенных посетителей.

Мало-помалу восторги улеглись, и миссис Никльби принялась занимать гостей оплакиваньем утраченного богатства и весьма ярким изображением старого своего деревенского дома, подробно описывая различные комнаты

(причем не была забыта маленькая кладовая) и вспоминая, сколько ступенек вело в сад, и куда вам следовало повернуть, выйдя из гостиной, и какие замечательные удобства были в кухне. Эти размышления, естественно, привели ее в прачечную, где она наткнулась на всевозможные аппараты для варки пива, среди которых могла бы проблуждать не меньше часа, если бы одно упоминание об этой утвари не напомнило мгновенно, по ассоциации идей, мистеру Пайку, что ему «ужасно хочется пить».

— Вот что я вам скажу,— заявил мистер Пайк,— если вы пошлете за угол в трактир за кувшином портера пополам с элем, я решительно и определенно выпью его.

И решительно и определенно мистер Пайк его выпил, а мистер Плак помогал ему, в то время как миссис Никльби взирала на них, равно восхищаясь снисходительностью обоих и ловкостью, с какой они управлялись с оловянным кувшином. Для объяснения этого якобы чудесного явления можно здесь отметить, что такие джентльмены, как мистеры Пайк и Плак, живущие своим умом (или, пожалуй, не столько своим умом, сколько отсутствием оного у других), иной раз попадают в весьма затруднительное положение и в такие периоды довольствуются самым простым и неприхотливым угощением.

— Итак, без двадцати минут семь карета будет здесь,— сказал мистер Пайк, вставая.— Еще раз взглянуть, еще разок взглянуть на это прелестное лицо! А, вот оно! Все такое же, не изменилось. (Кстати сказать, это было весьма примечательное обстоятельство, поскольку лица на миниатюрах склонны, как известно, к многочисленным переменам.) О Плак, Плак!

Вместо ответа мистер Плак с большим чувством и жаром поцеловал руку миссис Никльби. Когда мистер Пайк проделал то же самое, оба джентльмена поспешно удалились.

Миссис Никльби имела обыкновение приписывать себе солидную дозу проницательности и тонкости, но никогда еще не была она так довольна своею прозорливостью, как в тот день. Еще накануне вечером она угадала все. Она никогда не видела сэра Мальбери и Кэт вместе — даже

имени сэра Мальбери никогда прежде не слыхала,— и, несмотря на это, разве не сказала она себе с самого начала, что видит, как обстоит дело? И какой это был триумф, ибо теперь ни малейших сомнений не оставалось! Если бы это лестное внимание по отношению к ней не являлось достаточным доказательством, то закадычный друг сэр Мальбери, проговорившись, выдал секрет.

— Я совсем влюбилась в этого милого мистера Плака, право же, совсем влюбилась,— сказала миссис Никльби.

Несмотря на такую удачу, оставалась одна серьезная причина для недовольства, именно — не было поблизости никого, с кем бы она могла поделиться. Раза два она почти решила отправиться прямо к мисс Ла-Криви и рассказать ей все. «Нет, не знаю,— подумала миссис Никльби,— она весьма достойная особа, но, боюсь, по положению своему настолько ниже сэра Мальбери, что мы не можем отныне считать ее своей приятельницей. Бедняжка!» Опираясь на это веское соображение, она отказалась от мысли сделать маленькую портретистку своей наперсницей и удовольствовалась тем, что неясно и таинственно намекнула служанке на повышение жалованья, а служанка выслушала эти туманные намеки о грядущем величии благоговейно и почтительно.

Ровно в назначенный час прибыл обещанный экипаж, который оказался не наемной, а собственной двухместной каретой; на запятках стоял лакей, чьи ноги хотя и были несколько велики для его туловища, но сами по себе могли служить моделью в Королевской академии. Радостно было слышать грохот и треск, с какими он захлопнул дверцу, когда миссис Никльби уселась. А так как эта славная леди пребывала в полном неведении, что он приложил к кончику носа позолоченный набалдашник своей палки и весьма непочтительно передавал таким образом над самой ее головой телеграфические знаки кучеру, то она и восседала с большою чопорностью и достоинством, немало гордясь своим положением.

У входа в театр было еще больше грохота и треска, и были здесь также мистеры Пайк и Плак, поджидавшие ее, чтобы проводить в ложу; и были они так учтивы, что мистер Пайк с проклятьями пригрозил «мордобитием» случайно загородившему ей дорогу дряхлому старику с

фонарем, к великому ужасу миссис Никльби, которая, заключив, скорее благодаря возбуждению мистера Пайка, чем благодаря предварительному знакомству с этимологией этого слова, что мордобитие и кровопролитие должны означать одно и то же, чрезвычайно обеспокоилась, как бы чего не случилось. Но, к счастью, мистер Пайк ограничился словесным мордобитием, и они добрались до своей ложи без всяких серьезных помех, если не считать желания, выраженного тем же драчливым джентльменом, «прихлопнуть» капельдинера, указавшего по ошибке не тот номер.

Едва миссис Никльби успела усесться в кресло за драпировкой ложи, как вошли сэр Мальбери и лорд Фредерик Верисофт, одетые в высшей степени элегантно и пышно от макушки до кончиков перчаток и от кончиков перчаток до носков ботинок. Сэр Мальбери говорил более хриплым голосом, чем накануне, а у лорда Фредерика вид был слегка сонный и странный; на основании этих признаков, а также того обстоятельства, что оба не совсем твердо держались на ногах, миссис Никльби справедливо заключила, что они пообедали.

— Мы пили... пили... за здоровье вашей очаровательной дочери, миссис Никльби,— шепнул сэр Мальбери, садясь за ее спиной.

«О! О! — подумала догадливая леди.— Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке».

— Вы очень любезны, сэр Мальбери.

— О нет, клянусь честью! — отозвался сэр Мальбери Хоук.— Это вы любезны, клянусь честью. Так любезно с вашей стороны, что вы сегодня приехали.

— Так любезно было с вашей стороны пригласить меня, хотите вы сказать, сэр Мальбери,— возразила миссис Никльби, мотнув головой и принимая необыкновенно лукавый вид.

— Я так стремлюсь узнать вас, так стремлюсь заслужить ваше доброе мнение, так хочу, чтобы между нами было очаровательное, гармоническое родственное согласие,— сказал сэр Мальбери,— что вы не должны думать, будто я не заинтересован в том, что делаю. Я чертовски эгоистичен, да, клянусь честью, это так.

— Я уверена, что вы не можете быть эгоистичны, сэр

Мальбери,— заявила миссис Никльби.— Для этого у вас слишком открытое и благородное лицо.

— Как вы изумительно наблюдательны! — сказал сэр Мальбери.

— О нет, право, я не отличаюсь особой проницательностью, сэр Мальбери,— отозвалась миссис Никльби тоном, который давал понять баронету, что она и в самом деле очень проницательна.

— Я просто боюсь вас,— сказал баронет.— Честное слово,— повторил сэр Мальбери, оглянувшись на своих спутников,— я боюсь миссис Никльби. У нее гигантский ум.

Мистеры Пайк и Плак таинственно покачали головой и заявили в один голос, что они давно уже это обнаружили, после чего миссис Никльби захихикала, а сэр Мальбери засмеялся, а Пайк и Плак захохотали.

— Но где же мой деверь, сэр Мальбери? — осведомилась миссис Никльби.— Я бы не хотела быть здесь без него. Надеюсь, он придет.

— Пайк,— сказал сэр Мальбери, доставая зубочистку и разваливаясь в кресле, словно ему лень было выдумывать ответ на этот вопрос,— где Ральф Никльби?

— Плак,— сказал Пайк, подражая баронету и перепоручая ложь своему другу,— где Ральф Никльби?

Мистер Плак собирался дать какой-нибудь уклончивый ответ, когда шум, вызванный компанией, вошедшей в соседнюю ложу, казалось привлек внимание всех четырех джентльменов, которые многозначительно переглянулись. Когда же вновь прибывшие заговорили, сэр Мальбери внезапно сделал вид, будто очень внимательно прислушивается, и попросил своих друзей затаить дыханье... затаить дыханье.

— Почему? — спросила миссис Никльби.— Что случилось?

— Тише! — отозвался сэр Мальбери, положив свою руку на ее.— Лорд Фредерик, узнаете ли вы этот голос?

— Пусть черт меня поберет, если это не голос мисс Никльби.

— Ах, боже мой, милорд! — воскликнула мамаша мисс Никльби, высовывая голову из-за драпировки.— Да, в самом деле... Кэт, дорогая моя Кэт!

— Вы здесь, мама? Может ли быть!

— Да, дорогая моя, может! Да.

— Но кто... боже мой, кто это с вами, мама? — спросила Кэт при виде человека, который улыбался ей и посылал воздушные поцелуи.

— Как ты думаешь, кто, дорогая моя? — отозвалась миссис Никльби, наклоняясь в сторону миссис Уититерли и слегка повышая голос в назиданье этой леди.— Здесь мистер Пайк, мистер Плак, сэр Мальбери Хоук и лорд Фредерик Верисофт.

«Боже милостивый! — быстро мелькнуло в голове Кэт.— Как она попала в такую компанию».

Мысль эта промелькнула так быстро, а удивление было так велико и с такой силой воскресило воспоминание о том, что произошло за восхитительным обедом у Ральфа, что Кэт страшно побледнела и казалась чрезвычайно взволнованной, каковые симптомы, будучи замечены миссис Никльби, были немедленно определены этой прозорливой леди как следствие пламенной любви. Но хотя ее немало порадовало это открытие, которое делало честь ее собственной сообразительности, однако оно не уменьшило материнской тревоги за Кэт, а посему в большом волнении она покинула свою ложу, чтобы поспешить в ложу миссис Уититерли. Миссис Уититерли, живо ощущая, какая эта будет честь иметь среди своих знакомых лорда и баронета, не теряя времени, дала знак мистеру Уититерли открыть дверь, и таким образом не прошло и полминуты, как компания миссис Никльби вторглась в ложу миссис Уититерли, заполнив ее до самой двери, так что для мистеров Пайка и Плака только и осталось места, чтобы просунуть головы и жилеты.

— Дорогая моя Кэт,— сказала миссис Никльби, нежно целуя дочь,— какой у тебя был больной вид минуту тому назад! Уверяю тебя, ты меня испугала.

— Вам просто показалось, мама... Это... это, может быть, от освещения,— ответила Кэт, нервно оглядываясь и видя, что не представляется случая шепотом предостеречь ее или как-то объясниться.

— Разве ты не видишь сэра Мальбери Хоука, дорогая моя?

Кэт слегка поклонилась и, закусив губу, повернула голову к сцене.

Но сэра Мальбери Хоука не так-то легко было обескуражить; он приблизился с протянутой рукой, и так как миссис Никльби угодливо сообщила об этом Кэт, та принуждена была в свою очередь протянуть руку. Сэр Мальбери задержал ее в своей, пока рассыпался в комплиментах, которые Кэт, помня, что между ними произошло, справедливо сочла новым оскорблением. Затем последовали приветствия лорда Фредерика Верисофта, а затем поклоны мистера Пайка, а затем поклоны мистера Плака, и наконец, что довершило унижение молодой леди, она должна была, по просьбе миссис Уититерли, проделать церемонию представления этих гнусных людей, которые вызывали у нее чувство величайшего негодования и отвращения.

— Миссис Уититерли восхищена,— сказал мистер Уититерли, потирая руки,— уверяю вас, восхищена, милорд, этой возможностью заключить знакомство, которое, надеюсь, милорд, мы будем поддерживать. Джулия, дорогая моя, ты не должна приходить в чрезмерное возбуждение, не должна. Право же, не должна. У миссис Уититерли натура чрезвычайно легко возбудимая, сэр Мальбери. Пламя свечи, огонь лампы, пушок на персике, пыль на крыльях бабочки — одно дуновение, и она исчезнет, милорд, и она исчезнет.

Казалось, сэр Мальбери подумал, что было бы неплохо, если бы эта леди исчезла от одного дуновения. Однако он сказал, что восхищение взаимно, и лорд Фредерик присовокупил, что оно взаимно, после чего слышно было, как мистеры Пайк и Плак пробормотали издали, что, разумеется, оно взаимно.

— Я интересуюсь, милорд,— слабо улыбаясь, сказала миссис Уититерли,— я так интересуюсь театром.

— Да-а, это очень интересно,— ответил лорд Фредерик.

— Я всегда бываю больна после Шекспира,— сказала миссис Уититерли.— На следующий день я чуть живая. Реакция так велика после трагедии, милорд, а Шекспир такое восхитительное создание...

— О да-а! — ответил лорд Фредерик.— Он был способный человек.

— Знаете ли, милорд,— сказала миссис Уититерли после долгого молчания,— я замечаю, что начала особенно интересоваться его пьесами после того, как побывала в этом милом жалком домике, где он родился. Вы бывали там когда-нибудь, милорд?

— Нет, никогда,— ответил милорд.

— В таком случае, вы непременно должны туда поехать,— заявила миссис Уититерли, томно растягивая слова.— Не знаю, почему это так, но, когда вы увидите это место и запишете свою фамилию в небольшой книге, вы почувствуете себя каким-то образом вдохновленным. Это как бы возжигает в вас пламя!

— Ну-у! — ответил лорд Фредерик.— Я непременно там побываю.

— Джулия, жизнь моя,— вмешался мистер Уититерли,— ты вводишь в заблуждение его лордство... неумышленно, милорд, она вводит вас в заблуждение. Это твой поэтический темперамент, дорогая моя... твоя эфирная душа... твое пылкое воображение возжигают в тебе огонь гениальности и чувствительности. Ничего особенного там нет в тех местах, дорогая моя... ничего, ровно ничего.

— Я думаю, что-то там должно быть,— сказала миссис Никльби, которая слушала молча,— потому что вскоре после моего замужества я с моим бедным дорогим мистером Никльби поехала в Стрэтфорд в бирмингемской почтовой карете... а впрочем, почтовая ли это была карета? — призадумавшись, сказала миссис Никльби.— Да, должно быть, это была почтовая карета, потому что, помню, я тогда заметила, что у кучера на левый глаз надвинут зеленый козырек... так вот, в почтовой карете из Бирмингема, и после того как мы осмотрели могилу и место рождения Шекспира, мы вернулись в гостиницу, где переночевали, и, помню, всю ночь напролет мне снился черный джентльмен из гипса, выпрямившийся во весь рост, в отложном воротнике, завязанном шнурком с двумя кисточками, он прислонился к столбу и о чем-то размышлял. А утром, когда я проснулась и описала его мистеру Никльби, он сказал, что это был Шекспир, точь-в-точь такой, как при жизни, и это, конечно, замечательно! Стрэтфорд. ...Стрэтфорд,— задумчиво продолжала миссис Никльби.— Да, в этом я не сомневаюсь, потому что,

помню, я была тогда беременна моим сыном Николасом и в то самое утро меня очень испугал итальянский мальчик, продававший статуэтки. Знаете ли, это счастье, сударыня,— шепотом добавила миссис Никльби, обращаясь к миссис Уититерли,— что из моего сына не вышло Шекспира. Как бы это было ужасно!

Когда миссис Никльби довела до конца этот занимательный рассказ, Пайк и Плак, всегда ревностно служившие интересам своего патрона, предложили, чтобы часть общества перешла в соседнюю ложу, и предварительные меры были приняты с такою ловкостью, что Кэт, сколько бы она ни возражала, ничего не оставалось, как позволить сэру Мальбери Хоуку увести ее. Их сопровождали ее мать и мистер Плак, но достойная леди, кичась своим благоразумием, весь вечер старалась даже не смотреть на дочь и делать вид, будто она всецело поглощена остротами и речами мистера Плака, который, будучи назначен специально для этой цели часовым при миссис Никльби, со своей стороны не упускал ни единого случая завладеть ее вниманием.

Лорд Фредерик Верисофт остался в соседней ложе слушать разговор миссис Уититерли, и мистер Пайк присутствовал там с целью вставлять два-три слова в случае необходимости. Что до мистера Уититерли, то он был в достаточной мере занят, уведомляя тех своих друзей и знакомых, которые находились в театре, что два джентльмена в ложе наверху, коих они видели беседующими с миссис Уититерли, были известный лорд Фредерик Верисофт и его закадычный друг весельчак сэр Мальбери Хоук,— сообщение, которое преисполнило нескольких матерей семейства величайшей завистью и бешенством и довело шестнадцать незамужних дочерей до грани отчаяния.

Кончился, наконец, этот вечер, но Кэт еще предстояло сойти вниз в сопровождении ненавистного сэра Мальбери; и столь искусно были проведены маневры мистеров Пайка и Плака, что она и баронет шли последними и даже — как будто без всяких стараний и умысла — немного отстали от остального общества.

— Не спешите, не спешите,— сказал сэр Мальбери, когда Кэт ускорила шаг и попыталась высвободить руку.

Она ничего не ответила и рванулась вперед.

— Ну нет...— хладнокровно заметил сэр Мальбери, заставив ее остановиться.

— Лучше не пытайтесь задерживать меня, сэр,— гневно сказала Кэт.

— А почему? — возразил сэр Мальбери.— Милое мое дитя, почему вы все еще притворяетесь недовольной?

— *Притворяюсь?!* — с негодованием повторила Кэт.— Как вы смеете заговаривать со мной, сэр, обращаться ко мне, показываться мне на глаза?

— Вы хорошеете, когда сердитесь, мисс Никльби,— сказал сэр Мальбери Хоук, наклоняясь, чтобы лучше видеть ее лицо.

— Я к вам питаю величайшее отвращение и презрение, сэр! — сказала Кэт.— Если вы находите что-то привлекательное во взглядах, выражающих омерзение, вы... Немедленно отпустите меня к моим друзьям, сэр! Какие бы соображения ни удерживали меня до сих пор, я пренебрегу ими и приму меры, которые будут чувствительны даже для *вас*, если вы сейчас же не отпустите меня.

Сэр Мальбери улыбнулся и, по-прежнему засматривая ей в лицо и удерживая ее руку, направился к двери.

— Если уважение к моему полу и беспомощному положению не заставит вас прекратить это грубое и подлое преследование,— продолжала Кэт, едва сознавая в порыве гнева, что она говорит,— то у меня есть брат, который когда-нибудь жестоко посчитается с вами.

— Клянусь, она стала еще прекрасней! — воскликнул сэр Мальбери, как будто мирно разговаривая сам с собой, и при этом обвил рукой ее талию.— Такой она мне еще больше нравится, чем тогда, когда глаза ее потуплены и она спокойна.

Кэт не знала, как дошла она до вестибюля, где ее ждали друзья, но через вестибюль она пробежала, даже не взглянув на них, освободилась от своего спутника, вскочила в карету и, забившись в самый темный угол, залилась слезами.

Зная свои роли, мистеры Пайк и Плак тотчас привели в смятение всю компанию, громкими криками вызывая кареты и затевая бурные ссоры со всевозможными безо-

бидными людьми, стоявшими тут же; в разгар этой суматохи они усадили испуганную миссис Никльби в карету и, благополучно спровадив ее, занялись миссис Уититерли, которую они привели в состояние крайнего изумления и оцепенения, чем совершенно отвлекли ее внимание от молодой леди. Наконец экипаж, в котором она прибыла, также отъехал со своим грузом, и четыре достойных джентльмена, оставшись одни под портиком, от души расхохотались все вместе.

— Ну вот! — сказал сэр Мальбери, повернувшись к своему аристократическому другу.— Не говорил ли я вам вчера вечером, что, если только нам удастся узнать через слугу, подкупленного моим лакеем, куда они едут, а затем устроиться по соседству вместе с мамашей, дом этих людей будет все равно что наш дом? Так и случилось. Дело обделано за одни сутки.

— Да-а,— отозвалась жертва обмана.— Но я весь вечер был пришпилен к этой старухе.

— Вы только послушайте его! — воскликнул сэр Мальбери, обращаясь к своим двум приятелям.— Послушайте недовольного ворчуна! Разве этого не достаточно, чтобы человек поклялся никогда больше не помогать ему в его интригах и затеях? Разве это не возмутительно?

Пайк спросил Плака, а Плак спросил Пайка, не возмутительно ли это, но ни тот, ни другой не ответил.

— Но разве это не правда? — возразил Фредерик Верисофт.— Разве не так было дело?

— Разве не так было дело! — повторил сэр Мальбери.— А как бы вы хотели, чтобы оно было? Как могли бы мы получить сразу приглашение — приходите когда хотите, уходите когда хотите, оставайтесь сколько хотите, делайте что хотите,— если бы вы, лорд, не поухаживали за глупой хозяйкой дома? Что мне эта девица, не будь я вашим другом? Ради вас не нашептывал ли я ей похвалы вам и не терпел ли весь вечер ее прелестное раздражение и надутый вид? Из какого вещества я, по-вашему, сделан? Для каждого стал бы я так трудиться? И за это я даже благодарности не заслуживаю!

— Вы чертовски славный малый! — сказал бедный молодой лорд, беря под руку друга.— Клянусь честью, вы чертовски славный малый, Хоук.

— И я поступил правильно, не так ли? — настаивал сэр Мальбери.

— Совершенно пра-авильно.

— Как и подобает такому бедному, добродушному, глупому другу, как я, да?

— Да-а, да-а, как подобает другу,— ответил тот.

— В таком случае,— заявил сэр Мальбери,— я удовлетворен. А теперь пойдем и отомстим немецкому барону и французу, которые так здорово обставили вас вчера.

С этими словами верный друг взял под руку своего спутника и увел его, оглянувшись при этом вполоборота и с презрительной улыбкой подмигнув мистерам Пайку и Плаку, которые, засунув носовой платок в рот в знак молчаливого восхищения происходящим, последовали на небольшом расстоянии за своим патроном и его жертвой.

ГЛАВА XXVIII

Мисс Никльби, доведенная до отчаяния преследованиями сэра Мальбери Хоука и затруднениями и огорчениями, ее осаждающими, прибегает к последнему средству, взывая о помощи к своему дяде

Утро следующего дня, как бывает всегда, принесло с собой размышления, но весьма различны были мысли, пробужденные им у различных особ, которые столь неожиданно оказались вместе накануне вечером благодаря деятельному участию мистеров Пайка и Плака.

Мысли сэра Мальбери Хоука — если можно применить это слово к планам закоренелого и расчетливого распутника, чьи радости, сожаления, усилия и удовольствия сосредоточены были только на нем самом и который, кажется, из всех интеллектуальных способностей сохранил лишь дар марать себя и, оставаясь человеком лишь по облику, унижать человеческую природу,— мысли сэра Мальбери Хоука были устремлены к Кэт, и сущность их

заключалась в том, что она несомненно красива, что ее застенчивость может быть легко побеждена таким ловким и опытным человеком, как он, и что такая победа не преминет доставить ему славу и будет весьма полезной для его репутации в свете. Чтобы это последнее соображение, отнюдь не пустое или второстепенное для сэра Мальбери, не показалось кому-нибудь странным, напомним, что большинство людей живет в своем собственном мире, и только в этом ограниченном кругу жаждет оно отличий и похвал. Мир сэра Мальбери был населен распутниками, и он поступал соответственно.

Повседневно мы сталкиваемся с несправедливостью, угнетением, тиранией и беспредельным ханжеством. Принято трубить о недоумении и изумлении, вызываемом виновниками таких дел, столь дерзко пренебрегающими мнением целого света. Но это грубейшая ошибка: такие дела совершаются именно потому, что виновники их считаются с мнением своего маленького мирка, тогда как великий мир цепенеет от изумления.

Мысли миссис Никльби были по характеру своему чрезвычайно лестные для ее самолюбия; под влиянием своей весьма приятной иллюзии она немедленно уселась сочинять длинное письмо Кэт, в котором выражала полное свое одобрение превосходному выбору, сделанному дочерью, и до небес превозносила сэра Мальбери, утверждая, для наибольшего успокоения чувств своей дочери, что он именно тот человек, которого бы она (миссис Никльби) избрала себе в зятья, хотя бы ей был представлен на выбор весь род человеческий. Далее славная леди, заметив предварительно, что нельзя же предположить, чтобы она, так долго живя в свете, не знала его обычаев, сообщала множество мудрых правил для руководства в период ухаживания и подтверждала их разумность на основании собственного опыта.

Превыше всего советовала она строго блюсти девическую скромность не только как нечто само по себе похвальное, но и как нечто существенное, укрепляющее и разжигающее пыл влюбленного. «И никогда еще,— присовокупила миссис Никльби,— никогда не была я в таком восхищении, как вчера вечером, дорогая моя, видя, что тебе это уже подсказал здравый смысл». Поведав об этом

чувстве и много раз упомянув о том, сколь приятно было ей узнать, что дочь счастливо унаследовала ее собственный здравый смысл и рассудительность (можно было надеяться, что со временем и при старании она будет обладать ими в полной мере), миссис Никльби закончила свое длинное и не совсем разумное письмо.

Бедная Кэт едва не лишилась рассудка, получив четыре мелко исписанных вдоль и поперек страницы поздравлений как раз с тем, что всю ночь не давало ей сомкнуть глаза и заставляло плакать и бодрствовать в спальне. Еще тяжелее и еще мучительнее была необходимость угождать миссис Уититерли, которая, находясь в унынии после утомительного вечера, желала, чтобы ее компаньонка (иначе за что бы получала она жалованье и содержание?) была в наилучшем расположении духа. Что касается до мистера Уититерли, то он весь день пребывал в трепетном восторге оттого, что пожимал руку лорда и всерьез пригласил его к себе домой. Сам лорд, не будучи в сколько-нибудь неприятной мере обременен способностью мыслить, услаждал себя разговором с мистерами Пайком и Плаком, которые оттачивали свое остроумие, щедро пользуясь за его счет разнообразными дорогими возбудительными напитками.

Было четыре часа дня — то есть вульгарные четыре часа по солнцу и часам,— и миссис Уититерли, по своему обыкновению, полулежала на софе в гостиной, а Кэт читала вслух новый роман в трех томах, озаглавленный «Леди Флабелла», каковой принес в то самое утро из библиотеки псевдо-Альфонс. Это произведение как раз подходило для леди, страдающей недугом миссис Уититерли, ибо в нем от начала до конца не было ни единой строки, которая могла бы вызвать хоть тень волнения у кого бы то ни было из смертных.

Кэт читала:

— «Шеризет,— сказала леди Флабелла, сунув свои маленькие ножки, похожие на мышек, в голубые атласные туфли, которые невзначай вызвали вчера вечером полушутливые-полусердитые пререкания между ней самой и молодым полковником Бефилером в salon de danse [1] гер-

---

[1] Зал для танцев *(франц.)*.

цога Минсфенилла,— Шеризет, ma chère, donnez moi de l'eau-de-Cologne, s'il vous plaît, mon enfant» [1].

«Мерси, благодарю вас,— сказала леди Флабелла, когда бойкая, но преданная Шеризет щедро окропила душистой смесью mouchoir [2] леди Флабеллы из тончайшего батиста, обшитый драгоценными кружевами и украшенный по четырем уголкам гербом Флабеллы и гордым геральдическим девизом сей благородной семьи.— Мерси, этого достаточно».

В это мгновение, когда леди Флабелла, поднеся к своему очаровательному, но мечтательно выточенному носику mouchoir, еще вдыхала восхитительный аромат, дверь будуара (искусно скрытая богатыми портьерами из шелкового дамаска цвета итальянского неба) распахнулась, и два лакея, одетые в ливреи цвета персика с золотом, вошли бесшумной поступью в комнату в сопровождении пажа в bas de soie — шелковых чулках, который, пока они стояли поодаль, отвешивая грациознейшие поклоны, приблизился к ногам своей прелестной госпожи и, опустившись на одно колено, подал на великолепном подносе чеканного золота надушенный billet [3].

Леди Флабелла с волнением, которого не могла подавить, разорвала envelope [4] и сломала благоухающую печать. Это письмо было от Бефилера — молодого, стройного, с тихим голосом,— от *ее* Бефилера...»

— О, очаровательно! — прервала Кэт ее покровительница, иногда проявлявшая склонность к литературе.— Настоящая поэзия. Прочтите еще раз это описание, мисс Никльби.

Кэт повиновалась.

— Как мило! — со вздохом сказала миссис Уититерли.— Так сладострастно, не правда ли? Так нежно?

— Да, мне кажется,— тихо отозвалась Кэт.— Очень нежно.

— Закройте книгу, мисс Никльби,— сказала миссис

---

[1] Милочка, дайте мне, пожалуйста, одеколон, дитя мое *(франц.)*.

[2] Носовой платок *(франц.)*.

[3] Письмо, записку *(франц.)*.

[4] Конверт *(франц.)*.

Уититерли.— Больше я не могу сегодня слушать. Я бы не хотела нарушать впечатление, произведенное этим прелестным описанием. Закройте книгу.

Кэт охотно повиновалась; меж тем миссис Уититерли, подняв томной рукой лорнет, заметила, что она бледна.

— Меня испугали этот... этот шум и суматоха вчера вечером,— сказала Кэт.

— Как странно! — с удивленным видом воскликнула миссис Уититерли.

И действительно, если подумать, было очень странно, что компаньонку может что-нибудь взволновать,— легче вывести из строя паровую машину или другой какой-нибудь хитроумный механизм.

— Каким образом вы познакомились с лордом Фредериком и этими другими очаровательными созданиями, дитя мое? — спросила миссис Уититерли, все еще созерцая Кэт в лорнетку.

— Я их встретила у моего дяди,— сказала Кэт, с досадой чувствуя, что густо краснеет, но не в силах удержать поток крови, приливавшей к ее щекам, когда она думала о том человеке.

— Вы давно их знаете?

— Нет,— ответила Кэт.— Не очень.

— Я очень рада, что эта почтенная особа, ваша мать, дала нам возможность познакомиться с ними,— высокомерным тоном сказала миссис Уититерли.— Это тем более примечательно, что кое-кто из наших друзей как раз собирался нас познакомить.

Это было сказано для того, чтобы мисс Никльби не вздумала чваниться почетным знакомством с четырьмя великими людьми (ибо Пайк и Плак были включены в число очаровательных созданий), с которыми не была знакома миссис Уититерли. Но так как это обстоятельство не произвело ни малейшего впечатления на Кэт, то она и не обратила на ее слова никакого внимания.

— Они просили разрешения зайти с визитом,— продолжала миссис Уититерли.— Конечно, я разрешила.

— Вы ждете их сегодня? — осмелилась спросить Кэт.

Ответ миссис Уититерли был заглушен устрашающим

стуком в парадную дверь, и не успел он стихнуть, как к дому подъехал изящный кабриолет, из которого выпрыгнули сэр Мальбери Хоук и его друг лорд Фредерик.

— Они уже здесь! — сказала Кэт, вставая и спеша уйти.

— Мисс Никльби! — крикнула миссис Уититерли, придя в ужас от попытки своей компаньонки покинуть комнату, не испросив предварительно ее разрешения.— Прошу вас, и не думайте о том, чтобы уйти.

— Вы очень добры,— ответила Кэт,— но...

— Ради бога, не волнуйте меня и не говорите так много,— очень резко сказала миссис Уититерли.— Ах, боже мой, мисс Никльби, я прошу...

Бессмысленно было Кэт говорить, что она нездорова, так как шаги уже раздавались на лестнице. Она снова заняла свое место и едва успела сесть, как в комнату ворвался псевдо-Альфонс и одним духом доложил о мистере Пайке, и мистере Плаке, и лорде Фредерике Верисофте, и сэре Мальбери Хоуке.

— Удивительнейшая вещь в мире,— сказал мистер Плак, с величайшей любезностью приветствуя обеих леди,— удивительнейшая вещь! Мы с Пайком постучали в тот момент, как лорд Фредерик и сэр Мальбери подъехали к двери.

— В тот самый момент постучали,— сказал Пайк.

— Неважно, как вы пришли, важно, что вы здесь,— сказала миссис Уититерли, которая благодаря тому, что три с половиной года пролежала все на той же софе, собрала маленькую коллекцию грациозных поз и теперь приняла самую потрясающую из серии с целью поразить посетителей.— Уверяю вас, я в восторге.

— А как поживает мисс Никльби? — тихо спросил сэр Мальбери Хоук, обращаясь к Кэт, впрочем не так тихо, чтобы это не коснулось слуха миссис Уититерли.

— Она жалуется на нездоровье после вчерашнего испуга,— сказала эта леди.— Право же, я не удивляюсь, потому что у меня нервы растерзаны в клочья.

— И, однако, ваш вид,— повернувшись, заметил сэр Мальбери,— и, однако, ваш вид...

— Превосходит все! — сказал мистер Пайк, приходя на помощь своему патрону.

Разумеется, мистер Плак сказал то же самое.

— Боюсь, милорд, что сэр Мальбери льстец,— сказала миссис Уититерли, обращаясь к молодому лорду, который молча сосал набалдашник своей трости и таращил глаза на Кэт.

— О, чертовский! — отозвался милорд.

Высказав эту примечательную мысль, он вернулся к прежнему занятию.

— И у мисс Никльби вид нисколько не хуже,— сказал сэр Мальбери, устремив на нее наглый взгляд.— Она всегда была красива, но, честное слово, сударыня, вы как будто еще уделили ей частицу своей красоты.

Судя по румянцу, залившему после этих слов лицо бедной девушки, можно было не без оснований предположить, что миссис Уититерли уделила ей частицу того искусственного румянца, который украшал ее собственные щеки. Миссис Уититерли признала, хотя и не очень любезно, что Кэт и в самом деле миловидна. Она подумала также, что сэр Мальбери не такое уж приятное создание, каким она сначала его считала, ибо хотя ловкий льстец и является очаровательнейшим собеседником, если вы можете завладеть им всецело, однако вкус его становится весьма сомнительным, когда он начинает расточать комплименты другим.

— Пайк,— сказал наблюдательный мистер Плак, заметив впечатление, произведенное похвалой по адресу мисс Никльби.

— Что, Плак? — отозвался Пайк.

— Нет ли каких-нибудь особ, вам известных, чей профиль напоминает вам миссис Уититерли? — таинственно спросил мистер Плак.

— Напоминает профиль...— подхватил Пайк.— Конечно, есть.

— Кого вы имеете в виду? — тем же таинственным тоном продолжал Плак.— Герцогиню Б.?

— Графиню Б.,— ответил Пайк с легкой усмешкой, скользнувшей по лицу.— Из двух сестер красавица — графиня, не герцогиня.

— Правильно,— сказал Плак,— графиня Б. Сходство изумительное.

— Буквально потрясающее! — сказал мистер Пайк.

Так вот как обстояло дело! Миссис Уититерли была провозглашена на основании свидетельства двух правдивых и компетентных судей точной копией графини! Вот что значило попасть в хорошее общество! Да ведь она могла двадцать лет вращаться среди ничтожных людей и ни разу об этом не услышать! Да и как было ей услышать? Что знали *они* о графинях?

Определив по той жадности, с какою была проглочена эта маленькая приманка, до какой степени миссис Уититерли жаждет лести, оба джентльмена принялись отпускать этот товар весьма крупными дозами, предоставив таким образом сэру Мальбери Хоуку возможность докучать мисс Никльби вопросами и замечаниями, на которые та поневоле должна была что-то отвечать. Тем временем лорд Фредерик наслаждался без помех приятным вкусом золотого набалдашника, украшавшего его трость, чем и занимался бы до конца свидания, если бы не вернулся домой мистер Уититерли и не перевел разговор на любимую свою тему.

— Милорд,— сказал мистер Уититерли,— я восхищен, почтен, горд! Прошу вас, садитесь, милорд. Да, я горд, весьма горд.

Слова мистера Уититерли вызвали скрытое раздражение у его жены, ибо, хотя она и раздувалась от гордости и высокомерия, ей хотелось дать понять знатным гостям, что их визит является событием самым обыкновенным и что не проходит дня, чтобы их не навещали лорды и баронеты. Но чувства мистера Уититерли подавить было немыслимо.

— Поистине это честь! — сказал мистер Уититерли.— Джулия, душа моя, завтра ты будешь из-за этого страдать.

— Страдать? — воскликнул лорд Фредерик.

— Реакция, милорд, реакция,— сказал мистер Уититерли.— Когда пройдет это чрезвычайное напряжение нервной системы, милорд, что последует? Упадок, депрессия, уныние, усталость, расслабленность. Милорд, если бы сейчас сэр Тамли Снафим увидел это деликатное создание, он не дал бы вот... вот столько за ее жизнь.

В пояснение своих слов мистер Уититерли взял из

табакерки понюшку табаку и слегка подбросил ее, как эмблему бренности.

— Вот *столько!* — повторил мистер Уититерли, озираясь вокруг с серьезной миной.— Сэр Тамли Снафим вот столько не дал бы за жизнь миссис Уититерли!!

Мистер Уититерли произнес это с видом сдержанно-торжествующим, словно иметь жену, находящуюся в столь отчаянном положении, было очень для него почетно, а миссис Уититерли вздохнула и посмотрела так, будто она понимала, какая это честь, но решила держать себя по возможности смиренно.

— Миссис Уититерли,— продолжал ее супруг,— любимая пациентка сэра Тамли Снафима. Мне кажется, я имею право сказать, что миссис Уититерли была первой особой, принявшей новое лекарство, которому приписывают гибель целой семьи в Кенсингтон-Грэвл-Питс. Кажется, она была первой. Джулия, дорогая моя, если я ошибаюсь, поправь меня.

— Кажется, я была первой,— слабым голосом сказала миссис Уититерли.

Видя, что патрон его слегка недоумевает, как ему наилучшим образом вмешаться в этот разговор, неутомимый мистер Пайк бросился напролом и, решив сказать нечто по существу дела, осведомился — имея в виду упомянутое лекарство,— было ли оно приятно на вкус.

— Нет, сэр, не было. Даже этого преимущества оно не имело,— ответил мистер Уититерли.

— Миссис Уититерли — настоящая мученица,— с любезным поклоном заметил Пайк.

— Думаю, что да,— улыбаясь, сказала миссис Уититерли.

— И я так думаю, моя дорогая Джулия,— заметил ее супруг тоном, казалось, говорившим, что он не тщеславен, но тем не менее твердо намерен настаивать на своих привилегиях.— Если кто-нибудь, милорд,— добавил он, поворачиваясь к аристократу,— представит мне более великую мученицу, чем миссис Уититерли, я одно могу сказать: я буду рад увидеть эту мученицу — или мученика,— вот и все, милорд!

Пайк и Плак быстро подхватили, что более справедливого замечания, разумеется, сделать нельзя, и, так как

визит к тому времени чрезвычайно затянулся, они повиновались взгляду сэра Мальбери и встали. Это заставило подняться также и самого сэра Мальбери и лорда Фредерика. Обменялись многочисленными заверениями в дружбе и надеждами на будущие удовольствия, которые неизбежно должны последовать за столь счастливым знакомством, и посетители отбыли после новых заявлений, что для дома Уититерли будет честью принять их в любой день и час под своей кровлей.

Они и приходили в любой день и час; сегодня они там обедали, завтра ужинали, послезавтра опять обедали и постоянно то появлялись, то снова исчезали; они отправлялись компанией в общественные места и случайно встречались на прогулке; при каждом случае мисс Никльби подвергалась упорному и неумолимому преследованию сэра Мальбери Хоука, репутация которого (он это почувствовал к тому времени) даже в глазах его двух прихлебателей зависела от успешного укрощения ее гордости, и у нее не было ни отдыха, ни покоя, за исключением тех часов, когда она могла сидеть одна в своей комнате и плакать после перенесенных за день испытаний. Все это являлось последствиями, естественно вытекавшими из хорошо обдуманных планов сэра Мальбери, искусно выполнявшихся его приспешниками Пайком и Плаком.

Так шли дела в течение двух недель. Вряд ли нужно говорить, что только самые слабые и глупые люди могли не заметить на протяжении даже одной встречи, что лорд Фредерик Верисофт, хоть он и был лордом, и сэр Мальбери Хоук, хоть он и был баронетом, не принадлежали к числу завидных собеседников; по привычкам своим, манерам, вкусам и по характеру их разговоров они не были предназначены к тому, чтобы ослепительно сверкать в обществе леди. Но для миссис Уититерли было вполне достаточно двух титулов; грубость превращалась в юмор, вульгарность воспринималась как самая очаровательная эксцентричность, наглость принимала обличье легкой развязности, доступной лишь тем, кто имеет счастье общаться со знатью.

Если хозяйка давала такое толкование поведению своих гостей, то что могла возразить против них компань-

онка? Если они привыкли так мало сдерживать себя перед хозяйкой дома, то каковы же были те вольности, которые они могли себе позволить по отношению к подчиненной, получавшей жалованье! Но это было еще не наихудшее. По мере того как гнусный сэр Мальбери Хоук все более открыто ухаживал за Кэт, миссис Уититерли начала ревновать к превосходящей ее очарованием мисс Никльби. Если бы это чувство повлекло за собой ее изгнание из гостиной, когда там собиралось высокое общество, Кэт была бы только счастлива и радовалась бы тому, что такое чувство возникло; но на свою беду она отличалась той природной грацией, подлинным изяществом и тысячей не имеющих названия достоинств, в которых главным образом и состоит прелесть женского общества. Если повсюду имеют они цену, то в особенности ценны они были там, где хозяйка дома представляла собой одушевленную куклу. В результате Кэт переносила двойное унижение: должна была неизменно присутствовать, когда приходил сэр Мальбери со своими друзьями, и именно по этой причине была не защищена от всех капризов и дурного расположения духа миссис Уититерли, когда гости уходили. Она была глубоко несчастна.

Миссис Уититерли ни разу не сбрасывала маски перед сэром Мальбери и, если бывала более, чем обычно, не в духе, приписывала это обстоятельство — что иногда делают дамы — расстроенным нервам. Но, когда у этой леди зародилась и постепенно утвердилась страшная мысль, что лорд Фредерик Верисофт тоже слегка увлечен Кэт и что она, миссис Уититерли, является всего-навсего лицом второстепенным, миссис Уититерли преисполнилась в высшей степени приличным и весьма добродетельным негодованием и признала своим долгом как замужняя женщина и высоконравственный член общества безотлагательно сообщить об этом обстоятельстве «молодой особе».

В результате на следующее утро миссис Уититерли нарушила молчание во время перерыва в чтении романа.

— Мисс Никльби,— сказала миссис Уититерли,— я хочу поговорить с вами очень серьезно. Я сожалею, что принуждена это сделать, честное слово, очень сожалею, но другого выхода вы мне не оставили, мисс Никльби.

Тут миссис Уититерли тряхнула головой — не гневно, а только добродетельно — и заметила с некоторыми признаками возбуждения, что боится, как бы у нее не возобновилось сердцебиение.

— Ваше поведение, мисс Никльби,— продолжала леди,— мне отнюдь не нравится, отнюдь! Я горячо желаю, чтобы ваши дела шли хорошо, но можете быть уверены, мисс Никльби, что этого не случится, если вы будете вести себя, как теперь.

— Сударыня! — гордо воскликнула Кэт.

— Не волнуйте меня, говоря таким тоном, мисс Никльби, не волнуйте меня! — довольно резко сказала миссис Уититерли.— Иначе вы принудите меня позвонить в колокольчик.

Кэт посмотрела на нее, но ничего не сказала.

— Не воображайте, пожалуйста, мисс Никльби, что, если вы будете так на меня смотреть, это мне помешает сказать вам все, что я намерена сказать, считая это своим священным долгом. Можете не устремлять на меня ваши взгляды,— сказала миссис Уититерли с внезапным взрывом злобы,— я не сэр Мальбери, да и не лорд Фредерик Верисофт, и я не мистер Пайк и не мистер Плак.

Кэт снова посмотрела на нее, но уже не с такой твердостью, и, облокотившись о стол, прикрыла глаза рукою.

— Если бы подобная вещь произошла, когда я была молодой девушкой,— сказала миссис Уититерли (кстати, с тех пор прошло немалое время),— не думаю, чтобы кто-нибудь этому поверил.

— Да, я не думаю, что поверил бы,— прошептала Кэт.— Не думаю, что кто-нибудь мог бы поверить, если бы не знал всего, что я обречена переносить.

— Пожалуйста, не говорите мне о том, что вы обречены переносить, мисс Никльби,— сказала миссис Уититерли пронзительным голосом, совершенно неожиданным у столь великой страдалицы.— Я не желаю, чтобы мне отвечали, мисс Никльби. Я не привыкла, чтобы мне отвечали, и не допущу этого... Вы слышите? — добавила она, с явной непоследовательностью ожидая ответа.

— Я вас слушаю, сударыня,— ответила Кэт,— слушаю с удивлением, с бо́льшим удивлением, чем могу выразить.

— Я всегда считала вас весьма благовоспитанной молодой особой, если принять во внимание ваше общественное положение,— продолжала миссис Уититерли,— и так как ваша наружность свидетельствует о здоровье и вы аккуратно одеваетесь, то я заинтересовалась вами и продолжаю интересоваться, считая это в некотором роде моим долгом по отношению к почтенной старухе — вашей матери. По этой причине, мисс Никльби, я должна сказать вам сразу и прошу вас запомнить мои слова: я принуждена настаивать на том, чтобы вы немедленно изменили ваше весьма развязное обращение с джентльменами, посещающими этот дом. Право же, это неприлично,— сказала миссис Уититерли, закрывая при этих словах свои целомудренные глаза.— Это непристойно, просто непристойно!

— О! — вскричала Кэт, подняв глаза и сжимая руки.— Разве это не верх жестокости, разве человек способен слушать это? Разве мало того, что я страдала и днем и ночью, что я почти что пала в своих собственных глазах, от одного только стыда, общаясь вопреки своему желанию с подобными людьми? И на меня еще возводят это несправедливое и ни на чем не основанное обвинение!

— Будьте добры припомнить, мисс Никльби,— сказала миссис Уититерли,— что, употребляя такие слова, как «несправедливое» и «неосновaнное», вы, значит, упрекаете меня в том, что я говорю неправду.

— Да! — со справедливым негодованием сказала Кэт.— Выдвигаете ли вы это обвинение сами или по наущению других, мне все ясно. Я говорю, что оно подло, грубо, умышленно лживо! Может ли быть,— вскричала Кэт,— чтобы особа моего же пола могла смотреть и не видеть, какие мучения причиняют мне эти люди? Может ли быть, сударыня, чтобы вы были рядом и не замечали оскорбительной вольности, которую выражает каждый их взгляд? Может ли быть, чтобы вы не видели, как эти бесчестные люди, не питая ни малейшего уважения к вам и совершенно пренебрегая правилами поведения, приличествующего джентльменам, и даже пристойностью, преследовали только одну цель, когда явились сюда, и цель эта — осуществить свой замысел, направленный против

беззащитной девушки, которая и без этого унизительного признания должна была бы надеяться на женское участие и помощь той, кто гораздо старше ее? Я не верю, я не могу этому поверить!

Если бы бедная Кэт хоть сколько-нибудь знала жизнь, она, конечно, не осмелилась бы, даже в том возбужденном состоянии, до которого ее довели, произнести столь неосторожные слова. Действие их мог в точности предвидеть более опытный наблюдатель. Миссис Уититерли встретила атаку на собственную правдивость с примерным спокойствием и выслушала с героической стойкостью отчет о страданиях Кэт. Но ссылка на неуважение к ней джентльменов привела ее в сильнейшее волнение, а когда за этим ударом последовало замечание касательно ее зрелого возраста, она немедленно упала на софу, испуская отчаянные вопли.

— Что случилось? — вскричал мистер Уититерли, врываясь в комнату.— О небо, что я вижу? Джулия, Джулия! Открой глаза, жизнь моя, открой глаза!

Но Джулия упорно не желала открыть глаза и завизжала еще громче. Тогда мистер Уититерли позвонил в колокольчик, заплясал, как сумасшедший, вокруг софы, на которой лежала миссис Уититерли, и истошно завопил, призывая сэра Тамли Снафима и упорно требуя какого-нибудь объяснения происходившей перед ним сцены.

— Беги за сэром Тамли! — закричал мистер Уититерли, обоими кулаками грозя пажу.— Я это предвидел, мисс Никльби,— сказал он, оглядываясь с меланхолическим и торжествующим видом.— Это общество оказалось ей не по силам. Все в ней, знаете ли, одна душа, все... до последнего кусочка.

После такого заверения мистер Уититерли поднял распростертую бренную оболочку миссис Уититерли и отнес ее на кровать.

Кэт подождала, пока сэр Тамли Снафим не закончил своего визита и не явился с сообщением, что благодаря специальному вмешательству милосердного провидения (так выразился сэр Тамли) миссис Уититерли заснула. Тогда она быстро оделась, чтобы выйти из дому, и, передав, что вернется часа через два, поспешила к дому своего дяди.

Для Ральфа Никльби день выдался весьма удачный, прямо-таки счастливый день. Когда он шагал взад и вперед по своему маленькому кабинету, заложив руки за спину и мысленно подсчитывая суммы, которые застряли или застрянут в его сети благодаря делам, проведенным с утра, рот его растягивался в жесткую, суровую улыбку, а твердость линий и изгибов, образовавших эту улыбку, и хитрое выражение холодных блестящих глаз как будто говорили, что, если беспощадность или хитрость могут увеличить прибыль, он не преминет прибегнуть к ним для этой цели.

— Прекрасно! — сказал Ральф, несомненно намекая на какую-то операцию этого дня.— Он бросает вызов ростовщику? Хорошо, посмотрим. «Честность — наилучшая политика», вот как? Испробуем и это.

Он остановился, затем снова стал шагать.

— Он рад,— сказал Ральф, растягивая рот в улыбку,— рад противопоставить свою всем известную репутацию и порядочность власти денег. «Презренный металл» — так он их называет. Каким безмозглым идиотом должен быть этот человек! Презренный металл! Как бы не так! Кто там?

— Я,— сказал Ньюмен Ногс.— Ваша племянница.

— Ну, так что с ней? — резко спросил Ральф.

— Она здесь.

— Здесь?

Ньюмен мотнул головой в сторону своей комнатки, давая понять, что она ждет там.

— Что ей нужно? — осведомился Ральф.

— Не знаю,— ответил Ньюмен.— Спросить? — быстро добавил он.

— Нет,— возразил Ральф.— Впустите ее... Постойте! — Он быстро спрятал стоявшую на столе шкатулку с деньгами, снабженную висячим замком, и на ее место положил пустой кошелек.— Вот теперь она может войти!

Хмуро улыбнувшись этому маневру, Ньюмен дал знак молодой леди войти и, придвинув ей стул, удалился; медленно уходя и прихрамывая, он украдкой поглядывал через плечо на Ральфа.

— Ну-с,— сказал Ральф довольно грубо, но все-таки в тоне его было больше добродушия, чем мог бы он про-

явить по отношению к кому бы то ни было другому.— Ну-с, моя... дорогая? Что у вас там еще?

Кэт подняла глаза, полные слез, и, сделав усилие, чтобы совладать со своим волнением, попыталась заговорить, но безуспешно. Снова опустив голову, она молчала. Ральфу не видно было ее лица, но он знал, что она плачет.

«Я угадываю причину,— подумал Ральф, некоторое время смотревший на нее молча.— Я угадываю причину. Ну-ну! — подумал Ральф, на секунду совсем растерявшись при виде терзаний своей красивой племянницы.— Велика беда! Всего несколько слезинок, а ей это послужит превосходным уроком, превосходным уроком».

— В чем дело? — спросил Ральф, придвигая стул и садясь против нее.

Его слегка смутила внезапная решимость, с какой Кэт подняла глаза и ответила ему.

— Дело, которое привело меня сюда, сэр, такого свойства, что вам должна кровь броситься в лицо и вам придется гореть от стыда, слушая меня, как горю я, рассказывая! Мне нанесли тяжелую обиду, мои чувства оскорблены, возмущены, ранены смертельно вашими друзьями.

— Друзьями! — нахмурясь, воскликнул Ральф.— Милая моя, у *меня* нет друзей.

— Значит, людьми, которых я встретила здесь! — воскликнула Кэт.— Если они вам не друзья и вы знали, что они за люди, о, тем стыднее вам, дядя, что вы ввели меня в их среду! Если вы подвергли меня таким испытаниям, потому что были обмануты в своем доверии или недостаточно знали ваших гостей, то и тогда вина ваша велика! Но если вы это сделали, зная их хорошо,— а теперь я думаю, что так оно и было,— то это величайшая подлость и жестокость!

Ральф отпрянул, приведенный в полное изумление этими откровенными словами, и бросил на Кэт самый суровый взгляд. Но она встретила его гордо и непоколебимо, и ее лицо, хотя и очень бледное, казалось сейчас, в минуту волнения, более благородным и прекрасным, чем когда бы то ни было.

— Я вижу, и в вас есть кровь этого мальчишки,— сказал Ральф самым жестким своим тоном, когда вспыхнувшие ее глаза напомнили ему Николаса во время последнего их свидания.

— Надеюсь, что да! — ответила Кэт.— Я должна этим гордиться. Я молода, дядя, горести и трудности моего положения заставили меня склонить голову, но дольше я, дочь вашего брата, *не хочу* переносить эти оскорбления!

— Какие оскорбления, моя милая? — резко спросил Ральф.

— Вспомните, что произошло здесь, и задайте этот вопрос себе! — густо покраснев, ответила Кэт.— Дядя, вы должны — я уверена, что вы это сделаете,— должны избавить меня от общества гнусных и подлых людей, перед которыми я теперь беззащитна. Я не хочу,— сказала Кэт, быстро подойдя к старику и положив руку ему на плечо,— я не хочу быть вспыльчивой, я прошу у вас прощения, если вам показалось, что я вспылила, дорогой дядя, но вы не знаете, конечно вы не знаете, как я страдала. Вы не можете знать сердце молодой девушки — я не имею никакого права ждать этого от вас. Но, когда я говорю вам, что я несчастна, что сердце у меня надрывается, я уверена, что вы мне поможете. Я уверена, уверена!

Ральф мгновение смотрел на нее, потом отвернулся и стал нервно постукивать ногой по полу.

— Я терпела день за днем,— сказала Кэт, наклоняясь к нему и робко вкладывая маленькую ручку в его руку,— надеясь, что это преследование прекратится. Я терпела день за днем и должна была притворяться веселой, когда я была так несчастна. У меня не было ни помощника, ни советчика — никого, кто бы меня защитил. Мама думает, что они люди достойные, богатые, благовоспитанные, и как могу я, как могу я раскрыть ей глаза, когда ее так радуют эти маленькие иллюзии, а других радостей у нее нет? Леди, к которой вы меня поместили, не такая особа, чтобы я могла ей довериться в столь деликатном вопросе, и вот, наконец, я пришла к вам, к единственному другу, который здесь, близко,— чуть ли не единственному другу, какой есть у меня на свете,— чтобы просить и умолять вас мне помочь!

— Как я могу помочь вам, дитя? — спросил Ральф, вставая со стула, и принялся шагать по комнате, снова заложив руки за спину.

— Я *знаю,* на одного из этих людей вы имеете влияние,— решительно заявила Кэт.— Разве ваше слово не заставит их тотчас же отказаться от этого недостойного поведения?

— Нет,— ответил Ральф, неожиданно повернувшись.— А если бы и заставило, я не могу сказать его.

— Не можете сказать его?

— Не могу,— повторил Ральф, останавливаясь как вкопанный и крепче сжимая за спиной руки.— Я не могу сказать его.

Кэт отступила шага на два и посмотрела на него, словно сомневаясь, не ослышалась ли она.

— Мы связаны делами,— сказал Ральф, балансируя то на носках, то на каблуках и холодно глядя в лицо племяннице,— делами, и я не могу нанести оскорбление этим людям. В конце концов что за беда? У нас у всех бывают свои испытания, и это одно из ваших. Иные девушки гордились бы, видя у своих ног таких поклонников.

— Гордились! — вскричала Кэт.

— Я не говорю, что вы не правы, презирая их,— продолжал Ральф, подняв указательный палец.— Нет, в этом вы проявили здравый смысл, как я и предвидел с самого начала. Ну что ж, прекрасно. Во всех других отношениях вы хорошо устроены. С вашим положением не так уж трудно мириться. Если этот молодой лорд ходит за вами по пятам и нашептывает вам на ухо бессмысленный вздор, что за беда? Страсть эта безнравственна? Пусть так: долго она не продлится. В один из ближайших дней появится что-нибудь новенькое, и вы будете свободны. А пока...

— А пока,— перебила Кэт со справедливым чувством гордости и негодования,— я должна быть позором для моего пола и игрушкой для другого, навлекать на себя заслуженное осуждение всех порядочных женщин и презрение всех честных и достойных мужчин, терять уважение к себе и быть униженной в глазах всех, кто на меня смотрит! Нет, этого не будет, хотя бы мне пришлось тру-

диться, стирая пальцы до кости, хотя бы я должна была взяться за самую грязную и тяжелую работу! Не поймите меня превратно. Я не опорочу вашей рекомендации. Я останусь в этом доме, куда вы меня поместили, пока не буду вправе покинуть его по условиям моего соглашения, но помните: тех людей я больше не увижу! Когда я оттуда уйду, я спрячусь от них и от вас, и, принявшись за тяжелый труд, чтобы содержать мать, я буду по крайней мере жить спокойно и верить, что бог мне поможет!

С этими словами она махнула рукой и вышла из комнаты, оставив Ральфа Никльби застывшим, как статуя.

Закрыв дверь, Кэт едва не вскрикнула от удивления, обнаружив Ньюмена Ногса, стоявшего в маленькой нише в стене, словно воронье пугало или Гай Фокс *, спрятанный на зиму в чулан. Но у нее хватило присутствия духа сдержать себя, так как Ньюмен приложил палец к губам.

— Не надо,— сказал Ньюмен, выскользнув из своего тайника и провожая ее через холл.— Не плачьте, не плачьте.

А в это время две крупные слезы катились по щекам Ньюмена.

— Я знаю, каково вам! — сказал бедный Ногс, вытаскивая из кармана нечто похожее на старую пыльную тряпку и вытирая ею глаза Кэт с такою нежностью, словно она была малюткой.— Сейчас вы ослабели. Да, да, очень хорошо. Это правильно, мне это нравится. Правильно, что не ослабели перед ним. Да, да. Ха-ха-ха! О да! Бедняжка!

С такими бессвязными восклицаниями Ньюмен вытер и себе глаза упомянутой пыльной тряпкой и, проковыляв к входной двери, открыл ее, чтобы выпустить Кэт.

— Не плачьте больше,— прошептал Ньюмен.— Скоро я вас увижу. Ха-ха-ха! И еще кто-то вас увидит. Да, да. Хо-хо!

— Да благословит вас бог,— сказала Кэт, быстро уходя.— Да благословит вас бог!

— И вас также! — подхватил Ньюмен, снова приоткрыв немного дверь, чтобы сказать эти слова.— Ха-ха-ха! Хо-хо-хо!

И Ньюмен Ногс еще раз открыл дверь, чтобы весело

кивнуть и засмеяться, и закрыл ее, чтобы горестно покачать головой и заплакать.

Ральф оставался в прежней позе, пока не услышал стука захлопнувшейся двери, после чего пожал плечами и, пройдясь несколько раз по комнате,— сначала быстро, потом, по мере того как приходил в себя замедляя шаги,— сел к столу.

Вот одна из тех загадок человеческой природы, которые могут быть поставлены, но не разрешены. Хотя в тот момент Ральф нисколько не раскаивался в своем поведении по отношению к невинной чистосердечной девушке, хотя его распутные клиенты поступили именно так, как он рассчитывал — именно так, как он больше всего желал, именно так, как было ему наиболее выгодно,— однако он всей душой ненавидел их за то, что они так поступили.

— Уф! — сказал Ральф, хмурясь и грозя кулаком, когда в его воображении возникли лица двух распутников.— Вы за это заплатите. О, вы за это заплатите!

Ростовщик в поисках утешения обратился к своим книгам и бумагам, а за дверью его делового кабинета шел спектакль, который привел бы его в немалое изумление, если бы он каким-то образом мог взглянуть на него.

Ньюмен Ногс был единственным актером. Он стоял в нескольких шагах от двери, повернувшись к ней лицом, и, засучив рукава, занимался тем, что осыпал по всем правилам искусства самыми энергическими ударами пустое пространство.

На первый взгляд это могло показаться лишь мудрой мерой предосторожности человека, ведущего сидячий образ жизни,— мерой, принимаемой для расширения грудной клетки и развития ручных мышц. Но напряжение и радость на лице Ньюмена Ногса, которое было залито потом, изумительное упорство, с каким он направлял непрерывный поток ударов в сторону дверной филенки, примерно в пяти футах девяти дюймах от пола, и неутомимость, с какой он действовал,— все это в достаточной мере объяснило бы зоркому наблюдателю, что Ньюмен Ногс в воображении своем избивает до полусмерти своего весьма деятельного хозяина, мистера Ральфа Никльби.

ГЛАВА XXIX

О делах Николаса и о разладе в труппе мистера Винсента Крамльса

Неожиданный успех и благоволение, с которым был принят первый опыт Николаса в Портсмуте, побудили мистера Крамльса затянуть пребывание в этом городе на две недели дольше срока, назначенного им первоначально для своего визита, и за это время Николас сыграл множество разнообразнейших ролей с неизменным успехом и привлек в театр столь многих зрителей, раньше никогда там не бывавших, что бенефис показался директору многообещающей затеей. Так как Николас согласился на предложенные условия, бенефис был назначен, и благодаря ему он выручил ни больше ни меньше как двадцать фунтов.

Оказавшись неожиданным обладателем такого богатства, Николас первым делом отправил по почте славному Джону Брауди сумму, равную его дружеской ссуде; посылку денег он сопроводил изъявлениями благодарности и уважения и сердечными пожеланиями счастья в супружеской жизни. Ньюмену Ногсу он послал половину полученных денег, умоляя его найти случай вручить деньги Кэт потихоньку и передать ей горячие заверения в его любви и привязанности. Он ни словом не упомянул о том, какое нашел себе занятие, только уведомил Ньюмена, что письмо, адресованное ему на вымышленную его фамилию в Портсмут, Почтамт, всегда дойдет до него, и умолял достойного друга написать подробно о положении матери и сестры и дать отчет обо всех великих благодеяниях, какие оказал им Ральф Никльби со времени его отъезда из Лондона.

— Вам не по себе,— сказал Смайк в тот вечер, когда было отправлено письмо.

— Ничуть не бывало,— возразил Николас с напускной веселостью, чтобы не сделать юношу несчастным на весь вечер.— Я думал о моей сестре, Смайк.

— О сестре?

— Да.

— Она похожа на вас? — осведомился Смайк.

— Говорят, что похожа,— смеясь, ответил Николас,— только гораздо красивее.

— Значит, она *очень* красива,— сказал Смайк, после того как некоторое время молча размышлял, сложив руки и не спуская глаз со своего друга.

— Каждый, кто не знает вас так, как знаю я, сказал бы, что вы — настоящий кавалер,— заявил Николас.

— А я даже не понимаю, что это значит,— покачивая головой, заметил Смайк.— Увижу я когда-нибудь вашу сестру?

— Конечно! — воскликнул Николас.— Скоро мы будем жить все вместе... когда мы разбогатеем, Смайк.

— Как это случилось, что у вас, такого ласкового и доброго ко мне, нет никого, кто был бы добр к вам? — спросил Смайк.— Я не могу понять.

— Ну, это длинная история,— ответил Николас,— и боюсь, что ее вам нелегко будет понять. У меня есть враг — вы знаете, что значит иметь врага?

— О да, это я знаю,— сказал Смайк.

— Так вот, он тому причина,— продолжал Николас.— Он богат, и его не так легко наказать, как вашего старого врага мистера Сквирса. Он мой дядя, но он негодяй и причинил мне зло.

— Это правда? — спросил Смайк, с волнением наклоняясь вперед.— Как его зовут? Скажите мне его имя.

— Ральф, Ральф Никльби.

— Ральф Никльби,— повторил Смайк.— Ральф. Это имя я заучу наизусть.

Он пробормотал его себе под нос раз двадцать, но тут громкий стук в дверь отвлек его от этого занятия. Не успел он ее открыть, как мистер Фолер, пантомимист, просунул голову в комнату.

Голова мистера Фолера обычно была украшена круглой шляпой с необычно высокой тульей и круто загнутыми полями. На этот раз он надел ее совсем набекрень и задом наперед, так как сзади она меньше порыжела; шею он обмотал огненно-красным шерстяным шарфом, выбившиеся концы которого выглядывали из-под поношенного ньюмаркетского пальто *, очень узкого и застегнутого сверху донизу. В руке он держал одну, очень грязную, перчатку и дешевую тросточку со стеклянной

ручкой. Короче говоря, вид у него был ослепительный и свидетельствовал о том, что он уделил своему туалету значительно больше внимания, чем обычно.

— Добрый вечер, сэр,— сказал мистер Фолер, снимая шляпу с высокой тульей и расчесывая волосы пальцами.— Я пришел к вам с поручением. Гм!

— От кого и в чем дело? — осведомился Николас.— У вас сегодня необычайно таинственный вид.

— Холодный, быть может,— возразил мистер Фолер,— быть может, холодный. Тому виной мое положение — вина не моя, мистер Джонсон. Этого требует мое положение, сэр, как общего друга.

Мистер Фолер умолк с весьма внушительным видом и, запустив руку в упомянутую шляпу, извлек оттуда кусок бурой бумаги, затейливо сложенный, из коей вынул записку, которая благодаря этой бумаге осталась чистой и, протянув ее Николасу, сказал:

— Будьте добры прочесть это, сэр.

Николас с величайшим изумлением взял записку и сломал печать, поглядывая при этом на мистера Фолера, который, с большим достоинством сдвинув брови и поджав губы, сидел и упорно смотрел в потолок.

Она была адресована Джонсону, эсквайру, через посредство Огастеса Фолера, эсквайра, и изумление Николаса отнюдь не уменьшилось, когда он обнаружил, что она составлена в следующих лаконических выражениях:

«Мистер Ленвил свидетельствует свое глубокое уважение мистеру Джонсону и будет признателен, если он уведомит его, в котором часу завтра утром будет ему наиболее удобно встретиться с мистером Л. в театре с тою целью, чтобы мистер Л. дернул его за нос в присутствии труппы.

Мистер Ленвил просит мистера Джонсона не преминуть назначить ему свидание, так как он пригласил двух-трех друзей, актеров, быть свидетелями церемонии и ни в коем случае не может обмануть их ожидания.

Портсмут, вторник вечером».

Было что-то столь восхитительно нелепое в этом письменном вызове, что Николас хотя и возмутился подобной наглостью, однако принужден был закусить губу и раза три перечитать записку, прежде чем ему удалось

в достаточной мере вооружиться серьезностью и строгостью, чтобы обратиться к вражескому посланцу, который не отрывал глаз от потолка и совершенно не изменил выражения своей физиономии.

— Вам известно содержание этой записки, сэр? — спросил он наконец.

— Да,— ответил мистер Фолер, на секунду оглядываясь и тотчас же снова вперив взгляд в потолок.

— А как вы осмелились принести ее сюда, сэр? — осведомился Николас, разорвав ее на мельчайшие кусочки и швырнув в лицо посланцу.— Вы не подумали, что вас пинком спустят с лестницы, сэр?

Мистер Фолер повернул к Николасу голову, украшенную сейчас несколькими обрывками записки, и все так же невозмутимо, с достоинством ответил коротко:

— Нет.

— В таком случае,— сказал Николас, взяв шляпу с высокой тульей и швырнув ее к двери,— советую вам последовать за этой принадлежностью вашего туалета, сэр, иначе вы будете весьма неприятно разочарованы,— и не позже, как через десять секунд...

— Послушайте, Джонсон,— запротестовал мистер Фолер, внезапно потеряв все свое достоинство,— этого, знаете ли, не нужно. Никаких шуток с гардеробом джентльмена!

— Убирайтесь вон! — крикнул Николас.— Негодяй! Как хватило у вас дерзости явиться сюда с таким поручением?

— Фу-фу! — сказал мистер Фолер, разматывая шерстяной шарф и постепенно освобождаясь от него.— Ну, довольно!

— Довольно? — вскричал Николас, приближаясь к нему.— Вон, сэр!

— Фу-фу! Говорю же вам,— возразил мистер Фолер, помахивая рукой, чтобы предупредить новую вспышку гнева,— это было не всерьез. Я просто пошутил.

— Вы бы лучше не забавлялись впредь такими шутками! — сказал Николас.— А не то вам придется убедиться, что тот, над кем вы насмехаетесь, первый приведет угрозу в исполнение и дернет вас за нос! Скажите, пожалуйста, это было написано также в шутку?

— Нет! — объявил актер.— Самым серьезнейшим образом, клянусь честью.

Николас не мог не улыбнуться при виде странной фигуры, которая всегда должна была вызывать скорее смех, чем гнев, а в данном случае казалась особенно смешной: мистер Фолер, опустившись на одно колено, начал крутить надетую на руку шляпу, словно его терзали мучительнейшие опасения, как бы ее не лишили ворса — украшения, которым она уже много месяцев не могла похвастать.

— Послушайте, сэр,— сказал Николас, поневоле рассмеявшись,— будьте добры объясниться.

— Я вам изложу, как было дело,— сказал мистер Фолер, с большим хладнокровием усаживаясь на стул.— С тех пор как вы сюда приехали, у Ленвила ничего не осталось, кроме второстепенных ролей, и вместо приема каждый вечер, как бывало раньше, публика к его выходу относится так, словно он — никто.

— Что вы называете приемом? — осведомился Николас.

— О боги! — воскликнул мистер Фолер.— Какой же вы наивный пастушок, Джонсон! Ну, разумеется, аплодисменты публики при первом выходе! И вот он выходил вечер за вечером, не получая ни одного хлопка, тогда как вас приветствовали рукоплесканиями по крайней мере два, а иногда и три раза, так что, наконец, он впал в отчаяние и вчера вечером совсем было уже решился играть Тибальда с настоящей шпагой и проколоть вас — не опасно, а только... чтобы уложить вас месяца на два.

— Очень деликатно с его стороны,— заметил Николас.

— Да, я тоже так думаю, если принять во внимание обстоятельства: на карту была поставлена его репутация актера,— очень серьезно сказал мистер Фолер.— Но мужество ему изменило, и он стал придумывать какой-нибудь другой способ досадить вам и в то же время завоевать себе популярность, ибо в этом суть. Громкая молва! Вот что ему нужно. Ах, боже мой, если бы он вас проколол,— сказал мистер Фолер, приостановившись, чтобы произвести в уме вычисления,— это бы ему принесло — ах! — это бы ему принесло восемь или десять

шиллингов в неделю. Весь город пошел бы смотреть актера, который случайно чуть не убил человека. Я бы не удивился, если бы это доставило ему ангажемент в Лондоне. Однако он принужден был испробовать какое-нибудь другое средство стать популярным, и вот это и пришло ему в голову. Право же, идея недурна! Если бы вы струсили и позволили ему дернуть вас за нос, он постарался бы, чтобы это попало в газету; если бы вы поклялись изувечить его, об этом тоже напечатали бы, и о нем говорили бы столько же, сколько и о вас, понимаете?

— О, разумеется! — отозвался Николас.— А что, если бы я смешал ему все карты и дернул *его* за нос, что тогда? Принесло бы это ему удачу?

— Ну, не думаю,— ответил мистер Фолер, почесывая голову,— потому что в этом не было бы ничего романтического и такая известность не пошла бы ему на пользу. Но, сказать вам по правде, этого он почти не принимал в расчет: вы всегда так ласковы и любезны и пользуетесь такой любовью наших дам, что мы не допускали мысли о вашем сопротивлении. Впрочем, если бы это и случилось, у него есть средство выпутаться благополучно, будьте уверены.

— Вот как? — отозвался Николас.— Завтра утром мы это проверим. А пока вы можете дать какой вам вздумается отчет о нашем свидании. Спокойной ночи.

Так как мистер Фолер был хорошо известен среди собратьев-актеров как любитель сеять раздор и отнюдь не отличался щепетильностью, Николас нисколько не сомневался в том, что он тайком подстрекнул трагика к такому образу действий. Мало того, он выполнил бы свое поручение чрезвычайно высокомерно, если бы не был сбит с толку весьма неожиданным протестом, который оно вызвало. Однако не имело смысла относиться к нему серьезно, и Николас выпроводил пантомимиста, деликатно намекнув, что в случае нового оскорбления ему грозит опасность остаться с проломанной головой. Мистер Фолер, весьма добродушно выслушав предостережение, удалился, чтобы побеседовать со своим другом и дать о своей миссии такой отчет, какой, по его мнению, наиболее способствовал бы исполнению намеченного плана.

Несомненно, он доложил, что Николас вне себя от страха, ибо на следующее утро, когда сей молодой джентльмен спокойно отправился в обычный час в театр, он застал всю труппу в явном ожидании, а мистер Ленвил, состроив самую свирепую трагическую мину, величественно восседал на столе и вызывающе посвистывал.

Леди были на стороне Николаса, а джентльмены (будучи ревнивы) оказались на стороне разочарованного трагика; поэтому последние образовали маленькую группу вокруг грозного мистера Ленвила, а первые наблюдали издали не без трепета и волнения. Когда Николас остановился, чтобы поздороваться с ними, мистер Ленвил презрительно захохотал и высказал общие замечания о природе щенят.

— А! — сказал Николас, спокойно оглянувшись.— Вы здесь?

— Раб! — ответствовал мистер Ленвил, помахивая правой рукой и приближаясь к Николасу театральным шагом.

Но почему-то в этот момент он казался слегка удивленным, словно у Николаса был не такой уж испуганный вид, как он ожидал, и вдруг неуклюже остановился, причем собравшиеся леди разразились визгливым смехом.

— Предмет моей злобы и ненависти! — сказал мистер Ленвил.— Я питаю презрение к вам!

Николас рассмеялся, наслаждаясь этим совершенно неожиданным представлением, а леди в виде поощрения засмеялись еще громче, тогда как мистер Ленвил воспользовался самой горькой из своих улыбок и назвал их «фаворитками».

— Но они вас не защитят! — сказал трагик, окидывая Николаса взглядом снизу вверх, начиная с его башмаков и кончая макушкой, а затем сверху вниз, начиная с макушки и кончая башмаками (эти два взгляда, как всем известно, выражают на сцене вызов).— Они вас не защитят, мальчишка!

При этих словах мистер Ленвил скрестил руки и угостил Николаса той миной, с какой в мелодраматических ролях он имел обыкновение взирать на королей-тиранов, когда те говорили: «Бросьте его в самую глубокую тем-

ницу под рвом за́мка», и которая, как известно, производила в свое время при слабом бряцании цепей чрезвычайно сильное впечатление.

То ли из-за отсутствия цепей, то ли по какой-нибудь другой причине, но на противника мистера Ленвила это возымело не очень сильное действие и скорее способствовало веселому расположению духа, отразившемуся на его физиономии. В этой стадии поединка два-три джентльмена, пришедшие специально с целью быть свидетелями, как Николаса дернут за нос, проявили признаки нетерпения, пробормотав, что если уж вообще это делать, то лучше сделать сразу, и что если мистер Ленвил не намерен это делать, то пусть он так и скажет и не заставляет их ждать. Таким образом понукаемый, трагик поправил обшлаг правого рукава для произведения вышеупомянутой операции и величественной поступью направился к Николасу, который дал ему подойти на требуемую дистанцию, а затем, сохраняя полнейшее спокойствие, сбил с ног одним ударом.

Не успел поверженный трагик оторвать голову от пола, как миссис Ленвил (которая, как было упомянуто выше, находилась в интересном положении) выбежала из задней шеренги дам и, испустив пронзительный вопль, упала на его тело.

— Вы это видите, чудовище! Видите вы это? — вскричал мистер Ленвил, садясь и указывая на свою распростертую леди, которая крепко обхватила его за талию.

— Полно! — сказал Николас, кивая головой.— Принесите извинения за дерзкую записку, которую вы мне вчера прислали, и не тратьте времени на болтовню!

— Никогда! — крикнул мистер Ленвил.

— Извинись, извинись! — застонала его жена.— Ради меня, ради меня, Ленвил, откажись от всех условностей, иначе увидишь меня бездыханным трупом у своих ног!

— Это трогательно! — сказал мистер Ленвил, озираясь и проводя тыльной стороной руки по глазам.— Узы природы сильны. Слабый супруг и отец — будущий отец — смягчается. Я приношу извинения.

— Смиренно и покорно? — спросил Николас.

— Смиренно и покорно,— подтвердил трагик, хмуро поднимая глаза.— Но только чтобы спасти ее, ибо настанет день...

— Прекрасно,— сказал Николас,— надеюсь, для миссис Ленвил он будет счастливым, а когда он настанет и вы будете отцом, вы возьмете назад свои извинения, если у вас хватит храбрости. В следующий раз, сэр, подумайте о том, до чего вас может довести ваша зависть. И подумайте также о том, что нужно удостовериться, каков характер у вашего противника, прежде чем заходить слишком далеко.

С этим прощальным советом Николас поднял ясеневую трость мистера Ленвила, которую тот уронил и, сломав ее пополам, швырнул ему обломки и удалился.

С глубочайшим уважением относились все в тот вечер к Николасу. Те, кому утром не терпелось, чтобы его дернули за нос, ловили случай отвести его в сторонку и поведать, сколь они довольны, что он надлежащим образом проучил Ленвила, несноснейшего человека, которого все они, по замечательному совпадению, намеревались подвергнуть рано или поздно заслуженному наказанию, от чего их удерживали только соображения, продиктованные милосердием. Право же, если судить по неизменному окончанию всех этих рассказов, не бывало еще на свете таких сострадательных и добрых людей, как представители мужского пола в труппе мистера Крамльса.

Николас принял свой триумф так же, как и свой успех в маленьком театральном мирке: с величайшей сдержанностью и добродушием. Павший духом мистер Ленвил сделал жалкую попытку отомстить, послав какого-то юнца свистеть на галерку, но тот пал жертвой народного негодования и был быстро изгнан, не получив денег обратно.

— Ну что, Смайк? — спросил Николас, когда была сыграна первая пьеса и он кончал переодеваться, чтобы идти домой.— Нет ли письма?

— Есть,— ответил Смайк.— Вот что я принес с почты.

— От Ньюмена Ногса,— сказал Николас, взглянув на неразборчиво написанный адрес.— Нелегкое дело разобрать его писания. Посмотрим, посмотрим.

После получасового внимательного изучения письма он ухитрился овладеть его содержанием, которое, разумеется, было не таково, чтобы его успокоить. Ньюмен взял на себя ответственность отослать ему обратно десять фунтов, сообщая, что, как он установил, ни миссис Никльби, ни Кэт в настоящее время не испытывают нужды в деньгах и что скоро может настать день, когда они больше понадобятся самому Николасу. Он умолял его не беспокоиться по поводу того, что он пишет ему дальше: никаких дурных новостей нет — они в добром здоровье,— но он полагает, что для Кэт может оказаться совершенно необходимым воспользоваться защитой брата; и буде это случится, писал Ньюмен, он даст ему тотчас же знать.

Николас много раз перечитал это место, и чем больше он о нем думал, тем сильнее начинал опасаться какого-нибудь вероломства со стороны Ральфа. Раза два он почувствовал соблазн поехать на авось в Лондон, не медля ни часа, но недолгие размышления убедили его в том, что в случае необходимости такого шага Ньюмен был бы откровенен и сейчас же написал бы ему об этом.

— Как бы там ни было, я должен предупредить их здесь о возможности моего внезапного отъезда,— сказал Николас.— Нужно это сделать не теряя времени.

Как только эта мысль пришла ему в голову, он взял шляпу и поспешил в фойе для актеров.

— Итак, мистер Джонсон,— сказала миссис Крамльс, которая сидела там в полном королевском уборе, держа в материнских объятиях феномена в костюме девы,— на будущей неделе в Райд, затем в Уинчестер, затем...

— У меня есть основания опасаться,— перебил Николас,— что, прежде чем вы отсюда уедете, моя карьера у вас будет закончена.

— Закончена? — вскричала миссис Крамльс, в изумлении воздев руки.

— Закончена? — вскричала облаченная в трико мисс Сневелличчи, так сильно задрожав, что даже вынуждена была опереться о плечо директрисы.

— Уж не хочет ли он сказать, что уезжает? — воскликнула миссис Граден, приближаясь к миссис Крамльс.— Вздор! Глупости!

Феномен, будучи по природе своей привязчив и вдобавок легко возбудим, издал громкий вопль, а мисс Бельвони и мисс Бравасса по-настоящему прослезились. Даже мужской персонал труппы оборвал беседу и повторил слово «уезжает!», хотя некоторые актеры (а они-то громче всех поздравляли его в тот день) перемигнулись, словно им не жаль было потерять столь удачливого соперника,— мнение, которое честный мистер Фолер, уже переодетый дикарем, откровенно высказал в нескольких словах демону, с коим распивал кружку портера.

Николас коротко сказал, что такие опасения у него есть, хотя говорить с уверенностью он еще не может, и, постаравшись поскорее уйти, отправился домой перечитывать письмо Ньюмена и заново его обдумывать.

Каким ничтожным казалось ему в эту бессонную ночь все, что в течение многих недель занимало его время и мысли, и как упорно и настойчиво представлялось его воображению, что, может быть, в эту самую минуту Кэт, окруженная какими-то опасностями, в отчаянии призывает его — и призывает тщетно!

ГЛАВА XXX

Празднества в честь Николаса, который внезапно покидает мистера Винсента Крамльса и своих театральных приятелей

Едва узнав о том, что Николас публично заявил о возможности выхода из труппы в ближайшее время, мистер Винсент Крамльс обнаружил все признаки скорби и ужаса и в порыве отчаяния дал даже некоторые туманные обещания повысить незамедлительно не только постоянное его жалованье, но и случайное вознаграждение за авторство. Убедившись, что Николас твердо намерен покинуть труппу (ибо теперь он решил, что, даже если не будет больше известий от Ньюмена, он для своего успокоения на всякий случай отправится в Лондон и удостоверится, каково в действительности положение его сестры), мистер Крамльс поневоле должен был довольство-

ваться подсчитыванием шансов на его возвращение и принятием быстрых и энергических мер для извлечения наибольшей выгоды из него, пока он не уехал.

— Позвольте-ка,— сказал мистер Крамльс, снимая свой парик изгнанника, дабы со свежей головой обдумать создавшуюся ситуацию,— позвольте-ка: сегодня у нас среда, вечер. Утром мы первым делом развесим афиши, объявляющие категорически о вашем последнем выступлении завтра.

— Но, возможно, это будет не последнее мое выступление,— сказал Николас.— Если меня не вызовут, я бы не хотел поставить вас в затруднительное положение, уйдя до конца недели.

— Тем лучше,— сказал мистер Крамльс.— У вас может быть безусловно самое последнее выступление в четверг, ангажемент на один вечер в пятницу и, уступая желанию многочисленных влиятельных патронов, которым не удалось достать места,— в субботу. Это должно дать три весьма приличных сбора.

— Значит, у меня будет три последних выступления? — улыбаясь, спросил Николас.

— Вот именно,— отозвался директор, с огорченным видом почесывая голову.— Трех недостаточно, и по всем правилам полагается устроить еще несколько, но раз ничего нельзя поделать, значит ничего не поделаешь, а стало быть, и говорить об этом не стоит. Что-нибудь новенькое было бы очень желательно. Вы не могли бы спеть комическую песенку верхом на пони?

— Нет, не могу,— ответил Николас.

— Прежде это приносило деньги,— с разочарованным видом сказал мистер Крамльс.— Что вы скажете по поводу ослепительного фейерверка?

— Это обошлось бы довольно дорого,— сухо отозвался Николас.

— Хватило бы восемнадцати пенсов,— сказал мистер Крамльс.— Вы с феноменом на возвышении в две ступени в живой картине: сзади на транспаранте — «Счастливого пути», и девять человек вдоль кулис с петардами в обеих руках — все полторы дюжины взрываются сразу. Это было бы грандиозно! Зрелище устрашающее, просто устрашающее!

Так как Николас как будто вовсе не почувствовал величия предполагаемого зрелища, но, наоборот, принял предложение крайне непочтительно и от души посмеялся над ним, мистер Крамльс отказался от проекта в момент его зарождения и хмуро заметил, что они должны дать наилучшую программу с поединками и матросскими танцами и, таким образом, не отступать от узаконенного порядка.

С целью немедленно привести этот план в исполнение директор тотчас отправился в маленькую соседнюю уборную, где миссис Крамльс занималась переделкой одеяния мелодраматической императрицы в обычное платье матроны девятнадцатого века. И с помощью этой леди и талантливой миссис Граден (которая была подлинным гением по составлению афиш, мастерски разбрасывала восклицательные знаки и благодаря многолетнему опыту знала в точности, где именно надлежит быть самым крупным прописным буквам) он приступил к сочинению афиши.

— Уф! — вздохнул Николас, бросаясь в суфлерское кресло, после того как дал необходимые указания Смайку, который играл в интермедии тощего портного в сюртуке с одной полой, с маленьким носовым платком, украшенным большой дыркой, в шерстяном ночном колпаке, с красным носом и прочими отличительными признаками, свойственными портным на сцене.— Уф! Хотел бы я, чтобы со всем этим было уже покончено!

— Покончено, мистер Джонсон? — с каким-то жалобным удивлением повторил за его спиной женский голос.

— Вы правы, это было не галантное восклицание,— сказал Николас, подняв голову, чтобы посмотреть, кто говорит, и узнав мисс Сневелличчи.— Я бы его не обронил, если бы предполагал, что вы можете услышать.

— Какой славный этот мистер Дигби! — сказала мисс Сневелличчи, когда портной по окончании пьесы покинул сцену при громких рукоплесканиях. (Дигби был театральный псевдоним Смайка.)

— Я сейчас же передам ваши слова, чтобы доставить ему удовольствие,— заявил Николас.

— Ах, какой вы нехороший! — воскликнула мисс Сневелличчи.— А впрочем, не думаю, чтобы для меня имело значение, если *он* узнает мое мнение о нем; разумеется, кое с кем другим это могло быть...

Тут мисс Сневелличчи запнулась, словно дожидаясь вопроса, но никаких вопросов не последовало, так как Николас размышлял о более серьезных вещах.

— Как мило с вашей стороны,— продолжала мисс Сневелличчи после недолгого молчания,— сидеть здесь и ждать его вечер за вечером, вечер за вечером, каким бы усталым вы себя ни чувствовали, и столько сил тратить на него, и делать все это с такой радостью и охотой, как будто это вам оплачивается золотой монетой!

— Он всецело заслуживает той доброты, с какой я к нему отношусь, и даже гораздо большего,— сказал Николас.— Он — самое благодарное, чистосердечное, самое любящее существо в мире.

— Но он такой странный, не правда ли? — заметила мисс Сневелличчи.

— Да поможет бог ему и тем, кто сделал его таким! Он и в самом деле странный,— покачивая головой, отозвался Николас.

— Он чертовски скрытный парень,— сказал мистер Фолер, который подошел незадолго до этого и теперь вмешался в разговор.— Из него никто ничего не может вытянуть.

— А что *хотели* бы из него вытянуть? — спросил Николас, резко повернувшись.

— Черт возьми! Как вы запальчивы, Джонсон! — отозвался мистер Фолер, подтягивая задник своей балетной туфли.— Я говорил только о вполне натуральном любопытстве людей здесь, у нас, которые хотели бы знать, чем он занимался всю свою жизнь.

— Бедняга! Мне кажется, совершенно ясно, что он был неспособен заниматься чем-нибудь, представляющим интерес для кого бы то ни было,— сказал Николас.

— Совершенно верно! — подхватил актер, созерцая свое отражение в рефлекторе лампы.— Но, знаете ли, в этом-то весь вопрос и заключается.

— Какой вопрос? — осведомился Николас.

— Ну как же? Кто он и что он такое, и как вы двое,

такие разные люди, стали такими близкими друзьями,— ответил мистер Фолер, радуясь случаю сказать что-нибудь неприятное.— Это у всех на языке.

— Вероятно, «у всех» в театре? — презрительно сказал Николас.

— И в театре и не только в театре,— отозвался актер.— Вы знаете, Ленвил говорит...

— Я думал, что заставил его замолчать,— покраснев, перебил Николас.

— Возможно,— подхватил невозмутимый мистер Фолер.— В таком случае он это сказал до того, как его заставили замолчать. Ленвил говорит, что вы настоящий актер и что только тайна, вас окружающая, заставила вас поступить в эту труппу, а Крамльс хранит ее в своих интересах, хотя Ленвил не думает, чтобы тут было что-нибудь серьезное, разве что вы попали в какую-нибудь историю и после какой-то выходки должны были откуда-то бежать.

— О! — сказал Николас, пытаясь улыбнуться.

— Вот часть того, что он говорит,— добавил мистер Фолер.— Я упоминаю об этом как друг обеих сторон и строго конфиденциально. Я лично, знаете ли, с ним не согласен. Он говорил, что считает Дигби скорее мошенником, чем дураком, а старик Флягерс, который, знаете ли, на черной работе у нас, так тот говорит, что, когда он в позапрошлом сезоне был рассыльным в Ковент-Гардене, там, бывало, вертелся около стоянки кэбов карманный воришка — вылитый Дигби, хотя, как он справедливо замечает, это мог быть и не Дигби, а только его брат или близкий родственник.

— О! — снова воскликнул Николас.

— Вот-вот! — сказал мистер Фолер с невозмутимым спокойствием.— Вот что они говорят. Я решил сообщить вам, потому что, право же, вам следует знать. О, наконец-то и благословенный феномен! Уф, маленькая мошенница, хотелось бы мне... Я готов, моя милочка... Притворщица... Дайте звонок, миссис Граден, и пусть любимица публики расшевелит ее!

Произнося громким голосом те из последних замечаний, какие были лестны ничего не подозревающему феномену, и сообщая остальное конфиденциально, «в сто-

рону», Николасу, мистер Фолер следил глазами за поднятием занавеса; он наблюдал с усмешкой прием, оказанный мисс Крамльс в роли девы, затем, отступив шага на два, чтобы появиться с наибольшим эффектом, испустил предварительно вопль и «выступил» в роли дикаря-индейца, щелкая зубами и размахивая жестяным томагавком.

«Так вот какие о нас выдумывают истории и распускают слухи! — подумал Николас.— Если человек задумал непростительно оскорбить общество — пусть добьется успеха! Общество — все равно какое, большое или маленькое,— любое преступление ему простит, только не успех».

— Вы, конечно, не обращаете внимания на то, что говорит это злобное существо, мистер Джонсон? — самым обаятельным своим тоном заметила мисс Сневелличчи.

— О да! — ответил Николас.— Если бы я намерен был здесь остаться, может быть, я бы и нашел нужным затеять ссору, ну, а теперь пусть говорят, пока не охрипнут. Но вот,— прибавил Николас, когда подошел Смайк,— вот идет тот, кому они уделили частицу своего доброго отношения, и мы с ним вместе пожелаем вам, с вашего разрешения, спокойной ночи.

— Нет, ни тому, ни другому я этого не разрешу,— возразила мисс Сневелличчи.— Вы должны пойти ко мне познакомиться с мамой, которая только сегодня приехала в Портсмут и умирает от желания увидеть вас. Лед, дорогая моя, уговорите мистера Джонсона!

— О, я уверена,— отозвалась мисс Ледрук с необычайной живостью,— что если *вы* не можете его уговорить...

Мисс Ледрук больше ничего не сказала, но с мастерской шутливостью дала понять, что если мисс Сневелличчи не могла убедить его, то никто не сможет.

— Мистер и миссис Лиливик сняли квартиру у нас в доме и временно пользуются нашей гостиной,— сказала мисс Сневелличчи.— Может быть, это побудит вас прийти?

— Уверяю вас, кроме вашего приглашения, никакие побудительные причины мне не нужны,— сказал Николас.

— О, я знаю, что это не так! — воскликнула мисс Сневелличчи.

А мисс Ледрук сказала:

— Вот оно что!

Потом мисс Сневелличчи сказала, что мисс Ледрук — ветреница, а мисс Ледрук сказала, что мисс Сневелличчи незачем так краснеть, а мисс Сневелличчи шлепнула мисс Ледрук, а мисс Ледрук шлепнула мисс Сневелличчи.

— Пойдемте,— сказала мисс Ледрук,— нам давно пора быть там, иначе бедная миссис Сневелличчи подумает, что вы сбежали с ее дочерью, мистер Джонсон, поднимется суматоха.

— Дорогая моя Лед,— запротестовала мисс Сневелличчи,— можно ли так говорить?

Мисс Ледрук не дала никакого ответа, но, взяв под руку Смайка, предоставила своей подруге и Николасу следовать за ними, когда им будет угодно. Им было угодно,— или, вернее, угодно Николасу, который, принимая во внимание обстоятельства, не особенно стремился к tête-à-tête [1],— сделать это немедленно.

Не было недостатка в темах для разговора, когда они вышли на улицу. Выяснилось, что мисс Сневелличчи должна отнести домой маленькую корзинку, а мисс Ледрук — маленькую картонку, и в той и в другой находились те мелкие принадлежности театрального туалета, какие обычно приносят и уносят актрисы каждый вечер. Николас настаивал на том, чтобы нести корзинку, а мисс Сневелличчи настаивала на том, чтобы нести ее самой, и это привело к борьбе, в которой Николас завладел корзинкой и картонкой. Затем Николас сказал, что интересно было бы познакомиться с содержимым корзинки, и попытался заглянуть в нее, а мисс Сневелличчи взвизгнула и заявила, что непременно упала бы в обморок, будь она уверена, что он действительно туда заглянул.

За этим заявлением последовало такое же покушение на картонку и такие же протесты со стороны мисс Ледрук, а потом обе леди поклялись не делать ни шагу дальше, пока Николас не даст обещания больше не заглядывать. Наконец Николас дал слово не любопытствовать, и они отправились дальше: обе леди хихикали и говорили, что никогда, за всю свою жизнь, не видели они такого ужасного человека, никогда!

---

[1] Свиданию наедине *(франц.)*.

Сокращая путь такими шутками, они и не заметили, как дошли до дома портного, а здесь собралось маленькое общество: присутствовали, кроме мистера Лиливика и миссис Лиливик, не только мамаша мисс Сневелличчи, но также и ее папаша. И на редкость интересным мужчиной был папаша мисс Сневелличчи, с орлиным носом, белым лбом, вьющимися черными волосами, выступающими скулами. Словом, лицо у него было красивое, но только слегка прыщеватое, словно от пьянства. Очень широкая грудь была у папаши мисс Сневелличчи, и ее туго обтягивал поношенный синий фрак, застегнутый на позолоченные пуговицы, и как только он увидел входившего в комнату Николаса, то засунул два пальца правой руки между двумя средними пуговицами и, грациозно подбоченившись другой рукой, как будто хотел сказать: «Я здесь, а вы, франт, что имеете мне сообщить?»

В такой позе сидел и таков был папаша мисс Сневелличчи, который занимался своей профессией с той поры, как в десятилетнем возрасте начал играть чертенят в святочных пантомимах; он немножко умел петь, немножко танцевать, немножко фехтовать, немножко играть и делать все понемножку, но только понемножку, и перебывал во всех лондонских театрах — то в балете, то в хоре. Благодаря своей фигуре он всегда получал роли пришедших в гости военных и безмолвствующих аристократов, всегда носил элегантный костюм и появлялся под руку с элегантной леди в короткой юбке и всегда проделывал это с таким видом, что нередко публика в партере кричала «браво», считая его в самом деле важной особой. Таков был папаша мисс Сневелличчи; иные завистники возводили на него обвинение, будто он время от времени поколачивает мамашу мисс Сневелличчи, которая все еще была балериной с изящной фигуркой и кое-какими следами былой миловидности и которая сейчас сидела, так же как и танцевала,— будучи старовата для ослепительных огней рампы,— на заднем плане.

Этим славным людям Николас был представлен с большой торжественностью. После церемонии представления папаша мисс Сневелличчи (от которого пахло ромом) сказал, что радуется знакомству со столь высокоталантливым джентльменом, и далее заметил, что такого успеха

еще не бывало — да, не бывало — со времени дебюта его друга мистера Главормелли в Кобурге.

— Вы его видели, сэр? — осведомился папаша мисс Сневелличчи.

— Нет, никогда не видел,— ответил Николас.

— Вы никогда не видели моего друга Главормелли, сэр! — воскликнул папаша мисс Сневелличчи.— Значит, вы никогда еще не видели настоящей игры. Будь он жив...

— Так он умер? — перебил Николас.

— Умер,— сказал мистер Сневелличчи,— но не лежит в Вестминстерском аббатстве, и это позор *. Он был... Впрочем, неважно. Он ушел в те края, откуда ни один путник не возвращается. Надеюсь, *там* его оценят.

С такими словами папаша мисс Сневелличчи потер кончик носа сильно пожелтевшим шелковым носовым платком и дал понять обществу, что эти воспоминания его растрогали.

— Мистер Лиливик,— сказал Николас,— как поживаете?

— Очень хорошо, сэр,— ответил сборщик.— Нет ничего лучше супружеской жизни, сэр, можете быть уверены.

— В самом деле? — смеясь, сказал Николас.

— В самом деле, сэр,— торжественно ответил мистер Лиливик.— Как вы находите...— прошептал сборщик, увлекая его в сторону.— Как вы ее находите сегодня вечером?

— Как всегда, прекрасна,— ответил Николас, взглянув на бывшую мисс Питоукер.

— В ней есть что-то, сэр, чего я никогда ни в ком не замечал,— прошептал сборщик.— Посмотрите на нее — вот она сделала движение, чтобы поставить чайник. Вот! Ну, не очаровательно ли это, сэр?

— Вы счастливец,— сказал Николас.

— Ха-ха-ха! — отозвался сборщик.— Нет! А вы и в самом деле так думаете? Быть может, и так, быть может, и так. Послушайте, я бы не мог сделать лучший выбор, даже если бы я был молодым человеком, не так ли? Вы сами не могли бы сделать лучший выбор, не правда ли, а? Не могли бы?

Задавая эти и многие другие подобные вопросы, мистер Лиливик ткнул Николаса локтем в бок и хохотал до тех пор, пока лицо у него не побагровело от старания обуздать радость.

К тому времени соединенными усилиями всех леди накрыли скатертью два стола, составленные вместе; один был высокий и узкий, а другой широкий и низкий. В верхнем конце были устрицы, в нижнем сосиски, в центре щипцы для снимания нагара со свечей, а жареный картофель всюду, куда только можно было наиудобнейшим образом его поместить. Принесли еще два стула из спальни; мисс Сневелличчи села во главе стола, а мистер Лиливик в конце его; Николас удостоился чести не только сидеть рядом с мисс Сневелличчи, но и иметь по правую руку мамашу мисс Сневелличчи, а напротив папашу мисс Сневелличчи. Короче говоря, он был героем празднества; а когда убрали со стола и подали некий горячий напиток, папаша мисс Сневелличчи встал и предложил выпить за здоровье Николаса, произнеся спич, содержавший такие трогательные намеки на близкий его отъезд, что мисс Сневелличчи расплакалась и была принуждена удалиться в спальню.

— Ничего! Не обращайте внимания,— сказала мисс Ледрук, выглянув из спальни.— Когда она вернется, скажите ей, что она переутомилась.

Мисс Ледрук сопроводила эти слова столь многочисленными таинственными кивками и мрачными взглядами, прежде чем снова закрыла дверь, что глубокое молчание спустилось на всю компанию, в течение коего папаша мисс Сневелличчи смотрел очень внушительно — как смотрят только на сцене — на всех по очереди, но в особенности на Николаса, и то и дело осушал и снова наполнял свой бокал, пока леди не вернулись стайкой, и среди них мисс Сневелличчи.

— Вам совсем не следует беспокоиться, мистер Сневелличчи,— сказала миссис Лиливик.— Она только немножко слаба и нервна; она чувствовала себя неважно с самого утра.

— О! — сказал мистер Сневелличчи.— И это все, да?

— О да, это все! Не поднимайте из-за этого шума! — хором воскликнули все леди.

Но такого рода ответ не вполне соответствовал достоинству мистера Сневелличчи как мужа и отца, поэтому он приступил к злосчастной миссис Сневелличчи и спросил ее, что, черт возьми, имеет она в виду, говоря с ним таким тоном.

— Ах, боже, милый мой! — сказала миссис Сневелличчи.

— Не называйте меня вашим милым, сударыня,— сказал мистер Сневелличчи,— будьте так любезны.

— Пожалуйста, папа́, не надо,— вмешалась мисс Сневелличчи.

— Чего не надо, дитя мое?

— Не надо так говорить.

— А почему? — спросил мистер Сневелличчи.— Надеюсь, ты не думаешь, что кто-нибудь из присутствующих может помешать мне говорить, как я желаю?

— Никто и не хочет, папа,— возразила дочь.

— Никто не может, если бы и захотел,— сказал мистер Сневелличчи.— Мне нечего стыдиться. Меня зовут Сневелличчи. Когда я в Лондоне, меня можно найти в Брод-Корт на Боу-стрит. Если меня нет дома, спросите обо мне любого у двери театра. Черт возьми, полагаю, меня должны знать у двери театра?! Очень многие видели мой портрет в сигарной лавке за углом. Обо мне и раньше упоминали в газетах. Говорить! Я вам вот что скажу: если я замечу, что какой бы то ни было мужчина играет чувствами моей дочери, я говорить не буду — я его удивлю без всяких разговоров, вот я каков!

С этими словами мистер Сневелличчи нанес три сильных удара кулаком по ладони левой руки, дернул большим и указательным пальцами правой руки за воображаемый нос и залпом выпил еще стаканчик.

— Вот я каков! — повторил мистер Сневелличчи.

У большинства выдающихся людей есть свои недостатки. Сказать по правде, мистер Сневелличчи был отчасти привержен выпивке, или если уж говорить правду, он вряд ли когда бывал трезв. Во хмелю он знал три стадии опьянения: величественную, сварливую и влюбленную. При исполнении своих профессиональных обязанностей он никогда не выходил из стадии величественной, в дружеском кругу он проходил через все три, переправ-

ляясь из одной в другую с быстротой, нередко приводившей в недоумение тех, кто не имел чести его знать.

Посему, не успел мистер Сневелличчи опрокинуть еще стаканчик, как он уже улыбался всем присутствующим, блаженно позабыв о проявленных им симптомах драчливости, и с большою живостью предложил тост: «За дам. Да благословит бог их сердечки!..»

— Я их люблю,— сказал мистер Сневелличчи, обводя взглядом стол,— я их всех люблю.

— Не всех,— кротко возразил мистер Лиливик.

— Всех! — повторил мистер Сневелличчи.

— Это, знаете ли, включило бы и замужних леди,— сказал мистер Лиливик.

— Их я тоже люблю, сэр,— сказал мистер Сневелличчи.

Сборщик с видом глубокого изумления посмотрел на окружавшие его лица, словно говоря: «Нечего сказать, хороший человек!» — и, казалось, был слегка удивлен, что миссис Лиливик не обнаружила никаких признаков ужаса и негодования.

— За добро платят добром,— сказал мистер Сневелличчи,— я их люблю, и они меня любят.

И, словно мало было этого признания, выражавшего неуважение и презрение ко всем моральным обязанностям, мистер Сневелличчи подмигнул, подмигнул явно и неприкрыто, подмигнул правым глазом Генриетте Лиливик!

Сборщик в крайнем изумлении откинулся на спинку стула. Если бы кто-нибудь подмигнул Генриетте Питоукер, это было бы в высшей степени непристойно, но миссис Лиливик!.. Пока он размышлял об этом, весь в холодном поту, и задавал себе вопрос, не грезит ли он, мистер Сневелличчи опять подмигнул и, показав знаками, что пьет за здоровье миссис Лиливик, осмелился послать ей воздушный поцелуй! Мистер Лиливик поднялся со стула, направился прямо к другому концу стола и мгновенно повалился на мистера Сневелличчи — буквально повалился на него. Мистер Лиливик был тяжеленек, и в результате, когда он повалился на мистера Сневелличчи, мистер Сневелличчи свалился под стол, мистер Лиливик последовал за ним, а леди завизжали.

— Что такое с ними? С ума они, что ли, сошли? — вскричал Николас, ныряя под стол, силком вытаскивая сборщика и впихивая его в кресло, причем мистер Лиливик сложился вдвое, словно был набит опилками.— Что вы намеревались делать? Чего вы хотите? Что такое с вами?

Пока Николас поднимал сборщика, Смайк оказал такую же услугу мистеру Сневелличчи, который взирал с пьяным изумлением на своего бывшего противника.

— Смотрите, сэр,— ответил мистер Лиливик, указывая на свою изумленную жену,— вот целомудрие в сочетании с изяществом, чьи чувства были возмущены, оскорблены, сэр!

— Боже, что за чепуху он болтает! — воскликнула миссис Лиливик в ответ на вопросительный взгляд Николаса.— Никто ни слова мне не сказал.

— Не сказал, Генриетта! — вскричал сборщик.— Разве я не видел, как он...

Мистер Лиливик не мог заставить себя произнести это слово, но изобразил подмигиванье одним глазом.

— Ну так что ж? — вскричала миссис Лиливик.— Или вы думаете, что никто не должен смотреть на меня? Нечего сказать, приятно быть замужем, если таков закон! Но он не таков!

— Вы ничего против этого не имели? — воскликнул сборщик.

— Ничего не имела! — презрительно повторила миссис Лиливик.— Вы должны на коленях просить у всех прощенья, вот что вы должны сделать.

— Прощенья, дорогая моя? — переспросил смущенный сборщик.

— Да, и прежде всего у меня,— ответила миссис Лиливик.— Или, по-вашему, не я являюсь наилучшим судьей, что прилично и что неприлично?

— Совершенно верно! — подхватили все леди.— Разве, по-вашему, *не мы* должны были заговорить первыми, если бы случилось что-нибудь такое, на что следовало обратить внимание?

— Разве, по-вашему, *они* не знают, сэр? — сказал папаша мисс Сневелличчи, подтягивая воротничок и бормоча что-то о затрещинах и о том, что его удерживает

только уважение к старости. При этом папаша мисс Сневелличчи несколько секунд смотрел пристально и сурово на мистера Лиливика, а затем, решительно встав со стула, перецеловал всех леди по кругу, начав с миссис Лиливик.

Злополучный сборщик жалобно взглянул на свою жену, словно присматриваясь, не осталось ли хоть какой-нибудь черты мисс Питоукер в миссис Лиливик, и, увидев слишком ясно, что ничего не осталось, с большим смирением попросил прощения у всей компании и сел на свое место с таким сокрушенным, унылым и разочарованным видом, что, несмотря на свой эгоизм и слабоумие, поистине внушал сострадание.

Папаша мисс Сневелличчи, восхищенный этим триумфом и неопровержимым доказательством своей популярности у прекрасного пола, тотчас же стал очень весел, чтобы не сказать буен. Не дожидаясь просьб, он исполнял чрезвычайно длинные песни, а в промежутках между ними угощал гостей воспоминаниями о разных ослепительных женщинах, которые якобы пылали к нему страстью; за иных из них он провозглашал тост, называя их по именам и в то же время пользуясь случаем заметить, что если бы он чуточку больше внимания уделял своим интересам, то разъезжал бы сейчас в собственном экипаже, запряженном четверкой. По-видимому, эти воспоминания не причиняли чересчур мучительной боли сердцу миссис Сневелличчи, которая была в достаточной мере занята, повествуя Николасу о разнообразных достоинствах и совершенствах своей дочери. Да и сама молодая леди отнюдь не отставала от нее, пуская в ход самые изысканные свои приманки; но они, несмотря на хитрые уловки мисс Ледрук, не возымели никакого действия и не вызвали ухаживанья со стороны Николаса, который, еще храня воспоминание об инциденте с мисс Сквирс, стойко противился всем чарам и вел себя с такой сугубой осторожностью, что, когда он распрощался, леди единогласно признали его бесчувственным чудовищем.

На следующий день в надлежащее время появились афиши всех цветов радуги и буквами, страдающими всеми видами искривления позвоночника, оповестили публику о том, что мистер Джонсон будет иметь честь в последний раз появиться в этот вечер на сцене, и о том,

что следует заблаговременно позаботиться о местах ввиду чрезвычайного наплыва зрителей, сопутствующего его выступлениям. В театральной истории факт замечательный, но давно установленный неоспоримо: безнадежна попытка заманить людей в театр, если не внушить сначала уверенности, что им никак не удастся туда попасть.

Явившись в тот вечер в театр, Николас не знал, чем объяснить необычное смятение и возбуждение, отражавшиеся на физиономиях всех актеров, но ему недолго пришлось гадать о причине: не успел он о ней осведомиться, как к нему подошел мистер Крамльс и взволнованным голосом сообщил, что в ложе присутствует лондонский антрепренер.

— Это феномен, будьте уверены, сэр! — сказал Крамльс, увлекая Николаса к маленькой дырочке в занавесе, чтобы он мог поглядеть на лондонского антрепренера.— Я нимало не сомневаюсь, что это слава феномена... Вот он: тот, что в пальто и без воротничка... Она будет получать десять фунтов в месяц, Джонсон, ни на фартинг меньше, иначе она не покажется на лондонских подмостках. И им не удастся подписать с ней ангажемент, если они не ангажируют также и миссис Крамльс — двадцать фунтов в неделю за пару. Или вот что я вам скажу: я дам в придачу самого себя и обоих мальчиков, и тогда они получат всю семью за тридцать. Более справедливых условий я предложить не могу. Они должны будут взять нас всех, если никто из нас не пойдет один. Так поступают иные лондонцы, и это всегда удается. Тридцать фунтов в неделю. Слишком дешево, Джонсон. Чертовски дешево.

Николас отвечал, что это несомненно дешево, и мистер Винсент Крамльс, взяв для успокоения своих чувств несколько основательных понюшек табаку, поспешил к миссис Крамльс сообщить, что он окончательно остановился на единственно приемлемых условиях и решил не уступать ни одного фартинга.

Когда все были облачены в костюмы и занавес поднялся, возбуждение, вызванное присутствием лондонского антрепренера, усилилось в тысячу раз. Каждый каким-то образом узнал, что лондонский антрепренер приехал с единственной целью — посмотреть его (или ее) игру, и

все трепетали от беспокойства и ожидания. Иные из тех, кто не участвовал в первой сцене, поспешили к кулисам и там вытягивали шеи, чтобы одним глазком взглянуть на него; другие пробрались в две маленькие ложи над входом на сцену и с этой позиции наблюдали лондонского антрепренера. Видели, как один раз лондонский антрепренер улыбнулся. Он улыбнулся, когда комический поселянин делал вид, будто ловит муху, а в это время миссис Крамльс исполняла свой самый эффектный номер.

— Прекрасно, милейший,— сказал мистер Крамльс, грозя кулаком комическому поселянину, когда тот ушел за кулисы,— в будущую субботу вы покинете труппу.

Равным образом все, кто был на сцене, не видели никого из публики, кроме одного зрителя: все играли для лондонского антрепренера. Когда мистер Ленвил в порыве неудержимого гнева назвал императора злодеем, а затем, кусая перчатку, сказал: «Но я должен лицемерить»,— он, вместо того чтобы мрачно смотреть на подмостки и, как полагается в таких случаях, ждать реплики, устремил взгляд на лондонского антрепренера. Когда мисс Бравасса пела песенку своему возлюбленному, который, согласно обычаю, стоял наготове, чтобы пожимать ей руку между куплетами, они смотрели не друг на друга, но на лондонского антрепренера. Мистер Крамльс умер, глядя на него в упор, а когда пришли два стража, чтобы унести тело после крайне мучительной агонии, оно открыло глаза и воззрилось на лондонского антрепренера. Наконец обнаружили, что лондонский антрепренер заснул, и вскоре вслед за этим — что он проснулся и ушел, после чего вся труппа с гневом обрушилась на злополучного комического поселянина, заявив, что всему виной его шутовские выходки, а мистер Крамльс сказал, что он долго с ним мирился, но дольше, право же, не в силах терпеть, а посему был бы признателен, если бы тот поискал другой ангажемент.

Все это немало позабавило Николаса, который испытывал лишь искреннее удовлетворение от мысли, что великий человек удалился до его выхода. Он провел свою роль в последних двух пьесах с таким подъемом, на какой только был способен, и, заслужив чрезвычайное одобрение и беспримерные аплодисменты — так опо-

вещали афиши на завтрашний день, отпечатанные часа за два до этого,— взял под руку Смайка и пошел домой спать.

С утренней почтой пришло письмо от Ньюмена Ногса, очень замаранное чернилами, очень лаконическое, очень грязное, очень маленькое и очень таинственное, предлагавшее Николасу вернуться в Лондон немедленно, не терять ни одной секунды, быть там, если возможно, к вечеру.

— Буду! — сказал Николас.— Небу известно, что я оставался здесь с благими намерениями, и, конечно, против своей воли, но, может быть, я и так уже слишком замешкался. Что могло случиться? Смайк, дружище, вот возьмите мой кошелек. Уложите вещи и заплатите наши маленькие долги... Поторопитесь, и мы еще захватим утреннюю карету. Я только предупрежу, что мы уезжаем, и сейчас же вернусь.

С этими словами он схватил шляпу, бросился к дому мистера Крамльса и с таким усердием принялся стучать дверным кольцом, что разбудил этого джентльмена, который еще пребывал в постели, а лоцман, мистер Бульф, от крайнего изумления чуть не выронил изо рта первую утреннюю трубку.

Когда дверь открылась, Николас без всяких церемоний побежал наверх и, ворвавшись в затемненную гостиную во втором этаже окнами на улицу, увидел, что оба юных Крамльса вскочили с кровати-софы и с большим проворством одеваются, находясь под впечатлением, что сейчас глубокая ночь и в соседнем доме пожар.

Прежде чем он успел их в этом разуверить, спустился мистер Крамльс в ночном колпаке и во фланелевом халате, и ему Николас коротко объяснил, что возникли обстоятельства, требующие его немедленного отъезда в Лондон.

— Итак, до свиданья! — сказал Николас.— До свиданья, до свиданья.

Он уже спустился до половины лестницы, прежде чем мистер Крамльс настолько оправился от изумления, что мог забормотать что-то об афишах.

— Ничего не могу поделать,— ответил Николас.— Возместите убытки тем, что я заработал за эту неделю,

а если это не окупит расходов, говорите сразу, сколько нужно. Скорее! Скорее!

— Будем считать, что мы квиты,— заявил Крамльс.— Но не можете ли вы остаться еще на один последний вечер?

— Ни на час, ни на минуту,— нетерпеливо отозвался Николас.

— Не подождете ли вы, чтобы сказать словечко миссис Крамльс? — спросил директор, спускаясь с ним к двери.

— Я не мог бы ждать, даже если бы это продлило мне жизнь на двадцать лет! — воскликнул Николас.— Ну, вот моя рука и примите мою сердечную благодарность... О, зачем я даром убил здесь столько времени!

Произнеся эти слова и нетерпеливо топнув ногой, он прервал директорское рукопожатие и, стрелой помчавшись по улице, мгновенно скрылся из виду.

— Боже мой, боже мой! — сказал мистер Крамльс, задумчиво глядя в ту сторону, где он исчез.— Если бы он и дальше так играл, какие бы деньги он выколачивал! Ему следовало остаться до конца этого турне. Он был бы мне очень полезен. Но он не понимает, что ему выгодно. Порывистый юноша! Молодые люди безрассудны, очень безрассудны.

Предавшись нравоучительным размышлениям, мистер Крамльс, быть может, размышлял бы еще несколько минут, если бы машинально не полез в жилетный карман, где имел обыкновение хранить нюхательный табак. Отсутствие карманов в полагающихся им местах внезапно напомнило ему о том, что на нем вовсе нет жилета, а так как эта мысль побудила его заметить крайнюю небрежность своего костюма, он резко захлопнул дверь и стремительно удалился наверх.

Пока Николас отсутствовал, Смайк действовал с большим проворством, и вскоре все было готово к отъезду. На ходу они слегка закусили, и не прошло и получаса, как уже явились в контору пассажирских карет, едва переводя дыхание — так они спешили, чтобы поспеть вовремя. Оставалось еще несколько минут; поэтому, обеспечив себе места, Николас забежал поблизости в лавку готового платья и купил Смайку пальто. Оно было бы

широковато даже дюжему фермеру, но лавочник заверил (и не без основания), что сидит оно поразительно, а Николас в нетерпении своем купил бы его, будь оно даже вдвое шире.

Когда они бежали к карете, которая уже стояла на улице, готовая к отправке, Николас немало удивился, внезапно очутившись в чьих-то тесных и пылких объятиях, которые едва не свалили его с ног; изумление его отнюдь не уменьшилось, когда он услышал восклицания мистера Крамльса:

— Это он — мой друг, мой друг!

— Господи помилуй! — возопил Николас, барахтаясь в руках директора.— Что с вами?

Директор не дал никакого ответа, но снова прижал его к своей груди, восклицая:

— Счастливого пути, мой благородный юноша с львиным сердцем!

Дело в том, что мистер Крамльс, никогда не упускавший случая для профессионального выступления, пришел со специальной целью — попрощаться с Николасом на людях. Чтобы сделать эту сцену более внушительной, он принялся теперь, к величайшей досаде молодого джентльмена, награждать его серией быстрых театральных поцелуев, которые, как всем известно, выражаются в том, что целующий или целующая кладет подбородок на плечо предмета своей любви и смотрит через это плечо. Мистер Крамльс проделывал это в высоком стиле мелодрамы, изрекая в то же время все самые заунывные прощальные фразы, какие мог припомнить из репертуара. Но это было еще не все, ибо старший отпрыск мистера Крамльса проделывал такую же церемонию со Смайком, а юный Перси Крамльс, в коротком подержанном плаще, театрально наброшенном на левое плечо, стоял поодаль в позе стражника, ожидающего, чтобы вести обе жертвы на эшафот.

Зрители от души смеялись; раз ничего иного, как примириться с обстоятельствами, не оставалось, Николас тоже засмеялся, когда ему удалось вырваться, и, освободив пораженного Смайка, полез вслед за ним на крышу кареты, а отъезжая, послал воздушный поцелуй отсутствующей миссис Крамльс.

ГЛАВА XXXI

О Ральфе Никльби и Ньюмене Ногсе и о некоторых разумных мерах предосторожности, успех или неудача коих обнаружится в дальнейшем

В блаженном неведении, что племянник его приближается с быстротою четырех добрых коней к сфере его деятельности и что каждая уходящая минута сокращает расстояние между ними, Ральф Никльби занимался в то утро обычными своими делами и, однако, не мог помешать тому, что его мысли время от времени возвращались к свиданию с племянницей, которое имело место накануне. В такие промежутки Ральф, на несколько секунд рассеявшись, досадливо что-то бормотал и с удвоенным рвением принимался за лежавший перед ним гроссбух, но снова и снова те же мысли возвращались, несмотря на все его усилия отогнать их, мешая ему в его вычислениях и отвлекая внимание от цифр, над которыми он склонялся. Наконец Ральф положил перо и откинулся на спинку кресла, словно решил позволить потоку размышлений бежать своим руслом, и, чтобы от них избавиться, дал им полный простор.

— Я не из тех, кого может растрогать хорошенькое личико,— сердито пробормотал Ральф.— За ним скрывается оскаленный череп, а такие люди, как я, которые смотрят вглубь, видят череп, а не изящную оболочку. И все-таки я расположен к этой девушке, или был бы расположен, если бы ее не воспитали такой гордой и щепетильной. Если бы мальчишка утонул или его повесили, а мать умерла, этот дом был бы ее домом. От всей души хотел бы я, чтобы это с ними случилось.

Несмотря на смертельную ненависть, какую Ральф питал к Николасу, и на жгучее презрение, с каким высмеивал бедную миссис Никльби, несмотря на ту низость, какую он проявил и теперь проявлял (и, если бы того потребовали его интересы, продолжал бы проявлять впредь) по отношению к самой Кэт, все же, как ни странно может это показаться, в ту минуту в размышлениях его сквозила какая-то человечность и даже мягкость. Он думал

о том, каким мог быть его дом, если бы здесь была Кэт; он усаживал ее в кресло, смотрел на нее, слушал ее речи; он снова ощущал на своей руке нежное прикосновение дрожащей руки; он разбрасывал по своим богато убранным комнатам сотню немых знаков женского присутствия и женской заботы; потом он возвратился к холодному очагу и безмолвной мрачной роскоши, и в это мгновение — возвышенное, хотя и рожденное эгоистическими мыслями, богач осознал, что у него нет ни детей, ни друзей — никого. И золото на миг утратило в его глазах свой блеск, потому что за него нельзя было купить несметные сокровища сердца.

Самого ничтожного обстоятельства было достаточно, чтобы изгнать эти размышления из головы такого человека. Рассеянно глядя через двор в сторону окна другой конторы, он внезапно обнаружил, что находится под пристальным наблюдением Ньюмена Ногса, который, чуть ли не касаясь красным носом стекла, делал вид, будто чинит перо заржавленным обломком ножа, но в действительности во все глаза смотрел на своего хозяина, выражая своей физиономией самое напряженное и страстное внимание.

Ральф оторвался от своих мыслей и принял обычный деловой вид; лицо Ньюмена скрылось, а с ним и вереница мыслей мгновенно обратилась в бегство.

Через несколько минут Ральф позвонил. Ньюмен явился на зов, и Ральф украдкой бросил взгляд на его лицо, словно боялся прочесть на нем, что тот знает его недавние размышления.

Но ни малейшего проблеска мысли не отражалось на лице Ньюмена Ногса. Если возможно представить себе человека, у которого целы оба глаза и оба широко раскрыты, но никуда не смотрят и ничего не видят, то таким человеком казался Ньюмен, когда Ральф Никльби вглядывался в него.

— Что нужно? — проворчал Ральф.

— О! — сказал Ньюмен, тотчас же придав некоторую живость своему взгляду и устремив его на хозяина.— Я думал, вы звонили.

С таким лаконическим замечанием Ньюмен повернулся и заковылял к двери.

— Стойте! — сказал Ральф.

Ньюмен остановился, ничуть не растерявшись.

— Я звонил.

— Я знал, что звонили.

— Так почему же вы собираетесь уйти, если вы это знаете?

— Я думал, вы звонили, чтобы сказать, что вы не звонили,— ответил Ньюмен.— Вы часто так делаете.

— Как вы смеете шпионить, подсматривать, смотреть на меня в упор, сударь? — сурово спросил Ральф.

— Смотреть в упор! — воскликнул Ньюмен.— На *вас!* Ха-ха!..

Вот и все объяснение, какое удостоил дать Ньюмен.

— Берегитесь, сэр,— сказал Ральф, глядя на него пристально.— Чтобы у меня здесь не было пьяных дурачеств! Видите этот пакет?

— Он достаточно велик,— отозвался Ньюмен.

— Отнесите его в Сити, Кросс, на Брод-стрит, и оставьте там. Живо! Слышите?

Ньюмен кивнул и, выйдя на минутку из комнаты, вернулся со шляпой. После многих неудачных попыток уложить пакет (который был размерами около двух квадратных футов) в тулью упомянутой шляпы Ньюмен взял его под мышку; натянув с величайшей аккуратностью и старательностью свои перчатки без пальцев, все время не спуская глаз с мистера Ральфа Никльби, он водрузил на голову шляпу с такой заботливостью, подлинной или притворной, словно это была новехонькая шляпа самого лучшего качества, и, наконец, отправился исполнять поручение.

Он быстро покончил с ним, только разок заглянув на минуту в трактир, да и то, можно сказать, мимоходом, так как вошел в одну дверь, а вышел в другую; но, повернув домой и дойдя уже до Стрэнда, Ньюмен замедлил шаг с неуверенным видом человека, который окончательно еще не решил, задержаться ему или продолжать путь. После очень короткого раздумья первое влечение победило, и, направившись к тому пункту, который он все время держал в уме, Ньюмен постучал тихим двойным ударом, или, вернее, одним нервическим, в дверь мисс Ла-Криви.

Ее открыла незнакомая служанка, на которую странная фигура посетителя, по-видимому, не произвела благоприятного впечатления, так как, едва взглянув на него, она почти совсем закрыла дверь и, поместившись в узкой щели, спросила, что ему нужно. Но Ньюмен, произнеся один лишь слог «Ногс», словно это было какое-то кабалистическое слово, при звуке которого все засовы должны падать и двери распахиваться, бойко прошмыгнул и очутился у двери гостиной мисс Ла-Криви, прежде чем изумленная служанка могла оказать сопротивление.

— Войдите, пожалуйста! — сказала мисс Ла-Криви в ответ на стук Ньюмена.

И он вошел.

— Господи помилуй! — воскликнула мисс Ла-Криви, вздрогнув, когда ввалился Ньюмен.— Что вам угодно, сэр?

— Вы меня забыли,— сказал Ньюмен, кланяясь.— Меня это удивляет. Что меня не помнит никто из тех, кто знал меня в былые дни, это натурально, но мало кто, увидев один раз, может забыть меня *теперь*.

Говоря это, он взглянул на свое поношенное платье и парализованную ногу и слегка покачал головой.

— Правда, я вас забыла,— сказала мисс Ла-Криви, поднимаясь, чтобы принять Ньюмена, который шел ей навстречу,— и мне стыдно, потому что вы добрый, хороший человек, мистер Ногс. Садитесь и расскажите мне все о мисс Никльби. Милая бедная девушка! Вот уже несколько недель, как я ее не видела.

— Как так? — спросил Ньюмен.

— Сказать вам правду, мистер Ногс,— ответила мисс Ла-Криви,— я уезжала погостить — в первый раз за пятнадцать лет.

— Это долгий срок,— грустно сказал Ньюмен.

— Совершенно верно, очень долгий срок, если оглянуться на истекшие годы, хотя так или иначе, слава богу, одинокие дни проходят довольно мирно и счастливо,— отозвалась миниатюристка.— У меня есть брат, мистер Ногс,— единственный мой родственник,— и за все это время я ни разу его не видела. Не то чтобы мы поссорились, но он учился в провинции и женился там, а когда возникли новые привязанности, он забыл о такой бедной

маленькой женщине, как я, и это, знаете ли, вполне понятно. Не подумайте, что я жалуюсь, я всегда себе говорила: «Это очень натурально: бедный дорогой Джон пробивает себе дорогу в жизни, и у него есть жена, которой он поверяет свои заботы и печали, и дети играют теперь около него, и да благословит бог его и их и да приведет нам всем встретиться когда-нибудь там, где мы больше не разлучимся». Но подумайте только, мистер Ногс,— продолжала миниатюристка, просияв и захлопав в ладоши,— этот самый брат приезжает, наконец, в Лондон и не успокаивается до тех пор, пока не находит меня. Вы подумайте только! Он приходит сюда и сидит вот на этом самом стуле и плачет, как дитя, потому что он так рад меня видеть; вы подумайте только, он настаивает на том, чтобы увезти меня к себе домой, в провинцию (это прекрасное место, мистер Ногс, большой сад и уж не знаю сколько там земли, и за столом прислуживает человек в ливрее, и коровы, и лошади, и свиньи, и уж не знаю, что там еще), и заставляет меня гостить целый месяц, и уговаривает остаться там на всю жизнь — да, на всю жизнь,— и жена его уговаривает, и дети — а детей четверо, и самую старшую девочку они... они назвали в честь меня... уже восемь лет тому назад... правда, они ее назвали в честь меня! Я никогда еще не была так счастлива, никогда в жизни не была так счастлива!

Достойная женщина закрыла лицо носовым платком и расплакалась, потому что ей впервые представился случай раскрыть свое сердце, и сердце дало себе волю.

— Ах, боже мой! — сказала мисс Ла-Криви после короткой паузы, вытерев глаза и очень проворно сунув платок в карман.— Каким глупым созданием должна я показаться вам, мистер Ногс! Мне не следовало об этом рассказывать, но я хотела вам объяснить, почему так случилось, что я не видела мисс Никльби.

— А старую леди вы видели? — спросил Ньюмен.

— Вы имеете в виду миссис Никльби? — осведомилась мисс Ла-Криви.— Так вот что я вам скажу, мистер Ногс: если вы хотите быть там в милости, лучше не называйте вы ее старой леди, потому что, боюсь, ей неприятно будет это слышать. Да, я пошла туда третьего дня вечером, но она почему-то очень важничала и была такой

неприступной и таинственной, что я ничего не могла понять. И вот, сказать вам по правде, я решила тоже быть неприступной и с достоинством удалилась. Я думала, она зайдет ко мне, но ее здесь не было.

— А мисс Никльби...— начал Ньюмен.

— О, она заходила два раза за время моего отсутствия,— отозвалась мисс Ла-Криви.— Я боялась, что ей, может быть, не понравится, если я навещу ее у этих важных людей... как там называется это место?.. и вот я решила подождать день-другой и написать, если я ее за это время не увижу.

— А! — воскликнул Ньюмен, треща пальцами.

— Но я хочу услышать от вас все новости,— сказала мисс Ла-Криви.— Как поживает это грубое чудовище на Гольдн-сквере? Разумеется, хорошо: таким людям всегда хорошо. Я не спрашиваю, как его здоровье, но что он поделывает, как себя ведет?

— Будь он проклят! Вероломный презренный пес!..— вскричал Ньюмен, швыряя на пол свою драгоценную шляпу.

— Боже милостивый! Мистер Ногс, вы меня просто пугаете! — побледнев, воскликнула мисс Ла-Криви.

— Я бы ему вчера разбил физиономию, если бы только мог себе это позволить,— сказал Ньюмен, беспокойно шагая по комнате и грозя кулаком портрету Каннинга * над камином.— Я был очень близок к этому. Пришлось засунуть руки в карманы и изо всех сил удерживать их там. Когда-нибудь я это сделаю в той задней комнатке, знаю, что сделаю. Я бы давно уже это сделал, если бы не боялся, что выйдет еще хуже. Я еще запрусь с ним в комнате и расправлюсь, прежде чем умереть. В этом я совершенно уверен.

— Я закричу, если вы не успокоитесь, мистер Ногс,— сказала мисс Ла-Криви.— Уверяю вас, я не удержусь и закричу.

— Все равно! — заявил Ньюмен, неистово мечась по комнате.— Он приезжает сегодня вечером: я ему написал. А он и не подозревает, что я знаю; он и не подозревает, что меня это касается. Коварный негодяй! Он этого и не подозревает. О нет, о нет! Все равно, я расстрою его планы — я, Ньюмен Ногс! Хо-хо, мерзавец!

Доведя себя до бешенства, Ньюмен Ногс, дергаясь, забегал по комнате, проделывая самые эксцентрические движения, какие когда-либо делал человек: то он метил кулаком в миниатюры на стене, то, как бы для полноты впечатления, неистово колотил себя по голове, пока, наконец, не упал на стул, запыхавшись и в полном изнеможении.

— Ну вот,— продолжал Ньюмен, поднимая шляпу,— мне это доставило облегчение. Теперь мне лучше, и я расскажу вам все.

Понадобилось некоторое время, чтобы успокоить мисс Ла-Криви, которая чуть с ума не сошла от страха при виде такой удивительной демонстрации чувств; но после этого Ньюмен добросовестно передал все, что произошло во время свидания Кэт с ее дядей, предпослав своему рассказу замечание о прежних своих подозрениях и о причинах, по которым они возникли, и закончив сообщением о предпринятом им шаге — о секретном письме Николасу.

Хотя негодование маленькой мисс Ла-Криви и не проявлялось так странно, как негодование Ньюмена, но вряд ли оно уступало ему по силе и напряженности. Случись Ральфу Никльби появиться в этот момент в комнате, возможно, что он встретил бы в мисс Ла-Криви более опасного врага, чем сам Ньюмен Ногс.

— Да простит мне бог эти слова,— сказала мисс Ла-Криви в заключение своих гневных излияний,— но, право же, я чувствую, что с удовольствием проткнула бы его вот этим.

Оружие, которое держала в руке мисс Ла-Криви, было не очень грозное — в сущности, это был всего-навсего карандаш,— но, обнаружив свою ошибку, маленькая портретистка заменила его перламутровым ножиком для фруктов, коим в подтверждение своих отчаянных мыслей нанесла при этих словах удар, который вряд ли мог раскрошить мякиш двухфунтовой булки.

— С завтрашнего дня ее не будет там, где она сейчас находится,— сказал Ньюмен.— Это утешительно.

— Не будет! — вскричала мисс Ла-Криви.— Она должна была уйти оттуда еще несколько недель тому назад.

— Если бы мы это знали,— возразил Ньюмен.— Но

мы не знали. Никто не имел права вмешиваться, кроме ее матери и брата. Мать слаба... бедняжка... слаба. Милый юноша будет здесь сегодня вечером.

— Силы небесные! — вскричала мисс Ла-Криви.— Он сделает что-нибудь отчаянное, мистер Ногс, если вы ему сразу все расскажете.

Ньюмен перестал потирать руки и призадумался.

— Можете быть уверены,— очень серьезно продолжала мисс Ла-Криви,— если вы не будете соблюдать величайшую осторожность, открывая ему правду, он совершит какое-нибудь насилие над своим дядей или над одним из этих людей, чем навлечет страшные беды на свою голову, а всех нас погрузит в печаль и скорбь.

— Я об этом и не подумал,— отозвался Ньюмен, чья физиономия вытягивалась все больше и больше.— Я пришел просить вас, чтобы вы приютили его сестру, в случае если он приведет ее сюда, но...

— Но это вопрос гораздо более важный,— перебила мисс Ла-Криви.— В первом вы могли быть уверены и не приходя сюда, но результатов никто не может предвидеть, если вы не будете очень осторожны и осмотрительны.

— Что я могу поделать! — воскликнул Ньюмен, скребя в затылке с видом крайне расстроенным и недоумевающим.— Если бы он заговорил о том, чтобы перестрелять их всех, я бы вынужден был ответить: «Разумеется. Поделом им».

Услыхав это, мисс Ла-Криви невольно взвизгнула и немедленно потребовала от Ньюмена торжественной клятвы, что он приложит все силы, дабы утишить гнев Николаса, и эта клятва после некоторых колебаний была дана. Затем они вместе стали придумывать самый безопасный и надежный способ сообщить ему о тех обстоятельствах, какие делают его присутствие необходимым.

— Ему нужно дать время остыть, прежде чем он получит возможность что-нибудь предпринять,— сказала мисс Ла-Криви. Это крайне важно! Не нужно говорить ему до поздней ночи.

— Но он приедет сегодня между шестью и семью вечера,— ответил Ньюмен.— Я не смогу ничего скрыть, когда он меня спросит.

— Значит, вы должны уйти, мистер Ногс,— сказала мисс Ла-Криви.— Вас легко могут задержать по делу, и вы не должны возвращаться раньше полуночи.

— Тогда он придет прямо сюда,— возразил Ньюмен.

— Я тоже так думаю,— заметила мисс Ла-Криви,— но меня он не застанет дома, потому что, как только вы уйдете, я отправлюсь прямо в Сити улаживать отношения с миссис Никльби и уведу ее в театр, так что ему не удастся даже узнать, где живет его сестра.

После дальнейших обсуждений этот план действий был признан самым разумным и легко осуществимым. Поэтому в конце концов порешили, что так и надо поступить. Выслушав ряд дополнительных советов и просьб, Ньюмен распрощался с мисс Ла-Криви и поплелся к Гольдн-скверу, по дороге размышляя о великом множестве событий, возможных и невозможных, мысли о которых теснились в его голове, возникнув после беседы, только что закончившейся.

КОММЕНТАРИИ

Стр. 6. ...*Партриджем, Стрэпом, Томом Пайпсом...*— Диккенс называет героев классических английских романов: Партридж — «История Тома Джонса, найденыша» Фильдинга; Стрэп — «Приключения Родрига Рэндома» Смоллета; Том Пайпс — «Приключения Перигрина Пикля» Смоллета.

Стр. 7. ...*я посоветовался с одним приятелем...*— Друг и биограф Диккенса Джон Форстер, известный историк литературы, в своей классической книге «Жизнь Чарльза Диккенса» называет имя этого «приятеля». Это — Смитсон, с которым писатель познакомился через одного юриста, знавшего Диккенса в бытность его клерком в конторе поверенного.

Стр. 9. ...*из первого предисловия...*— то есть из предисловия, написанного Диккенсом в 1839 году к роману, изданному отдельной книгой (после завершения печатания месячными выпусками).

Стр. 15. ...*отважная пара с Файвс-Корт...*— игроки в «файвс». Популярная в Англии игра в ручной мяч, которая называется «файвс» (файв — пять; в данном случае — пять пальцев, то есть рука).

Стр. 16. *Квартальный день* — день уплаты налогов или взносов квартирной платы за истекший квартал.

Монумент — колонна, воздвигнутая в 1677 году по проекту зодчего Христофора Ренна в память «великого» пожара 1666 года; она стоит вблизи того места, дальше которого пожар не распространился.

...*полезной серебряной вещицы во рту.*— Английское выражение «родиться с серебряной ложкой во рту» значит родиться богатым.

Стр. 18. *Мраморные шарики* — популярная среди английских детей игра в шарики (или камешки). Формы этой игры разнообразны; шарики могут быть и не мраморными, они делаются из разного материала.

Стр. 21. *Ходатай по делам, адвокат.* — В Англии есть различие между ходатаем по делам (атерни) и адвокатом. Атерни — юрист, который дает клиентам юридические советы и в случае тяжбы, то есть суда, подготавливает все материалы к судебному процессу, но на суде выступает не он, а специальный адвокат, имеющий на это право (см. более подробно в статье «Быт англичан 30—60-х годов» в 1-м томе наст. изд. и в комментариях к 2-му и 3-му томам).

Стр. 23. *Спенсер* — верхняя куртка, заменяющая пальто; названа так по имени лорда Джорджа Спенсера, который в XIX веке ввел эту куртку в моду.

Веллингтоновские сапоги — сапоги, названные по имени герцога Веллингтона, носившего кавалерийские сапоги с голенищами выше колен и с вырезом под коленом; в Англии были распространены сапоги с более низким голенищем — они надевались под панталоны.

Часы с репетицией — карманные часы с боем.

Стр. 25. *«Лондонская таверна»* — ресторан в центральной части Лондона — Сити. Этот ресторан основан в XVI веке; в нем обычно устраивались собрания различных обществ и организаций.

Поверенный. — Диккенс называет здесь поверенного «солиситором»; это — юрист, подготавливающий материал для судебного процесса. До эпохи Диккенса обязанности солиситора были отличны от обязанностей атерни (см. выше), но в его эпоху различие между атерни и солиситором исчезло.

Стр. 26. *Крокфорд* — известный лондонский игорный дом эпохи Диккенса, основанный в XVIII веке.

Стр. 29. *Панч* — английский национальный герой кукольного театра, Петрушка.

Стр. 31. *...тайных знаков и слов, вроде... «Фергюсон», «Здоров ли Мерфи?»* — По-видимому, «Фергюсон» — часть фразы: «Вы не можете здесь остановиться, Фергюсон» — английской поговорки, происхождение которой объясняется происшествием с некиим провинциалом Фергюсоном. Товарищи мертвецки пьяного Фергюсона возили его по Лондону, но ни в одной гостинице

его не принимали; «Мерфи» — одна из английских кличек, даваемых ирландцам.

Стр. 46. *Сноу-Хилл* — «Снежный холм» — небольшой холмик с улицей того же названия в центре Лондона, около Холборна.

Стр. 50. *Ньюгет.*— Центральная лондонская тюрьма Ньюгет для лиц, осужденных за государственные и тяжелые уголовные преступления, была снесена в начале XX века. Дальше речь идет о публичных казнях, которые во времена Диккенса производились у ворот Ньюгета.

Стр. 52. *«Мольба нищего»* — анонимное сентиментальное стихотворение (точное его заглавие «Нищий»), изданное в 1769 году вместе с несколькими другими стихотворениями сентиментальной школы и получившее большую популярность; его перепечатывали неоднократно, чем и объясняется его появление на набивном коленкоровом платке. Содержание стихотворения — рассказ нищего об обрушившихся на него несчастиях, ввергнувших его в нищету, и воззвание автора ко всем людям подавать милостыню нищим. Авторство этого стихотворения приписывали многим поэтам, покуда не обнаружили, что его автор — священник Томас Мосс (ум. в 1808 г.).

Стр. 54. *«Морнинг Пост», «Кроникл»...*— Сквирс помещал объявления о своей школе, кроме крупнейшей газеты «Таймс», в ряде больших газет: в «Морнинг Пост» («Утренняя почта»), «Кроникл» («Хроника»), «Геральд» («Герольд») и «Адвертайзер» (газета с объявлениями).

Стр. 62. *...Порсон, а также доктор Джонсон.*— Николас вспоминает двух ученых XVIII века: Ричард Порсон (1759—1808) прославился исследованиями древнегреческой поэзии; Сэмюел Джонсон (1700—1784) — автор толкового английского словаря, литературовед, критик, игравший выдающуюся роль в истории английской литературы второй половины XVIII века.

Стр. 66. *Эксетер-Холл* — здание на Стрэнде, одной из главных улиц Лондона; в этом здании обычно происходили религиозные и благотворительные собрания.

Стр. 71. *Сити* — центральный район Лондона; в Сити расположены банки, коммерческие и торговые предприятия, биржа.

Стр. 74. *«Павлин» в Излингтоне* — известная гостиница в Излингтоне (северный район Лондона), через который вела главная дорога из Лондона на север. В эпоху создания «Никльби» при гостинице «Павлин» была стоянка пассажирских карет, ехавших в Йоркшир.

Стр. 77. *Сандвич* — маленький ломтик хлеба с маслом, ветчиной, сыром и т. д.

Стр. 80. *Лампа Дэви* — безопасная лампа, употребляемая обычно в шахтах; изобретена известным английским физиком Дэви в 1815 году.

Стр. 93. *Лета* — река забвения в греческой мифологии.

Стр. 96. *Нимрод* — легендарный халдейский царь, имя которого стало нарицательным. В библии Нимрод назван искуснейшим охотником.

Стр. 150. *Королевская академия* — английская академия художеств, учрежденная в 1768 году; мисс Ла-Криви имеет в виду портреты кисти членов Королевской академии, характерной чертой которых является холодный «академизм».

Стр. 157. *Вест-Энд* — западная часть Лондона, населенная более состоятельными слоями лондонских жителей.

Стр. 168. *...Гога, гения-хранителя Лондона, да и на Магога в придачу...*— Гог и Магог — две гигантские деревянные фигуры, поставленные в начале XVIII века в главном зале лондонского муниципалитета (Гильдхолл). Англичане называют своих великанов «Гог» и «Магог» по имени двух упоминаемых в библии мифических народов, война с которыми будет якобы предшествовать «Страшному суду». Фигуры гигантов из ивняка стояли в Гильдхолле с XVI века, но во время «великого» лондонского пожара 1666 года сгорели.

Стр. 204. *Полгаллона* — английская мера жидкости, два с четвертью литра.

Стр. 234. *Патены* — деревянная подошва с металлическим ободком; прикреплялась к обуви ремешками. В прежнее время патены заменяли калоши.

Стр. 235. *Церковь диссидентов* — религиозная протестантская организация, не подчиненная главенствующей в Англии англиканской церкви. Эта организация не является единой, но состоит из многочисленных сект.

Стр. 236. *...о франкмассонстве их профессии.*— Диккенс намекает на то, что члены тайного мистического общества франкмасонов обменивались при встрече жестами и знаками, непонятными окружающим. Организации франкмасонов (вольных каменщиков) выросли из цеховых корпораций строителей, основанных семь веков назад. Постепенно из цеховых корпораций каменщиков выделились члены «лож», не связанные с профессией строителей. Такие «ложи» возникли во всех странах

Европы, и в XVIII веке им не были чужды либеральные и просветительские идеи своей эпохи. Но со временем франкмасонство резко изменило свою политическую программу и уже в XIX веке являлось оплотом политической реакции.

Стр. 238. *В пределах древнего города Вестминстера...*— Вестминстер — район Лондона, примыкающий к Темзе с запада; в прежние времена был небольшим городом. Но в конце концов городок был поглощен разраставшимся Лондоном. Диккенс далее иронически называет «древним святилищем» Вестминстера английский парламент, старинное здание которого было расположено между Вестминстер-Холлом и Темзой.

Стр. 239. *...авторов писем, не имеющих права на их даровую пересылку.*— В эпоху Диккенса членам парламента было дано право бесплатной пересылки писем и пакетов. Не будучи уверены в том, что их адресат согласится оплатить почтовые расходы, в район, описываемый Диккенсом, являлись «жалкие фигуры» в надежде получить надпись члена парламента на самодельных конвертах своих писем (машинные конверты появились в Англии в середине 50-х годов), что обеспечивало бесплатную пересылку письма (см. также статью «Быт англичан 30—60-х годов» в 1-м томе наст. изд.).

Стр. 249. *...снимает комнаты и не имеет права голоса.*— По избирательному закону в эпоху создания «Никльби» избирательным правом пользовались только домохозяева или квартирохозяева, уплачивавшие не меньше десяти фунтов в год арендной платы; кроме этого, они должны были удовлетворять целому ряду условий, выставленных правящими классами для того, чтобы всемерно сузить круг избирателей в парламент и в местные органы самоуправления.

Стр. 254. *Итальянский утюг* — утюг для глаженья кружев — цилиндрический, с закругленным концом.

Стр. 297. *Полковник милиции.*— Английской милицией назывались территориальные войска, предназначенные только для отражения неприятельского вторжения. Ежегодно они собирались на двухмесячные сборы.

Стр. 303. *Бейлиф* — судебный исполнитель; во времена Диккенса бейлифы содержали особые дома, в которых помещали на небольшой срок (7—10 дней) арестованных неисправных должников до отправления в тюрьму или до погашения долга; за пребывание в этих домах бейлифы взимали в свою пользу очень высокую плату.

Стр. 310. *Суд Олд-Бейли* — центральный уголовный суд, находившийся на углу улицы Олд-Бейли, название которой перенесено было лондонцами на самый суд. В 1905 году здание суда было снесено, так же как и тюрьма Ньюгет, находившаяся рядом с ним (после реформы судоустройства суд Олд-Бейли был переведен в 1882 году в здание «Судебных Установлений» на Стрэнде — одной из центральных улиц Лондона).

Стр. 330. *Сиамские близнецы* — два брата, китайцы, родившиеся в Сиаме в 1811 году. Их тела срослись — соединились мышцами на уровне груди. Они развивались вполне нормально. В течение продолжительного времени их демонстрировали по городам Европы и Америки. Прожили они до 1874 года, один пережил другого на два часа.

Стр. 354. В некоторых изданиях (например, так называемое «Fireside Dickens», Chapman and Hall) эта глава называется несколько по-иному: «Глава XXIII повествует о труппе мистера Винсента Крамльса и о его делах, личных и семейных».

Стр. 368. *Ромео, Пират, Кассио, Джереми Дидлер.*— Диккенс весело издевается над репертуаром труппы Крамльса: Николасу поручено одновременно подготовить роли Ромео и Кассио в трагедиях Шекспира «Ромео и Джульетта» и «Отелло», роль пирата в какой-то неведомой приключенческой пьесе и роль пройдохи Джереми Дидлера в популярном водевиле Дж. Кенни «Погоня за деньгами».

Стр. 373. *Вода, настоенная на сухарях* — популярный в Англии прохладительный напиток, напоминающий квас.

Стр. 391. *Элен Мак-Грегор* — действующее лицо из романа Вальтера Скотта «Роб Рой».

Стр. 401. *«Коричневый Георг»* — светло-коричневый парик, модный во второй половине XVIII века; название дано по имени короля Георга III.

Стр. 415. *Хлебные законы.*— В эпоху создания «Никльби» в Англии шла ожесточенная борьба между буржуазией и землевладельцами вокруг вопроса о понижении «пошлин на хлеб», то есть на ввозимое в Англию зерно. Крупным землевладельцам было выгодно поддерживать старый закон о высоких ввозных пошлинах, так как это давало им возможность продавать хлеб со своих полей по очень высоким ценам и диктовать эти цены хлебному рынку. Но буржуазия не была заинтересована в высоких ценах на хлеб, так как обнищавший пролетариат требовал повышения заработной платы, и под давлением этих требований,

подкрепляемых стачками, буржуазия должна была повышать заработную плату. Поэтому буржуазные политики образовали Лигу борьбы против существовавших хлебных законов для проведения через парламент нового закона о пониженных хлебных пошлинах. Благодаря умелой агитации промышленники вовлекли в борьбу и пролетарские массы, внушая пролетариату, что тяжелое его положение зависит от хлебных законов, выгодных землевладельцам. Борьба приняла характер народного движения, и в 1846 году буржуазным политикам удалось провести через парламент новый закон о хлебных пошлинах (см. более подробно статью «Быт англичан 30—60-х годов» в 1-м томе наст. изд.).

Стр. 455. *Гай Фокс* — главный участник «порохового заговора» 1605 года. Этот заговор был организован католической партией против Иакова I и его министров; план заговорщиков предусматривал взрыв парламента в тот час, когда Иаков должен был произносить свою тронную речь. Для этой цели в подвалы парламента были помещены бочки с порохом и поджог их был поручен Гаю Фоксу. Заговор был раскрыт благодаря случайности. Гай Фокс был схвачен и казнен вместе с другими заговорщиками. В ознаменование раскрытия заговора, в годовщину покушения (5 ноября), в Лондоне и в других крупных городах устраивались народные празднества. По улицам обычно тащили чучело, изображавшее Гая Фокса, а затем его сжигали. Этот обычай сохранялся в течение двух с половиной столетий.

Стр. 458. *Ньюмаркетское пальто* — мужское или женское пальто, плотно облегающее фигуру (Ньюмаркет является центром конного спорта в Англии).

Стр. 476. *...не лежит в Вестминстерском аббатстве, и это позор.* — В Вестминстерском аббатстве лежит прах выдающихся людей Англии, и негодование мистера Сневелличчи, что прах его приятеля, никому неведомого актера, не удостоился этой чести, звучит юмористически.

Стр. 493. *Каннинг* Джордж (1770—1827) — известный английский политический деятель консервативной партии тори; был министром иностранных дел, а затем премьер-министром.

ЕВГЕНИЙ ЛАНН

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАРЛЬЗ ДИККЕНС

Собр. соч., т. 5

Редактор С. Маркиш. Художник Е. Семпер
Художеств. редактор Л. Калитовская
Технич. редактор Г. Каунина
Корректоры Е. Козлова и В. Седова

Сдано в набор 25/I 1958 г. Подписано к печати 9/IV 1958 г.
Бумага 84 × 108[1]/32 — 15,88 печ. л. = 26,04 усл. печ. л. 25,35 уч.-изд. л.
Тираж 600 000. (300 001—450 000) экз.
Заказ № 3605. Цена 8 руб.

Гослитиздат. Москва, Б-66, Н.-Басманная, 19.

Типография «Красный пролетарий» Госполитиздата
Министерства культуры СССР. Москва, Краснопролетарская, 16.